П. С. КУЗНЕЦОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1953

П. С. КУЗНЕЦОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

МОРФОЛОГИЯ

Допущено Главным управлением высшего образования Министерства культуры СССР в качестве учебного пособия для высших учебных заведений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1953

Под редакцией
проф. Р. И. АВАНЕСОВА

От автора

В основе настоящего курса, представляющего собой вторую (не считая вводной) часть курса исторической грамматики русского языка, читаемого на II и III курсах филологических факультетов университетов, лежат лекции, читавшиеся мною на протяжении ряда лет в Московском университете.

Со времени выхода литографированного курса истории русского языка акад. А. А. Шахматова, давно уже ставшего библиографической редкостью, и «Очерка истории русского языка» Н. Н. Дурново, также являющегося очень редкой книгой, у нас не появлялось достаточно обстоятельных и полностью удовлетворяющих потребностям университетского образования курсов исторической грамматики, вследствие чего студентам главным образом приходится до сих пор готовиться по своим запискам. Вышедший на протяжении последних полутора десятков лет четырьмя изданиями «Исторический комментарий» члена-корреспондента А Н СССР и действительного члена Академии наук УССР Л. А. Булаховского и недавно вышедшая «Историческая грамматика» проф. П. Я. Черных не могут целиком восполнить указанного выше пробела в нашей учебной лингвистической литературе, первый вследствие того, что является в первую очередь не историей русского языка, а (как показывает и заглавие) лишь историческим комментарием к фактам современного русского языка, вторая вследствие излишней сжатости и элементарности изложения (следует иметь в виду, что эта книга предназначена как пособие для учительских институтов). Не может полностью удовлетворить задачам университетского преподавания и недавно вышедшая «История древнерусского языка» покойного проф. Л. П. Якубинского, слишком сжато излагающая именно вопросы исторической фонетики и морфологии, образующих фундамент курса исторической грамматики, а кое в чем и испытавшая на себе воздействие марровского учения о языке.

Это обстоятельство указывает на необходимость выпуска в свет уже теперь более или менее полного пособия по исторической грамматике, как бы далеко от совершенства оно ни было.

По не зависящим от автора обстоятельствам курс исторической морфологии выпускается, к сожалению, раньше общего введения и исторической фонетики, на положения которых он должен при изложении опираться.

Предлагаемый курс посвящен историческому развитию грамматических средств и основных грамматических категорий русского языка, выражающихся в структуре отдельного слова. Грамматические категории рассматриваются в порядке частей речи, которые ими характеризуются, причем затрагиваются лишь самостоятельные слова. Служебные слова, исследование которых связано больше с синтаксисом, остались за пределами настоящего курса.

Стремясь более полно представить основные процессы, имевшие место в историческом развитии грамматического строя русского языка, я счел целесообразным не ограничиваться изменениями, имевшими место в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками, но значительное внимание уделить также явлениям дописьменным, восстанавливаемым на основании сравнительно-исторического изучения различных славянских языков, а порой и индоевропейских в целом. Сравнительно-историческое исследование основных грамматических явлений имеет существенное значение и для истории русского языка, несмотря на то что ему уделяется внимание в других курсах, читаемых на филологических факультетах, а именно в курсах старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков. Сравнительно-историческое освещение грамматического строя русского языка должно найти себе место и в исторической морфологии русского языка, несмотря на то что в нашей учебной литературе последних лет появились такие пособия, посвященные сравнительно-историческому изучению строя славянских языков, как «Старославянский язык» моего незабвенного учителя проф. А. М. Селищева и русский перевод «Общеславянского языка» А. Мейе.

Следует сказать, что предлагаемый вниманию читателей курс характеризуется известной неравномерностью, разной степенью полноты в изложении различных разделов. Сам автор сознает этот недостаток, но не смог избежать его. Эта неравномерность отчасти объясняется тем, что не все области исторической морфологии русского языка разработаны в одинаковой мере, отчасти же является следствием личных склонностей автора.

В заключение считаю необходимым выразить глубокую благодарность всем тем, кто так или иначе способствовал завершению этого курса, моим друзьям, товарищам и ученикам: живое общение с ними способствовало уяснению тех или иных теорети-

ческих положений, а извлеченные ими из памятников материалы частью использованы как примеры. Особо благодарю моих друзей и товарищей по работе В. Н. Сидорова и С. С. Высотского; моих учеников А. Г. Волкова и А. И. Толкачева, некоторые материалы которых, первого по глаголу, второго по прилагательному я использовал; М. А. Прево, некоторые материалы которой по истории личных местоимений нашли отражение в настоящем курсе; моих товарищей по кафедре — проф. Т. П. Ломтева и В. К. Чичагова, бывших первыми читателями моего курса в рукописи и сделавших мне ряд ценных замечаний.

ВВЕДЕНИЕ

Задачей исторической морфологии русского языка является изучение развития морфологического строя русского языка с древнейших времен до настоящего времени.

По определению И. В. Сталина, «грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении» [1]. Таким образом, объектом изучения морфологии является изменение слов. Изучаемые в морфологии изменения слов всегда нечто обозначают. Нам приходится иметь дело как с формой выражения какого-то значения, так и со значением этой формы. Но в то же время, и это необходимо подчеркнуть, мы не можем говорить о значении, никак не выраженном, о значении, которому не соответствует никакая форма. По пути исследования в первую очередь семантики шел основатель методологически порочного «нового учения о языке» — Н. Я. Марр; идя этим же путем, пришел к своим методологически порочным «понятийным категориям» его виднейший ученик — акад. И. И. Мещанинов.

Но, исследуя изменение форм, необходимо исследовать и изменение их значений. Характер этих значений ясно определен И. В. Сталиным, указавшим на абстрагирующий характер грамматики как на ее отличительную черту.

Согласно марксистскому учению о языке, «абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что́ лежит в основе изменений слов и сочетании слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы» [2]. Ср., например, «книга мальчик-а», «книга брат-а» и т. д. В этих сочетаниях слов выражается принадлежность какого-то предмета какому-то лицу. Обо-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 23—24.

[2] Там же, стр. 24.

значена эта принадлежность одинаково, независимо от того, кому конкретно принадлежит книга, формой родительного падежа, выраженной посредством окончания *-а*.

В языке мы всегда имеем дело с абстракцией, обобщением. Без этого не могло бы быть и языка как средства общения. Как могли бы люди общаться друг с другом, если бы для каждого нового единичного предмета, как бы он ни походил на другие, уже известные людям предметы, приходилось давать ему новое название?

«В языке есть только *общее*»[1],—говорит В. И. Ленин. Любое слово нечто обобщает. Такие слова, как, например, *стол*, *дом*, являются обобщенными названиями бесчисленного ряда однородных предметов. Но в грамматике мы имеем дело с дальнейшей, более высокой ступенью обобщения, чем та, которая проявляется в слове. Грамматические формы, как видно уже из приведенного выше примера, представляют в обобщенном виде отношения между словами, которые сами в свою очередь представляют определенное обобщение.

Но обобщение, абстрагирование, которое проявляется и в изменении слов, изучаемом морфологией, и в сочетании слов в предложении, изучаемом синтаксисом, не является сразу, в готовом виде. Оно представляет собой результат длительного развития человеческого мышления.

Ярким примером этого все дальше идущего обобщения является осуществляющаяся на протяжении истории русского языка унификация различных типов склонения и отчасти спряжения. Древнерусский язык древнейшей эпохи располагал теми же типами склонения имен, какими располагал старославянский, т. е. заведомо пятью, а, по мнению некоторых лингвистов,—шестью (см. стр. 39). В результате постепенного преобразования системы нашего склонения устанавливаются три основные типа, характеризующие современный язык, во множественном же числе для части падежей устанавливается вообще единый тип склонения. Это преобразование приводит к тому, что для большего количества слов, а в части случаев и для всех слов языка одни и те же синтаксические отношения выражаются одними и теми же морфологическими средствами (подробнее см. стр. 66 и сл.).

Яркие примеры все дальше идущего обобщения дает история различных грамматических категорий, характерных для русского языка, в частности, история вида и времени глагола. Для глагольной системы древнерусского языка древнейшей эпохи характерны были те же многочисленные времена, что и для старославянского языка. Постепенное разрушение этой системы и переход к системе трех времен, характерной для современного русского языка, позволяет в более обобщенном виде выразить отношение действия к моменту речи (различаются лишь действие, одновременное с мо-

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 258.

ментом речи, действие, предшествующее этому моменту, и действие, последующее ему).

Ярким примером все дальше идущего обобщения является и история глагольного вида.

В процессе своего развития грамматический строй языка постепенно улучшается, совершенствуется. Это постепенное совершенствование грамматического строя проявляется во все дальше идущем обобщении, о котором было сказано выше, так как это обобщение дает возможность в более единообразной форме выразить подобные отношения. Постепенное совершенствование грамматического строя проявляется также и в развитии дифференцированных средств для выражения таких различных отношений, которые раньше выражались одними и теми же средствами. Примером такого развития может служить выработка особой формы, отличной от именительного падежа, для выражения прямого дополнения у существительных, обозначающих одушевленные предметы,— ср. «Я вижу *стол*»—«Я вижу *мальчика*»; первоначально в русском языке такого различия не было.

Изучая историческое развитие грамматического строя, необходимо учитывать взаимную связь различных сторон языка.

Эта связь и, в частности, связь фонетики и словаря с грамматическим строем в историческом развитии проявляется в том, как явления, сложившиеся в пределах одной стороны языка, переходят затем в другую, становясь одним из ее определяющих элементов. Так, отношения, сложившиеся на фонетической почве, затем переходят в морфологию, становятся морфологическим средством, что наблюдаем мы в развитии чередований гласных и согласных, имеющих морфологическое значение (см. раздел «История чередования»).

В морфологию же переходят на протяжении исторического развития языка явления, сложившиеся на почве лексики, характеризовавшие первоначально словарный состав языка, а не его грамматический строй. Яркий пример этому дает развитие категории вида глагола (см. ниже).

В пределах самого грамматического строя теснейшим образом связаны в их развитии морфология и синтаксис. Так, например, утрата склонения именными прилагательными, представляющая по существу явление морфологическое, не может быть понята иначе, как на основе синтаксических отношений, и т. д.

Важнейшие явления, имеющие место в истории других сторон языка, имеют существенное значение и для исторического развития грамматического строя. Так, важнейшие изменения, происходящие в фонетике, имеют существенное значение для морфологии. Например, утрата конечных согласных еще на почве общеславянского языка-основы имела следствием совпадение некоторых грамматических форм, ранее различавшихся (например, совпадение им. и вин. п. ед. ч. в склонениях с основой ***-о***, на - *ŭ* и на- *ĭ*), а это создало в свою очередь предпосылку для развития в поздней-

шее время новых средств различения этих форм в тех случаях, когда это необходимо.

Падение редуцированных, коренным образом изменившее весь звуковой строй русского языка, отразилось и на морфологии. Не говоря уже о развитии в результате падения редуцированных некоторых новых чередований, имеющих морфологическое значение (см. стр. 26), утрата редуцированных имела следствием изменение облика многих морфологических элементов: все аффиксы раньше обязательно содержали в своем составе гласный, теперь же появляются и аффиксы, состоящие из одних согласных (ср., например, окончание 3-го л. настоящего времени глагола, которое до падения редуцированных имело форму *-tь*, а после падения *-t'*, по говорам *-t*).

Рассматривая историческое развитие языка, мы должны обратить внимание на устойчивость его основы, на медленность ее развития вообще, в особенности грамматического строя.

Развитие языка осуществляется не взрывами, как думали Н. Я. Марр и его ученики, а медленно, постепенно, «не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка»[1]. Даже словарный состав языка, который подвержен изменениям в наибольшей степени, в своей основе—основном словарном фонде—изменяется медленно.

Еще медленнее, чем основной словарный фонд, изменяется грамматический строй. Прекрасным подтверждением этого является русский язык, который в морфологическом отношении уже в XIII веке, т. е. семьсот лет тому назад, был, как увидим, чрезвычайно близок к современному состоянию.

И тем не менее, несмотря на устойчивость, грамматический строй постепенно изменяется, преобразуется в качественном отношении. Исследуя историческое развитие грамматического строя, необходимо обратить внимание на характер этого развития, состоящий в постепенном накоплении элементов нового качества и отмирании элементов старого качества.

Изучение исторического развития грамматического строя русского языка, как яркий образец закономерного исторического развития, дает основу для решения общей проблемы внутренних законов развития языка, изучение которых является главной задачей языкознания.

Проблема внутренних законов развития языка до сих пор еще советским языкознанием полностью не разрешена. Но несомненно, что никакие стороны языка не могут быть исключены из сферы действия этих внутренних законов развития. К области действия внутренних законов развития языка относится все то, что обусловлено спецификой самой языковой материи, что обусловлено тем,

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

что язык есть средство общения людей друг с другом. Не следует исключать из этой области различные отдельные изменения на том основании, что они являются мелкими, частными, поскольку, с одной стороны, все самые единичные и частные изменения представляют собой проявления некоторых более общих закономерностей, а, с другой стороны, сами эти более общие закономерности представляют собой во многих случаях результат различных частных изменений. Марксистское понимание законов, как отражения объективных процессов в природе и обществе, изложено И. В. Сталиным в его труде «Экономические проблемы социализма в СССР». «Марксизм понимает законы науки, — всё равно идёт ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их» [1].

Но положение о внутренних законах развития никоим образом не означает того, что язык развивается как нечто имманентное, самодовлеющее, ни с чем не связанное. Это положение теснейшим образом связано с другим положением марксистской теории языка—с положением о неразрывной связи развития языка с развитием общества. Из этого положения вытекает необходимость изучения истории любого языка в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, творца и носителя данного языка.

Связь языка с развитием общества отражается прежде всего в развитии словаря. И это понятно. Язык непосредственно связан с производственной, а также и со всякой иной деятельностью человека. Любые предметы и явления, с которыми сталкивается данное общество на протяжении своей истории, изменения социального строя, развитие производства, развитие культуры, науки и т. п., отражаются на развитии словарного состава, который непрерывно пополняется новыми словами. Но даже это пополнение словаря осуществляется всегда в строгом соответствии с законами внутреннего развития соответствующего языка, которые регулируют и по которым оформляется это пополнение. Новые слова для выражения новых понятий не образуются из ничего. В некотором количестве используются слова, заимствованные из других языков. Главным же образом обычно используются средства, заложенные в самом данном языке — словообразование и переосмысление уже существующих в языке слов (ср. ниже, стр. 15 и сл.).

Но в данном случае идет речь о развитии словарного состава. А как связано с историей общества, с историей народа, творца и носителя данного языка, развитие грамматического строя?

---

[1] И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 4.

Н. Я. Марр, исходя из методологически порочного понимания языка как надстройки, пытался связать любые изменения в грамматических категориях с изменениями в общественной жизни и в производстве, считал, что свои закономерности свойственны грамматическому строю каждой общественной формации и что переход от одной общественной формации к другой сопровождается коренной перестройкой грамматического строя. Для подкрепления своей «теории» Н. Я. Марр обращался и к фактам русского языка, совершая при этом грубейшие ошибки, а порой обнаруживая и полное незнание основных явлений истории русского языка. «Ученики» же его, работавшие в области истории русского языка, эклектически сочетали общие положения своего «учителя» с некритически воспринятыми положениями различных дореволюционных русских лингвистов. Анализ ошибок Н. Я. Марра и его «учеников» в области исторического изучения грамматического строя русского языка не входит в задачу данного пособия. Методологическая порочность «теории» Н. Я. Марра с предельной ясностью была вскрыта И. В. Сталиным.

Согласно марксистскому учению о языке грамматический строй любого языка, как и основной словарный фонд, нельзя рассматривать как продукт одной какой-нибудь эпохи. Они представляют собой продукт ряда эпох. При этом основы грамматического строя любого языка, заложенные в глубокой древности, сохраняются в течение очень долгого времени. Следовательно, грамматический строй языка, сохраняясь в своих основных чертах, проходя через ряд эпох, через ряд общественных формаций, не может не характеризоваться некоторыми общими закономерностями, действующими на протяжении ряда эпох, и независимыми непосредственно от смены общественных формаций, от различных событий в истории данного общества. В развитии грамматического строя любого языка на протяжении ряда эпох действуют одни и те же тенденции (для каждого языка свои), корни которых уходят в глубокую древность. Тем не менее и развитие грамматического строя определенным образом связано с историей общества, с историей народа, говорящего на данном языке.

Развитие грамматических категорий обусловлено все дальше идущей абстракцией человеческой мысли. Но человек не может ни мыслить, ни говорить вне общества. Поэтому развитие все дальше идущей абстракции мысли неразрывно связано с развитием общества.

Говоря о развитии языка, И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания» указывает на различные явления в истории общества, вызывающие изменения в языке. К ним относятся дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, развитие торговли, появление печатного станка, развитие литературы. Все эти явления не могут не отражаться и специально на развитии грамматического строя. Развитие различных жанров письменной речи приво-

дит к усложнению синтаксического строя, что не может не отразиться и на морфологии. Так, например, с усложнением синтаксиса связано распространение причастных оборотов. Причастия сложились еще в далекие дописьменные времена, но повышение их удельного веса в языке, несомненно, связано с усложнением синтаксиса.

В некоторых случаях может показаться, что развитие отдельных грамматических категорий отражает осознание людьми определенных общественных отношений. Но это наблюдается лишь в тех случаях, когда структурные возможности языка, сложившиеся в глубокой древности, дают почву для соответствующих изменений (ср. ниже, то, что говорится по поводу развития категории одушевленности).

Но что̀ в грамматическом строе несомненно указывает на связь развития языка с историей общества, с историей народа, говорящего на соответствующем языке, это распространение тех или иных грамматических (в нашем случае—морфологических) явлений. Так, распространение какой-либо морфологической черты в известную эпоху по тем или иным диалектам (насколько мы можем судить по памятникам) обычно отражает определенные исторические события, указывает на взаимные связи населения, говорящего на этих диалектах в соответствующую эпоху, на разобщение его в ту же эпоху с населением других областей.

Так, например, все наши памятники уже с древнейших времен представляют колебания в именном склонении между формами с основой на ***-о*** и формами с основой на ***-ъ*** (***ŭ***). Но особенно широко распространены формы, унаследованные от склонения с основой на ***-ъ*** (дат. п. ед. ч. на ***-ови***, им. п. мн. ч. на ***-ове*** и т. п.), в юго-западных памятниках и, в частности, в Волынской части Ипатьевской летописи. Много остатков старых форм с основой на ***-ъ***, как мы знаем, сохранилось и в современном украинском языке. Значительные следы склонения на ***-ъ*** мы находим и в западных памятниках, т. е. в памятниках тех земель, где формировался белорусский язык. Мы знаем, что никогда не прерывались связи между землями в дальнейшем украинскими и землями в дальнейшем белорусскими. Связи же между русскими в дальнейшем землями и украинскими в эпоху феодальной раздробленности были нарушены.

Множественное число на ***-а*** от имен несреднего рода (*города, леса* и т. п.) начинает распространяться в памятниках с XV века, и притом только в памятниках русских (в нашем смысле слова), но не в украинских и белорусских. В эту эпоху уже шло формирование Русского централизованного государства с центром в Москве, и наречия на территории этого государства уже обособлялись от восточнославянских наречий украинских и белорусских земель. Здесь шло формирование русского языка в его современном виде, т. е. языка великорусской народности, впоследствии русской нации. И эта форма на ***-а***, как мы знаем, чужда украинскому и белорусскому языкам и т. д.

* * *

Полная перестройка курса истории русского языка в целом и исторической морфологии в частности на основе марксистского учения о языке является делом будущего. Она потребует привлечения нового и пересмотра всего имеющегося материала под новым углом зрения и может быть осуществлена лишь коллективными усилиями многих советских лингвистов. Настоящее пособие представляет собой лишь первую весьма несовершенную попытку в этом направлении.

* * *

Основным источником наших сведений по исторической морфологии, как и вообще по истории русского языка, являются письменные памятники различных эпох и данные живых диалектов. Древнейшие дошедшие до нас памятники относятся к XI веку.

Письменность на Руси, несомненно, существовала и раньше, но единичные сохранившиеся до нашего времени надписи X века очень кратки и почти ничего не дают для морфологии. Данные, извлекаемые из письменных памятников, мы дополняем данными, извлекаемыми из различных современных говоров, некоторые из которых представляют более архаические формы, чем литературный язык, другие же, напротив, представляют более поздние формы и дают возможность лучше понять, в каком направлении развивались те или иные морфологические процессы, чем это можно было бы сделать на основе материала лишь литературного языка. Для понимания многих процессов, отражающихся уже в древнейших наших памятниках, для полного понимания того, как сложился тот грамматический строй, который отражают древнейшие дошедшие до нас памятники, необходимо в некоторых случаях заглядывать и в эпохи, более отдаленные. Проникнуть в глубь прошлого нам помогает сравнительно-исторический метод исследования, т. е. изучение фактов русского языка в сравнении с фактами других, родственных русскому, языков, а именно других славянских языков, а в некоторых случаях языков других групп индоевропейской семьи.

Морфологические средства древнерусского языка

§ 1. Для понимания исторического развития морфологического строя русского языка необходимо, прежде всего, рассмотреть морфологические средства, которыми располагал древнерусский язык эпохи древнейших дошедших до нас памятников. Под морфологическими средствами мы понимаем структурные средства отдельного слова, служащие как для образования новых слов, так и для изменения слова, т. е. для образования различных форм одного слова. Следует иметь в виду, что для образования новых слов

и для образования различных форм одного слова часто используются в языке средства одного и того же характера.

Основным средством образования как новых слов, так и различных форм одного слова в древнерусском языке, как и в современном, была *аффиксация*. Под аффиксацией понимается использование *аффиксов*, под аффиксом же понимается любая некорневая морфема [1]. В зависимости от положения по отношению к корню различаются *суффиксы* и *префиксы* (или *приставки*). Суффиксом называется аффикс, следующий за корнем, а префиксом (или приставкой)—предшествующий корню. Среди суффиксов обычно различают собственно суффиксы и *окончания*. При этом суффиксами называются аффиксы, служащие для образования новых слов, а также некоторых форм слов, не выражающих отношения данного слова к другим словам (например, формы времени глагола и т. п.). Под окончанием подразумеваются морфемы, расположенные на самом конце слова и служащие для выражения отношения данного слова к другим словам (например, падежные окончания). Иногда понятия собственно суффикса и окончания не разграничиваются, то и другое называется просто суффиксом (в таком случае падежное окончание называется падежным суффиксом). Как и в современном языке, в древнерусском приставки характеризовали преимущественно глаголы, а среди имен в подавляющем большинстве—отглагольные (ср., например, *съ-дѣлати*, *при-городити*, *при-городъ*). Суффиксы характеризовали как имена, так и глаголы (ср. *рож-ьц-ь*, *съх-ну-ти*).

Сравнение славянских языков с другими индоевропейскими указывает на то, что помимо префиксов и суффиксов некогда существовали также *инфиксы*. Инфиксами являются аффиксы, вставляемые внутрь корня. Инфиксы в явном виде выступают в некоторых древних индоевропейских языках, например, в латинском. Ср. *vi [n] c-ō* «побеждаю», *vic-ī* «я победил», *vic-toria* «победа» (***-n-*** является инфиксом). Повидимому, инфиксы, соответствующие инфиксам других древних индоевропейских языков, существовали и в общеславянском языке-основе в ранний период его истории. Ср., например, ст.-слав. лѧгѫ (лещи), сѧдѫ (сѣсти). Эти отношения указывают на дописьменное *lęgǫ, lěšti* < **lengōm, *legti; sędǫ, sěsti* < **sēndōm, *sēdti*. Эти отношения указывают на то, что внутрь корня некогда вставлялся инфикс-***n***-, обозначавший начало действия (*сяду*—«начну сидеть», *лягу*—«начну лежать»). В восточнославянской области носовое ***e*** еще в дописьменную эпоху изменилось в ***ä*** (*sädu, lägu*). Таким образом, на восточнославянской почве исчез уже всякий след старого инфикса, и мы имеем дело просто с чередованием корневого гласного (т. е. в случае, например, *лѧгоу—лечи* просто чередуются корневые гласные ***a — e***.

Помимо аффиксации, в древних индоевропейских языках использовалось удвоение, т. е. полное или частичное повторение

[1] Морфемой называется та или иная значимая часть слова.

морфемы. В древних славянских языках, и в древнерусском в том числе, удвоение, когда-то, вероятно, продуктивное, сохранилось лишь в виде незначительных обломков. Ср., например, *да-ти* (инфинитив) — *дад-имъ* (1-е л. мн. ч. настоящего времени), где корень выступает в форме *dad-*.

Специально для образования новых слов использовалось словосложение, т. е. образование сложных слов в результате сочетания различных самостоятельных слов с разным корнем. Ср., например, *водоносъ*, *доброхотъ*. Образование сложных слов осуществлялось посредством тематического гласного (в приведенных примерах *-о-*). Тематический гласный представляет собой по происхождению конечный гласный основы-*о*- (об именных основах см. ниже, стр. 35—36). Впрочем, он мог использоваться и при образовании имен, не принадлежавших к основам на *-о-*. Словосложение совмещалось часто с суффиксацией. Ср., например, такие образования, как *благоразумие* (Ефрем. Кормчая), *благопослушание* (Святосл. Изборн. 1073 г.), *добронравие* (Синайский патерик XI в.), *любомудрие* (Пандекты Антиоха XI в.), *любодѣяние* (Житие Феодосия XII в.). Для этой цели широко используются, как показывают приведенные примеры, существительные с суффиксом абстрактного значения. Многие из таких слов, служащих для выражения отвлеченных понятий и широко распространяющихся у нас в эпоху расцвета Киевского государства (X—XI вв.) в связи с усложнением общественных отношений, в связи с развитием культуры, являются кальками с греческого языка (еще древнегреческий язык характеризовался широким использованием таких сложных слов), прошедшими через старославянский язык. Естественно, что для того, чтобы такие формы могли калькироваться с греческого, должна была и на славянской почве существовать и действительно существовала такая же структурно-словообразовательная модель, сложившаяся еще на общеславянской почве и перешедшая в отдельные славянские языки, хотя бы и не в таком широком употреблении.

Как для образования новых слов, так и для образования различных форм одного слова использовались также *чередования*, т. е. изменения звукового (точнее—фонемного) состава морфемы, не зависящие от фонетических условий и служащие для выражения определенных грамматических значений. Ср., например, *нес-ти*—*нос-и-ти* (о чередованиях см. подробнее ниже).

В некоторых случаях в том же значении, в каком используются разные формы одного слова, использовались образования от разных корней. Ср., например *язъ*—род. п. *мен-е*. Это явление называется *сплетением основ*, или *супплетивизмом*.

Существенной особенностью древнерусских аффиксов, служащих для образования различных форм одного слова, является возможная для них многозначность: один аффикс может выражать одновременно несколько значений. Так, например, в форме *вълкы* аффикс *-ы* выражает одновременно и вин. и тв. п., и мн. ч.

Эта особенность характерна и для современного русского, а также для других славянских (древних и новых) и индоевропейских языков.

Важно обратить внимание на отношение морфологической структуры к фонетической. Яркой особенностью древнерусского языка, как и других древних славянских языков, является закон открытых слогов, состоящий в том, что каждый слог оканчивается на слоговой (в основном гласный) звук. Существенной же особенностью морфологической структуры древнерусского языка является то, что каждая значимая часть слова обязательно содержит гласный звук. Ср., например, *vod-a*, *rus-ьsk-ўĭ*, *id-e-tь* и т. д. На основании этого, на первый взгляд, можно было бы предположить, что морфема совпадает со слогом (так как каждый слог содержит один слоговой звук). Но в действительности фонетическое членение не совпадает с морфологическим. Ср., например, *vod-a* (членение морфологическое), *vo-da* (членение фонетическое): граница морфемы может не совпадать с границей слога.

Сопоставление фактов современного русского языка с фактами других славянских языков говорит о том, что определенную роль как морфологическое средство играло и ударение слова (ср. такие случаи в современном языке, когда различные формы одного слова различаются местом ударения, напр., им. п. ед. ч. *голова́*—вин. п. ед. ч. *го́лову*). Но об ударении древнерусского языка мы можем судить лишь на основании косвенных данных, так как в древнейших дошедших до нас памятниках ударение не отмечено, и мы не знаем, в какой мере отличалось это ударение от современного не только по месту, занимаемому в слове, но даже и по качеству.

История чередований

§ 2. В древнерусском языке широко представлены чередования гласных: в различных образованиях от одного и того же корня мы находим различные гласные или, как принято говорить, различные ступени чередования. Такие чередования наблюдаются и в суффиксах, но в корнях они более многообразны, чем в суффиксах, и могут давать целые ряды, состоящие из различных ступеней чередования.

Основной ряд, характерный для древнерусского языка, как и для других древних славянских языков, имеет форму *ь/е/о/ě/а*. Ср. *бьрати — беру — съборъ, плету — плотъ — съплѣтати, летѣти — лѣтати, помочи — помагати*. Случаи, когда в одном и том же корне представлены все ступени этого ряда чередований, весьма редки. Чередования этого ряда наблюдаются в различных глагольных формах, а также в отглагольных существительных. Различные ступени характеризуют различные категории словообразования и словоизменения. Так, мы находим ступень *ь* в основе

инфинитива, ступень *е* в основе настоящего времени (ср. *бьрати*— *беру*; впрочем, наблюдаются и обратные отношения — ступень *е* в основе инфинитива, ступень *ь* в основе настоящего времени, например: *мерети* — *мьру*); ступень *е* в глаголе, ступень *о* в отглагольных существительных и в производных глаголах с иным видовым значением (ср. *беру* — *съборъ*, *везу* — *возъ* — *возити*; глаголы с корневым *о*, в отличие от глаголов с корневым *е*, обозначают движение повторяющееся, или движение с меняющимся направлением, напр., *нести* — *носити*, *вести* — *водити*, *везти* — *возити*, подробнее см. ниже); ступень *ě* (по отношению к *е*), *а* (по отношению к *о*) представлена частью в производных приставочных глаголах несовершенного вида, частью в глаголах, обозначающих повторяющееся движение или движение с меняющимся направлением, ср. *плету*, *плести* — *съплѣтати*, *летѣти* — *лѣтати*, *помочи* — *помагати* (подробнее см. ниже).

Производным от чередования *е/о* является чередование *ä/u*, позднее *'а*, т. е. *а* после мягкого согласного /*u*, восходящее к общеславянскому чередованию *ę/ǫ* из *е/о* в сочетании с носовым согласным в закрытом слоге: ср. *трѧсти/трусъ* «землетрясение», «буря». Как видим, в данном случае ступень *ä* наблюдается в глаголе, ступень *u* в отглагольном существительном, т. е. в тех же категориях, где наблюдается чередование *е/о*.

Производным от рассмотренного выше основного ряда чередований является и чередование *ьr/ere/oro*, восходящее к общеславянскому чередованию *ьr/er/or* в закрытом слоге. Ср. *вьртѣти*— *веретено* — *воротити*, *ворочати* (в данном случае ступень *е* в отглагольном существительном, а ступень *о* в производном глаголе).

Производным от чередования *е/о* является и чередование *ere* (в положении перед согласным), *or* (в положении перед гласным), также восходящее к общеславянскому чередованию *er/or* (в положении между согласными сочетание *er* на восточнославянской почве дало полногласную форму *ere*); ср. *мерети* — *моръ*, *морити*.

Широко распространены были в древнерусском языке, как и в других древних славянских языках, чередования *ь/i*, *ъ/y*, причем ступень *i*, *y* наблюдается обычно в производных приставочных глаголах, ср. *бьрати*, *събьрати* — *събирати*; *сълати*, *посълати*— *посылати*.

Изредка наблюдаются и чередования гласного с нулем. Ср. в спряжении настоящего времени вспомогательного глагола: 3-го л. ед. ч. *ѥсть* — 3-го л. мн. ч. *суть* (чередование *es-/ s-*).

Наряду с чередованиями гласных мы находим в древнерусском языке и чередования согласных. Основные чередования были следующие. Чередовались задненебные согласные с переднеязычными шипящими, т. е. *k/č'*, *g/ž'*, *x/š'*, ср., например, *съмълкнути*—*мълчати*, *вълкъ* — зв. ф. *вълче*, *бѣгати* — *бѣжати*, *съхнути* — *сушити* и т. д. Шипящий согласный наблюдается обычно перед суффиксами и окончаниями, содержащими гласный переднего ряда, но в глагольных основах мы находим задненебный и шипящий согласный

в одних и тех же условиях — перед *а*, причем основа с задненебным согласным представлена в таких глаголах, где показатель *-а-* является не только в основе инфинитива, но и в основе настоящего времени, ср. *бѣгати*, *бѣгаю*, но *бѣжати*, *бѣжю*. Задненебный согласный представлен главным образом в производных глаголах. Глаголы *бѣжати* и *бѣгати* отличаются по значению тем, что первый из них обозначает движение непрерывное и осуществляющееся в одном направлении, а второй — движение повторяемое или совершающееся в разных направлениях.

Широко распространены были также чередования *t/č'*, *d/ž'*, *s/š'*, *z/ž'*, *p/pl'*, *b/bl'*, *v/vl'*, *m/ml'*, *n/n'*, *l/l'*, *r/r'*, т. е. чередования твердых согласных с различными смягчениями. Губной согласный чередуется с сочетанием соответствующего губного с мягким *l'*. Ступень чередования с мягким согласным наблюдается в 1-м л. ед. ч. настоящего времени глаголов IV класса (о классах глаголов см. стр. 189 и сл.), напр., *молочю — молотишь*, *вижю — видишь*, *прошю — просишь*, *топлю—топишь* и т. д.; в отглагольных существительных, например, *носити — ноша*, *ловити — ловлю* и т. д.; в притяжательных прилагательных, например, *всеволодъ — всеволожь* «Всеволодов», *ярославъ — ярославль* «Ярославов», *володимиръ — володимирь* «Владимиров» и т. д. В соответствующих категориях наблюдается также чередование задненебных согласных с шипящими. Ср., например, *пророкъ — пророчь* «принадлежащий пророку».

Чередование задненебных согласных с переднеязычными свистящими, т. е. *k/c'*, *g/z'*, *x/s'*, в древнерусском языке наблюдалось в склонении с основой на *ŏ* и на *а*, причем формы со свистящим согласным выступали перед окончаниями, содержащими *ě* или *i*. Ср. *вълкъ* — местн. п. ед. ч. *вълцѣ*, им. п. мн. ч. *вълци*; *рука* — дат.-местн. п. ед. ч. *руцѣ*.

Указания на связь определенных ступеней чередований с определенными словообразовательными и словоизменительными категориями приводятся здесь лишь в качестве примеров, все случаи такой связи не исчерпываются, притом на почве древнерусского языка наблюдаются и многочисленные отступления от указанных отношений. Дополнительные сведения о связи различных ступеней чередования с соответствующими категориями в тех случаях, когда это потребуется, будут даны в соответствующих разделах.

§ 3. На протяжении истории языка чередования могут складываться вновь, преобразовываться и разрушаться.

Источником чередований, и не только в русском языке, но и в любом другом, поскольку мы можем проследить их историю, являются фонетические изменения, обусловленные положением. При этом чередования, формируясь, проходят следующие этапы: 1) звук изменяется в другой звук в определенных фонетических условиях; 2) вследствие позднейших фонетических изменений (изменение фонетических норм, утрата причин, вызвавших фонетическое изменение, и т. п.), отношение между старым и новым звуком перестает

быть обусловлено положением; 3) в результате действия аналогии новый звук является и там, где он фонетически никогда не возникал и не мог возникнуть; 4) отношение между старым и новым звуком морфологизуется, т. е. становится показателем определенных различий морфологического порядка. Собственно появление того или иного звука на месте другого в результате аналогии уже кладет начало морфологизации. Следует при этом иметь в виду, что новый звук, сначала представлявший лишь видоизменение некоторой фонемы в определенных фонетических условиях, затем, попадая в такие фонетические условия, где он не мог возникнуть фонетически, становится особой самостоятельной фонемой. Возьмем в качестве примера некоторые случаи чередования *к* — *č'* (для согласных проследить условия возникновения чередований вообще легче, чем для гласных). В эпоху действия первой палатализации *č* фонетически развивалось в определенных условиях из *к*. Так, например, в прилагательном *прочьнъ*, производном от существительного *прокъ*, *č* развилось из *к* в положении перед гласным переднего ряда *ь* (суффиксом прилагательного в древности было не просто *н*, как теперь, а *-ьн-*). Впоследствии, несмотря на изменение фонетических норм (задненебные согласные, оказывающиеся перед гласными переднего ряда, смягчаясь, изменяются не в шипящие, а в другие согласные) и даже несмотря на утрату редуцированного переднего ряда, вызвавшего это смягчение, шипящий сохраняется — ср. *прочный*, так это слово звучало уже в XII веке. По аналогии шипящий распространяется и на другие прилагательные, образованные посредством суффикса *-н-* от существительных, имеющих в конце основы задненебный согласный, причем и на прилагательные, образованные тогда, когда никакого гласного *ь*, первоначально вызывавшего смягчение, давно уже не было. Ср. *барка — барочный*, *марка — марочный*. Шипящий согласный становится показателем определенной морфологической категории. Согласный *č'*, развившийся из *к*, сначала в определенных фонетических условиях, а затем утративший связь с породившим его *к* и характеризующий определенные морфологические категории, становится особой, самостоятельной по отношению к *к* фонемой.

Возможность обособления задненебного и шипящего согласного создается еще в очень раннюю эпоху в результате общеславянского изменения *ě*>*а* после шипящих и *j*. По мнению некоторых лингвистов, в *а* изменялось в этих условиях еще не *ě*, а *ē*, из которого впоследствии (в тех условиях, где оно не изменялось в *а*) развивалось *ě*. Но такое предположение не имеет большого значения, так как общеславянское *ě* было долгим звуком переднего ряда нижнего подъема, т. е. звуком, достаточно близким к *ē*. В результате этого изменения устанавливаются такие формы как (*оу*)*мълкати — мълчати*, (*из*)*бѣгати — бѣжати*, отличающиеся друг от друга соответственно только *к—č'*, *g—ž'*, что говорит о самостоятельности *č'* по отношению к *к* и *ž'* по отношению к *g*.

В эпоху второй палатализации шипящие уже несомненно само-

стоятельны по отношению к задненебным согласным, из которых они когда-то развились. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в это время любой задненебный согласный, оказавшийся перед гласным переднего ряда, изменялся не в шипящий, как было раньше, а в переднеязычный свистящий согласный. Вообще вторая палатализация наблюдается в положении перед *ě* и *-i* (специально конечным) из дифтонгов с первым компонентом, относящимся к заднему ряду. Но если в язык вновь проникают слова, содержащие задненебный согласный в положении перед таким гласным переднего ряда, перед которым ранее действовала первая палатализация, задненебный теперь изменяется уже не в шипящий, а в свистящий. Ср., например, заимствованное из германских языков *цьркы* — ср. др.-в.-нем. *kirihha*.

В дальнейшем различные фонетические процессы, имеющие место специально в восточнославянской языковой области, а частью захватывающие различные славянские языки, но, возможно, осуществляющиеся в разных языках независимо друг от друга, хотя и в силу некоторых общих предпосылок, заложенных еще в звуковой системе общеславянского языка-основы, все увеличивают количество таких случаев, когда отношения «задненебный согласный — шипящий» фонетически не обусловлены и могут быть использованы как морфологические чередования. Такими процессами являются изменение *ę*>*'а* после мягкого согласного, падение редуцированных, изменение *е*>*'о*, перед твердыми согласными и изменение сочетаний *ку*, *gу*, *ху* (*кы*, *гы*, *хы*)>*к'i*, *g'i*, *х'i*.

Наибольшее значение из этих процессов имело падение редуцированных. В случае утраты *ь* в слабом положении мы имеем дело с сохранением шипящего, появление которого некогда было вызвано этим *ь*, после того, как причина, обусловившая шипящий, перестала существовать. Ср. *дух—дохнуть—душный*; наличие ступени *š* в последней форме обусловлено тем, что здесь когда-то было *ь* (*душьный*).

Результатом изменения *е*>*'о* и падения редуцированных является шипящий согласный (также в чередовании с задненебным) на конце корня перед уменьшительным суффиксом *-ок* (<*-ък*). Ср., например, *волк — волчок — волчка*; *друг — дружок — дружка*; *мех — мешок — мешка* и т. д.

О морфологизации рассмотренных отношений свидетельствует тот факт, что этим чередованием охвачены и поздние заимствования. Ср. *парик — паричок*, *сюртук — сюртучок*, *флаг — флажок*.

Чередование «задненебный согласный — шипящий», получившее широкое распространение в русском литературном языке, еще шире представлено по говорам, а также в белорусском и украинском языках. Там ступень, характеризующаяся шипящим согласным, охватывает еще одну категорию, а именно повелительное наклонение глаголов с основой на заднеязычный согласный; последний сменяется шипящим, напр., укр. *печи*, *біжи*, белорусск. *пячы*, *бяжы*, русск. диал. *ляж*, не *трож*. В русских говорах зна-

чительно шире распространено *ж* на месте *г*, чем *ч* на месте *к*. Следует заметить, что в соответствующих говорах морфологическая значимость чередования повышается в связи с тем, что в результате редукции конечного безударного *-i* (см. ниже) повелительное наклонение, помимо особой ступени чередования, выражается лишь нулевой морфемой. Фонетически, как известно, в конце основы повелительного наклонения являлось еще в дописьменную эпоху не *č*, *ž*, а *c*, *dz* (из *к*, *g* перед *-i*<*-oi*). Лишь впоследствии свистящий был заменен шипящим по аналогии к настоящему времени, поскольку повелительное наклонение большей частью образуется от основы настоящего времени.

Подобно отношениям *к*—*č*, *g*—*ž*, *x*—*š* первоначально были фонетически обусловлены и отношения *к*—*c*, *g*—*z*, *x*—*s*. Свистящий согласный еще в общеславянском языке-основе являлся на месте задненебного в результате так называемой второй палатализации. Но очень рано и эти отношения перестали быть позиционно обусловленными.

Повидимому, свистящий согласный утратил свою позиционную обусловленность не в обоих характерных для второй палатализации условиях одновременно. Прогрессивная ассимиляция при второй палатализации осуществлялась, как известно, с меньшей последовательностью, чем регрессивная. И это понятно. Влияние в данном случае шло из одного слога в другой (например, * *dě-vi-ка*>*dě-vi-c'a*); при регрессивной же ассимиляции оно осуществляется в пределах одного слога (например, **koi-na*>**kě-na*>*c'ě-na*), а основные фонетические закономерности, характеризующие как общеславянскую систему, так и систему отдельных славянских языков раннего исторического периода, относятся именно к структуре слога. Уже в общеславянском строе наблюдаются случаи, когда в совершенно тождественном окружении наблюдаются *к* и *c'* (ср., например, им. п. ед. ч. жен. род. существительных на *-ic'a* типа *старица* «старуха» и род. п. ед. ч. существительных на *-ikъ*, например, *ученика*, *старика*; здесь, правда, различное ударение, но гласные, окружающие *к* и *c'*, совершенно тождественны). В положении же перед *ě*, *-i* дифтонгического происхождения первоначально последовательно является свистящий согласный.

Вследствие изменения *ку*, *gy*, *xy*>*k'i*, *g'i*, *x'i* и аналогического распространения *к*, *g*, *x* на положение перед гласными переднего ряда свистящие согласные перестают быть позиционно обусловленными, и создается почва для развития морфологических чередований *к*/*c'*, *g*/*z'*, *x*/*s'*. Аналогическое распространение *к*, *g*, *x* в положении перед гласными переднего ряда (причем *к*, *g*, *x* смягчаются без перехода в согласные иного качества, т. е. в *к'*, *g'*, *x'*) относится даже к более раннему времени, чем изменение *ку*, *gy*, *xy*>*k'i*, *g'i*, *x'i*. Последнее отражается в памятниках на юге, начиная с XII века, на севере не раньше XIII века, древнейшие же случаи аналогического появления задненебных в положении перед гласными переднего ряда в северных памятниках появляются уже в XI веке.

Чередования задненебных согласных со свистящими наблюдаются в склонении в украинском и белорусском языках. Ср. *лаука — на лаўці*. В русском языке от этого чередования сохранился лишь такой единичный и обособленный случай, как *друг— друзья*. Русское чередование *к/ц* типа *рыбак — рыбацкий* имеет иной источник. Оно преобразовалось из чередования *к/č'* в результате падения редуцированных (*рыбачьскыи*>*рыбачскыи*>*рыбацкой — ц < чс*).

Из фонетических изменений, обусловленных положением, развились и чередования *t/č'*, *d/ž'*, *s/š'*, *z/ž'*, *n/n'*, *l/l'*, *r/r'*, *p/pl'*, *b/bl'*, *v/vl'*, *m/ml'*. Второй член каждой пары развился из сочетания согласного, являющегося первым членом этой пары, с *j*.

В результате изменения согласного в сочетании с *j*, начавшегося еще в общеславянском языке-основе, хотя и характеризующегося некоторыми специфическими особенностями для разных славянских групп и даже отдельных языков, в определенную эпоху сочетание «согласный + *j*» фонетически было невозможно. Если же такое сочетание должно было получиться при словообразовании или словоизменении, оно неизбежно подвергалось соответствующим преобразованиям. Но ко времени падения редуцированных в восточнославянской области этот закон во всяком случае уже не действовал. Поэтому сочетания согласных с *j*, образовавшиеся в результате утраты редуцированного в слабом положении, уже не подвергаются таким изменениям, каким они подвергались в более древнюю эпоху, но в большей части русских говоров сохраняются оба элемента сочетания, причем первый приобретает дополнительную палатализацию, не меняя своей основной артикуляции (в некоторых же говорах в дальнейшем отвердевает). Ср., например, *пру́т'ja*, *лод'já*, *коло́с'ja*, *ко́з'ja* (жен. р. прилаг.), *п'jу*, *б'jу*, *сем'já*, *свин'já* и т. д. Это говорит о том, что отношения типа *t—č*, *d—ž* для эпохи после падения редуцированных фонетически несомненно не обусловлены и представляют собой морфологические чередования. Они распространяются впоследствии и на поздние заимствования, ср. *секрет — засекретить — засекреченный*.

О четкой морфологизации этих отношений свидетельствует тот факт, что, поскольку в числе прочих чередований устанавливается чередование «губной согласный — губной согласный + *л'*», этому чередованию подвергается и новый для русского языка губной согласный *ф* в новых заимствованиях, проникших в русский язык на протяжении XVIII—XIX вв., если эти заимствования попадают в морфологическую категорию, характеризующуюся этим чередованием: ср. в основе настоящего времени глаголов IV класса, а также в различных глагольных и именных образованиях от этих глаголов — не только *колочу́ — коло́тишь*, *ловлю́ — ло́вишь*, *лови́ть — уловля́ть*, *лови́ть — ловлю́* и т. д., но и *графи́ть — графлю́ — графи́шь — разграфля́ть*, *потра́фить — потра́флю — потра́фишь* (из нем. *treffen*), *риф* (на парусе) — *зарифлённый* парус.

Есть основания думать, что морфологизация рассматриваемых отношений относится к значительно более раннему времени, чем падение редуцированных. Как уже было сказано, суффиксом притяжательного прилагательного некогда был *j* (точнее *-jo-*). Но уже в эпоху древнейших памятников этот суффикс в таком виде фактически никогда не встречается. Отношения же типа *вьсеволодъ — вьсеволожь* и тогда уже были, повидимому, морфологизованы. Об этом свидетельствует тот факт, что этому чередованию подвергаются и вновь проникающие в язык слова. Ср., например, притяжательное прилагательное, образованное от иноязычного собственного имени *свѣньлдъ* (др.-сканд. *Sveinaldr*) — *свѣньлжь* «Свенельдов», — где, конечно, никогда не было *j*, но непосредственно является *ž*, чередующееся с *d*, под влиянием чередований типа *вьсеволодъ — вьсеволожь*.

В части восточнославянской области (именно в украинском и белорусском языках, а также в немногих русских говорах) некоторые сочетания согласных с *j* (главным образом переднеязычных) попрежнему невозможны, но изменения, которым они подвергаются, носят иной характер, чем в древности (*j* теряется, а предшествующий согласный палатализуется и удваивается, не меняя основного места артикуляции, если не считать тех изменений, каким в белорусском языке подвергаются вообще мягкие взрывные переднеязычные согласные), а поэтому отношения типа *т—ч* являются морфологическими также и для украинского и белорусского языков.

На протяжении истории, засвидетельствованной письменными памятниками, возникает в русском языке чередование «твердый согласный — соответствующий мягкий согласный» (например, *т/т'*, *д/д'*, *н/н'*, *б/б'* и т. д.). Оно наблюдается в спряжении глаголов I класса в результате изменения *е* > *'о* перед твердым согласным (и аналогического распространения *о* также и на положение перед мягкими согласными), ср. *несý—нес'óш*, *ведý—вед'óш*, *скребý—скрёб'óш* и т. д. (конечно, оно выступает лишь в тех говорах, где в соответствующих окончаниях имеется *о*, а не *е*). Это чередование наблюдается в повелительном наклонении глаголов I и II классов (по отношению к основе настоящего времени), характеризующемся после утраты конечного *-i* нулевой морфемой и мягким согласным в конце основы. Ср., например, *с'áду—с'ад'*, *встáну—встан'* и т. д. Мягкость согласного носила некогда позиционный характер (она была вызвана последующим передним гласным *i*), но после уничтожения вызвавшей ее причины сохранилась, в результате чего соответствующий мягкий согласный становится самостоятельной фонемой.

В ряде русских говоров, в отличие от литературного языка, чередование «твердый согласный — соответствующий мягкий» распространяется и на задненебные согласные. Ср. *пекý—пек'óш*, *бегý—бег'óш* и т. д. В литературном языке мы наблюдаем такое чередование лишь в единичном случае — глаголе *ткать* (ср. *ткý—тк'óш*).

§ 4. Чередования гласных возникли, повидимому, также из фонетических условий, но они оформились как морфологическое средство в значительно более древнюю эпоху, чем чередования согласных, а поэтому мы не всегда с достаточной ясностью можем проследить их историю: чередования согласных складываются частью на почве общеславянского языка-основы, а частью на протяжении истории отдельных славянских языков, в том числе русского, чередования же гласных в большинстве случаев сложились еще на почве общеиндоевропейского языка-основы; чередования гласных, соответствующие славянским, мы находим и в других индоевропейских языках.

В основном ряде чередования гласных, обнаруживающемся еще в общеславянской системе,—ь (реже ъ), *e/o*, *ě/a*,— с генетической точки зрения, поскольку *e/o/ě/a*$<$*e/o/ē/ō*,—различают чередования качественные и количественные. С точки зрения количественных чередований принято различать нормальную ступень (*e/o*), ступень удлинения (*ě/a*$<$*ē/ō*) и ступень редукции (ь, ъ), от которой отличают еще нулевую ступень, т. е. такую ступень, когда гласный совсем отсутствует. Изучение отношений, наблюдающихся в древних индоевропейских языках, приводит к предположению, что исторически исходную точку образует нормальная ступень. Ступень редукции выступала первоначально лишь в безударном положении, именно в первом предударном слоге, гласный которого в глубокой древности звучал особенно слабо. Мы имеем дело, таким образом, первоначально с чисто фонетической редукцией гласного в безударном положении. Безударность гласного в соответствующей ступени чередования выступает иногда и в позднейшее время (ср., например, повелительное наклонение *пьци*, *тьци*, где ударение, повидимому, падало на окончание — ср. русск. *пекú*). Но поскольку, с одной стороны, в силу имевших место еще в глубокой древности передвижений ударения, редуцированный гласный может нести ударение, с другой же стороны, гласные нормальной ступени могут, в силу изменения фонетических норм, являться в безударном положении (и, между прочим, именно в первом предударном слоге) без изменения в ь, ъ (ср., например, 1-е л. ед. ч. *несу́*$<$*nesǫ*), постольку так называемая ступень редукции является уже давно фонетически необусловленной и выступает как морфологическое средство.

Что касается ступени удлинения, то выдвигается предположение и о ее фонетическом происхождении также из нормальной ступени, но ввиду сложности вопроса и спорности гипотез мы в настоящем элементарном курсе оставляем его в стороне.

Одно количественное чередование, а именно *ь/i*, *ъ/y*$<$*i/ī*, *u/ū* сложилось и стало продуктивным на славянской почве, правда, довольно рано, еще в общеславянском языке-основе. Оно, как предполагают, сложилось под влиянием унаследованных от глубокой древности количественных чередований типа *o/a*$<$*o/ō*.

Качественное чередование *е/о* первоначально также, повидимому, было вызвано фонетическими причинами. Несколько различные в деталях теории его происхождения сходятся на том, что первоначальную форму представляют те морфемы, которые содержат *е*, формы же с *о* первоначально представляли результат позиционного фонетического изменения. Поскольку возникновение этого чередования имело место еще на почве общеиндоевропейского языка-основы, останавливаться здесь на различных теориях его возникновения, относящихся к сравнительной грамматике индоевропейских языков, излишне. Наиболее вероятно, что формы с *е* в определенную эпоху были под ударением, причем *е* изменялось в *о* в том случае, если ударение с него передвигалось на соседний слог к началу или концу слова.

Л. П. Якубинский в своей книге «История древнерусского языка» выдвинул предположение о том, что различные ступени чередования гласных с самого начала выполняли определенную морфологическую функцию, а также о том, что внутрифлективное склонение и спряжение, т. е. образование форм посредством изменения гласного основы, предшествовало склонению и спряжению внешнефлективному, т. е. посредством окончаний. Эта точка зрения никоим образом не может быть принята, так как она не учитывает те свидетельства об источниках чередований, какие дает сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. На точке зрения, близкой к точке зрения Л. П. Якубинского, стоял Н. Я. Марр, также считавший внутреннюю флексию более древней, чем флексию внешнюю, т. е. окончания.

На протяжении позднейшего исторического развития русского языка новые чередования гласных почти не возникают. Можно указать лишь на чередование гласных *е*, *о* с нулем, возникающее в результате падения редуцированных. Фонетически возникшие отношения *е* — нуль, *о* — нуль по аналогии распространились на такие случаи, где были старые *е*, *о* (напр., *лед—льда*, *ров—рва*), и превратились в морфологические чередования, характеризующие имена определенной структуры (односложные корневые существительные, а также существительные и прилагательные с некоторыми суффиксами, например, с суффиксом *-ок/к-*, *-ен/н-*).

Для говоров, правда, можно указать на вновь возникающее и притом сравнительно поздно (после того, как завершился процесс изменения *е* в *о* перед твердым согласным), совершенно не связанное с древним, чередование *е/о*. Дело идет о фонетически не обусловленном с точки зрения современного языка чередовании *е/о* в корнях глаголов с основой на задненебный согласный типа *п'оку́—п'еко́ш* в ёкающих северных говорах. Причина, обусловливавшая сохранение *е*, — мягкость последующего согласного — исчезла, а гласный остался.

§ 5. Чередования на протяжении истории языка могут подвергаться преобразованию. В основном это касается чередования гласных.

Так, чередования *ь/i*, *ъ/у (ы)* в результате падения редуцированных, как легко видеть, преобразуются в чередования *и*, *ы* с нулем (*ь*, *ъ* в этих чередованиях обычно были в слабом положении).

Чередование *е/о* подверглось преобразованию в результате имевшего место на протяжении истории русского языка фонетического изменения *е* > *'о*. Это изменение, как известно, не было связано с ударением. В современных северных ёкающих говорах (а такие говоры составляют основное ядро северного наречия, отступают от ёкания в основном лишь говоры крайнего севера, северо-запада и запада) произносится *н'осý*, *в'озý*, *б'орý* и т. д.

Ясно, что в этих говорах в таких случаях, как *в'озý — воз*, *б'орý — сбор*, чередуются уже не гласные *е/о*, а согласные *в/в'*, *б/б'*. Такова же была картина до наступления аканья и в тех ныне акающих говорах, где имело место изменение *е* > *'о*. Для этих говоров в их современном состоянии это не так ясно, поскольку в безударном положении гласные *о*, *а*, *е* и даже *и* после мягких согласных не различаются, в формах же типа *везý*, *берý* чередующийся гласный находится в безударном положении. Но достаточно взять форму, где этот гласный выступает под ударением, чтобы видеть, что морфологическую роль в этом чередовании играет именно согласный. Ср., например, *воз—в'оз* (*вёз*) — прошедшее время. Однако не следует думать, что чередование *е/о* полностью преобразовалось в чередование «твердый/мягкий согласный». Ср., например, такие отношения, как *селó—сёла — сéльский*, где в последнем слове под ударением определенно выступает *е*, и, следовательно, здесь чередуются *е—о*.

§ 6. Чередования, как унаследованные от глубокой древности, так и возникшие вновь, в сравнительно недавнее время, могут подвергаться разрушению и совсем утрачиваться. Эта утрата является результатом воздействия аналогии (большей частью имеет место выравнивание основы, в конце которой происходит чередование). Рассмотрим некоторые случаи.

Старое «качественное» чередование гласных *е/о*, лишь преобразованное в большей части случаев в чередование «твердый — мягкий согласный», обычно сохраняется. Оно продолжает использоваться и в новых образованиях, возникающих как на почве общеславянского языка-основы, так и на почве отдельных славянских языков, и русского в том числе, уже после распада общеславянского языка-основы. На это указывают некоторые случаи словообразования, заведомо не относящиеся к общеславянской эпохе. Так, ступень *ǫ* распространена и в приставочных образованиях, притом с такой приставкой, которая заведомо не является общеславянской, *vy-*, например, *вымолъ* «коса, мель, омелевшее место» (межевая грам. в. к. Ив. Вас. 1504 г.). Ср. ст.-слав млѣти < * *melti*, др.-русск. *молоти*; ср. также чешск. *výmol* «вымоина, овраг» (восточнославянской и западнославянской приставке *vy-* соответствует южнославянская *iz-*).

Унаследованное от старых количественных чередований чередование *о/а* в целом сохраняется и даже получает довольно широкое развитие (ср. формы, характерные для современного языка, как *зарабáтывать, усвáивать, застрáивать* — в одном из олонецких говоров отмечена форма «не *хлáпован*» в значении «хлопан» от *хлопать*). На довольно широкое распространение такого чередования указывают уже памятники XVI века. Ср., например, *хотѣть—хачивать*. Последняя основа отразилась даже в грамматической литературе: мы находим ее в переводе латинской грамматики Доната, сделанном Дмитрием Толмачом в 1522 г. (известном в списках второй половины XVI века). Но в отдельных случаях довольно рано и здесь наблюдается устранение чередования. Приставочные глаголы несовершенного вида от глаголов совершенного вида с *о* в корне исконно должны иметь в корне *а*: *помочи—помагати, положити—полагати* и т. д. В украинском, например, эти отношения сохраняются: *помогти — помагати*. В литературном русском языке, а также в акающих говорах *а* и *о* в безударных слогах не различаются, и, исходя из отношений современного языка, невозможно решить, с чем мы имеем дело в корне формы *помогать* морфологически, с *о* или с *а*. Но в северновеликорусских говорах мы находим *помогáть* (как *помóчь*). Здесь имело место выравнивание. И это явление довольно старое. Ср. такую форму, как *пологахуть* (3-е л. мн. ч. имперфекта) в Переяславском евангелии 1354 г. Памятник этот не акающий, и *о* вместо *а* в этой форме может быть объяснено лишь как результат выравнивания глагольной основы. Наше современное написание *полагать* отражает традиционную церковнославянскую орфографию (ср. в подобной же категории лексически не церковнославянское *помогать*).

§ 7. В широком объеме устраняются в результате выравнивания возникающие на славянской, а порой и прямо на русской почве чередования согласных.

Устраняются в глагольных основах настоящего времени чередования *к/ч, г/ж*, развившиеся в результате первой палатализации, вследствие чего является или форма совсем без чередования согласного (*пекý—пекóш* и т. д.), или же формы, на основе которых развивается новое чередование типа *к/к', г/г'* (*пекý—пек'óш* и т. д.). В говорах, где нет перехода *е* > *'о*, в соответствующих формах чередования вообще нет, так как мягкость *к'* в таких случаях, как *пек'éш*, обусловлена позиционно.

Теряются в русском языке (но не в украинском и белорусском) возникшие на основе второй палатализации чередования *к/ц, г/з, х/с*. Как на остаток его можно указать, пожалуй, только на нерегулярно образующуюся форму множественного числа *друзья* (при *друг*). Следует, кстати, заметить, что эти чередования, первоначально параллельные друг другу, терялись, повидимому, не одновременно, причем *к/ц* терялось раньше, чем *г/з*. Интересно, что Унбегаун для русского языка XVI века указывает на то, что

чередование *к/ц* уже теряется, а чередование *г/з* (*g/z*) является еще живым.

Теряются в результате выравнивания в основах глаголов IV класса чередования, возникшие в результате изменений сочетаний согласных с *j*. Согласный вторичного смягчения распространяется и на 1-е лицо единственного числа, и являются формы типа *колотю́*, *любю́* и т. д.

Это явление известно как некоторым северным, так и некоторым южным говорам и распространено также за пределами русского языка (в украинском).

В некоторых говорах теряется вновь возникшее в глагольных основах чередование типа «твердый — соответствующий мягкий согласный», в результате чего устанавливаются отношения типа *несу́—несо́ш*.

Устраняются также возникшие некогда фонетически чередования согласных с нулем, и на месте древних *капати — канути* устанавливается отношение *капать—капнуть*. Сохранившаяся же как архаизм древняя форма *кануть* лексически отрывается от *капнуть*.

Недостаточная изученность древнерусских памятников и памятников более позднего периода лишает нас в настоящее время возможности сколько-нибудь точно определить хронологию всех этих выравниваний.

Но если чередования частично и разрушаются, то вряд ли можно назвать такое чередование (старое или новое, все равно), которое совершенно исчезло бы из языка, даже в тех говорах, где в широком объеме наблюдается выравнивание. Так, по говорам широко наблюдается устранение чередования задненебных согласных с шипящими в глагольной основе. Но в словообразовании существительных оно остается, и вряд ли можно указать говор, где не было бы таких форм, как *мешочек* или *мешечек*, *горшочек* или *горшечек* и т. д. Точно так же, если в говоре распространены такие формы, как *ви́дю* (вместо *вижу*), то это не значит, что в нем нет таких форм, как *сту́жа* (при *студить*).

§ 8. Несколько слов нужно сказать об одном новом явлении, на первый взгляд напоминающем вновь возникающие чередования, но в действительности к ним не относящемся. Мы имеем в виду такие случаи, как нефонетическая замена *е* через *о* в формах множественного числа типа *звёзды*, *гнёзда* и т. п., или нефонетическая замена *а* через *о* в распространенных по говорам и даже в московском просторечии таких случаях, как *пло́тишь*, *подо́ришь*, *посо́дишь* и т. д. В действительности это мнимые чередования. В них отражается изменение звукового (точнее, фонемного) состава корня в результате неразличения в безударном положении *а* и *о*. Подобное явление наблюдается и в южновеликорусских говорах в формах типа *ла́вишь* (*ло́вишь*), *разво́лишь* (*разва́лишь*) и т. д.

Части речи в древнерусском языке

§ 9. Рассмотрение исторического развития грамматических категорий русского языка целесообразно вести в порядке частей речи. В связи с этим необходимо остановиться на том, какие части речи были представлены в древнерусском языке эпохи древнейших дошедших до нас памятников.

Части речи представляют собой грамматические классы слов, различающихся семантическими, синтаксическими и морфологическими признаками. Семантические и синтаксические признаки, хотя и необходимы для разграничения частей речи, всегда недостаточны, если нет морфологических признаков, позволяющих разграничить разные классы слов. Морфологические же признаки, характеризующие различные части речи, состоят в наличии у каждого выделяемого особо класса слов своих, свойственных ему грамматических категорий, выражающихся не только в структуре слов, принадлежащих к соответствующей части речи, но в ряде случаев и в структуре слов, которые от них в предложении зависят.

Грамматическая классификация слов носит многостепенный характер. Все слова языка подразделяются прежде всего на самостоятельные и служебные. Под самостоятельными словами понимаются слова, образующие отдельные члены предложения. Под служебными словами понимаются слова, служащие для выражения отношений между самостоятельными словами в предложении, между предложениями, а также отношений говорящего к этим отношениям — предлоги, союзы, частицы. Все служебные слова древнерусского языка, как и современного, характеризуются неизменяемостью.

Особняком стоят междометия, не выражающие отношений между словами и в то же время не являющиеся членами предложения, но сами образующие отдельные не членимые слова-предложения. Следует, впрочем, иметь в виду, что междометия древнерусского языка мало известны. Они по самой своей природе (представляя по происхождению восклицания рефлекторного характера, лишь затем стабилизировавшиеся в определенной форме) являются больше принадлежностью живой речи и редко фиксируются письменными памятниками. Впрочем, иногда мы их все же в рукописях находим. Ср., например, употребление междометия *о*: Что придосте съ хромьцемь симь, о вы плотници суще (Лавр. летоп.); О, далече заиде соколъ, птиць бья, къ морю (Слово о полку Игореве).

Междометия, так же как и служебные слова, характеризуются неизменяемостью.

Мы остановимся здесь лишь на самостоятельных словах, которые только и могут характеризоваться различными грамматическими категориями, выражающимися в структуре отдельного слова (у служебных слов и междометий никаких грам-

матических категорий нет). Некоторые лингвисты только самостоятельные слова и подразделяют на части речи.

Самостоятельные слова подразделяются прежде всего на имя и глагол.

Глагол выражает действие и может один, без помощи других слов, быть сказуемым в предложении. Он характеризуется прежде всего наличием структурно выраженных в форме отдельного слова категорий времени и наклонения, присущих только ему. Категории времени и наклонения являются основными формами выражения сказуемостных отношений, т. е. отношений, связывающих в предложении подлежащее и сказуемое. Свойственны древнерусскому глаголу и некоторые другие грамматические категории, отсутствующие у других частей речи. Подробней см. об этом ниже.

Имя содержит несколько различных грамматических классов слов, т. е. несколько различных частей речи. Общим для имени, независимо от того, к какой части речи оно принадлежит, является отсутствие у него тех категорий, которые специфичны для глагола, и невозможность самому, без помощи глагола, функционировать в качестве сказуемого.

В пределах имени прежде всего встает вопрос о разграничении существительного и прилагательного. То и другое характеризуется наличием категорий рода, числа и падежа. Но характер этих категорий у существительного резко отличается от этих же категорий у прилагательного. В то время как каждое существительное относится к одному из трех родов и по родам не изменяется, каждое прилагательное имеет все три рода и изменяется по родам в зависимости от того, к какому роду относится существительное, от которого зависит в предложении данное прилагательное. Число существительных выражает количество предметов, обозначенных существительными, и не зависит от отношений между словами в предложении, прилагательное же изменяется по числам в зависимости от того, каково число существительного, от которого оно зависит в предложении. Существительное изменяется по падежам, причем падежи выражают отношения данного существительного к другим словам в предложении, падежи же прилагательного показывают лишь от существительного в каком падеже зависит данное прилагательное в предложении.

В древности существительные и прилагательные были менее резко противопоставлены друг другу, чем в современном языке. По формам сильно отличаются от существительного так называемые местоименные прилагательные. Но наряду с ними были именные прилагательные, имевшие те же формы, что и существительные. Местоименные прилагательные вообще возникли позднее (хотя и задолго до эпохи, засвидетельствованной письменными памятниками), а до возникновения их были только именные формы. Последние могли использоваться

как существительные без всякого изменения формы. Ср., например, *зъло*—им. п. ед. ч. среднего рода прилагательного и в то же время им. п. ед. ч. существительного среднего рода. Таково же было положение вещей и в других древних индоевропейских языках. Ср. санскр. *papám* «злое» и «зло».

В пределах же имени выделяется местоимение. Выделение местоимения основано вообще на иных принципах, чем деление на части речи. Среди самостоятельных слов все слова могут быть подразделены на знаменательные и местоименные. Различие их состоит в том, что знаменательные слова нечто обозначают, местоименные же лишь указывают на отношение к лицу говорящему, или в речи (они показывают, как относится предмет или признак, выраженный говорящим, к лицу говорящему, или как относится член предложения, выражающий соответствующий предмет или признак, к другим словам в предложении).

Особенности в грамматических категориях, отличающие их от других частей речи, в древнерусском языке, как и в современном, по существу имеют лишь личные местоимения первых двух лиц и возвратное. Специфической особенностью их является отсутствие категории рода (а для возвратного и числа).

Неличные местоимения по характеризующим их категориям сближаются, как и в современном языке, с прилагательными.

Следует заметить, что как личные, так и неличные местоимения характеризуются резко отличными от существительных формами склонения.

В современном языке среди самостоятельных слов выделяются как особая часть речи числительные (к ним относятся грамматически по существу лишь количественные числительные). Особенностью числительных является отсутствие грамматической категории числа. В древнерусском языке эпохи древнейших дошедших до нас памятников числительных как особой части речи еще не было. Это не значит, что там не было слов, обозначающих числовые понятия. Такие слова были. Но грамматически они в особый класс не выделялись. Числительные до *четырех* включительно по своим грамматическим свойствам сближались с прилагательными, а числительные, начиная с *пяти*,— с существительными.

Кроме перечисленных выше частей речи, среди самостоятельных слов, как и в современном языке, должно быть особо выделено наречие, характеризующееся отсутствием каких бы то ни было характеризующих его грамматических категорий. Поскольку наречие так же, как и имя, не может без помощи глагола функционировать как сказуемое и не имеет специфических для глагола грамматических категорий, некоторые лингвисты наречие также включают в имя.

Следует заметить, что класс наречий в древнерусском языке был более ограничен, чем в настоящее время. Наречие попол-

няется, как известно, за счет других частей речи, причем во многих случаях это имеет место уже на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками.

Порядок изложения в дальнейшем принят следующий: сначала рассматривается существительное, затем местоимение (до прилагательного, так как для понимания некоторых изменений, имевших место в прилагательных, важно знать формы местоимений), затем прилагательное, после чего рассматриваются изменения в формах, общие для местоимений и прилагательных, затем числительное (здесь освещается также, когда и при каких условиях числительные выделяются в особую часть речи), затем глагол и, наконец, наречие. Служебные слова не рассматриваются, так как они больше относятся к области синтаксиса, чем к области морфологии. В заключение даются некоторые (очень сжатые) сведения об изменении ударения в различных грамматических категориях.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

§ 10. Категориями, характеризующими существительное, в древнерусском языке, как и в современном, были категории рода, числа и падежа.

Категория рода, как и в современном языке, состояла в том, что все существительные, т. е. все слова предметного значения, разбивались на три класса (или рода) — мужской, женский и средний, причем различные слова, зависящие от существительных, а именно прилагательные, местоимения неличные, числительные, причастия, меняли свою форму в зависимости от того, определением (или сказуемым) при каком существительном они являлись.

Категория числа состояла в том, что существительное изменяло форму в зависимости от того, какое количество предметов оно выражало, причем в зависимости от этого изменения меняли форму и слова, зависящие от него в предложении, — прилагательные, местоимения, числительные, причастия, глаголы. При этом в отличие от современного языка было не два, а три числа — единственное, двойственное и множественное. Единственное число употреблялось, когда речь шла об одном предмете, двойственное — когда о двух предметах, множественное — когда о предметах в числе более двух.

Категория падежа состояла в том, что существительное изменялось, выражая различные синтаксические отношения к другим словам в предложении, и изменялись соответственным образом различные склоняемые слова (прилагательные, местоимения, числительные, причастия), являющиеся определениями к данному существительному. Различные падежи, т. е. различные формы одного и того же существительного, были в основном те же, что и в современном русском языке. Различались падежи

именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный. Шестой падеж для древнерусского языка принято называть не предложным, а местным, так как он мог употребляться и без предлога, обозначая в этом случае в первую очередь место (а также и время). Особняком стоит звательная форма, которую некоторые лингвисты называют звательным падежом, но которая отличается от всех остальных падежей тем, что выражает обращение, а не отношение существительного к другим словам в предложении. Следует, впрочем, заметить, что особая звательная форма выступала лишь в единственном числе.

Не каждое существительное в каждом данном числе принимает все шесть различных форм для выражения различных возможных отношений данного существительного. Например, форма *пути* являлась, как и в современном языке, одновременно формой род., дат. и местн. падежа ед. ч. (не говоря уже о том, что эта форма обслуживала некоторые падежи двойственного и множественного числа). С другой стороны, одни и те же синтаксические отношения у разных существительных в древнерусском языке, как и в современном, могли выражаться различными формами. Так, например, в современном языке совокупность отношений, выражаемых родительным падежом, у существительных, оканчивающихся в им. пад. ед. ч. на *-а*, выражается в форме с окончанием *-ы* (после твердых согласных), *-и* (после мягких), у существительных же мужского рода, оканчивающихся на согласный, и среднего рода та же самая совокупность отношений выражается в форме с окончанием *-а*. Это связано с тем, что у нас в языке имеется несколько различных типов склонений (в современном языке в основном три), по-разному образующих формы, выражающие одни и те же синтаксические отношения. В древнерусском языке типов было больше, чем в современном, вследствие чего совокупность отношений, выражавшихся тем же родительным падежом, могла выражаться еще более многообразными формами. Ср. род. падеж ед. ч. *воды, землѣ, стола, меду, пути, камене*.

Склонение существительных

§ 11. Склонение существительных в древнерусском языке, как и в других древних славянских языках, принято называть именным склонением, так как по нему склонялись не только существительные, но и вообще имена, т. е. также и прилагательные и причастия, а частью и числительные.

В древнерусском языке в эпоху древнейших памятников, точнее в эпоху, непосредственно предшествующую им, представлены следующие основные типы именного склонения. Вслед-

ствие условности любой нумерации (так как безразлично, какой тип считать первым, какой вторым и т. д.) для древнерусского языка, как и для старославянского, принято называть склонения не по порядковым номерам, а по основам. Но нужно иметь в виду, что эти основы понимаются в генетическом плане, и в части случаев то, что при названии склонения принимается за основу, в действительности было основой лишь в очень глубокой древности, в эпоху же древнейших памятников, и даже задолго до нее основой уже не является. Названия же для основ в некоторых случаях приняты двоякие — применительно специально к славянским языкам и применительно к индоевропейским языкам в целом (поскольку типы, устанавливаемые для древнерусского языка и для древних славянских языков в целом, обнаруживают определенные соответствия и в других индоевропейских языках).

1. Склонение с основой на-*а* (-*ā*)

Твердая разновидность

	Ед. ч.	*Мн. ч.*		*Дв. ч.*
И.	жена	жены	*И. В.*	женѣ
Р.	жены	женъ	*Р. М.*	жену
Д.	женѣ	женамъ	*Д. Т.*	женама
В.	жену	жены		
Т.	женою	женами		
М.	женѣ	женахъ		
З.	жено			

Примечания. В скобках указано название склонения применительно к индоевропейским языкам в целом.

Конечные согласные основы твердые.

В двойственном числе, как в этом типе, так и во всех остальных, всегда одинаковую форму имеют падежи им. и вин., род. и местн., дат. и твор.

Мягкая разновидность

	Ед. ч.	*Мн. ч.*		*Дв. ч.*
И.	землıа	землѣ	*И. В.*	земли
Р.	землѣ	земль	*Р. М.*	землю
Д.	земли	землıамъ		
В.	землю	землѣ		

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Т.	землею	землюми	Д. Т. землюма
М.	земли	землюхъ	
З.	земле		

Примечание. Конечные согласные основы мягкие.

2. Склонение с основой на -о(-ŏ)

Твердая разновидность

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Муж. р.	Средн. р.	Муж. р.	Средн. р.
И.	столъ	село	столи	села
Р.	стола	села	столъ	селъ
Д.	столу	селу	столомъ	селомъ
В.	столъ	село	столы	села
Т.	столъмь	селъмь	столы	селы
М.	столѣ	селѣ	столѣхъ	селѣхъ
З.	столе	село		

Дв. ч.

	Муж. р.	Средн. р.
И. В.	стола	селѣ
Р. М.	столу	селу
Д. Т.	столома	селома

Мягкая разновидность

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Муж. р.	Средн. р.	Муж. р.	Средн. р.
И.	конь	поле	кони	полю
Р.	коню	полю	конь	поль
Д.	коню	полю	конемъ	полемъ
В.	конь	поле	конѣ	полю
Т.	конемь (коньмь)	полемь (польмь)	кони	поли
М.	кони	поли	конихъ	полихъ
З.	коню	поле		

Дв. ч.

	Муж. р.	Средн. р.
И. В.	коня	поли
Р. М.	коню	полю
Д. Т.	конема	полема

Примечание. Конечные согласные основы мягкие.

3. Склонение с основой на -ъ (-ŭ)

	Ед. ч.	*Мн. ч.*		*Дв. ч.*
И.	домъ	домове	*И. В.*	домы
Р.	дому	домовъ	*Р. М.*	домову
Д.	домови	*домъмъ	*Д. Т.*	домъма
В.	домъ	домы		
Т.	домъмь	домъми		
М.	дому	домъхъ		
З.	дому			

Примечание. Не все формы этого склонения в достаточной мере засвидетельствованы в памятниках.

4. Склонение с основой на -ь (-ĭ)

	Ед. ч.		*Мн. ч.*	
	Муж. р.	Жен. р.	Муж. р.	Жен. р.
И.	путь	кость	путиѥ (ьѥ)	кости
Р.	пути	кости	путии (ьи)	костии (ьи)
Д.	пути	кости	путьмъ	костьмъ
В.	путь	кость	пути	кости
Т.	путьмь	костию (-ью)	путьми	костьми
М.	пути	кости	путьхъ	костьхъ
З.	пути	кости		

Дв. ч.

	Муж. р.	Жен. р.
И. В.	пути	кости
Р. М.	путию (-ью)	костию (-ью)
Д. Т.	путьма	костьма

Примечание. Конечные слоги тв. п. ед. ч. женск. р., им. п. мн. ч. мужск. р., род. п. мн. ч. мужск. и женск. р., род. и местн. п. дв. ч. мужск. и женск. р. фонетически представляют собой соответственно *-ĭju*, *-ĭje*, *-ĭjь* (*-ĭĭ*), *-ĭju*.

5. Склонение с основой на согласный

	Ед. ч.		*Мн. ч.*	
И.	камы	слово	камене	словеса
Р.	камене	словесе	каменъ	словесъ
Д.	камени	словеси	каменьмъ	словесьмъ
В.	камень	слово	камени	словеса
Т.	каменьмь	словесьмь	каменьми	словесы
М.	камене	словесе	каменьхъ	словесьхъ

Дв. ч.

И. В.	камени	словесѣ
Р. М.	камену	словесу
Д. Т.	каменьма	словесьма

Примечание. Это склонение во всех славянских языках очень рано начинает разрушаться, вследствие чего не все первоначальные формы его могут быть установлены с достаточной точностью. Впрочем, некоторые формы его в древнерусском языке держатся достаточно прочно (подробнее см. ниже).

Некоторые лингвисты указывают еще на 6-й тип склонения, которое принято называть (принимая во внимание соответствия с другими индоевропейскими языками) склонением с основой на *-ū* (общепринятое название применительно специально к славянским языкам не установлено). Склонение это следующее.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*		*Дв. ч.*
И.	свекры	свекръви	*И. В.*	свекръви
Р.	свекръве	свекръвъ		
Д.	свекръви	свекръвамъ	*Р. М.*	свекръву
В.	свекръвь	свекръви	*Д. Т.*	свекръвама
Т.	свекръвию (-ью)	свекръвами		
М.	свекръве	свекръвахъ		
З.	свекры			

Но легко видеть, что в единственном числе это склонение имеет совершенно такие же формы, как склонение с основой на согласный. Только перед конечными гласными наблюдается согласный *v*, тогда как в склонении с основой на согласные различные другие согласные (*n*, *r*, *s* и пр.). Правда, в отличие от склонения с основой на согласный, формы множественного числа этого склонения сближаются с формами склонения с основой на *-а*. Но это не является достаточным основанием для выделения этого типа в особое склонение. Единственное и множественное числа связаны между собой отношениями словообразования, а не словоизменения, что для древнерусского языка выступает достаточно ясно, как, впрочем, и для современного. И хотя связь по склонению единственного и множественного числа в древнерусском языке была несомненна (в современном языке существительные, принадлежащие к различным склонениям в единственном числе, во множественном числе имеют одинаковые формы), но и в древнерусском языке было немало случаев, когда одно и то же (по лексическому значению) существительное в единственном числе склонялось по одному склонению, а во множественном по другому.

Мягкая и твердая разновидность в пределах склонения с основой на *-а* и склонения с основой на *-о* рассматриваются как разновидности в пределах одного типа по традиции. Не только для начала исторического периода, но и для эпохи, непосредственно предшествующей эпохе древнейших памятников, есть определенные основания к тому, чтобы рассматривать эти разновидности как особые типы склонения. Разновидностями с полным основанием они могли бы называться в том случае, если бы различия в гласных окончаний были обусловлены фонетически — различием качества предшествующих согласных. Но если частью так и можно объяснять это различие (например, *ъ* после твердых согласных, *ь* после мягких, *у* после твердых, *і* после мягких, *о* после твердых, *е* после мягких), то в части случаев различие в гласных никак не связано с различием согласных. Так, например, *у* после твердых согласных должно соответствовать *і* после мягких согласных, и в некоторых формах мы его действительно находим. Ср. тв. п. мн. ч. *столы—кони*.

Но в других случаях при том же *-у* в твердой разновидности мы находим в мягкой разновидности *-ѣ*. Ср. род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. *жены—землѣ*, вин. п. мн. ч. *столы—конѣ*.

Но если *ѣ* выступает в некоторых случаях в мягкой разновидности в соответствии с *у* в твердой разновидности, то, с другой стороны, *-ѣ* может выступать и в твердой разновидности, а в мягкой в этом случае ему соответствует *-і*. Ср. дат. и местн. п. ед. ч. *женѣ—земли*; местн. п. ед. ч. *столѣ—кони*; местн. п. мн. ч. *столѣхъ—конихъ*. Поскольку *ѣ* является

гласным переднего ряда, оно несомненно возможно после мягких согласных, и *i* в соответствии с ним, конечно, для начала исторической эпохи фонетически не обусловлено.

Однако поскольку оба типа обнаруживают несомненный параллелизм в окончаниях, их принято считать разновидностями одного типа, несмотря на приведенные выше соображения, и мы сохраняем здесь это традиционное подразделение.

Все вышеизложенное показывает, что типы склонения, которые по традиции принимаются для древнерусского и старославянского языка, в действительности не характеризуют систему языка эпохи древнейших дошедших до нас памятников и даже эпоху, ей непосредственно предшествующую. Эти типы склонения характерны, как увидим далее, лишь для определенного периода в развитии грамматического строя общеславянского языка-основы.

По именному склонению, система которого была только что изложена, в древнерусском языке, как и в старославянском, склонялись не только существительные, но и именные прилагательные (о них подробнее см. ниже). Но последние, в отличие от существительных, могли склоняться лишь по двум первым типам, т. е. по типу основ на *-а* и по типу основ на *-о* (как по твердой, так и по мягкой разновидности), причем мужской и средний род прилагательных всегда склоняются по основам на *-о*, а женский — по основам на *-а*.

Некогда, повидимому, существовали и прилагательные, склонявшиеся по иным типам, но уже в эпоху дописьменную они объединились в склонении с теми, которые склонялись по типу основ на *-о* и на *-а*. По типу этих основ склонялись также причастия. По различным типам именного склонения склонялась и большая часть числительных, которые, впрочем, как уже было сказано, в древнейший период истории русского языка грамматически еще не выделялись в особую часть речи.

§ 12. Именное склонение древнерусского языка чрезвычайно близко к именному склонению старославянского языка. Все основные типы те же. Различия, если исключить такие, которые зависят исключительно от фонетических различий между древнерусским и старославянским языком (напр., вин. п. ед. ч. основ на *-а* др.-русск. *жену* при ст.-слав. женѫ), сводятся лишь к двум формам — к форме тв. п. ед. ч. основ на *-ŏ*, где в древнерусском языке *-ъмь*, а в старославянском *-омь*, и к омонимической форме род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. мягкой разновидности основ на *-а* и вин. п. мн. ч. мягкой разновидности основ на *-ŏ*, которая в древнерусском языке имеет окончание *-ě*, а в старославянском языке *-ę*.

Форма тв. п. ед. ч. основ на *-ŏ* в древнерусском языке уже в древнейших памятниках обычно оканчивается на *-ъмь*, в мягкой же разновидности на *-ьмь* (поскольку на месте ъ после мяг-

кого согласного обычно является *ь*). Это окончание удостоверяется фактами современного украинского языка, где окончание *-ом* (*дубом*, *селом*) подтверждает, что в живом древнерусском языке, являющемся источником как современного русского, так и современного белорусского и украинского языков, эта форма имела окончание *-ъмь* (*ъ*, будучи в сильном положении, дало *о*; если бы здесь было старое *о*, оно должно было бы дать в новом закрытом слоге *ō* с последующей дифтонгизацией и изменением дифтонга в *i*).

Правда, и в старославянских памятниках мы наблюдаем колебания между *-омь* и *-ъмь*, но там нет той последовательности употребления формы с окончанием *-ъмь*, которая характерна для древнерусского языка.

Древнерусская форма с окончанием *-ъмь* представляет собой позднейшее явление сравнительно со старославянской формой на-*омь*. Эта форма отражает начавшийся еще в дописьменную эпоху и отражающийся во всех славянских языках процесс объединения различных в древности различавшихся типов склонения. Форма на *-ъмь* проникает в твердую разновидность склонения на *-о* из склонения на *-ъ* (*-ŭ*), где эта форма была исконной, в результате же утверждения *-ъмь* в твердой разновидности склонения на *-о* в мягкой разновидности того же склонения распространяется окончание *-ьмь* (вместо древнего *-емь*).

Окончание *-ѣ*, которому в старославянском языке соответствует *-ę* (ср., напр., др.-русск. *землѣ*, ст.-слав. ꙁємлѧ), характерно не только для восточнославянской, но и для западнославянской области. Напротив, для всей южнославянской области, как и для старославянского языка, характерно для соответствующих падежей окончание *-ę*, рефлексы которого отражаются и во всех современных южнославянских языках. Это отношение (т. е. *-ę* в южнославянской области, *-ѣ* в восточнославянской и западнославянской) не укладывается в рамки обычных фонетических отношений. Старославянскому *ę* как в корнях, так и в окончаниях нормально соответствует в древнерусском языке *'а*, после мягких согласных или, возможно, более переднее *ä*, древнерусскому же *ѣ*, опять-таки как в корнях, так и в окончаниях в старославянском языке нормально соответствует также *ѣ* (ср. др.-русск. и ст.-слав. *хлѣбъ*, др.-русск., и ст.-слав. дат. и местн. п. ед. ч. *женѣ*, *водѣ* и т. д.). Правда, Ф. Ф. Фортунатов предполагал, что и эти расхождения являются результатом определенных фонетических процессов, имевших некогда место в конечных слогах. По Фортунатову, восточнославянское и западнославянское *-ѣ*, южнославянское *-ę* в соответствующих окончаниях восходят к общеславянскому носовому «ять» (**ę̌*), развившемуся в общеславянской звуковой системе в результате изменения сочетаний **-jons*, **-jans* в конечных слогах (*ǫ* и *a* совпадали в *ǫ*, которое затем после *j* передвигалось

в передний ряд, *n* в сочетании с предшествующим гласным давало носовой гласный переднего ряда, но в данном случае не *ę*, как обычно, а близкий к нему, но отличный от него гласный переднего же ряда -*ę̌*). Это носовое *ę̌* имело в дальнейшем различную судьбу в разных славянских областях. В южнославянской области оно совпало в дальнейшем с носовым *ę*, в восточнославянской же и западнославянской области утратило носовой характер и совпало с *ě*. Это совпадение имело место еще в глубокой древности и не связано с тем изменением носовых гласных в неносовые, какое мы наблюдаем, например, в восточнославянской области в дописьменную эпоху: -*ě* в соответствии с древнерусским -*ě* мы находим и в древнепольском языке, хотя в польском языке носовые гласные сохранились до сих пор.

Гипотеза о носовом *ę̌*, на основе которой разъясняется соответствие -*ě* — -*ę*, вызывает известные сомнения. Прежде всего встает вопрос, почему носовое *ę̌* развилось лишь в перечисленных падежных формах имен, а также в тех же падежных окончаниях местоимений указательных и местоименных прилагательных, но не развилось, например, в такой форме, как им. пад. ед. ч. мужск. и средн. р. действительного причастия настоящего времени, где после *j* наблюдается общеславянское *ę*, дающее в древнерусском языке звук, близкий к *а*. Ср. ст.-слав. знаѩ, др.-русск. *зна*ю. Правда, условия, в каких находился в ранний период развития общеславянской звуковой системы гласный конечного слога, в причастиях несколько отличалось от условий, в каких находился гласный в род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч., вин. п. мн. ч. имен и местоимений. В то время, как в последнем случае в конечном слоге было, как предполагают, **jons*, **jans*, в причастии было *-*jonts* (основа причастия настоящего времени оканчивалась на *-*ont*, *-*ent*; ср. лат. *ferens* < **ferents*, *ferentis*). Д. В. Бубрих выдвигал гипотезу, согласно которой *-*jonts* > *-*jents* > -*ję*, а *-*jons* (*-*jans*) > *-*jens* > **ję̌*.

Но эта гипотеза опирается на предпосылку, в конечном счете не подкрепленную никакими доказательствами, содержащую положение об обязательном фонетическом источнике соответствий -*ě* — -*ę̌*. И эта гипотеза не разъясняет удовлетворительно с фонетической точки зрения, почему сочетание *ts*, с одной стороны, и одно *s*—с другой стороны, обусловливают именно эти расхождения в развитии носовых гласных. Кроме того нужно иметь в виду, что фонетическое объяснение различных явлений конца слова (а здесь мы имеем дело именно с такими явлениями) затруднены тем, что конец слова в подавляющем большинстве случаев представляет определенные морфологические элементы (окончания различных форм), и мы не всегда можем сказать, в каких случаях мы имеем дело с фонетическими, а в каких с морфологическими явлениями. И возможно, что в данном слу-

чае одна из форм представляет собой морфологическое новообразование, хотя пока мы и не можем объяснить, в силу каких причин оно явилось.

§ 13. Взаимная близость типов именного склонения различных славянских языков древнейшего времени и близость в первую очередь древнерусского и старославянского склонения позволяет легко восстановить общеславянскую систему именного склонения. Эта система, если брать общеславянский язык-основу более позднего времени, т. е. времени незадолго до формирования отдельных славянских групп, очень близка к приведенной выше системе древнерусского языка эпохи древнейших памятников. Основные типы склонения были те же.

Как уже было сказано выше, названия типов по основам не только для древнерусского языка, но частью и для общеславянского носят условный характер. Но в части случаев эти названия действительно характеризуют те отношения, которые существовали в общеславянском языке и даже позднее, в древнейший период истории отдельных славянских языков.

С полным основанием называется склонение с основой на согласный. Оно названо так потому, что в конце основы существительных, принадлежащих к этому склонению, наблюдаются различные согласные звуки. Эти согласные достаточно ясно выступают во всех падежах, кроме именительного ед. ч. (а для среднего рода также одинакового с ним винительного). Ср., например, *мати — матер-е — матер-и — матер-ь* и т. д. (основа *-r-*); *камы — камен-е — камен-и — камен-ь* и т. д. (основа *-n-*) и т. д.; имѧ — *имен-е—имен-и* и т. д. (основа *-n-*). Отсутствие согласного в им. п. ед. ч. легко объясняется фонетически как результат действовавшего еще в общеславянской системе и продолжающего действовать в древнейший период раздельного развития отдельных славянских языков закона открытых слогов. Конечный согласный, характеризовавший основу и в именительном падеже, терялся или, если он был носовым, сливался с предшествующим гласным в один носовой гласный (так было в случае, например, *imen > imę*), который затем в русском языке изменился в неносовой. Иные гласные в именительном падеже сравнительно с гласным, предшествующим конечному согласному основы в косвенных падежах, объясняются или чередованием гласных (см. выше, стр. 18), или особыми изменениями гласных в конечных слогах. Так *слово* (ср. *словес-е*) в старославянском языке (в древнерусском языке существительные с конечным *s* в основе рано перестали склоняться по этому типу) объясняется чередованием *e/o* в основе; *камы* (ср. *камен-е*) объясняется, во-первых, чередованием *e/o*, во-вторых, наличием окончания *-s* (это окончание предполагается на основании наличия показателя *-s* для имен мужского рода в других индоевропейских языках), следова-

тельно, им. п. ед. ч. должен был когда-то иметь форму *kamōns; *o* в конечном закрытом слоге еще до действия закона открытых слогов подвергалось сужению, т. е. изменению в гласный более закрытый, верхнего подъема *u*, сочетание же *-*uns* изменялось в -*ūs*, теряя *n* без назализации предшествующего гласного, но с удлинением его, затем терялось *s*, а *ū* давало *y* (т. е. общая последовательность была такова: *kamons* > *kamuns* > *kamūs* > > *kamy* (*камы*).

Сложнее объяснить такую форму, как *мати*. В косвенных падежах здесь является гласный *e* и согласный *r*. Вследствие чередования в именительном падеже должно было быть *ē* (на долгий гласный указывают другие индоевропейские языки, ср. лит. *mótė*, греч. μήτηρ, др.-инд. *mātā*, с утратой конечного *r*). Долгое *ē* на славянской почве должно было дать *ě* (ѣ). В некоторых случаях мы находим в соответствии с *ě*—*i*, происхождение которого в достаточной мере не выяснено.

Несколько иначе обстоит дело со словом *дьнь*, также относящимся к этому склонению, где согласный *n*, характерный для конца основы в косвенных падежах (ср. род. п. *дьн-е*), распространился также и на именительный падеж, но после *n* является редуцированный гласный *ь*, возможно, под влиянием склонения на -*ь*, с которым склонение с основой на согласный обнаруживает много точек соприкосновения.

Итак, в склонении с основой на согласный мы имеем дело с достаточно ясно представленным согласным в конце основы.

Склонения с основой на -ъ (-*ŭ*) и -ь (-*ĭ*), на первый взгляд, менее оправданы с точки зрения их названий, но при более внимательном изучении их оказывается, что и эти склонения, не только в эпоху, предшествующую формированию общеславянского языка-основы, но и на протяжении всего его существования и даже возможно позднее характеризовались именно этими концами основ (т. е. ъ и ь).

Если мы сопоставим им. п. *сынъ* и род. п. ед. ч. *сыну*, на первый взгляд может показаться, что основа здесь уже в общеславянской системе, где формы были уже именно такие, как приведенные выше, оканчиваются на -*n*, а -ъ и -*u* являются окончаниями им. и род. п. Но мы знаем, что ъ и *u* представляют собой различные ступени весьма распространенного на славянской почве имеющего морфологическое значение чередования ъ/*u*, восходящего к индоевропейскому чередованию *u*/*ou* (ср., например, *съхнути*, *съхнѫти*—*сушити*). Как ъ именительного падежа, так и *u* родительного падежа (а также и местного, который, как известно, в этом склонении имеет одинаковую форму с родительным, если оставить в стороне вопрос об ударении) представляют собой конец основы, но на разных ступенях чередования. Различие форм им. (и одинакового с ним вин.) п. ед. ч.

и род. местн. п. ед. ч. выражается не окончаниями, а чередованиями гласного основы (при одном и том же нулевом окончании). В части форм мы находим конечное *-у* (*ы*): вин. п. мн. ч., им.-вин. п. дв. ч. *сыны*. Но, как мы знаем, ъ находится в чередовании с *у*(*ы*) и это чередование, восходящее к индоевропейскому *u*/*ū*, получило широкое развитие на славянской почве. Ср., например, *съхнути—оусыхати*.

Таким образом и в этих формах мы имеем дело для определенной эпохи с чистой основой (без окончания), но на другой ступени чередования. В части форм мы находим сочетание *ŏv* перед гласным. Так, дат. п. ед. ч. *сынови*, им. п. мн. ч. *сынове*, род. п. мн. ч. *сыновъ*, род.-местн. п. дв. ч. *сынову*. В данном случае окончания представляют лишь *-i* (дат. п. ед. ч.), *-е* (им. п. мн. ч.), *-ъ* (род. п. мн. ч.), *-u* (им.-вин. п. дв. ч.). *ŏv*, как известно, также находится в чередовании с ъ, *u*. Оно представляет собой ту же ступень, что *u*, но в иных фонетических условиях. Дифтонг *ŏu*, из которого в закрытом слоге, т. е. в положении перед согласным и на конце слова, на общеславянской почве развилось *u*, в открытом слоге, т. е. в положении перед гласным, давал сочетание *ov—u̯* отходило к следующему слогу и давало затем *v*.

Остальные формы, помимо уже рассмотренных, имеют основу, оканчивающуюся на ъ с различными окончаниями после нее. Ср. тв. п. ед. ч. *сынъмь* (окончание *-мь*), тв. п. мн. ч. *сынъми* (окончание *-mi*), местн. п. мн. ч. *сынъхъ* (окончание *-хъ*), дат.-тв. п. дв. ч. *сынъма* (окончание *-ma*). Следует заметить кстати, что те же окончания после конечного гласного основы мы находим и в других типах склонения.

Так же обстоит дело и в склонении с основой на *-ь*. Род., дат., местн. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч., вин. п. мн. ч. (а для женского рода и им. п. мн. ч.) оканчиваются на *-i* (ср. *пѫти*, (пути), кости). Но *i*, как известно, находится в закономерном чередовании с *ь* (ср. *бьрати—събирати*). И во всех этих формах мы имеем дело с чистой основой, но на другой ступени чередования. Генетически чередование *ь*/*i* может иметь двоякий источник: оно может восходить к чередованию *i*/*ī* (т. е. к удлинению редукции) и может восходить к чередованию *i*/*ei̯*. Как показывает сравнение с другими индоевропейскими языками, в склонении с основой на *-ь* ступень *i* развилась из дифтонга *ei̯*. Им. п. мн. ч. муж. рода оканчивается на *-ĭje*, а род. п. мн. ч. на *-ĭjь*(*ĭ*). Основа в данном случае оканчивается на сочетание *-ĭj-*(окончаниями являются в первом случае *-е*, во втором *-ь*). Это сочетание представляет собой ту же ступень чередования, что *i* (<*ei̯*). Дифтонг *ei̯* в закрытом слоге, т. е. перед согласным, и на конце слова, стягивался в *i*, в открытом же слоге, т. е. перед гласным, сохранялся, причем *i̯* отходило к следующему слогу. Но в этом случае *e*, уподобляясь последующему *i̯*, изменялось в *i*, дававшее вообще на славянской почве *ь*, которое, уподобляясь по-

следующему *j* (развившемуся из *ĭ*), давало редуцированное *ĭ*. В остальных формах основа оканчивалась на *-ь*, частью на конце слова (им. и вин. п. ед. ч.), а большей частью перед разными согласными окончаний: тв. п. муж. р., пѫтьмь, *путьмь*, тв. п. жен. р. костиѭ, *костию* (*ĭ*<*ь* перед *j*), дат. п. мн. ч. *путьмъ*, *костьмъ*, тв. п. мн. ч. *путьми*, *костьми*, местн. п. мн. ч. *путьхъ*, *костьхъ*, род.-местн. п. дв. ч. *путию*, *костию* (*ĭ*<*ь* перед *j*), дат.-тв. п. дв. ч. *путьма*, *костьма*. В отношении тв. п. ед. ч. женск. р. следует заметить, что здесь такое же точно сочетание, как и в им. п. мн. ч. мужск. р., род. п. мн. ч., но оно имеет другой источник и иначе подразделяется морфологически. В такой форме, как *путию*, сочетание *ĭj*<*ьj*<*ij*<*eį* принадлежало основе, в такой же форме, как *костию* (ст.-слав. костиѭ), основе принадлежит лишь *ĭ*<*ь*, тогда как *j* принадлежит окончанию. Это же *j* в тв. п. ед. ч. женск. р. мы находим и в существительных жен. р. других типов склонения. Ср., например. *женою*, ст.-слав. женоѭ а также в местоимениях, откуда это окончание, повидимому, и пришло. Ср. тв. п. ед. ч. женск. р. *тою* (ст.-слав. тоѭ) от *та*.

Иначе обстоит дело с т. наз. основами на *-а* и на *-ō*. В склонении с основой на *-о* для раннего периода развития грамматического строя общеславянского языка-основы для большинства форм с достаточной ясностью восстанавливается основа на *-о*. Для им. и вин. п. ед. ч. сред. р. (*село*), тв. п. ед. ч. *столомь* (старославянская форма; древнерусская форма *столъмь*, как уже сказано выше, позднейшая и является результатом воздействия склонения с основой на *-ъ*), дат. п. мн. ч. (*столомъ*), дат.-тв. п. дв. ч. (*столома*) это очевидно. В окончании местн. п. ед. и мн. ч. (*столѣ*, *столѣхъ*) *-ě* развилось из дифтонга *-oį* (на это указывают такие формы, как *вълцѣ*, *вълцѣхъ*, где *c'* из *к* в результате второй палатализации; если бы *ě* было из *ē*, из *к* развилось бы *č*). В данном случае, следовательно, *о* принадлежало основе, а вторая часть дифтонга, *į*, —окончанию. Предположение, что *-ě* в рассматриваемой форме восходит действительно к дифтонгу *-oį*, подкрепляется данными других индоевропейских языков, например, греческого — ср. Ἰσθμοῖ «на Истме» (т. е. на Коринфском перешейке) от Ἰσθμός.

В им. и вин. п. ед. ч. мужск. р. мы находим на конце *-ъ*. Сравнение с другими индоевропейскими языками указывает на первоначальное различие этих форм и на то, что некогда им. п. оканчивался на *-os*, вин. п.—на *-om*. Ср. греч. λύκος, вин. п. λύκον (*-ν*<*-m*), лат. *lupus*, *lupum*<др.-лат. *lupos*, *lupom*. Но еще до утраты конечных согласных в конечном закрытом слоге в общеславянской системе имело место изменение гласных в более закрытые, а именно *ō*>*u*, которое в конечном итоге дало *ъ*. Такое изменение гласных мы наблюдаем и в некоторых других индоевропейских языках, например, в латинском. Таким образом, предполагая, что в глубокой древности соответствующие

формы оканчивались на *-ōs*, *-ōm*, мы видим, что и здесь отчетливо выступала основа на *-o*.

Им. п. мн. ч. *-i* фонетически восходит к дифтонгу *-oį* (ср. греч. λύκοι «волки»). Вообще этот дифтонг обычно дает *ě*, но в конечном положении в некоторых случаях *-i*. Условия развития *-i* вместо *-ě* в достаточной мере пока еще не выяснены (предположение о различии акцентных отношений, выдвигаемое некоторыми лингвистами, наталкивается на известные противоречия). То, что здесь действительно был дифтонг *-oį*, подтверждается тем, что в случае наличия перед конечным гласным задненебного согласного он подвергается второй палатализации (ср. *вълкъ—вълци*). Таким образом и здесь ясно выступает основа *-o*.

Вин. п. мн. ч. оканчивался в др.-русск. и ст.-слав. яз. на *-y* (*-ы*). Это *-y* в конечном слоге фонетически развилось из сочетания **-ons*. На него указывают, например, такие формы как греч. диалектная (критская) λύκονς, готская *wulfans*. *O* в конечном закрытом слоге, еще раньше утраты согласных, должно было измениться в *u*, следовательно, конец формы должен был принять вид *-uns*, носовой согласный терялся, удлиняя предшествующий гласный, а *s* просто исчезало, вследствие чего на конце слова должно было явиться *-ū*, дающее затем *-y*. Следовательно, и здесь ясно выступает для далекой доисторической эпохи основа на *-o*.

Род. п. мн. ч. оканчивался на *-ъ*, как и им.-вин. п. ед. ч. мужск. р., но, судя по показаниям других индоевропейских языков, форма должна была первоначально отличаться от им.-вин. п. ед. ч., она восходит к *ōm*. Ср. греч. λύκων «волков», др.-лат. *deum < deom* «богов». Долгое *ō* является, повидимому, результатом сочетания гласного основы *o* с гласным окончания. Таким образом и здесь для глубокой древности восстанавливается основа на *-o*. Гласный конечного слога, еще до утраты конечного *-m*, должен был подвергнуться не только изменению в более закрытый гласный *u*, но также сокращению, причины которого полностью еще не установлены. По мнению одних лингвистов, это сокращение было обусловлено особыми акцентными отношениями, по мнению же других, сокращению подвергалось всякое *-o* в сочетании с носовым согласным на конце слова. Возможно же, что некогда в индоевропейских языках наряду с формой с долгим *ō* существовала форма с кратким *o*. На нее указывает, например, древнепрусское окончание *-an*.

Род. п. ед. ч. оканчивался на *-a* (напр., *вълка*, *стола*). Но славянское *a* может восходить, как известно, как к *ā*, так и к *ō*. Судя по показаниям других индоевропейских языков, в склонении с основой на *-ŏ* различались некогда родительный и отложительный падежи. Отложительный падеж выражал удаление (в современном языке это значение передается родительным падежом с предлогом *от*, *из*). В остальных склонениях значения,

выражавшиеся в основах на -ŏ особой формой отложительного падежа, выражались родительным падежом. На протяжении дописьменного периода развития грамматического строя общеславянского языка родительный и отложительный падежи объединились в одной форме и в основах на -о (вероятно, вследствие того, что соответствующие значения передавались одной формой во всех других склонениях). Форма славянского родительного падежа в основах на -о восходит, повидимому, к древней форме отложительного падежа, которая, судя по показаниям других индоевропейских языков, оканчивалась на -ōd (ср. др.-инд. *vṛkāt* < *vṛkōd* «от волка», лат. *lupō* < др.-лат. *lupōd*, латинский *ablativus*, т. е. отложительный падеж, объединил по значению старые отложительный, творительный и местный падежи); ō представляет здесь результат сочетания конечного гласного основы (о) и какого-то гласного окончания. Таким образом и здесь восстанавливается основа на -о.

Им.-вин. п. дв. ч. оканчивался на -а (*вълка*, *стола* «два волка», «два стола»), восходящее, судя по показаниям других индоевропейских языков к ō (ср. греч. λύκω). Это ō представляет собой или результат слияния гласного основы о с гласным окончания, или иную ступень чередования.

Звательная форма ед. ч. оканчивается на -е (*вълче*). Она представляет собой чистую основу (без окончания), но на иной ступени чередования. Как известно, гласные е/о находятся в закономерном чередовании.

Легко восстанавливается основа на -о и в род.-местн. п. дв. ч., оканчивающемся на *u* (*вълку*, *столу*), восходящее, судя по показаниям других индоевропейских языков, к дифтонгу *оц*—ср. греч. μέσουν «посреди (двух предметов)».

Менее ясно происхождение -*u* в омонимической (т. е. одинаковой по звуковому составу) с только что разобранной формой дат. п. ед. ч. (*вълку*, *столу*).

Но поскольку славянское *u*, как известно, развивается из дифтонгов, содержащих *а* или ŏ (причем последнее чаще), то во всяком случае несомненно, что в составе этого конечного гласного содержится генетически *о*, конечный гласный основы, а следовательно, и здесь основа на -ŏ восстанавливается с достаточной ясностью.

Не вполне ясно происхождение и отношение к основе конечного -*y* в форме тв. п. мн. ч. (*вълкы*, *столы*). Оно, несомненно, имеет иной источник, чем омонимически совпадающее с ним -*y* вин. п. мн. ч., рассмотренное выше. На это указывают, между прочим, и иные отношения к мягкой разновидности того же склонения на -о. В то время, как вин. п. мн. ч. мягкой разновидности -ę в южнославянской области, -ě в западнославянской и восточнославянской, в тв. п. мн. ч. там -*i* (как обычно в соответствии с *y* после мягких согласных). Ср., например, *кони*.

На основании всего сказанного видно, что конечный гласный

основы *ŏ*- в некоторых случаях выступает с полной очевидностью, в других же случаях может быть восстановлен для более или менее далекой дописьменной эпохи, в части случаев с большей, в части случаев с меньшей ясностью. В общеславянской же системе более позднего периода (после монофтонгизации всех дифтонгов и утраты конечных согласных) гласный *ŏ*, несомненно, уже не является концом основы.

В основах на -*а* гласный *а* также еще в общеславянской системе перестает уже быть концом основы. Но для более древней эпохи в ряде форм он восстанавливается достаточно ясно.

Совершенно ясно выступает *а* в формах им. п. ед. ч. (где в древности вообще была чистая основа без окончания), дат., тв. и местн. п. мн. ч. (*женамъ, женами, женахъ*), где окончания первоначально были -*mъ*,-*mi*,-*xъ*, в дат.-тв. п. дв. ч. (*женама*).

Достаточно ясно в ряде форм восстанавливается основа на -*а* для различных эпох развития общеславянского грамматического строя.

В вин. п. ед. ч. древнерусская форма оканчивается на -*u* (*жену*). Но соответствующая форма старославянского языка, оканчивающаяся на-*ǫ* (женѫ), говорит о том, что русское -*u* развилось из -*ǫ*. Сочетание же *ā* (другие индоевропейские языки свидетельствуют о том, что здесь в основе *ā* долгое) с носовым согласным в конечном слоге должно дать *ǫ*. Здесь мы имеем дело с сочетанием конечного гласного основы (*а*) с окончанием, состоящим из носового согласного. Судя по показаниям других индоевропейских языков, здесь должно было быть окончание -*m* (ср. лат. *rosam* «розу»).

Дат. и местн. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч. оканчиваются на -*ě* (*женѣ*). Это *ě* восходит к дифтонгу с первым компонентом заднего ряда, на что определенно указывает вторая палатализация, наблюдающаяся перед этим *ě* в том случае, если перед ним находится задненебный согласный (ср., напр., ст.-слав. *рѫцѣ*, др.-русск. *руцѣ*). Мы предполагаем, что *ě* в данном случае восходит к дифтонгу *ai̯*, первая часть которого представляет конечный гласный основы, вторая же часть — окончание. Возможно, что окончания дат. и местн. падежей были первоначально различны, и лишь впоследствии (хотя и в достаточно раннюю дописьменную эпоху) имело место совпадение этих форм, но, как бы то ни было, в обоих случаях ясно восстанавливается основа *а*.

Так же обстоит дело и в им.-вин. п. дв. ч., где также форма оканчивается на -*ě* (*женѣ*). Это *ě* также восходит к дифтонгу *ai̯*, первая часть которого представляет конец основы.

Форма род.-местн. п. дв. ч. оканчивается на *u* (как и в основах на -*о*). Это *u* имеет источником дифтонг *au̯* (дифтонги *ŏu̯* и *au̯* на славянской почве, как известно, дают один и тот же результат—*u*). Таким образом и здесь мы обнаруживаем основу на -*а*, по крайней мере, для эпохи до монофтонгизации дифтонгов на *u̯*. Окончание -*u*, восходящее к дифтонгу *ou̯* или *au̯*, мы встречаем

в соответствующей падежной форме и в других типах склонения (см. выше), где не может быть речи об образовании этого звука в результате слияния с конечным гласным основы *ō* или *а*. Но если окончание в данном случае и содержало первоначально дифтонг типа *оṷ*, *аṷ*, он все равно в результате слияния с конечным гласным основы *а* или *о* должен был бы дать тот же дифтонг.

На первый взгляд кажется, что нельзя возвести к основе на *-а* звательную форму, оканчивающуюся на *-о* (*жено*). Но звательная форма, как форма обращения, характеризуется особыми интонационными условиями, она произносится часто с экспрессией, вследствие чего максимум интенсивности падает на начальный слог (или слоги), конечный же слог, напротив, подвергается редукции и сокращается. Часто имеет место и перенос ударения (если оно падало на один из конечных слогов) к началу слова. Звательная форма представляла собой чистую основу (без окончания) и, следовательно, в рассматриваемом склонении первоначально должна была оканчиваться на *-ā* долгое. Сокращаясь, *ā* давало *а*, которое на славянской почве изменялось в *ŏ*. Возникающие таким образом отношения *а/о* < *ā/а* представляют собой один из видов количественных чередований. Здесь мы имеем дело с той же основой на *-а* без окончания, но на иной ступени чередования. О том, что здесь действительно имело место сокращение *ā*, свидетельствуют другие индоевропейские языки (ср., например, греч. χώρᾱ «страна» — зват. ф. χώρα; в латинском языке *-а* в обеих формах вследствие того, что всякое конечное *а* рано подверглось сокращению).

Им. и вин. п. мн. ч. в склонении с основой на *-а* имеют точно такую же форму, как вин. п. мн. ч. основ на *-о*, т. е. оканчивается на *-у* (*жены*). На основании сравнения с другими индоевропейскими языками предполагают, что эта форма первоначально выражала лишь вин. п. мн. ч. и лишь затем, по аналогии к вин. п., такую же форму получил им. падеж. Подобно тому, как конечный гласный *-у* в вин. п. мн. ч. основ на *-о* восходит к *-*ǫns*, конечное *-у* в основах на *-а* восходит к *-*ąns*. В результате совпадения *а* и *о* это *-ąns* должно было дать тот же результат, что и *-ǫns* (см. выше).

Такую же форму, как в основах на *-ŏ*, имеет и род. п. мн. ч., оканчивающийся на *-ъ* (*женъ*). Другие индоевропейские языки указывают на окончание *-ōm* (ср. греч. χωρῶν «стран»). *ō*, возможно, явилось результатом слияния конечного гласного основы (*ā*) с окончанием (*-om*, *-ōm*). Предположение, что здесь и на славянской почве некогда было окончание *-ōm*, основано на том, что сочетание *-ām* должно было дать носовой гласный (ср. выше вин. п. ед. ч. ст.-слав. жєнѫ).

Безусловно, не может быть выделена основа на *-а* даже для древнейшего периода развития общеславянского грамматического строя в форме тв. п. ед. ч., оканчивавшегося в общеславян-

ской системе на -*oj ǫ* (др.-русск. *женою*, ст.-слав. женоѭ). Предполагается, что эта форма не является в данном склонении первоначальной и обусловлена влиянием местоименного склонения (ср. тв. п. ед. ч. женск. р. ст.-слав. тоѭ, др.-русск. *тою*). Впрочем, наряду с этой формой, отражающейся в различных славянских языках, мы находим в некоторых славянских языках указание на другую форму, повидимому, более архаическую, восходящую к общеславянскому -*ǫ*, а не-*ojǫ*. Мы находим окончание -ѫ наряду с оѭ в некоторых старославянских памятниках (напр., в Зографском евангелии, в Супрасльской рукописи), ср. также польское окончание -*ą* (напр., *rybą*—«рыбой»), также восходящее к -*ǫ*. В этой форме можно предполагать слияние конечного -*a* основы с носовым согласным окончания (каким именно, трудно сказать вследствие того, что в различных индоевропейских языках творительный падеж представлен весьма разнообразными формами, но скорее всего *m*). Впрочем, польское *rybą* скорее представляет собой результат стяжения *rybojǫ*.

Не вполне ясно происхождение формы род. п. ед. ч., оканчивающейся на -*у* (*жены*). Судя по показаниям других индоевропейских языков, эта форма первоначально должна была оканчиваться на -*ās* (ср. греч. χώρᾱς «страны», лат. -*ās* в таком архаическом выражении, как *pater familiās* «отец семейства»).

Соответствующая форма мягкой разновидности, одинаковая с им. и вин. п. мн. ч. и оканчивающаяся в южнославянской области на -*ę*, в западнославянской и восточнославянской на -*ě* говорит как будто за то, что форма род. п. ед. ч. была одинакова с формой им. и вин. п. мн. ч. и в твердой разновидности. В таком случае эта форма должна была оканчиваться на -*ans*, впоследствии -*ons*. Следует, кстати, сказать, что изменение -*ans* в -*ŏns* (как и в им.-вин. п. мн. ч.) указывает, повидимому, на сокращение *ā*. Но в силу каких причин в славянской языковой области установилась эта новая форма для род. п. ед. ч., сказать трудно. Некоторые ученые предполагают (на такой точке зрения стоит В. А. Богородицкий), что появление в род. п. ед. ч. склонения на -*a* формы, одинаковой с им. и вин. п. мн. ч., является результатом наличия одинаковой формы для всех этих трех падежей в некоторых других склонениях, а в еще большем количестве типов род. п. ед. ч. одинаков с им. п. мн. ч. (ср. *кости*, *дьне*). Но сомнительно, чтобы аналогия могла распространяться в этом направлении. Ведь довольно часто одинаковы в различных склонениях и другие падежи, например, род. и дат. (*кости*), дат. и мест. (*женѣ*, *кости*), род. и местн. (*дьне*). Кроме того, в некоторых случаях тождество падежных форм кажущееся: будучи одинаковы по звуковому (фонемному) составу, они различаются ударением.

Внутри склонения с основой на -*a* и склонения с основой на -*ŏ* различаются твердая и мягкая разновидности. Их различие определяется, как уже было сказано, качеством согласного,

предшествующего гласному окончания или конечного слога. Поскольку мягкий согласный в них обычно (если исключить некоторые поздние и аналогически полученные образования) представляет собой результат сочетания согласного с *j*, в некоторых же случаях (именно в тех, когда перед *j* гласный) перед гласными окончания или конечного слога прямо является *j*, эти разновидности называют также склонениями с основой на *ja* и на *jo*. Примеры их образуют такие существительные, как *землю*, *конь*, *поле*, и такие прилагательные, как *синь*, *синю*, *сине*.

Соответствующие формы твердой и мягкой разновидности в эпоху древнейших памятников, как уже было сказано, лишь в некоторых случаях представляют собой фонетические варианты одной и той же формы, во многих же случаях в историческое время различия форм этих разновидностей фонетически не обусловлены. Но большинство их в какую-то дописьменную эпоху зависело от фонетических причин и лишь впоследствии утратило связь с фонетикой. Так, одно из распространенных соответствий *-ě* в твердой разновидности, *-i* в мягкой (ср. дат. и местн. п. ед. ч., им.-вин. п. дв. ч. *женѣ—земли*, *селѣ—поли*, местн. п. ед. ч. *столѣ — кони*, *селѣ — поли*, местн. п. мн. ч. *столѣхъ — конихъ*, *селѣхъ — полихъ*). Эти различия уже в начале периода древнейших памятников не обусловлены, поскольку после мягкого согласного возможно не только *i*, но и *ě*. Когда-то, однако, эти различия были обусловлены фонетически. Во всех перечисленных формах *ě* восходит к дифтонгам *oi̯* (для основ на *-o*), *ai̯* (для основ на *-a*). Поскольку *o* и *a* в славянской области совпали в *o*, эти дифтонги также когда-то совпали в *oi̯* (в дифтонге *āi̯ ā* первоначально было долгое, но, повидимому, рано имело место сокращение). Поскольку же *o* после мягкого согласного изменялось фонетически в *e*, дифтонг *oi̯* после мягкого согласного изменялся в *ei̯*, а *ei̯* вообще на славянской почве давало *i*. Таким образом форма типа *кони* проделала следующий путь: **kon'oi̯ > *kon'ei̯ > kon'i*. Впоследствии такую форму нефонетически получили и некоторые другие имена, первоначально не принадлежавшие к этому типу, но вошедшие в него позднее. Так, например, к мягкой разновидности основ на *-o* принадлежит существительное *отьць*. Оно первоначально входило в твердую разновидность, так как основа его не содержит *j*, и до второй палатализации оно имело форму **otьkъ*. После смягчения *к>с'*(после *ь*) конечные гласные в ряде случаев фонетически передвигаются в передний ряд (*ъ>ь*, *o>e*, *y>i*). Местн. п. ед. ч. первоначально имел форму* *otьkoi*, а после второй палатализации должен был бы принять вид **otьc'ě*. Но ввиду того, что в мягкой разновидности, к которой примкнуло это слово, местн. п. оканчивается на *-i*, устанавливается форма *отьци*. Это объяснение представляется более обоснованным, чем предположение о двух этапах второй палатализации—

более раннем, когда задненебные согласные смягчаются после гласных переднего ряда, и более позднем, когда они смягчаются перед конечными *ě*, *i* дифтонгического происхождения (в этом случае предполагается, что форма *отьци* получилась фонетическим путем следующим образом: **otьkoį > *otьc'oį > *otьc'eį > > otьc'i*).

Но не в отношении всех соответствующих форм твердой и мягкой разновидности можно доказать, что они хотя бы в дописьменную эпоху были фонетическими вариантами одного типа. Так, несмотря на предпринимавшиеся в этом направлении попытки, о которых было сказано выше, определенные сомнения вызывает возведение к единому фонетическому источнику соответствий типа *жены* — ст.-слав. ꙁемлѧ, др.-русск. *землѣ*, *столы* (вин. п. мн. ч.) — ст.-слав. конѧ, др.-русск. *конѣ*.

А в одном случае, именно в звательной форме ед. ч. основ на *-о*, мы имеем дело с формами, безусловно, не возводимыми к общему первоисточнику. Ср. *столе* — *коню*. Предполагается, что форма мягкой разновидности типа *коню* восходит к некогда существовавшему склонению с основой на *-ju* (т. е. к мягкой разновидности основ на *-u*), очень рано объединившемуся с мягкой разновидностью основ на *-о*. Если верно это предположение, то это значит, что процесс объединения различных типов склонения, приведший, как увидим, к современной системе склонения, начинается в очень древние времена. Следует заметить, что имена типа *отьць*, позднее примкнувшие к типу основ на *-о*, характеризуются звательной формой, одинаковой с твердой разновидностью. Ср. *столе*, *вълче* (от *вълкъ*) и *отьче*.

§ 14. Типы склонений, установленные для общеславянского языка-основы и более или менее ясно отражающиеся и в древних славянских языках, зафиксированных памятниками (прежде всего старославянскими и древнерусскими), находят себе, как уже было сказано, определенные соответствия в других индоевропейских языках, хотя, надо сказать, и не всегда достаточно полные. Различия с другими индоевропейскими языками касаются, во-первых, фонетики. В силу закона открытых слогов в славянских языках еще в общеславянскую эпоху терялись конечные согласные окончания, вследствие чего в некоторых случаях на славянской почве различие форм выражается лишь чередованием в основе, тогда как первоначально здесь имелись определенные окончания. Ср., например, им. и род. п. ед. ч. склонения с основой на *ŭ*-, где на славянской почве выступает чистая основа, представленная разными ступенями чередований, первоначально же эти формы характеризовались окончанием *-s*. Ср. лат. *fructus*, род. п. *fructūs* (лат. *ū* ≤ *ou*). В им. падеже окончание *-s* характеризовало лишь мужской род (ср. средний род лат. *cornu* «рог», род. п. *cornūs*; впрочем, женский род также имел *s*). Но в славянской области в этом склонении вообще сохранились лишь существительные мужского рода. Во-вторых, рас-

хождения с другими индоевропейскими языками зависят от того, что далеко не все индоевропейские языки представляют падежную систему с такой полнотой, с какой древние славянские (с наибольшей полнотой, и даже большей, чем в славянских языках, эта падежная система представлена в санскрите). И эти расхождения зависят, с одной стороны, от того, что некоторые различия падежных форм, первоначально существовавшие, частью индоевропейских языков были утрачены, а с другой стороны, от того, что некоторые из этих различий, развиваясь на почве отдельных индоевропейских языков, не во всех языках развились в одинаковой степени. Но при всем этом основные типы склонения всюду выступают достаточно четко.

Эти типы, как мы видели, различались гласными и согласными конца основы. Эти гласные и согласные, если не целиком, то во всяком случае большей частью, представляли собой некогда живые, но давно уже потерявшие значение словообразовательные суффиксы, каждый из которых объединял какие-то родственные по значению слова. Такие некогда значимые, но давно потерявшие значение суффиксы, оформляющие некоторые грамматические классы слов (в нашем случае различные типы склонения), в языкознании принято называть *корневыми определителями* или *детерминативами*. Поскольку эти детерминативы большей частью потеряли значение еще в очень далекие дописьменные времена и поскольку в каждый из типов, определявшихся ими, в различные последующие эпохи входили разные новые образования, первоначально не связанные с данным типом, некоторые же имена переходили из одного типа в другой, постольку первоначальные значения детерминативов во многих случаях трудно установить не только на основании материала славянских языков, но даже и на основании сравнения индоевропейских языков в целом. Но все же некоторые значения могут быть намечены.

Проще всего это сделать для некоторых основ на согласные. Существительные этого типа оканчиваются, как уже было сказано, на различные согласные. Среди них мы можем выделить группу существительных, основа которых в древнерусском языке оканчивалась на *-at-* после мягкого согласного (или, возможно, первоначально на *-ät-*), а в старославянском языке на *-ęt-* (это указывает на общеславянскую форму *-ęt-* < *-*ent-*), например: *тєлѧ*, *щєнѧ*, *поросѧ* (ст.-слав. прасѧ), *дѣтѧ*. С точки зрения значения эта группа представляет собой названия невзрослых живых существ (как животных, так и людей). В форме им. п. ед. ч. конечный согласный утрачен по закону открытых слогов. К этому типу относились первоначально, повидимому, и уменьшительные собственные имена, оканчивающиеся в современном языке на *-а* после мягкого согласного, типа *Ваня*, *Вася*, *Коля*. Теперь эти имена склоняются по нашему 1-му склонению, восходящему к древнему склонению с основой на *-а*.

Но на то, что они когда-то входили в склонение с основой на *-t*, указывают сохранившиеся по говорам формы типа *Ванятка*, *Васятка*. Эти существительные представляют собой уменьшительно-ласкательные формы от христианских имен. Это говорит как будто за то, что данный тип был живым и продуктивным в сравнительно позднее время. Впрочем, в последнем случае (т. е. в случае уменьшительных форм от христианских имен) мы скорее всего имеем дело с формами, образованными по аналогии к древним, дохристианским именам. Вообще же следует принять во внимание, что развитие этого типа, как, впрочем, и некоторых других, шло весьма сложными путями. Если, с одной стороны, некоторые имена позднего происхождения примыкают к древнему типу, то, с другой стороны, наблюдается переход производных от этого типа имен в другие типы, причем производные имена не сохраняют следов принадлежности к этому типу. Приведенные выше уменьшительные имена типа *Ваня*, *Коля*, *Петя*, перешедшие в склонение на *-а*; сохраняют мягкость конечного согласного основы, смягчившегося перед *ä<ę*. А производные от *телѧ—телок<телъкъ* (основа на *-о*), *тёлка<телъка* (основа на *-а*), образованные посредством суффикса *-ък-* и соответствующего детерминатива, твердостью *l* (*л*) указывают как будто на раннее образование, т. е. на образование, имевшее место еще в то время, когда *telä* характеризовалось еще полумягким *l*, полумягкость которого зависела от последующего гласного переднего ряда, но смягчение которого еще не достигло степени полной мягкости. Впрочем, историческое развитие нашего словообразования в достаточной степени еще не изучено, тут могли иметь место и различные вторичные процессы аналогического характера.

Среди основ же на согласные мы находим тип, оканчивающийся на *-r*, точнее на *-ter*, так как конечное *r* выступает именно в таком сочетании. В древнерусском и старославянском языках сюда относятся только два слова: *мати* (род. п. *матере*), др.-русск. *дъчи*, ст.-слав. *дъщи* (род. п. *дъчере*, *дъщѣре*) — общеславянская форма **dъkti*, **dъktere*. Оба эти слова представляют собой названия родства. Сопоставление с другими индоевропейскими языками показывает, что некогда этот тип был многочисленнее. Так, в древнерусском и старославянском языках слово *братѣ* входило в склонение с основой на *-о*, а слово *сестра*— в склонение с основой на *-а*. Оба эти слова также представляют собой названия родства. По показаниям других индоевропейских языков оба эти слова некогда также входили в склонение с основой на согласный (именно *r*). Ср. др.-инд. *bhrā́tā* (основа *bhrātar-*), лат. *frater* — «брат», греч. φράτωρ, φρατήρ «член фратрии»; др.-инд. *svásā* (основа *svāsar*), лат. *soror* (род. п. *sorōris*), **гот.** *swistar* «сестра». Славянское *братъ* представляет собой позднейшую форму. Более древняя форма братръ встречается в некоторых старославянских памятниках (братъ полу-

чилось из *братръ* в результате диссимиляции — второе из двух *r* утратилось). В обоих этих словах мы находим элемент *tr*, представляющий собой суффикс *-ter* на ступени редукции.

Другие индоевропейские языки указывают на то, что в этот тип входило и слово, обозначавшее «отца» (также название родства). Ср. др.-инд. *pitá* (основа *pitár-*), греч. Πατήρ, лат. *pater* (род. п. *patris*) «отец». В славянских языках в этом значении с древнейших времен употребляется слово другого корня, склоняющееся по типу основ на *-о* (ст.-слав. и др.-русск. *отьць*).

К основам на согласные примыкает, как уже было сказано, т. наз. тип на *-ū* (во всех падежах, кроме именительного падежа един. числа, основа оканчивается на *-ъv-*). Существительные этого типа образуют две четко выраженные семантические группы. Во-первых, сюда относились в древности различные названия плодов, например: *тыкы* «тыква», *мъркы* «морковь», ст.-слав. *смокы* «смоква»; во-вторых — названия свойства по женской линии, например, *свекры* «свекровь», *ѭтры* (ст.-слав. ѩтръı) «жена брата мужа». Слово *золовка* «сестра мужа» в современном языке склоняется по 1-му склонению, восходящему к древнему склонению с основой на *-а*. Суффикс *-к(а)* здесь, повидимому, позднейшего происхождения. Есть основания думать, что в древнерусском языке это слово имело форму *золы*, род. п. *золъве* (ср. совр. укр. *ятровка* «жена брата мужа» на месте др.-русск. *ѭтры*). Возможно, что в древности эти два значения (т. е. значение плодов и значение свойства по женской линии) были связаны, поскольку представление о женском начале и представление о плодородии в сознании говорящих были связаны. Сюда же относились еще некоторые слова, семантически также некогда, возможно, связанные с указанными выше, хотя для нас эта связь далеко не всегда ясна. Старославянский язык указывает, что сюда же относились такие слова, как *любы* «любовь», *неплоды* «бесплодная (т. е. не могущая родить) женщина». Судя по формам косвенных падежей, достаточно ясно отразившихся не только в старославянских, но и в древнерусских памятниках, сюда же относилось *кры* «кровь» (в русских и старославянских памятниках мы находим в им. п. ед. ч. лишь *кръвь*, но в древнепольском языке засвидетельствована форма *kry*). Можно думать, что к такому же типу принадлежало и название нашей столицы *Москвы* (только здесь скорее речь идет не о названии города, а о названии реки, по которой назван город, но в силу тождественности названий города и реки впоследствии такую же форму носит и название города). Им. п. **Москы* не засвидетельствован в памятниках, но в Лаврентьевской летописи, например, мы находим род. п. *Москве* (др.-русск. *Москъве*), вин. п. *Московь* (др.-русск. *Москъвь*).

В основах на *-ь* (*-ĭ*) мы находим довольно большое количество названий диких животных и птиц, например, *медвьдь*, *рысь*,

лось, *звѣрь*, *гусь* (ст.-слав. гѫсь), *голубь* (ст.-слав. голѫбь), *лєбѧдь*. Сюда же относятся такие слова, как *тьсть*, *зѧть*, *гость*, *тать* «вор». Первые два из них обозначают свойство по мужской линии. Слово *гость* в древности обозначало купца, но именно купца, приезжающего издалека, заморского. Отсюда и глагол *гостити* в значении «торговать» (и именно на чужбине). Интересно, что слово *гость* этимологически связано с лат. *hostis* «враг», принадлежавшим к тому же склонению. Возможно, что все эти слова обозначали нечто постороннее, нечто приходящее извне. Следует напомнить об экзогамных отношениях эпохи первобытно-общинного строя и вспомнить рассказы «Повести временных лет» об умыкании девиц. Впрочем, в этом же склонении мы найдем и много других слов, семантически объединить которые, а также связать с указанными выше трудно, отчасти вследствие того, что многие из них могли войти в этот тип позднее, когда первоначальные отношения уже были забыты, отчасти же и вследствие того, что для нас не всегда ясны те семантические связи, которые существовали в сознании наших далеких предков.

Склонения с основой на *-ŏ* и с основой на *-а* слишком разнообразны с точки зрения семантики входящих сюда слов, и о них трудно что-нибудь сказать даже в плане гипотезы. Возможно к тому же, что *-о-*, восходящее к *о* краткому, и не было в собственном смысле детерминативом, а было лишь тематическим гласным, фонетически развивающимся для связи различных морфем. Гласные *е/о* в этой функции широко известны в различных индоевропейских языках.

Также трудно что-нибудь определенное сказать и о склонении с основой на *-ъ* (*-ŭ*) вследствие его малочисленности. Можно думать, что когда-то этот тип был живым и продуктивным, однако очень рано он подвергается разрушению; слова, первоначально входившие в него, переходят в другие типы (скорее всего в тип основ на *-о*). На славянской почве к этому типу заведомо относились всего шесть слов — *волъ*, *вьрхъ*, *домъ*, *медъ*, *полъ*, *сынъ*, — да относительно некоторых слов существуют предположения, что они первоначально входили в этот тип. В тех случаях, когда приведенным выше словам обнаруживаются соответствия в других индоевропейских языках, последние также указывают на принадлежность этих слов к склонению на *-ŭ*. Ср., например, *вьрхъ* — лит. *viršús*, *домъ* — лат. *domus* (род. п. *domūs*), *медъ* — др.-инд. *mádhu*, *сынъ* — др.-инд. *sūnúḥ*.

§ 15. Характерной особенностью детерминативов является то, что существительные, входящие в различные типы, ими определяемые, по-разному образуют формы для выражения одних и тех же синтаксических отношений, т. е. один и тот же падеж, как уже было сказано, в различных типах склонений выражается по-разному. Впрочем, это различие не следует преувеличивать. В ряде случаев у всех склонений соответствующие

падежи образуются одинаково (ср., например, формы род. п. мн. ч., дат. п. мн. ч., местн. п. мн. ч., дат.-тв. п. дв. ч., где окончания у всех склонений заведомо одни и те же—ъ, после мягких -ь, -тъ, -хъ, -та). В некоторых же случаях исторически засвидетельствованные различия являются результатом фонетических изменений и восходят к единому окончанию. Так, например, форма вин. п. ед. ч. в различных склонениях выглядит весьма по-разному. Ср. *жену* (ст.-слав. женѫ), *столъ*, *сынъ*, *кость*, *камень*. Между тем, как на это указывает сравнение различных индоевропейских языков, окончание вин. п. ед. ч. во всех приведенных словах, принадлежащих к различным типам, было *-*m*. В сочетании с конечным гласным основы -*a* (в основах на -*a*) это *m* дает носовое *ǫ* (которое затем на восточнославянской почве изменяется в *u*); сочетание -*om* (т. е. сочетание -*m* с конечным гласным основы *o*<*ŏ*) в конце слова изменяется, как уже известно, в -*um*, а затем теряет конечное -*m*, на месте же краткого *ŭ* является ъ. Сочетания -ъ*m*, -ь*m* теряют лишь конечное *m* (без назализации предшествующего звука). В других индоевропейских языках конечное -*m*, представляющее собой окончание вин. п. ед. ч., выступает отчетливо. Ср., напр., лат. *rosam*, *lupum* (др.-лат. *lupom*), *fructum*, *puppim* «корму» (сочетание -*im* в форме вин. п. в латинском сохранилось лишь в немногих словах).

В склонении с основой на согласный окончание вин. п. *-*m* являлось в форме слогового *-*m̥*. Как известно, *m* принадлежало к сонантам, т. е. к таким звукам, которые, занимая промежуточное положение между гласными и согласными, в соседстве с гласными являлись на неслоговой (согласной) ступени (*m*), а в соседстве с согласным—на слоговой (гласной) ступени (*m̥*). Слоговое *m̥* дает в древнеиндийском и греческом языках *a*, в латинском — сочетание *em*, поэтому греч. πατέρα < **pəterm̥*, лат. *voc-em* (древнеиндийский язык имеет на конце -*am*, а не -*a*, вероятно, по аналогии к другим склонениям—санскр. *vā̆c-am* «речь»). На славянской почве *m̥* дает сочетание ь*m*, в котором *m* на конце слова, как уже сказано, теряется без назализации предшествующего гласного: *камень* < **kamenьm* < **kamenm̥*.

В среднем роде в любом склонении вин. п. одинаков с именительным (впрочем, в основах на -*o* он все равно оканчивается на -*m*), но этот вопрос связан с вопросом о роде, о чем ниже.

Окончание винительного падежа (за исключением среднего рода) по существу то же во множественном числе, где мы находим в различных типах (судя по показаниям других индоевропейских языков) -*ns* с различными предшествующими гласными, различие которых определяется характером основы (в основах на согласный форма окончания -*n̥s*, что на славянской почве дает -*i*, ср. *камени*). Можно думать, что здесь то же самое *m*, что в ед. ч., но изменившееся в *n* в результате ассимиляции

к *s*, последнее же является в данном случае показателем множественного числа.

Но в ряде случаев один и тот же падеж различных склонений обнаруживает формы, не сводимые к общему первоисточнику. Так, не могут быть сведены к одному первоисточнику (в отличие от род. п. мн. ч.) формы род. п. ед. ч., дат. и местн. п. ед. ч. Форма тв. п. мн. ч. для большинства типов характеризуется окончанием *-mi*, но в основах на *-o* имеет иное окончание, не сводимое к данному. Это зависит в некоторых случаях от того, что не все падежи сформировались одновременно, некоторые из них, хотя на славянской почве определенно оформились, в эпоху, предшествовавшую выделению общеславянского языка-основы, еще только образовывались на основе сочетаний имен с различными частицами служебного значения, игравшими роль *послелогов* [1]. Так, например, местный падеж, по показаниям различных индоевропейских языков, имел двоякое оформление: он мог характеризоваться окончанием *-i* (после конечных гласных основы оно являлось в виде неслогового *i̯*) и мог выступать в виде чистой основы, т. е. не иметь никакого оформления: значение места определялось в этом случае лишь по смыслу и не имело никакого структурного оформления. Но в тех случаях, когда слова, не имевшие никакого оформления в местном падеже, выступали в значении места, в целях ясности выражения они в дальнейшем начинали сочетаться с послелогами или частицами пространственного значения. Эти частицы в дальнейшем могли прочно примкнуть к основе и образовать вместе с ней новую, иначе оформленную, падежную форму. Славянский местн. п. ед. ч. в основах на согласные представляет собой, по-видимому, чистую основу, осложненную частицей *-en* (отсюда фонетически *-e*). Это *-en* мы находим, например, в древних италийских языках, где оно, примыкая к падежной форме, обозначает место (и в смысле нахождения где-нибудь, и в смысле направления куда-нибудь; в последнем случае эта частица наслаивается на окончание вин. п., ср. умбр. *pirom-e(n)* «в огонь»). На славянской же почве *-e* < *-en-* стабилизировалось уже как подлинное падежное окончание.

О том, что не все падежи складывались одновременно, свидетельствует и тот факт, что не все падежные формы различных индоевропейских языков восходят к единому источнику. Если для одних падежных форм легко восстановить общеиндоевропейский прототип, то для других этого сделать нельзя вследствие большого разнобоя, наблюдавшегося между различными индоевропейскими языками. Так, большой разнобой обнаруживают различные индоевропейские языки в отношении форм род. п. ед. ч. Разнобой объясняется тем, что соответствующие падежи

---

[1] Послелогом называют служебное слово, играющее ту же роль, что наши предлоги, но стоящее после того слова, к которому относится.

оформились на почве отдельных индоевропейских групп уже после утраты связей между различными частями общеиндоевропейского языка-основы. По мнению некоторых ученых, отсутствие единой формы родительного падежа в индоевропейских языках свидетельствует о том, что в очень глубокой древности синтаксические конструкции, в которых позднее участвует родительный падеж, вообще отсутствовали, а соответствующие синтаксические значения выражались иными средствами. Так, например, род. пад., выражающий принадлежность и широко распространенный в современном русском языке, в древности в славянских языках и в русском в том числе, употреблялся лишь в особых и очень ограниченных случаях, обычно же в соответствии с современным родительным падежом употреблялось сочетание с притяжательным прилагательным (так, например, обычно было сочетание *судъ ꙗрославль*, т. е. «суд Ярославов», а не *судъ Ярослава*). Этот оборот, в отличие от классической эпохи, был широко распространен также в древнейших памятниках латинского и греческого языков.

Определить для всех случаев, когда расхождение между разными индоевропейскими языками зависит от того, что соответствующие падежи развились лишь на почве отдельных групп, а когда причиной этого расхождения являются последующие замены форм, трудно. Это отчасти объясняется тем, что, как уже было сказано, падежная система не во всех исторически засвидетельствованных индоевропейских языках представлена с одинаковой полнотой. И мы не всегда можем сказать, является ли большее или меньшее развитие падежной системы в различных индоевропейских языках результатом развития новых падежей на почве того или другого языка, или же, напротив, результатом объединения некоторых ранее различавшихся падежей, хотя кое-что в этом отношении предположительно и может быть намечено. Система общеиндоевропейского именного склонения во всех деталях пока еще не может быть установлена. Система же склонения общеславянского языка-основы намечается достаточно четко. Но древнейшие памятники славянских языков, и древнейшие памятники русского языка в том числе, обнаруживают тенденции дальнейшего преобразования этой системы, состоящего преимущественно в уменьшении количества типов склонения.

Склонение и род

§ 16. С подразделением имен по склонениям теснейшим образом связано подразделение имен по родам. Последнее отличается от подразделения имен по склонениям тем, что в то время, как различие по склонениям выражается в различии структуры форм лишь самого имени, от различия по родам за-

висит различие форм слов, зависящих от данного имени в предложении.

Подразделение по родам, выражающееся в том, что каждое из существительных данного языка принадлежит к одному из трех классов, называемых родами (мужскому, женскому или среднему), существует во всех славянских языках. Подобно подразделению по склонениям, оно сложилось еще в общеиндоевропейском грамматическом строе, как на это указывает сопоставление с другими древними индоевропейскими языками. Но это подразделение в то же время является живым для значительной части индоевропейских языков, в том числе и для славянских, в частности, для русского языка, даже теперь. И в то время как первоначальное подразделение по типам основ (склонениям) сильно нарушено, исчезли частично и сами старые типы, подразделение по родам сохранилось в основном в том же виде, как в древности, и лишь по говорам подверглось некоторым частным изменениям, о которых будет сказано ниже.

Причины возникновения деления существительных по родам, несмотря на наличие большого количества теорий, посвященных этой проблеме, до сих пор еще не могут считаться выясненными, рассмотрение же этих теорий выходит за пределы задач данного пособия. Во всяком случае, в основе этого подразделения не лежит представление о подразделении живых существ по полу. Это видно уже из того, что как в мужском, так и в женском роде имеется огромное количество названий таких предметов, которые никак не связаны с полом, а в то же время многие названия животных (особенно диких), хотя и принадлежат каждое к вполне определенному роду, в то же время служат для обозначения как самца, так и самки (ср., например, *рысь*, *мышь*, *крыса*, *белка*).

Н. Я. Марр, искавший в развитии грамматических категорий непосредственного отражения развития общественно-экономических отношений и общественной, даже классовой идеологии, ставил и развитие категории рода в зависимость от смены общественно-экономических формаций. Но его «соображения» в этом направлении отражают его общую порочную в методологическом отношении «концепцию», основаны на случайно подобранных примерах из различных языков, а в некоторых случаях и просто лишены всякой логики. Так, например, возникновение женского рода он связывает с эпохой матриархата, а мужского рода — с эпохой патриархата (средний же род, по Марру, возникает еще позднее). Но разве возможно предполагать существование в языке одного из классов этой классификации (именно женского рода), в то время как остальные классы (т. е. мужской и средний роды) еще отсутствуют? Правда, отдельные случаи отражения общественного мировоззрения, отдельные случаи отражения развития хозяйственных отношений и техники производства в подразделении существительных по родам

мы на протяжении истории различных языков находим. Так, например, в ряде языков для определенной эпохи имеются указания, что женский род является как бы более «низким»: названия лиц, обозначающих более «низкие» профессии, названия различных отрицательных свойств оформляются таким окончанием, которое свойственно женскому роду: ср. лат. *scriba* «писец», ср. также русск. *рохля*, *мямля* и т. д. Возможно, отнесение таких слов в категорию женского рода обусловлено тем, что в определенные исторические эпохи женщина занимала в обществе подчиненное положение. Отражение различия по полу в различии грамматического рода наблюдается прежде всего в названиях таких животных, различие по полу которых важно в хозяйственном отношении. Ср., например, русск. *бык* и *корова*, *баран* и *овца*, *петух* и *курица*. Но во всех таких случаях речь идет о словах, оформляющихся так или иначе в уже существующей классификации имен по родам, из чего не следует, что эти слова вызвали самую классификацию.

Подразделение имен по родам, возникнув в очень древние времена, накладывается на более древнее подразделение имен по основам — типам склонения и определенным образом нарушает последнее. Такие нарушения, начало которых относится к очень глубокой древности, но которые в конечном итоге приводят к преобразованию более древней системы склонения, также свидетельствуют о том, что подразделение по родам является в индоевропейских языках более поздним, чем подразделение по склонениям.

Каково отношение склонения к роду в древнейшие восстанавливаемые для славянских языков времена, т. е. в общеславянском языке-основе, и какие нарушения в древней системе склонений, вызванные родом, наблюдаются в эти времена?

Прежде всего, склонение не безразлично к роду. Наблюдается определенная связь между склонением и родом. Каждое склонение не содержит в себе в равной мере имена всех трех родов. Так, склонение с основой на *-а* содержит преимущественно имена женского рода и лишь в очень небольшом количестве имена мужского рода, исключительно такие, которые обозначают людей (например, *воевода*). Склонение с основой на *-ŏ*, напротив, содержит имена мужского и среднего рода, но совершенно (уже без всяких исключений) не содержит имен женского рода. Склонение с основой на *-ъ* (*ŭ*) содержит имена только мужского рода. Склонение с основой на *-ь* (*-ĭ*) содержит имена мужского и женского, но не среднего рода. И лишь склонение с основой на согласный содержит имена всех трех родов.

Сопоставляя факты славянских языков с фактами других древних индоевропейских языков — латинского, греческого, санскрита, — мы видим, что хотя там и наблюдается определенное тяготение рода к типу склонения, там все же больше свободы в распределении имен различных родов по склонениям. Так,

например, в латинском и греческом языках мы находим в основах на *-о* слова не только мужского и среднего рода, но и женского, в основах на *-й* — не только мужского, но и женского и среднего рода и т. д.

На протяжении истории языка некоторые слова перешли из одного склонения в другое в результате их принадлежности к определенному роду. Так, например, такие слова, как *братъ* и *сестра*, оба входили некогда, как уже было сказано, в склонение с основой на согласный (именно на *r*). Но еще в общеславянскую эпоху они перешли—*братъ* в склонение с основой на *-о*, *сестра* в склонение с основой на *-а*. Этот переход был вызван тем, что названия людей мужского пола с установлением подразделения по родам стали относиться к мужскому роду, а названия людей женского пола — к женскому роду, в склонении же с основой на *-а* сосредоточены в подавляющем большинстве существительные женского рода, а в склонении с основой на -о существительные мужского и среднего рода, но никоим образом не женского.

Но особенно ярко воздействие более нового подразделения по родам на более древнее подразделение по склонениям отражается в некоторых падежных формах и их отношениях. Так, например, существительные среднего рода, к какому бы склонению они не принадлежали, всегда имеют одинаковую форму им. и вин. п. любого числа (в двойственном числе форма им. и вин. п. одинакова у всех имен), у имен женского рода одинаковы формы им. и вин. п. во множественном числе, но зато у значительной части их различаются формы им. и вин. п. ед. ч., у большей части имен мужского рода, напротив, совпадают формы им. и вин. п. ед. ч., но зато эти формы различаются во множественном числе. Форма же им. и вин. п. мн. ч. независимо от того, к какому склонению принадлежит соответствующее существительное, в среднем роде всегда оканчивается на *-а* (ср. *села* от *село*, *имена* от *имѧ*). Обе эти особенности характерны не только для славянских языков, но и для всех индоевропейских языков, располагающих категорией среднего рода.

Первая из этих особенностей объясняется тем, что к среднему роду относятся главным образом названия таких предметов, которые сами не могут действовать, а выступают обычно в качестве объекта действия. Это большей частью названия неодушевленных предметов, а если и одушевленных, то чаще всего это названия невзрослых живых существ (детенышей).

Для названия таких предметов неважно формальное разграничение субъекта и объекта действия. Форма винительного падежа, т. е. падежа, выражающего объект действия, отличная от формы именительного падежа, выражающего субъект действия, вырабатывалась, повидимому, не у всех существительных сразу, а первоначально лишь у таких, для которых важно было различать эти падежи. Эта выработка происходила, судя по

показаниям различных индоевропейских языков, еще на почве общеиндоевропейского языка-основы.

Вторая особенность объясняется следующим образом. Окончание им. и вин. п. мн. ч. имен среднего рода *-а* по происхождению тождественно концу основы склонения на *-а*. Многие существительные, принадлежащие к склонению с основой на *-а*, с древнейших времен и до настоящего времени имеют собирательное значение (ср. современные *толпа*, *стая*). Форма среднего рода на *-а* по происхождению представляет собой им. п. ед. ч. существительного с основой на *-а* собирательного значения, лишь потом принявший на себя функцию выражения им. и вин. п. мн. ч. среднего рода. Это легко могло иметь место вследствие одной особенности древнего синтаксиса, с которой нам еще придется столкнуться в дальнейшем: глагольное сказуемое при подлежащем, выраженным единственным числом собирательного значения, стоит обычно во множественном числе, вследствие чего и само существительное в дальнейшем может быть осознано как существительное множественного числа. Рассматриваемая особенность, судя по показаниям других индоевропейских языков, также складывается еще на почве общеиндоевропейского языка-основы (ср. такие формы им. и вин. п. мн. ч. средн. рода, как латинское templa «храмы», tempora «времена», cornua «рога», где окончание *-а* выступает в самых различных склонениях).

На почве специально славянской мы найдем еще более яркие примеры связи падежных форм с родом, а не с типом склонения.

Так, в женском роде постоянно одинаковую форму имеют им. и вин. п. мн. ч., в то время как в мужском роде эти формы постоянно различаются. Ср., с одной стороны, *жены*, *кости*, *матери*, *свекръви*, с другой стороны, *столи—столы*, *сынове—сыны*, *путиѥ — пути*, *камене — камени*. Но особенно показателен тв. п. ед. ч., где окончание на славянской почве прямо обусловлено родом, а не склонением. В любом склонении эта форма в мужском и среднем роде оканчивается на *-мь*, а в женском роде — на *-jǫ* (в древнерусском на *-ju*). Ср., с одной стороны, *столъмь*, *коньмь*, *селъмь*, *польмь*, *сынъмь*, *путьмь*, *каменьмь*, *именьмь*, с другой стороны, *женою* (ст.-слав. женоѭ), *костию* (ст.-слав. *костиѭ*), *материю* (ст.-слав. *материѭ*), *свекръвию* (ст.-слав. *свекръвиѭ*). И интересно заметить, что в пределах одного и того же склонения с основой на *-ь* (*-ĭ*) существительные мужского рода оканчивались на *-мь*, а существительные женского рода — на *-jǫ* (*-ju*), и то же самое наблюдалось и в пределах одного и того же склонения с основой на согласный. Только немногочисленные существительные мужского рода с основой на *-а* были тождественны по форме с существительными женского рода того же склонения (ср. *женою* и *воеводою*).

Окончание *-jǫ*, как уже было сказано, вероятно, обусловлено воздействием местоименного склонения. Оно представляет собой

специально славянское новообразование, в других индоевропейских языках мы точно соответствующей формы не находим, хотя и там возможно воздействие местоименного склонения на именное. Ср., например, др.-инд. *áçvayā* «кобылой» под влиянием *táyā* «тою». Соответствие окончанию мужского и среднего рода *-мь* мы находим в литовском *-imi* (например, *akmenimì* «камнем»). Но и в литовском языке, наиболее близком к славянским, не наблюдается дифференциации окончаний в зависимости от рода. Ср. лит. *akmenimì* «камнем» (мужск. р.) и *móterimì* «женщиной» (женск. р.). Таким образом, эта дифференциация является специфически славянским новообразованием и свидетельствует о все дальше идущем преобразовании системы склонения под воздействием более позднего подразделения имен по родам. Это преобразование, как видим, намечается еще в грамматическом строе общеславянского языка-основы, но еще в большей степени осуществляется в дальнейшем, на протяжении исторического развития отдельных славянских языков, в том числе и русского.

Унификация различных типов склонения

§ 17. Самое основное изменение, которое происходит в области именного склонения на протяжении развития русского языка, в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками, но корни которого уходят в дописьменную эпоху, — это преобразование различных типов склонения отчасти в зависимости от подразделения по родам, отчасти вследствие некоторых других причин. В результате этого преобразования число различных типов постепенно сокращается, и в современном русском языке, если оставить в стороне немногочисленные обломки некоторых исчезнувших типов, представлены лишь три типа склонения, а в некоторых говорах наметилась определенная тенденция даже к сведению этих трех типов к двум. В то же время и эти оставшиеся типы по формам во многом ближе друг к другу, чем были в древности.

Объединение различных типов склонения осуществляется на основе т. наз. *переразложения*. Этот морфологический процесс, названный так проф. В. А. Богородицким, состоит в перемещении морфологической границы в слове, в данном случае границы между основой и окончанием. В нашем случае наблюдается передвижение морфологической границы от конца слова к его началу. Эта закономерность, установленная еще в 70-х годах прошлого столетия проф. И. А. Бодуэном-де-Куртенэ не только для славянских, но и для других индоевропейских языков, была названа им законом сокращения основ в пользу окончаний. Эта закономерность состоит в том, что на протяжении истории языка морфологическая граница, передвигаясь от конца к началу слова, охватывает часть основы и передает ее окончанию. (Бо-

дуэн, как это было в то время принято в языкознании, интерпретировал этот процесс с чисто психологической точки зрения — морфологическое членение слова, по его мнению, стало иначе осознаваться говорящими; но в действительности это осознание, которое, несомненно, имеет место, представляет факт вторичного порядка: основания для такого осознания содержатся в самой системе языка). Так, например, если раньше форма род. п. ед. ч. *puti* (берем русскую форму) представляла собой чистую основу, без окончания, то позднее эта форма членится следующим образом: *put-i*; если раньше форма тв. п. ед. ч. *putьть* членилась на основу и окончание как *putь-ть*, то теперь она членится *put-ьть*.

Но указанный И. А. Бодуэном и, вслед за ним, В. А. Богородицким факт, сам по себе верный, представляет собой не причину, а следствие определенных явлений, имеющих место в развитии склонения. Не следует думать, что говорящие, раньше осознававшие определенное членение слова, вдруг почему-то изменили это осознание. Напротив, изменение этого осознания, которое, несомненно, происходит, само представляет собой результат изменений, имеющих место в языке. Дело в том, что семантические основания, по которым группировались разные существительные по различным типам склонения, вследствие ряда позднейших, но еще дописьменных изменений были давно уже забыты. Детерминативы (концы основ, бывшие некогда живыми и продуктивными словообразовательными суффиксами) в результате различных частью фонетических, а частью и морфологических процессов еще в очень давние времена перестали выделяться. В результате этих же процессов некоторые ранее различавшиеся типы частично совпадают в одной форме. И особенно существенно, если такое совпадение происходит в им. п. ед. ч. (а такое совпадение в этой форме действительно происходит). Так, например, ранее различавшиеся основы на *-ŏ* и основы на *-ŭ* (*-ъ*) получают одинаковую форму в им., а также вин. п. ед. ч., например, *вълкъ* и *сынъ*. Следует при этом заметить, что одинаковую форму со склонением на *ŭ* (*-ъ*) получают лишь существительные мужского рода основ на *-ŏ*, существительные же среднего рода сохраняют отличную форму на *-о*, например, *село*. В этом сказывается воздействие распределения по родам на распределение по типам склонения, о котором уже говорилось выше.

Фонетические процессы, приведшие к совпадению им. и вин. п. мужск. рода основ на *-ŏ* и основ на *-ъ*, трактовались по-разному. Эта различная трактовка относится именно к формам основ на *-ŏ*, так как соответствующие формы основ на *-ŭ* (*-ъ*) в результате утраты конечных согласных и изменения на славянской почве *ŭ*>ъ совершенно очевидно дают ъ (т.е. *-us*>ъ, *-um*>ъ). Для форм же основ на *-о* выдвигалось три объяснения: 1) конечное *-ŏs* фонетически дает *-us*, которое затем изменяется в *-ъ*, конечное же *-om* лишь теряет конечное *-m*, т. е. дает *-о*,

окончание же -ъ в винительном падеже развивается впоследствии по аналогии к именительному падежу; 2) конечное -*os* теряет лишь конечное -*s*, т. е. дает -*o*, конечное же -*om*, напротив, фонетически изменяется в -*um* и затем в -ъ, окончание же именительного падежа -ъ сменяет старое -*o* по аналогии к винительному падежу; 3) оба конечных сочетания, и -*os* и -*om*, фонетически изменяются в -*us*, -*um*, а после утраты конечных согласных и изменения *ŭ*>ъ дают -ъ. Предположение первое основывается на том, что в среднем роде в им. и вин. п. ед. ч. на месте древнего -*om* является -*o* (например, *село*). С этой точки зрения данная форма объясняется фонетически. Предположение второе основывается на том, что фонетически легче объяснить изменение *o*>*u*, как связанное с усилением лабиализации соответствующего гласного, именно перед губным согласным *m*. Форма среднего рода *село* объясняется с этой точки зрения как развившаяся в результате аналогии к форме местоимения среднего рода *то* (*to*). Наиболее вероятным является предположение третье, т. е. предположение об изменении *o*>*u* в конечном закрытом слоге и перед *s* и перед *m*. Такое изменение наблюдается в различных индоевропейских языках (ср., например, латинское *lupos*>*lupus*, *lupom*>*lupum*). Сохранение конечного *o* в среднем роде, и притом не только в склонении с основой на -*o*, но и в склонении с основой на согласный (ср. *село* и *слово*) легко может быть объяснено аналогией к соответствующей форме указательного местоимения *то* (*to*), в сочетании с которой существительное часто выступало. Сохранение же конечного *o* в местоименной форме без изменения в *u* объясняется тем, что форма им. и вин. п. ед. ч. средн. р. указательных местоимений оканчивалась некогда на *d* (ср. лат. *illud*, *istud*, др.-инд. *tat*<**tod*), т. е. на взрывной согласный, конечные же взрывные согласные утратились на славянской почве очень рано, во всяком случае значительно раньше фрикативных и сонорных согласных (подобную же утрату конечных взрывных согласных находим в близко родственных славянским балтийских языках). В ту эпоху, когда утрачивались конечные взрывные согласные, повидимому, еще не действовал закон изменения *o*>*u* в конечном закрытом слоге. Поскольку же изменение *o*>*u* имеет место лишь в конечном закрытом слоге, *o*, оказавшееся на конце в открытом слоге, этому изменению не подвергается.

В результате воздействия форм местоименного склонения совпали еще в общеславянском языке-основе формы им. и вин. п. ед. ч. существительных среднего рода основ на -*o* (тип *село*) и согласных основ на -*s* (тип *слово*). В результате изменения ъ в ь в положении после мягких согласных совпали концы форм им. и вин. п. мужского рода мягкого варианта основ на -*o* (тип *конь*) и основ на -*ĭ*(-ь) (тип *путь*). Формы типа *конь* и типа *путь* первоначально различались качеством согласного, предшествующего ь (в первом случае он был мягким, во втором—полумягким,

причем последнее качество сохранялось, повидимому, на протяжении всего существования общеславянского языка-основы). Все дальше идущее смягчение согласных в положении перед гласными переднего ряда в восточнославянской области привело к тому, что мягкие и полумягкие согласные здесь перестали различаться, повидимому, еще в эпоху, предшествующую древнейшим дошедшим до нас памятникам, а в результате этого формы им. и вин. п. мужск. р. мягкого варианта основ на *-о* и основ на *-ĭ* (*-ь*) совсем перестают различаться, что также делает возможным объединение форм соответствующих склонений и в других падежах. Результатом подобного объединения форм различных ранее типов в других падежах, помимо им. и вин. п. ед. ч., и является сокращение основ в пользу окончаний. Так, если под влиянием такой формы, как *стола*, устанавливается форма типа *сына*, это говорит о том, что в склонении типа *сынъ* основа оканчивается на *н*, а не на ъ и различные другие гласные, находящиеся с ним в чередовании.

Воздействие одних склонений на другие начинается с очень раннего времени, еще в общеславянскую эпоху, и продолжается в позднейшее время на почве отдельных языков. В различных славянских языках наблюдается при этом много подобных явлений, и в то же время подобные процессы протекают в разных языках в своеобразной форме.

На то, что процесс объединения различных типов именного склонения начинается еще в общеславянском языке-основе, указывают некоторые факты, исторически засвидетельствованные. Так, отражение окончания тв. п. ед. ч. мужск. и средн. р. основ на *-ŏ* в виде *ъмь* говорит о раннем воздействии склонения с основой на *-ŭ* (*-ъ*) на склонение с основой на *-о*. В старославянском языке такое воздействие также возможно, но не отражается с той последовательностью, как в памятниках древнерусских.

В древнем подразделении существительных по типам склонения, в более позднем подразделении их по грамматическим родам, характерным еще для общеиндоевропейского грамматического строя и отражающимся в общеславянском грамматическом строе, а также в строе отдельных славянских языков, в дальнейшем преобразовании различных типов склонения, корни которого лежат еще в общеславянском языке-основе и которое развивается на протяжении истории русского языка, отражается указанный И. В. Сталиным обобщающий, абстрагирующий характер грамматики, свойственный всем без исключения языкам, но в разных языках и даже в разные эпохи существования одного языка проявляющийся в различных конкретных формах. Тенденция к объединению различных типов склонения отражает общую тенденцию выражения одних и тех же синтаксических отношений одними и теми же структурными средствами, одними и теми же морфемами, независимо от того, отношения каких конкретных

слов выражаются, в том случае, если основания для разного выражения отношений у различных слов уже утрачены. «Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»[1]. Эти слова И. В. Сталина говорят о том, что не сразу, а постепенно, в результате длительной работы человеческого мышления, приобретает грамматика свой обобщающий, абстрагирующий характер. Тенденция объединения склонений по трем родам вместо более многочисленных древних типов уже свидетельствует о все дальше идущем обобщении в выражении одних и тех же отношений. Но наш грамматический строй не останавливается, как увидим дальше, на этом и обнаруживает тенденцию к дальнейшему обобщению.

§ 18. Самое первое, с чем приходится иметь дело при рассмотрении исторического развития именного склонения, это взаимодействие и объединение в результате этого взаимодействия различных типов склонения. С взаимодействием каких же типов мы сталкиваемся прежде всего?

Еще начиная с эпохи, предшествовавшей древнейшим славянским памятникам, начинается, как уже говорилось выше, взаимодействие основ на *-о* и на *-й* (*-ъ*). Именительный и винительный падежи ед. ч. у этих типов совпадали с очень давнего времени, если оставить в стороне средний род, существительные которого могли, впрочем, принадлежать лишь к основам на *-ŏ*. С эпохи же дописьменных памятников начинают смешиваться и другие падежи. Колебания, состоящие в том, что один и тот же падеж от одного и того же слова может образовываться как по склонению на *-ŏ*, так и по склонению на *-ъ*, отражаются уже в древнейших памятниках как древнерусских, так и старославянских. При этом как старые основы на *-ъ* могут принимать формы по основам на *-ŏ*, так и старые основы на *-ŏ* могут принимать формы по основам на *-ъ*, иными словами, на первых порах колебание наблюдается в обе стороны.

Так, в род. п. ед. ч. мы уже в древнейших памятниках (равно как и в памятниках более поздних) находим следующие колебания: с одной стороны, встречаются формы *вŏла* (Лавр. летоп.) — не дадаше вправи кона ни вола; *верха* — без *верха* (Хождение игумена Даниила); *мĕда*—паче *меда* (Пандекты Антиоха XI в.)— все это старые существительные, принадлежащие к основам на *-й* (*-ъ*); с другой стороны, встречаются такие формы, как до *търгŏу* (Новг. летоп.); *гŏрŏху* (Русская Правда по сп. 1282 г.), отъ *воску*, отъ *хмѣлю* (Полоцк. грам. 1331 г.); в «Слове о полку Игореве» параллельно употребляются *Дону* и *Дона* (род. п.) — все это старые существительные основ на *-о*. В дат. п. ед. ч., с одной стороны, наблюдаются такие формы, как *сынŏу* (Мсти-

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 24.

слав. грам. около 1130 г., Русская Правда по сп. 1282 г.) — от старой основы на *-й* (*-ъ*), а с другой стороны, такие формы, как *местеро̀ви* (Смоленск. грам. около 1230 г.), *холмо̀ви*, *ледови* (Волынская летопись в составе Ипат. летоп.) — от старых основ на *-о* (слово *мастеръ*, являющееся заимствованным и засвидетельствованное в русских памятниках, начиная с XIII века, частью также в форме *мастерь*, в целом примкнуло к основам на *-о*), и даже в мягкой разновидности — *Гюргеви* (Новг. летоп.), *Игореви* (Лавр. летоп.), — хотя мягкой разновидности в основах на *-й*(*-ъ*) не было. В местн. падеже ед. ч. наблюдаются такие формы, как на *версѣ* «на верху» (грам. в. к. Василия Дмитриевича 1399 г.) — с $s < x$ перед *ѣ* по традиции, согласно старым нормам второй палатализации, которые в это время, конечно, уже не отражали отношений живого языка; *верхъ* относится к старым основам на *-й* (*-ъ*). А с другой стороны, в том же падеже: на *бороу* (Сказ. о Борисе и Глебе XII в.), въ *пироу*, на *търгоу* (Русская Правда 1282 г.), на *Торожкоу* (Новг. грам. 1265 г.), при попѣ *Федосоу* (Псковский пролог 1383 г.) — от старых основ на *-о*. Мы находим такую звательную форму, как *свату* (Ипат. летоп.) — от старой основы на *-о*. Нечего и говорить о творительном падеже ед. ч., где в основе на *-о* еще с дописьменной эпохи установилась в восточнославянской области форма, свойственная первоначально основам на *-й* (*-ъ*).

В им. п. мн. ч. мы находим такие формы, как *послове* (Новг. грам. 1372 и 1373 гг.) и в мягкой разновидности (с *е* вместо *о*) *дъждеве* (Новг. летоп.); *воробьеве* (Лавр. летоп.). В род. п. мн. ч. наблюдаются такие формы, как *дългов̀ъ* (Златоструй XII в.) и в мягкой разновидности *вождевъ* (Святосл. изборн. 1076 г.). В им. п. дв. ч. является форма *два сына* (грам. в. к. Василия Дмитриевича 1399 г.) — вместо старого *дъва сыны*.

Но наряду с новыми формами, не соответствующими первоначальному распределению существительных по основам, мы нередко находим и старые формы, или показывающие, что процесс объединения двух типов еще не закончен, или же, скорее всего, отражающие старую традицию книжного языка, например: *городъ* вашихъ (Новг. летоп.) — род. п. мн. ч. основ на *-о*, *ис портъ* (Духовная грамота в. к. Ивана Калиты 1327—1328 г.) — тоже, *ѡ* дх̑вных *сн̃ѣхъ* (Нов. вр. лет., Лавр. летоп.) — местн. п. мн. ч. основ на *-о* и т. д.

Эти сохраняющиеся по традиции старые формы, различные для разных склонений, представляют собой постепенно отмирающие элементы старого качества. Напротив, формы, чем дальше, тем больше свидетельствующие об объединении, унификации этих двух склонений отражают постепенное накопление элементов нового качества.

В результате колебаний, начавшихся еще с дописьменных времен, на основе двух ранее различавшихся типов вырабатывается постепенно один тип — наше теперешнее 2-е склонение,

включающее в современном языке почти все существительные мужского и среднего рода.

Ввиду того, что уже в древнейшие времена подавляющее большинство существительных, принадлежавших к обоим склонениям, относилось к основам на *-о*, в борьбе двух склонений в целом победило склонение с основой на *-о*, и большинство форм современного 2-го склонения восходит к старым формам склонения на *-о*. Однако в пределах ныне единого 2-го склонения сохранились и значительные следы старого склонения на *-ŭ* (*-ъ*) в виде отдельных форм, характеризующих теперь уже не особое склонение, а являющихся лишь особыми формами внутри этого единого склонения. Следует заметить при этом, что возможные в современном языке параллельные формы, из которых одни восходят к основам на *-о*, а другие к основам на *-ŭ* (*-ъ*), используются в некоторых случаях в иной функции, чем в древности, а именно служат для более точной дифференциации отношений существительного к другим словам в предложении, чем это было возможно в древнерусском языке.

Уже различные древнерусские говоры в разной степени обнаруживают формы, восходящие к исчезающему как особое склонение склонению с основой на *-ŭ* (*-ъ*). Больше всего таких форм обнаруживается в памятниках юго-западных и западных, т. е. возникших на тех территориях, где впоследствии, с дроблением древнерусской народности, оформляются языки украинской и белорусской народностей (впоследствии наций). Формы, восходящие к старым основам на *-ŭ* (*-ъ*), но захватившие и существительные, принадлежавшие и в прошлом к основам на *-о*, шире представлены и в современных украинском и белорусском языках, сравнительно с современным русским. Ср., например, в дат. п. ед. ч. укр. *батькові*, *хлопцеві* (формы на *-ови*, *-еви* характерны и для юго-западных белорусских говоров), ср. также звательную форму укр. *батьку*, белорусск. *мужу* и т. п. В украинском и белорусском языках иногда встречается также им. п. мн. ч. на *-ове* (*панове*).

Что касается современного русского языка, то следы основ на *-ŭ* (*-ъ*), представленные в целом у́же, чем в украинском и белорусском языках, по говорам несколько различны. Из форм, восходящих к старым основам на *-ŭ* (*-ъ*), для русского языка в целом характерны следующие: род. п. ед. ч. на *-у*; местн. п. ед. ч. на *-у*; род. п. мн. ч. на *-ов*.

§ 19. Форма род. п. ед. ч. 2-го склонения с окончанием *-у* в современном литературном языке употребляется главным образом в словах мужского рода, обозначающих какое-либо вещество, в значении части или некоторого количества этого вещества: ср. *кусок сахару*, *стакан чаю*, *кило песку*. Кроме того соответствующая форма употребляется в некоторых (очень немногих) сочетаниях существительного с предлогом, причем ударение падает на предлог: *и́з лесу*, *и́з дому*; *дом* восходит к старому

склонению на *-и*). Во многих говорах форма с окончанием на *-у* распространена значительно шире, чем в литературном языке. Там мы можем встретить и такие случаи как *из городу*, *с острову*, *до маю* («до мая» — в олонецких говорах), *мосту* (т. е. пола) я не мою (там же), четыре *денькý* (там же) (о происхождении форм сочетаний числительных с существительными см. ниже).

Шире, чем теперь, употреблялась форма на *-у* и в старинном русском литературном языке, даже в XVIII веке и отчасти в начале XIX, т. е. тогда, когда шла уже выработка норм нашего нового литературного языка. Наш крупнейший грамматист-теоретик и нормализатор русского языка XVIII века М. В. Ломоносов, рассматривая параллельные формы род. п. ед. ч. на *-у* и на *-а*, считал форму на *-у* в целом более русской, а форму на *-а* более церковнославянской, т. е. книжной. От некоторых имен и при Ломоносове форма на *-у* не употреблялась, но в целом форма эта была распространена значительно шире, чем в современном литературном языке. «Имена второго склонения, кончающияся на ъ, знаменующия животных, родительный падеж имеют всегда на *а*, которой в протчих на *у* часто кончится ... и тем больше оное принимают, чем далее от Славенскаго отходят... Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно, и показывает себя нередко в одном имени. Ибо мы говорим: *Святаго Духа*, *человеческаго долга*, *Ангельскаго гласа*, *а не Святаго Духу*, *человеческаго долгу*, *Ангельскаго гласу*. Напротив того свойственнее говорится: *розоваго духу*, *прошлогоднаго долгу*, *птичья голосу*» (М. Ломоносов, Российская грамматика, §§ 171—173).

Но с начала XIX века формы на *-у* в литературном языке все больше закрепляются в значении части вещества. Форма на *-у* для слов с вещественным значением не является просто новой формой родительного падежа, целиком вытеснившим форму этого падежа, характерную для старого склонения на *-о*. Нет, эти же существительные располагают и родительным падежом на *-а*, если речь идет не о части вещества, а о всем веществе в целом (например, о его свойстве, которое вообще выражается родительным падежом). Ср., например: *кусок сахару* и *белизна сахара*, *химическая формула сахара*.

Поскольку в данном случае дело идет о передаче хотя бы для какой-то группы существительных двумя разными формами двух различных синтаксических значений, есть основания считать, что современный русский язык располагает не одним родительным падежом, как считает школьная грамматика, а двумя различными падежами. Некоторые лингвисты, с полным основанием, так и считают, оставляя название родительного падежа лишь за формами на *-а* и называя формы на *-у*, имеющие значение части вещества, количественно-определительным падежом. Можно было бы возразить, что этот особый падеж не заслуживает выделения, поскольку он отличен лишь для весьма ограничен-

ной группы существительных, для большинства же существительных как других склонений, так и того же 2-го склонения он не отличается от обычного родительного падежа. Ср., например, *стакан воды* и *химическая формула воды*, *стакан вина* и *цвет вина* и т. д. Но ведь падежи, различающиеся для каких-то существительных, у нас вообще не обязательно различаются для всех существительных. Ср., например, наше современное 3-е склонение, восходящее к старому склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*), где никогда не различаются даже родительный и дательный падежи. Ведь мы устанавливаем наличие двух разных, а не одного падежа на основании того, что хотя бы в какой-то группе существительных имеются две разные формы для передачи различных синтаксических значений.

§ 20. Унаследованной от старого склонения с основой на *-ŭ* (*-ъ*) является форма современного предложного падежа ед. ч. на ударяемое *-у*, характеризующая некоторые существительные мужск. р. современного 2-го склонения и имеющая специально пространственное или временное значение, например: *в лесу́*, *в дыму́*, *на мосту́*, *на краю́*, *на берегу́*, *в году́* (существительные в данном случае постоянно сочетаются с предлогами *в*, *на*). На то, что эта форма имеет специально пространственное и временное значение (средства, выражающие временные отношения, с точки зрения происхождения обычно связаны со средствами, выражающими пространственные отношения), указывает то обстоятельство, что существительное, вообще принимающее соответствующую форму, сочетаясь с тем же предлогом *в* имеет окончание в предложном падеже не *-у*, а *-е* (из старинного *ѣ*) в том случае, если оно выражает не пространственные или временные, а иные отношения. Ср., например: «он был *в лесу*» и «он знает толк *в лесе*» (в последнем случае предложный падеж имеет значение объекта, а не места).

Подобно родительному падежу на *-у* форма старого местного (современного предложного) падежа на *-у* получила различное распространение по говорам. В современном литературном языке ее имеют главным образом односложные существительные, а также некоторые двусложные, содержащие полногласное сочетание с ударением на первом слоге этого сочетания. Ср., *на мосту́*, *на краю́*, *в году́*, *в дыму́*, *на берегу́*, *на холоду́*; к этому сочетанию восходит ставшее наречным *наверху́*, а также *надому́* (напр., «врач принимает на дому́» — для данного существительного, восходящего к старым основам на *-ŭ*, старая форма сохранилась лишь в таком выражении, близком к наречному, ср. обычное *в доме*).

В части говоров соответствующая форма получила более широкое распространение. Ср., например: *в городу́*, *на острову́*, *в маю́* «в мае» и т. д. В некоторых из таких говоров эту форму получают и существительные, обозначающие одушевленные предметы (в литературном языке она может быть лишь у существи-

тельных, обозначающих неодушевленные предметы), например, *на быкý*. В таком случае эта форма большей частью имеет специально пространственно-временное значение, хотя известно и иное употребление, напр., *при отцý*. Более широкое распространение, чем в наше время, эта форма имела в старых русских памятниках, а также в литературном языке XVIII века.

На широкое распространение формы на *-у*, и именно в пространственном и временном значении, в языке его времени указывал М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике», причем так же, как и род. пад. на *-у* (см. выше), он считал эту форму свойственной живому русскому языку и противопоставлял ее церковнославянской (книжной) форме на *-ѣ*:

«Предложный единственный падеж *ѣ* переменяет часто на *у*, когда значит место или время, а особливо тех имен, которыя *у* в родительном имеют: *берег, на берегу; верьхъ, на верьху; низъ, вънизу; на лугу; въвечеру; въ нынѣшнемъ вѣку; на песку; въ шестомъ часу; въ полку*. Вычитаются некоторыя татарския и другия иностранныя: *на караулѣ; на базарѣ; на пикетѣ; въ кармазинѣ; на кипарисѣ*».

«Сия перемена бывает больше с предлогами *въ* и *на*. С протчими часто *ѣ* удерживает свое место: *при берегѣ; о лугѣ; о часѣ*».

«Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где Российской язык к Славенскому клонится, окончание на *ѣ* преимуществует: *очищенное въ горнѣ злато; жить въ домѣ Бога вышняго; въ потѣ лица трудъ совершать; скрыть въ ровѣ зависти; ходить въ свѣтѣ лица Господня*; но те же слова в простом слоге, или в обыкновенных разговорах, больше в предложном *у* любят: *медь въ горну плавить; въ поту домой прибѣжал; на рву жить; въ свѣту стоять*» (Российская грамматика, §§ 188—190).

Приводимые Ломоносовым примеры указывают на то, что в его время литературному языку, наряду с формами, характерными и для современного языка, были свойственны и такие, которые теперь ему чужды, например: *в веку, на песку, в горну, в вечеру* — ср. у Пушкина, вероятно, уже как архаизм:

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает *в вечеру*
Густой, прозрачною смолою...

(Анчар)

Существенно заметить, что при более широком употреблении рассматриваемой формы в говорах она имеет там главным образом именно пространственное и временное значение (в отличие от формы родительного падежа на *-у*, которая по говорам имеет и не только количественно-определительное значение).

Ударяемость *-у* была унаследована от ударяемости этого *у*, когда оно еще было показателем соответствующей формы в основах на *-ŭ*(*-ъ*) (в местном падеже основ на *-ŭ* ударение падало на конечный слог). Форма на *-у* распространялась в первую очередь на такие односложные существительные, где в корне был краткий гласный или же долгий под циркумфлексом (славянский нисходящий долгий слог), так как именно в этих случаях возможно передвижение ударения на следующий слог. В приведенных выше примерах в большинстве случаев эти требования удовлетворяются: *мост*, *год* и т. д. содержат *о*, т. е. старый краткий гласный, *верх* содержит старый циркумфлекс — ср. сербск. *вр̑х*. Слова с полногласием — *гóрод*, *бéрег*, *хóлод* восходят к старым сочетаниям гласных с плавными между согласными, причем в данном случае к таким, которые также характеризуются циркумфлексом. Конечно, в результате аналогии такие формы по говорам могли получить и некоторые существительные, характеризующиеся иной структурой. В литературном же языке, напротив, могут опять-таки в результате аналогии к существительным, лишенным этой формы, не иметь этой формы и некоторые существительные, характеризующиеся такой структурой, при какой эта форма возможна. Ср., например, *на берегý*, *на холодý*, но *в гóроде*.

В литературном языке, начиная с начала XIX века, формы предложного падежа на *-у* (подобно формам род. п. на *-у*) начинают устраняться, сохраняясь в основном лишь в том употреблении и от таких существительных, как в современном литературном языке. Нормы употребления этой формы, в целом соответствующие современным литературным, дает уже грамматика Востокова (1831 г.). Причиной ограничения употребления форм на *-у*, как в родит., так и в предл. п., именно в это время является, повидимому, то, что именно к этой эпохе относится завершение формирования нового литературного языка на живой национальной основе. Грамматическая нормализация этого языка идет, с одной стороны, по линии устранения форм, унаследованных от книжного церковнославянского языка и не соответствующих живой речи, с другой стороны, по линии устранения форм не общенародных, диалектных, свойственных лишь определенным говорам.

Принимая во внимание установившееся употребление форм на *-у*, некоторые лингвисты, так же, как и для родительного падежа (см. выше), ставят вопрос о необходимости для современной русской грамматики разграничения двух падежей в пределах предложного, поскольку речь идет о двух различных формах, выражающих разные синтаксические значения. Были предложены даже (В. А. Богородицким) названия — *изъяснительный падеж* для формы, выражающей объект, о котором идет речь, а также другие подобные значения объекта (напр., *о лесе*, *о годе*, *о береге* и т. п.), и *местный падеж* для фор-

мы, выражающей пространство и время (например, *в лесу*, *в году*, *на берегу*).

Таким образом, некоторые формы, переставшие употребляться в своем первоначальном значении, поскольку давно забыты те основания, на которых они сложились, используются в новом значении — для более точной дифференциации отношений соответствующих существительных к другим словам в предложении.

§ 21. К старому склонению с основой на *-ŭ* (*-ъ*) восходит и форма род. п. мн. ч. с окончанием *-ов*, характеризующая в современном русском языке значительную часть существительных, принадлежащих ко 2-му склонению. Эту форму имеют в литературном языке существительные мужского рода твердой разновидности (за очень небольшими исключениями), например, *домóв*, *лесóв*, *городóв*, *мастерóв*, *пароxóдов* и т. п.; существительные мужского рода мягкой разновидности, основа которых оканчивается на *j*, например, *краёв*, *боёв*, *сарáев* (в случае безударного окончания в соответствии с ударяемым *о* после мягких согласных является редуцированный гласный переднего ряда, который орфографически передается как *е*). Эту форму имеет и существительное среднего рода — *óблако* — *облакóв*. Старую форму с нулевым окончанием, восходящим к старому *-ъ*, сохранили в пределах 2-го склонения существительные твердой разновидности среднего рода, например, *сёл*, *болóт*, *озёр*, а также весьма немногочисленные существительные мужского рода, например, *сапóг*, *чулóк*, *глаз*, *солдáт* (ср. *без сапог*, *без чулок*, *без глаз*, *рота солдат*), причем некоторые из таких существительных обнаруживают колебания в форме род. п. мн. ч. (например, у Л. Толстого встречается *без сапогов*, хотя обычная литературная форма *без сапог*). Чаще всего такая форма наблюдается у существительных, которые можно пересчитывать, — ср., напр., *пара сапог*, *пять пар чулок*, *две роты солдат* и т. п.

Распространение формы на *-ов* именно на мужской род и именно на твердую разновидность нашего 2-го склонения объясняется тем, что унаследованные еще общеславянским языком основой и перешедшие затем из него в древнерусский язык существительные с основой на *-ŭ* (*-ъ*) все принадлежали к мужскому роду и характеризовались твердым согласным перед конечным гласным основы. Единичное исключение *облакóв*, возможно, объясняется тем, что это существительное в древнем языке могло иметь форму мужского рода — *облакъ*. Такое употребление, как архаизм, приходится иногда встречать в классической поэзии, и позднее — у символистов.

За пределами литературного языка формы на *-ов* распространены шире. Не только в говорах, но даже в московском просторечье широко распространена форма на *-ов* от существительных среднего рода *дело* и *место* — *делóв*, *местóв* (особенно широко *делов* — в выражении «наделал делов»). По говорам, главным

образом в южновеликорусских и переходных, формы на *-ōв* охватывают средний род еще шире, т. е. там наблюдаются и формы типа *ōзёрōв* (или *ōзеро́в*), *бōло́тōв* (или *бōлōто́в*). Эти формы распространяются также и на мягкую разновидность мужского и среднего рода (например, *днёв, полёв*). Они характерны в ряде случаев и для существительных, оканчивающихся на шипящие (в особенности на отвердевшие, но также и на мягкие), например: *ножо́в, това́рищōв* (товарищей), *кирпичо́в, ключо́в* [1].

В некоторых южновеликорусских и частью средневеликорусских говорах формы на *-ōв* охватывают и существительные женского рода (о которых вообще см. ниже), например: *ба́бов, таре́лков, пе́снев* и т. д.

Шире, чем в наше время, формы на *-ōв* были представлены в литературном языке в прошлом. Даже у писателей XVIII и начала XIX века встречаются такие формы, как *кушаньев, именьёв* (в современном литературном языке эти формы характеризуются нулевым окончанием).

Шире, чем в русском литературном языке, формы на *-ōв* представлены в украинском и белорусском языках, где, как уже было сказано, мы вообще встречаем больше форм, восходящих к старому склонению на *-й* (*-ъ*). Ср., например, укр. *ячменів, товаришів* (*і* из *о*, *е* в новом закрытом слоге), белорусск. *рублёў, канёў* (рублей, коней).

Окончание род. п. мн. ч. *-ōв* представлено по говорам в различных фонетических разновидностях — без ударения на месте гласного *о* в акающих говорах является редуцированный гласный, в некоторых же, особенно перед паузой, *а*; на конце слова лишь в немногих говорах известно губно-зубное звонкое *в*, в большинстве же северных говоров, а также в литературном языке конечное *в* оглушается в *ф*, кое-где на месте *ф* является глухой фрикативный заднеязычный согласный *х*, в большей же части южновеликорусских говоров, в некоторой части северновеликорусских и средневеликорусских говоров, а также в украинском и белорусском языках на месте конечного *в* является неслоговое *ў* (в белорусском оно и орфографически изображается особым знаком *ў*, в украинском же языке пишется *в*).

В литературном языке орфографически конечный согласный изображается через *в* (по этимологическому принципу), а гласный после большинства твердых согласных через *о* (как в ударном, так и в безударном положении), после *ц* (старый мягкий согласный, ныне твердый) — под ударением *о* (например, *концо́в*), без ударения *е* (например, *за́йцев*), после мягких согласных — *е* (под ударением возможно *ё*): *краёв, сара́ев*.

---

[1] Существительные, основа которых оканчивается на шипящие, вообще примыкают к мягкой разновидности, так как в древности все шипящие были мягкими. О происхождении форм род. п. мн. ч. существительных мягкой разновидности, отразившихся в литературном языке, см. ниже.

Окончание -*ов* получило широкое распространение по говорам, вероятно, в силу того, что оно четче отграничивает данный падеж от других падежей, чем форма с нулевым окончанием, совпадающая к тому же с формой им. п. ед. ч.

Впрочем, нужно иметь в виду, что если, с одной стороны, мы находим часто в говорах форму на -*ов* в соответствии с нулевым окончанием в литературном языке, то, с другой стороны, встречаются по говорам и формы с нулевым окончанием в соответствии с формой на -*ов* в литературном языке. Это относится к некоторым существительным мужского рода. Так, например, по говорам встречаются формы типа *без зуб* (ср. литературное *без зубов*).

§ 22. Склонение на -*ĭ* (-*ь*), как известно, охватывало в древности существительные мужского и женского рода. Существительные мужского рода этого склонения очень рано обнаруживают тенденцию к объединению в одно склонение с существительными мужского рода мягкой разновидности с основой на -*о*. Основанием для этого явилось, как уже говорилось, совпадение форм им. и вин. п. ед. ч., ср., *конь* — *путь*. Первоначальное различие, состоявшее в качестве согласного, предшествовавшего конечному гласному (в склонении с основой на -*ŏ* он был мягким, а в склонении с основой на -*ĭ* — полумягким), очень рано было утрачено в результате все дальше идущего смягчения согласных перед гласными переднего ряда, приведшего к полному совпадению старых смягченных согласных с прежними полумягкими, развившимися в т. наз. согласные вторичного смягчения. Спорным является лишь вопрос о том, когда произошло окончательное совпадение старых мягких и согласных вторичного смягчения перед *е* и перед *ä* < *ę*, но совпадение их перед гласными более высокого образования и, в частности, перед *ь*, имело место, несомненно, еще до падения редуцированных.

Уже в древнейших памятниках обнаруживаются случаи колебаний, причем мы видим, что по крайней мере для единственного числа, уже в очень древних памятниках существительные, принадлежавшие первоначально к основам на -*ĭ* (-*ь*), принимают формы косвенных падежей, свойственные мягкой разновидности основ на -*ŏ*. Ср., например, род. п. ед. ч. *огнѧ* (Юрьевское евангелие около 1120 г.), *имьть татѧ* (Смоленск. грам. 1229 г.), *в огнѣ* (Лавр. летоп.) — существительное *огнь* принадлежало к основам на -*ĭ* еще в общеиндоевропейском грамматическом строе, ср. санскр. *agnih* «огонь». Впрочем, надо сказать, что вообще в Лаврентьевской летописи старое склонение на -*ĭ* (-*ь*) держится очень прочно, и колебания очень редки.

В памятниках XIII—XIV вв., в особенности северных, старые формы склонения с основой -*ĭ* (-*ь*) в основном сохраняются лишь у немногих существительных мужского рода, у таких, как *гость*, *тьсть*, *зѧть*, *путь*. Ср., например: *Гости* новгородскому (Новг. грам. 1235 г.); отъ *тести* своего (Лавр. летоп.); к *зѧти*

(Новг. синод. летоп.). Но и в этих словах наблюдаются колебания, особенно в более южных памятниках, например: от *поутѧ* (Рязанск. Кормчая 1284 г.).

Вместе с тем в род. п. мн. ч. наблюдается иногда окончание *-ии* у существительных, принадлежащих к мягкой разновидности основ на *-о*, например, *моужии* (Рязанск. Кормчая 1284 г.), *кнѧзии* (Новг. летоп., Синод. сп.). Окончание *-ии* свойственно было в древности основам на *-i* (*-ь*) (*ии* является графическим средством передачи звукосочетания *ĭjь* < *-ьjь*).

В результате взаимодействия обоих типов побеждает склонение с основой на *-о*, как более многочисленное (к склонению с основой на *-i* уже в глубокой древности на славянской почве принадлежали сравнительно немногие существительные мужского рода). В современной мягкой разновидности 2-го склонения часть существительных мужского рода восходит к старому склонению с основой на *-i* (*-ь*).

Окончания, свойственные склонению с основой на *-о*, у существительных старого склонения на *-ĭ* (*-ь*), сначала редкие, затем распространяющиеся все шире, отражают постепенное накопление элементов нового качества.

Но в то же время, в результате взаимодействия двух склонений на существительные мягкой разновидности 2-го склонения распространилась новая форма род. п. мн. ч., восходящая к старому склонению с основой на *-i* (*-ь*). Эта форма в современном языке, как в мужском, так и в среднем роде, имеет окончание *-ей*, например, *огней*, *зверей*, *коней*, *морей*, *полей*. Такое же окончание имеют в литературном языке и в части говоров также существительные, основа которых оканчивается на шипящий согласный, хотя бы и твердый. Ср., например, *ключей*, *ножей*, *сторожей*. Это объясняется тем, что шипящий согласный когда-то был мягким. Лишь в немногих случаях сохраняется старая форма с нулевым окончанием, например: *с плеч*.

Это окончание *-ей* фонетически восходит к старому *-ĭjь*, т. е. к форме склонения с основой на *-i* (*-ь*). Распространение этой формы на склонение с основой на *-о* объясняется так же, как и распространение окончания *-ов*. Форма на *-ей* более четко отграничивает данный падеж от других падежей, чем старая форма с нулевым окончанием (из старого *-ь*), совпадающая к тому же с формой им. п. ед. ч.

Распространение старой формы род. п. мн. ч. основ на *-i*(*-ь*) на склонение с основой на *-о* имело место не только в русском, но также и в белорусском и украинском языках.

В некоторых говорах окончание *-ей* получило более широкое распространение, чем в литературном языке. В литературном языке существительные мужского рода, имеющие в конце основы *ц*, имеют окончание *-ов*, а среднего рода — нулевое окончание, например: *отцо́в*, *концо́в*, *огурцо́в*, *лиц*, *коле́ц*. В некоторых говорах и такие существительные получили окончание *-ей*, в особен-

ности в мужском роде, например, *огурцёй*, *пальцёй*, *зайцёй*. Это наблюдается в особенности на севере, где дольше держится мягкость *ц*, вследствие чего существительные, содержащие *ц*, сближаются по склонению с мягкой разновидностью. Такие говоры встречаются и в средневеликорусской полосе, совсем недалеко от Москвы.

В некоторых южновеликорусских говорах окончание *-ей* охватывает и некоторые существительные женского рода, принадлежавшие в древности к основам на *-а*. Впрочем, эта форма обычно наблюдается лишь в отдельных словах, например *свадьбе́й* от *сва̀дьба* (большинство существительных женского рода в этих говорах получает окончание *-ов*).

В литературном языке сохранилось лишь одно существительное мужского рода, сохранившее старые формы склонения на *-ĭ* (*-ь*), именно слово *путь*. Объясняется это, возможно, тем, что соответствующее слово является книжным, употребляется в переносном значении или как научный термин. В бытовой речи в близком значении употребляется обычно слово *дорога*.

По говорам существительное *путь* теряет эту особенность: с одной стороны, и это существительное порой принимает формы 2-го склонения (ср. *без путя* и т. п.). С другой же стороны, широко распространен переход этого существительного в женский род (ср., например, *путь моя дальняя*), что объясняется, с одной стороны, наличием таких синонимических сочетаний, как *путь-дорога*, а с другой стороны, тем, что почти все существительные, принадлежащие к 3-му склонению, т. е. к старому склонению с основой на *ĭ* (*-ь*), относятся к женскому роду.

§ 23. Очень рано начинает разрушаться склонение с основой на согласный. Примеры разрушения этого склонения отражаются уже в древнейших памятниках, причем не только русских, но и старославянских. Ср., например: *свѣтильникъ тѣлоу ѥстъ око* (Саввина книга), где дат. п. ед. ч. *тѣлоу* вместо первоначального *тѣлеси*. И здесь первоначальный толчок к разрушению, по крайней мере, во многих случаях, дает совпадение формы им. п. ед. ч. этого склонения с соответствующей формой какого-либо другого склонения. Ср., например *тѣло* и *село*.

Разрушение рассматриваемого склонения выражается в том, что существительные, принадлежавшие первоначально к нему, все больше переходят в другие склонения. Переход подобных существительных в то или иное склонение тесно связан с родовой принадлежностью соответствующих существительных. К склонению на согласные, как известно, могли принадлежать в древности существительные всех трех родов.

Существительные мужского рода, например, *камы*, *дьнь*, первоначально отходят к основам на *-ĭ* (*-ь*), к которым в древности могли принадлежать и существительные мужского рода. Объединение с основами на *-ĭ* начинается вообще с очень раннего времени, и мы даже для общеславянского языка-основы не

всегда можем восстановить первоначальные формы склонения с основой на согласный, отличные от форм склонения с основой на-*ĭ*. Основой для перехода существительных с основой на согласный в склонение с основой на *-ĭ* является ранее совпадение некоторых падежных форм. Так, например, винительный падеж ед. ч. в основах на согласные оканчивался первоначально на *-m̥*. Основа на *-ĭ* оканчивалась в этом падеже на *-ьm* (ь был конечным гласным основы). *-m̥* фонетически на общеславянской почве должно было дать *-ьm*, т. е. форму, совпадающую со склонением на *-ĭ*. Затем в обоих случаях теряется на конце слова *m* без назализации предшествующего гласного. Таким образом, получаются формы, тождественно оканчивающиеся на *-ь*. Ср., например, *огнь — камень*. Слово *дьнь* очень рано приобрело в им. п. конечное *ь* по типу основ на *-ĭ*.

Впоследствии, с переходом существительных мужского рода из склонения на *-ĭ* (*-ь*) в мягкую разновидность склонения на *-о* с ними вместе вливаются туда же и старые существительные мужского рода на согласный. В настоящее время такие слова как *день*, *камень*, склоняются по 2-му склонению. Впрочем, по говорам широко распространена такая форма, как *третьяго дни*, свидетельствующая о принадлежности этого слова в прошлом к согласному с основой на *ĭ* (*-ь*). Такая форма свойственна была некогда и литературному языку: она еще встречается у классиков начала XIX века.

Существительные среднего рода также отходят к склонению на *-ŏ*, так как только там, помимо склонения с основой на согласные, были сосредоточены еще в общеславянском языке-основе существительные среднего рода. Впрочем, некоторые существительные, сохранившие кое-какие особенности склонения на согласные, сблизились в части форм со склонением на *-ĭ* (*-ь*).

Существительные женского рода отходят главным образом к склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*), частью же к склонению с основой на *-а*. Впрочем, к последнему типу отходят главным образом существительные, относящиеся к т. наз. основам на *-ū*, который как уже было сказано, на славянской почве нет оснований выделять как особый тип, отличный от согласных основ (см. выше). Однако и существительные этого типа частью отходят к склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*).

Рассматривая разрушение склонения с основой на согласный, необходимо иметь в виду, что не все существительные этого типа одновременно отходят к другим склонениям и что процесс этот, повидимому, и в несколько различные эпохи, по-разному осуществляется в отдельных славянских языках. Ведь в это склонение, как уже было сказано, входили существительные, характеризовавшиеся различными детерминативами, в составе которых были разные согласные.

В древнерусском языке некоторые эти типы очень рано отошли от склонения с основой на согласный. Так очень рано при-

мкнули к склонению на *-о* существительные среднего рода с основой на *-s*. Уже в эпоху древнейших дошедших до нас письменных памятников живой русский язык, повидимому, не знал старых форм с основой на *-s*, и если они и встречаются порой в наших памятниках, то, повидимому, лишь под влиянием книжного старославянского языка, где такие формы в целом держались дольше. О том, что формы, принадлежащие старому склонению на *-s*, являются идущими из книжного языка, позволяет судить хотя бы тот факт, что в наших древних памятниках, различающих *ě* и *ѣ*, формы образованные от основы *tèl-*, соответствующие нормам живого языка, пишутся с *ѣ*, а формы, образованные от основы *tèles-*, сохраняющие в основе *-s*, с *е* простым в корне (старославянское *ѣ* было более открытым, чем древнерусское, и поэтому в словах книжного происхождения наши писцы часто заменяли старославянское *ѣ* через *ě*, поскольку последняя буква казалась более подходящей для передачи старославянского звука *ѣ*). Ср., например, *тѣло, о̂ тѣлѣ*, но *телеси, к телеси, телеса, телесною* (Пандекты Никона Черног. 1296 г.).

Поскольку существительные среднего рода старого склонения на согласные переходили обычно в склонение на *-ŏ*, туда же переходили и существительные с основой на *-s*. Этот переход мог осуществляться двояким путем. В одних случаях терялось сочетание *-es-* в косвенных падежах, представлявшее собой конец основы, а *-о* (*<-os*) в им. и вин. п. ед. ч. отожествлялось с *-ŏ* основ на *-о*, бывшим когда-то концом основы, но давно уже ставшим окончанием, и на месте прежнего склонения типа *слово—словесе—словеси* и т. д. устанавливалось склонение типа *слово—слова—слову* (одинаковое с типом *село—села—селу* и т. д.). В других случаях сочетание *-es-*, являвшееся в косвенных падежах концом основы, распространялось и на именительный падеж, а к конечному *-s* основы присоединялись окончания, свойственные склонению на *-о*, и на месте прежнего склонения типа *коло—колесе—колеси* и т. д. устанавливалось склонение типа *колесо—колеса—колесу* и т. п. Впрочем, от этого слова возможны в древнерусском языке и формы типа *коло—кола—колу* и т. п.; ср. *на кола* «на колеса» (Лавр. лѣтоп.). Трудно сказать, когда установилась форма им. п. ед. ч. *колесо*. Она должна была явиться, конечно, еще тогда, когда основы на *-s* в какой-то мере сохранялись. Но древнерусские памятники не дают примера формы *колесо*. В Геннадиевской библии 1499 г. (первый полный славянский текст библии, принадлежащий Геннадию архиепископу Новгородскому) мы находим: акы *колеса* кольнаю нова (интересно, что производное от основы без *-s*). Но это им. п. мн. ч., и здесь форма на *-s* может быть обусловлена книжным влиянием. Для им. п. ед. ч. в более раннем и также новгородском, но также книжного характера памятнике мы находим: *коло кольно̂ю* (Книга пророков с толкованиями Упыря Лихого 1047 г. по

списку XV в.) — здесь производное прилагательное также не содержит -*s*.

Распространение в слове *колесо* основы на -*s* на им. п. ед. ч., возможно, объясняется тем, что это слово употреблялось чаще во множественном числе, где основа на -*s*- проходила по всем падежам.

О раннем разрушении основ на -*s* в русском языке свидетельствуют некоторые явления словообразования. Производные от старых основ на *s* слова, принадлежащие издавна живому языку, обычно не содержат *s*. Ср. *сло́вно, досло́вный, посло́вица, слове́чко* — производные от *слово* (*словесе*); *те́льце, те́льный, нате́льный* — производные от *тѣло* (*тѣлесе*); *чудно́й, чу́дный, чуда̀к, чуди́ть, чу́дится* — производные от *чудо* (*чудесе*); *деревя́шка, деревя́нный* — производные от *де́рево* (некогда это слово тоже входило в основы на *s*, ср. ст.-слав. *дрѣво — дрѣвесе*). У нас известны, правда, и производные слова, содержащие-*s*, но все они принадлежат к книжному слою нашей лексики, например, *небе́сный* (ср. *не́бо—небесе*), *чуде́сный, чуде́сить, слове́сный, теле́сный, древе́сный*. Сама структура их говорит в некоторых случаях о старославянском происхождении (неполногласная форма корня *е*, а не *о́* перед твердым согласным под ударением). Производные, как с *s*, так и без *s*, причем в обоих случаях принадлежащие живому языку, возможны от *коло, колесо*. Ср. *око́лоца, око́льный*, но *околе́сица, колеси́ть*. Но это можно объяснить параллельным существованием уже в глубокой древности форм *коло* и *колесо*.

Остатком старых основ на -*s* являются в современном языке принадлежащие книжному слою и проникшие из старославянского языка формы мн. ч. с основой на -*es* у немногих существительных среднего рода, именно *небеса́, чудеса́* (в основном только эти два, иногда, как иронически употребленный церковнославянизм, также *телеса́*). *Чудо* употреблялось в древности главным образом в церковной литературе. *Небо* самым своим фонетическим обликом указывает на принадлежность к книжному слою (*е* перед твердым согласным без перехода в *о*).

Некоторые же основы на согласные сохраняются дольше и в живом языке. Так, в Лаврентьевской летописи мы еще часто находим формы род. п. ед. ч. типа *дне, имене* (основа на -*n*), *матере* (основа на -*r*), *церкве, крове* (старые основы на -*ū*, которые, приравнивая к согласным основам, для древнерусского языка можно назвать, как уже было сказано, основами на *v*). По последнему типу склонялось, как уже упоминалось, и название *Москвы*. И мы еще в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку находим вин. п. ед. ч. от этого названия в форме *на Московь* (из более древнего *Москъвь*). Впрочем, формы этого названия и в Суздальской летописи чаще образуются по склонению с основой на -*а*. Ср., *на Москву, на Москвѣ, к Москвѣ, около Москвы* и т. п.

Но если в Лаврентьевской летописи мы часто находим формы, восходящие к старым основам на согласные, то в позднейших памятниках мы наблюдаем уже отход от этих форм. Так, в более поздних списках с того же текста, что и Лаврентьевская летопись — Радзивиловском и Академическом — мы находим *в дни* (местн. п. ед. ч.) в соответствии с *дне*, в Радзивиловском—*крови* в соответствии с *крове* (род. п. ед. ч.) Лаврентьевского списка. Отступления от старых форм наблюдаются порой и в памятниках более древних чем Лаврентьевская летопись, что, возможно, свидетельствует о разрушении старого типа в разных говорах в различное время. Ср., например, *въ камени, каплю кръви* (Арханг. еванг. 1092 г.).

Существительные мужского рода, перешедшие в склонение с основой на *-i* (*-ь*), долго оставались в этом склонении. Так, по наблюдениям Б. Унбегауна, исследовавшего формы склонения в русских памятниках первой половины XVI века, существительное *камень* и другие того же типа еще в XVI веке склонялись по типу основ на *-i*, тогда как такое слово, как *гость*, издавна принадлежавшее к этому типу, уже покинуло его и перешло в основы на *-о* (см. выше).

Окончательная судьба старых основ на согласные в современном языке несколько различна по говорам.

Существительные мужского рода вошли в современное 2-е склонение, именно в его мягкую разновидность. Ср. *день, камень, ремень*. Эти существительные утратили особую форму им. п. ед. ч. и получили форму одинаковую с вин. п. ед. ч., как это было свойственно старым основам на *-о* и старым основам на *-i*. Это вытеснение старой формы именительного падежа начинается очень рано, частью еще в общеславянском языке-основе (ср. *дьнь*). Следом пребывания этих существительных в склонении с основой на *-i* (*-ь*) яляется диалектная форма некоторых косвенных падежей слова *день*: *трéтьего дни́, о Ивáни дни́* (в Иванов день). Одинаково может указывать как на старое склонение на согласный, так и на старое склонение на *-i* (*-ь*) просторечное и диалектное наречие *намéдни* «недавно», восходящее к беспредложному местному падежу *ономьдьне*, т. е. «в том дне» («в тот день»). Конечное *i* здесь может служить как отражением конечного гласного соответствующего падежа в склонении на *-i* (*-ь*), так и результатом изменения конечного безударного *-е*.

Существительные среднего рода все входят в современное 2-е склонение, и именно в его твердую разновидность.

Существительные женского рода с древней основой на *-ū*, примкнувшие издавна к склонению с основой на согласный, в литературном языке отошли преимущественно к современному 3-му склонению, восходящему к старому склонению с основой на *-i* (*-ь*). Следом принадлежности их когда-то к склонению с основой на *-ū* (или согласный *v*) является согласный *v* в конце

основы. Сюда относятся такие слова, как *кро̄вь*, *любо́вь*, *све̄кро́вь*, *морко́вь*, *це́рковь*. Все эти существительные, поскольку склонение с основой на *-i* (*-ь*) имеет форму им. п. ед. ч., тождественную форму вин. п. ед. ч., утратили свойственную им в древности особую форму им. п. ед. ч. и получили форму, одинаковую со старым вин. п. Некоторые существительные этого типа отошли к современному 1-му склонению, восходящему к старому склонению на *-а*, именно к его твердой разновидности. И эти существительные также характеризуются наличием согласного *v*, в конце основы (перед окончанием), например: *ты́ква*, *смо́ква*, *Москва́*. К этому типу примкнуло и недавнее заимствование *брю́ква* (возможно, в силу близости значения к таким словам, как *тыква*).

Отношения, характеризующие литературный язык, характерны и для части говоров. Но вообще в говорах шире отразился переход существительных рассматриваемого типа в склонение с основой на *-а*. Так, по говорам распространены такие формы, как *це́рква*, *моркба́* «морковь», *свекро́ва* (или *свекрова́*)—больше на севере. Последнее слово иногда получает *j* после *v* и переходит в мягкую разновидность — *свекро́в'ja* или *свекро́вля*.

В некоторых говорах, именно в значительной части южновеликорусских, слово «свекровь» сохранило старую форму им. п. ед. ч., отличную от вин. падежа — *свекры́* (при вин. п. ед. ч. *свекро́ў*). В части говоров параллельные этому слову формы имеет связанное с ним по значению слово *ятры́* «жена брата мужа».

Формы словоизменения рассмотренных выше существительных всех трех родов в современном языке не дают никаких указаний на то, что они некогда входили в иные типы склонений, чем теперь.

Некоторые же существительные и в современном языке сохранили определенные особенности в их структуре, указывающие на принадлежность их в прошлом к особому типу склонения. Школьная грамматика называет такие существительные «разносклоняемыми».

В литературном языке сюда относится прежде всего небольшое количество существительных на *-мя*, восходящих к старым основам на *-n* (-н), типа *и́мя*, *пле́мя*, *стре́мя* и т. д. Сюда относится и закрепившееся в церковнославянской форме *вре́мя* (др.-русск. *верем*ѧ, такая полногласная форма отражается, в частности, в Смоленской грамоте 1229 г.). По окончаниям эти существительные сблизились со склонением с основой на *-i* (*-ь*), но в отличие от остальных существительных, характеризуются сочетанием *-ēn-*, являющимся во всех косвенных падежах единственного числа (кроме винительного, одинакового с именительным) и во всех формах множественного числа. Ср., например, *и́мя—и́мени—и́мени* и т. д. Сочетание *-ēn-*, которое школьная грамматика называет «нарощением», представляет собой конец основы, который когда-то был и в им. и вин. п. ед. ч.

Еще в общеславянском языке-основе это сочетание на конце слова дало *-ę* (вероятно, в этом сочетании *е* чередовалось с *ē*, так как сочетание *-en-* на конце слова с кратким *е* должно было дать просто *-е*), которое затем в русском языке дало *-а* после мягкого согласного (вероятно, через ступень *ä*).

Во многих говорах слова этого типа полностью перешли во 2-е склонение и склоняются как существительные среднего рода этого типа. Этот переход осуществлялся двумя путями, подобными тем, которыми в более древнее время образовывались параллельные формы *коло́—колесо́*. В одних говорах обобщалась основа им. и вин. падежа, ее получали и остальные падежи; в других говорах, напротив, обобщалась основа косвенных падежей на *-еп-*, она распространялась также на им. и вин. п. ед. ч. К основе обоих этих видов присоединялись обычные окончания 2-го склонения. Таким образом, в одних говорах являются такие формы, как им. п. ед. ч. *и́м'о* (эта форма возможна лишь в окающих говорах, в акающих *-и́м'а*, род. п. *и́м'а* и в окающих и в акающих говорах), дат. п. *и́м'у* и т. д.; *стре́м'о* (или *стре́м'а*), род. п. *стре́м'а*, дат. п. *стре́м'у* и т. д.; или же такие формы, как им. п. *имено́*, род. п. *имена̀*, дат. п. *имену́*; им. п. *стремено́*, род. п. *стремена́*, дат. п. *стремену́* и т. д. Ср., напр., в одном из олонецких говоров — «*к стремену́ привяза́л*».

Подобные формы с обобщенной основой, идущие по 2-му склонению, были свойственны и литературному языку в XVIII и в начале XIX века. Ср. у Лермонтова (притом в слове церковнославянского происхождения): Из *пламя* и света рожденное слово.

Существительные женского рода *мать* и *дочь*, ранее принадлежавшие к основам на согласные (именно на *-r*), в литературном языке примкнули к склонению с основой на *-i* (*-ь*), но сохранили в косвенных падежах единственного числа (кроме винительного, одинакового с именительным), и во всех формах множественного числа сочетание *-er*, предшествующее окончанию и отсутствующее в им. и вин. п. ед. ч., например, *мать—ма́тери—ма́тери* и т. д. Это *-er*, которое школьная грамматика также называет «наращением», представляет конец основы, распространенной когда-то и в вин. п. (вин. п. в древности имел форму *матерь*, т. е. по форме основы не отличался от других косвенных падежей). Это сочетание было некогда свойственно и именительному падежу единственного числа, скорее всего с иной ступенью чередования гласного, в форме *-ēr*. Конечное *r* исчезло, а *ē* еще до исчезновения *r*, при не вполне выясненных условиях дало *-i*, т. е. *мати*.

Старые формы им. п. ед. ч. *мати*, *дочи* (последнее обычно с ударением на конце) известны некоторым северновеликорусским говорам, форма *ма́ти* известна украинскому языку. Что касается вин. п., то некоторые говоры сохранили старую форму *ма́терь*. Форма им. п. ед. ч. *мать*, характерная для литератур-

ного языка и большей части говоров, может объясняться двояко: во-первых, воздействием соответствующих форм склонения с основой на -*i* (-ь), во-вторых, ослаблением (редукцией) до нуля конечного безударного -*i*, что часто наблюдается (ср. ниже то, что говорится о формах повелительного наклонения глагола).

Возможно, что остатком старых форм, отражающих принадлежность этого слова к склонению с основой на согласный, являются такие наблюдающиеся в некоторых южновеликорусских говорах формы, как род. и вин. п. ед. ч. *ма́тиря* (ср. *без ма́тиря, за ма́тиря*). Конечное *а* после мягкого согласного в акающем и якающем говоре могло развиться в безударном положении из *е* (ср. старую форму род. п. ед. ч. *матере*). Форма винительного падежа могла видоизмениться под воздействием родительного (о влиянии род. п. на вин. см. ниже).

Но, возможно, что безударное *а* после мягкого согласного могло развиться и из *i*, что в якающих говорах вообще наблюдается (ср. *ба́рян, ме́рян, во́ян* «воин»). В таком случае здесь мы имеем дело с формами склонения с основой на -*i*.

В некоторых говорах сочетание -*er*- обобщается для всех падежей, в результате чего и им. и вин. п. ед. ч. приобретают форму *ма́терь, до́черь* (впрочем, обе формы по говорам не всегда обнаруживают полный параллелизм развития). Форму *матерь* мы находим иногда и в старом литературном языке, что объясняется воздействием церковнославянского языка, где, как и в древнерусском языке, вин. п. ед. ч. имел форму *матерь*, которая могла проникать и в им. п. На воздействие в данном случае церковнославянского языка указывает то, что форма *матерь* употреблялась в литературном языке преимущественно для обозначения богородицы —*богоматерь* (ср. название русского перевода романа В. Гюго «Собор парижской богоматери»), *божья матерь* (ср. у Лермонтова: Я, *матерь божия*, ныне с молитвою...).

В некоторых говорах, именно в некоторых южновеликорусских, эти существительные с основой на -*r* (-*р*), обобщенной для всех падежей, переходят даже в 1-е склонение, именно в его мягкую разновидность (например, им. п. ед. ч. *ма́тиря*, вин. п. ед. ч. *ма́тирю* и т. д.). Но это в известной мере связано с переходом вообще существительных современного 3-го склонения в 1-е склонение, о чем ниже (см. стр. 91).

Современный литературный язык, а также часть говоров сохранили также следы старых основ на -*'at*- (<-*ęt*-<*-*ent*-). Эти основы, как уже было сказано выше, принадлежали существительным, обозначавшим невзрослые живые существа. Эти существительные в современном языке характеризуются сложным суффиксом -*онок* (после мягкого согласного и шипящего) с беглым вторым *о*, например, *телёнок, жеребёнок, медвежёнок, ребёнок.* Склоняются они по 2-му склонению. Этот суффикс характеризует лишь формы единственного числа. Во всех формах множественного числа он замещается суффиксом

-ат-, также после мягкого согласного или шипящего, например, *теля́та, жеребя́та, медвежа́та, ребя́та*. Суффикс *-at-*, характеризующий ныне лишь множественное число, отражает старую основу на согласный. Суффикс *-on-ok*, сменивший старое *-'at* в единственном числе, в более древнее время имел форму *-en-ък* (на это указывает мягкость согласного перед *о* и беглость *о*). По происхождению, он, несомненно, сложный. Вторая часть его представляет весьма распространенный уже в древности суффикс уменьшительного значения. В отношении же первой части Л. А. Булаховский полагает, что исходной точкой новообразования послужили образования, подобные современному украинскому *кошеня́* «котенок». Но слова такого типа, повидимому, уже в древности имели двойной суффикс *-en-ent-* (слова типа *кошеня* в украинском языке и теперь в косвенных падежах обнаруживают принадлежность к согласным основам: ср. род. п. *кошеняти*, дат. п. *кошеняти* и т. д.). Можно было бы предполагать, что носовой согласный *n* является следом носового согласного, наличного когда-то в детерминативе *-ent-*. Но ведь этот детерминатив на восточнославянской почве еще в дописьменную эпоху дал *-ät*, (впоследствии *-'at*), вследствие чего для объяснения этой формы и необходимо предположение о раннем существовании такого сложного суффикса, как *-en-ent*.

Отражением прежней принадлежности соответствующих существительных к существительным с основой на согласный является форма *теля́ти* в пословице «Нашему *теляти* волка поймати» (здесь дат. п. ед. ч.), а также склонение в единственном числе существительного *дитя́* (из более древнего *дѣтѧ*). Это существительное, согласно нормам, указанным в его грамматике еще М. В. Ломоносовым, а также устанавливаемым школьной грамматикой дореволюционного времени, в единственном числе принимало те же окончания, что существительные 3-го склонения, но перед окончанием в косвенных падежах (кроме винительного), получает сочетание *-'ат-*: им. п. *дитя́*, род. п. *дитя́ти*, дат. п. *дитя́ти* и т. п. Но такое склонение давно уже является архаизмом (интересно, кстати, что тв. п. ед. ч. сближается с женским родом, — *дитя́тей*). В современном литературном языке им. п. ед. ч. *дитя* употребляется главным образом как обращение, и то скорее в ироническом смысле, в косвенных же падежах (а чаще и в именительном) являются формы от слова *ребёнок*. Впрочем, у классиков начала XIX века эти формы встречаются, но для живого языка они, возможно, и тогда уже были архаизмом (ср. у Пушкина, «Сказка о балде»: Каши наварит, нянчится с *дитятей*).

По говорам наблюдаются известные отступления от норм, характеризующих литературный язык.

В литературном языке характеризующий множественное число форматив *-'at-* в соответствии с древним значением этого форматива употребляется лишь для существительных, обозна-

чающих невзрослые живые существа. Суффикс *-ŏнŏк* в уменьшительном значении употребляется и для существительных, обозначающих неодушевленные предметы, но в этом случае он распространяется и на множественное число. Ср. *бочо́нок—бочо́нки*. В некоторых говорах, именно южных, форматив получил более широкое значение, обозначая вообще уменьшительность. Там возможны и такие формы как *бочáта* «бочонки», *санчáта* «маленькие санки», *опя́та* «сорт грибов» (ср. *опёнки*). Последняя форма в особенности представляет интерес, так как здесь этимологически суффиксом является лишь *-ок*, а *-ŏн-* принадлежит корню: *опёнок* образовано от *пень* (др.-русск. *пьнь*), *о-* является приставкой в значении «вокруг» (эти грибы, как известно, растут вокруг пней). Здесь имело место, таким образом, своеобразное переразложение.

В части говоров наблюдается, напротив, распространение основы, характерной для единственного числа, также и множественное число в полном объеме, т. е. и для существительных, обозначающих невзрослые живые существа. Для этих говоров характерны такие формы множественного числа, как *жеребёнки*, *котёнки*, *медвежо́нки*, *ребёнки* и т. п. Это наблюдается больше в северных говорах (например, в некоторых олонецких).

Существительные, обозначавшие невзрослые живые существа, в древности принадлежали к среднему роду (на это указывает и окончание им. и вин. п. мн. ч. *-а*). Получая суффикс *-енок*, оформление которого связано с мужским родом, они переходили в мужской род. По говорам возможны и иные образования этих существительных, сохраняющие за ними средний род (если в соответствующих говорах не наблюдается разрушения среднего рода). Очень широко распространена по говорам форма *дитё*, склоняющаяся как обычно склоняются существительные среднего рода 2-го склонения. Эта форма известна даже московскому просторечью. Повидимому, могла быть и форма *дитя*, склоняющаяся по женскому роду, если соответствующее слово обозначало лицо женского пола. Ср. у Грибоедова:

Я помню, ты *дитей* с ним танцевала...

(Горе от ума)

В некоторых говорах употребляются такие формы среднего рода, как *гусё*, «гусенок» и т. п., склоняющиеся так же, как *дитё*.

§ 24. В результате всех преобразований, изложенных выше, в русском языке (литературном и большей части говоров) устанавливается система трех склонений существительных: 1-е склонение, охватывающее существительные с прежней основой на *-а*, включившее также некоторые существительные женского рода, принадлежавшие к типу с основой на согласные (собственно гл. обр. на *-ū*); 2-е склонение, охватывающее существительные, принадлежавшие в древности к основам на *-ŏ*

и на *-ŭ* (*-ъ*), а также и существительные мужского рода, принадлежавшие к склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*), и мужского и среднего рода, принадлежавшие к склонению с основой на согласный; 3-е склонение, охватывающее существительные с основой на *-ĭ* (*-ь*), но только женского рода, и включившее также некоторые существительные женского (частью среднего) рода, в древности принадлежавшие к склонению с основой на согласный. Кроме того, сохранились некоторые, различные для разных говоров, обломки разрушенных типов — т. наз. «разносклоняемые» имена существительные.

Некоторые говоры обнаруживают тенденцию дальнейшего преобразования различных типов склонения и сведения этих трех типов к двум. Именно обнаруживается тенденция объединения 1-го и 3-го склонения, поскольку оба они содержали в основном существительные женского рода. Широко распространено по говорам (как северным, так и южным) употребление форм дат. и местн. п. ед. ч. на *-ѣ* (*-ė*) у существительных, принадлежавших в прошлом к склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*), например: ***пō грязé, на пристанé, на лошадé.*** Эти формы развились под влиянием соответствующих форм склонения на *-а*. В особенности интенсивно распространяются формы, первоначально принадлежавшие основам на *-а*, на существительные, восходящие к основам на *-ĭ* (*-ь*), в части южновеликорусских говоров. Там возможны и такие формы, как тв. п. ед. ч. ***гря́зей*** или ***гря́зюй, со́лей*** или ***со́люй*** и т. п.

§ 25. Процесс объединения различавшихся ранее типов склонения не ограничивается оформлением в русском языке меньшего количества типов склонения, чем это было в древности. И те типы, которые сохранились (три, а по говорам, возможно, в тенденции и два), на протяжении истории языка сближаются, становятся более похожими друг на друга. И здесь прежде всего необходимо обратить внимание на взаимное сближение твердой и мягкой разновидности в пределах первых двух склонений (т. е. склонений с основой на *-а* и с основой на *-о*) и на взаимное сближение всех типов склонения в формах множественного числа.

Расхождение между твердой и мягкой разновидностью, некогда опиравшееся на фонетические нормы, давно уже утратило связь с фонетикой, ср. такие хотя бы отношения, как род. п. ед. ч. *жены — землѣ*, где еще в дописьменную эпоху *ė*, конечно, не было результатом изменения *y* после мягких согласных (нормальным соответствием *y* в этих условиях было *i*). Фонетические же изменения, имевшие место в начале эпохи, засвидетельствованной письменными памятниками, привели к тому, что отношения, бывшие некогда фонетическими, достаточно рано перестали ими быть и в других случаях. Так, например, в результате изменения *е > 'о*, в положении перед твердым согласным становятся возможными в положении перед *ǫ*, как твердые, так

и мягкие согласные, что устраняет фонетическую обусловленность этих отношений. В результате же все дальше идущего смягчения согласных перед гласными переднего ряда формы типа *столѣ* и *поли* (местн. п. ед. ч.) с точки зрения степени мягкости согласного, предшествующего гласному окончания, не различаются. И фонетически является совершенно возможным, если, например, древняя форма *konѣть* будет теперь звучать *kon'от* (поскольку конечное слабое *ь* утратилось, а предшествующее ему, ставшее конечным, *т* отвердело), так же, как и вместо прежнего *stol'ẻ* будет звучать *stol'i*, или вместо прежнего *pól'i*—*pól'ẻ*, вместо прежнего *kon'i—коп'ẻ*. И в результате этого, поскольку действует общая тенденция выражения одних и тех же отношений одними и теми же структурными средствами, приводящая к сближению и объединению различных типов склонений, намечается сближение твердой и мягкой разновидности в пределах тех типов, где они были.

Наиболее ранние примеры отражения изменения форм под влиянием другой разновидности того же склонения наблюдаются уже в памятниках конца XI века (правда, там эти примеры еще единичны). Ср., например: *въ вѣтъсѣ одежѣ* (Новг. Минея 1095 г.) — вместо *одежи*; *въ чловѣчѣ сбразѣ* (там же) — вместо *чловѣчи*. Во втором случае перед нами—именное прилагательное, а не существительное, но именные прилагательные в склонении, как известно, от существительных не отличались. В обоих приведенных примерах, возможно, сказывается влияние соседней параллельной формы (в первом случае именного прилагательного, во втором случае существительного). Подобное воздействие со стороны соседней формы мы наблюдаем в памятниках различных языков (ср., например, *uxori carissimi*, вместо *uxori carissimae*, в одной из надгробных латинских надписей). Но в той же Новгородской Минее 1095 г. мы находим примеры колебаний и вне таких сочетаний, например: *изъ отроковичи* (*ч* вместо *ц*, поскольку памятник цокающий).

Более частыми случаи смешения форм твердой и мягкой разновидности становятся в памятниках начиная с XIII в. Ср., напр. *въ ꙗрославлѣ* (Новг. Кормчая 1282 г.) и др.

Приведенные выше примеры отражают употребление форм твердой разновидности вместо форм мягкой разновидности. Примером на такое употребление является и форма *отроковичи* (род. п. ед. ч.) вместо старого *отроковицѣ*, только здесь является на конце *и*, а не *ы*, так как последнее после мягкого согласного невозможно.

Встречаются и обратные случаи, т. е. употребление форм мягкой разновидности вместо форм твердой разновидности, например: *съ высотѣ* (Новг. Минея 1096 г.), *ис печерѣ* (Новг. летоп. по Синод. сп.), *въ сосники* — местн. п. ед. ч. (Двинск. грам. XV в.), *на Лоукини береги* (там же).

В результате взаимодействия твердой и мягкой разновидно-

сти устанавливается единое 1-е и единое 2-е склонение, в пределах которых лишь очень немногие формы, различные для твердой и мягкой разновидности, опираются в своих различиях не на фонетические отношения.

В результате этого взаимодействия в большинстве говоров побеждает в целом твердая разновидность, которой подчиняется мягкая. Эта победа отражается и в грамматических нормах литературного языка.

В род. п. ед. ч. основ на *-а* (современное 1-е склонение) устанавливается окончание *-ы* для твердой разновидности, *-и* для мягкой разновидности, например, *воды — земли*. Различия *и* — *ы* в современном языке, как известно, неразрывно связаны с положением их после мягкого или после твердого согласного. Различия эти являются чисто фонетическими. В дат. и местн. п. ед. ч. основ на *-а* (современного 1-го склонения) и в местн. п. ед. ч. основ на *-о* (современное 2-е склонение) устанавливаются как в твердой, так и в мягкой разновидности окончание *-е* < *-ѣ*, например, *к водѣ́, к землѣ́, на водѣ́, на землѣ́, на столѣ́, на конѣ́*. Особых замечаний требует тв. п. ед. ч. В основах на *о* (современное 2-е склонение) обе разновидности оканчиваются на *-ом*, что может быть результатом и чисто фонетического развития: в древности твердая разновидность оканчивалась на *-ъмь* мягкая на *-ьмь*. В результате отвердения конечного *-м* (*м*) после падения редуцированных *е* (из *ь*) перед *м* твердым должно было измениться в *-о* после мягкого согласного. Но никак не может быть объяснена фонетически современная форма тв. п. ед. ч. мягкой разновидности 1-го склонения (т. е. старых основ на *-а*), характеризующаяся окончанием *-ой*, (например, *землёй*, фонетически *zeml'ó i̯*), поскольку *е* > *'о*, перед мягким согласным (а неслоговое *i̯* в звуковой системе языка играет такую же роль, как мягкий согласный) фонетически не переходило. Форма с *о* могла появиться в данном случае лишь под влиянием форм твердой разновидности. Влияние твердой разновидности на мягкую могло сказаться и в основах на *-о*, так как окончание *-ом* в этой форме мы находим и в таких говорах (именно в некоторых южновеликорусских), где вообще *е* перед твердым согласным сохраняется без перехода в *о*. Ср., например, в некоторых рязанских говорах *бирéза* (береза), но *мидвéд'óм* (медведем).

Но если в большей части говоров объединение твердой и мягкой разновидности происходит на основе влияния твердой разновидности на мягкую, то в ряде говоров мы наблюдаем, напротив, победу мягкой разновидности: старые формы этой разновидности сохраняются и им подчиняются некоторые формы твердой разновидности. Так, в части северных говоров, именно в поморских и олонецких, мы наблюдаем *-i*, на конце слова на месте старого *ѐ* (*ѣ*), например, *на столи́, гди*. Это изменение, в том случае, если *ѐ* вообще сохраняется как особый звук или изме-

няется в *i* лишь перед мягкими согласными, не могло носить фонетического характера, так как нет никаких оснований к тому, чтобы *ѣ*, сохраняющееся в положении не перед мягким согласным, изменялось в звук более высокого образования специально на конце слова, где нет последующего воздействующего согласного. Но гласный *-ѣ* на конце слова уже давно представлен в значительной части случаев как падежное окончание твердой разновидности основ на *-а* и на *-ŏ*. Ср. *водѣ* (дат. и местн. п. ед. ч.), *столѣ* (местн. п. ед. ч.). Соответствующие формы мягкой разновидности имели окончание *-i*. Оно распространилось впоследствии на формы, не являющиеся собственно падежными, но по значению с ними связанные. Так, наречие *кѫде* в древности оканчивалось на *е* (оно состоит этимологически из вопросительно-местоименного корня *кѫ* и частицы пространственного значения *-де*, ср. греч. θεν). В северной части восточнославянских наречий, сближаясь по значению с местным падежом, это наречие нефонетически заменило конечное *-е* через *-ѣ*. Впоследствии же, когда форма с окончанием *-i* распространилась и на твердую разновидность, в этом наречии также *ѣ* нефонетически заменилось через *i*. Возможно, что приведенные выше написания, встречающиеся в двинских грамотах XV века, уже отражают это обобщение форм твердой и мягкой разновидности в направлении именно к мягкой разновидности.

Отражением воздействия мягкой разновидности на твердую является, повидимому, и распространенная по говорам форма род. п. ед. ч. 1-го склонения с окончанием *-е*, например, *из избé, из рукé, от землé*, где *-е*, повидимому, на месте старого *ѣ*. Форма типа *от землé* в данном случае является результатом фонетического изменения, формы же типа *из избе, из руке* являются в результате влияния мягкой разновидности на твердую. Такие формы распространены больше в южновеликорусских говорах, но встречаются иногда и на севере (например, в холмогорском говоре в Архангельской области).

Возможно, что результатом воздействия мягкой разновидности склонения на твердую является и наблюдающееся по говорам совпадение форм род., дат. и предл. п. ед. ч. у существительных на *-а* (т. е. 1-го склонения) в форме, соответствующей нашему родительному падежу, например, *из избы́, в избы́, к избы́, из земли́, к земли́, в земли́*. Эта особенность наблюдается главным образом в северновеликорусских говорах, именно в периферийной полосе их, тянущейся по северу, северо-западу и западу (в основном поморские, олонецкие и новгородские говоры), но встречается и на юге (например, в некоторых курских говорах). Формы, свидетельствующие об указанном совпадении, в новгородских памятниках засвидетельствованы с XIV века, например: *на онои страны* (Сильвестровский сборник XIV века). Именно формы дат. и местн. п. могут свидетельствовать о сохранении старой формы мягкой разновидности (*к земли́, на*

зӗмлй) и о подчинении ей старых форм твердой разновидности (*к избы́, в избы́*), где *ы*, а не *и*, так как ему предшествовал твердый согласный. Правда, в род. п. здесь, как уже было сказано выше, процесс шел в обратном направлении.

Впрочем, рассматриваемое совпадение может быть объяснено и иначе. Возможно, что это объединение форм род., дат. и местн. падежа у склонения на *-а* отражает воздействие, идущее со стороны современного 3-го склонения, т. е. старого склонения на *-ĭ* (*-ь*), где также сосредоточены существительные женского рода и где издавна (за исключением некоторых различий в ударении) совпадают соответствующие падежи.

Более очевидно именно воздействие мягкой разновидности на твердую в таких говорах (а такие говоры действительно есть), где в род. п. является окончание *-ӗ*, а в дат. и предл. п. — *-ы*, *-и*.

Но, как бы ни объяснять эти новые формы род., дат. и предл. п. ед. ч. склонения на *а*, они в обоих случаях отражают все дальше идущее в результате взаимодействия сближение различных типов склонения.

§ 26. Взаимодействие различных типов склонения во множественном числе идет еще дальше и приводит в конечном итоге к установлению единой для всех существительных парадигмы. Старые различия сохраняются лишь в некоторых падежах, и то в значительной степени они связаны не с типом склонения, а с родом. При этом все склонения подвергаются сильному воздействию со стороны склонения с основой на *-а*. Это воздействие охватывает в первую очередь дательный, творительный и предложный (старый местный) падежи. Отчасти охвачен был этим воздействием и именительный падеж. В родительном падеже старые различия частью сохраняются. Винительный в современном языке не имеет своей специфической формы и всегда совпадает или с именительным или с родительным падежом (каким образом наш язык пришел к таким отношениям, см. ниже).

Поскольку склонения с основой на *-ŭ* (*-ъ*) и на согласные на протяжении истории языка перестали существовать как особые склонения, существенно остановиться на формах трех сохранившихся типов, т. е. старых основ на *-а*, на *-ŏ*, и на *-ĭ* (*-ь*).

В дат., тв. и местн. падежах мн. ч. все эти три типа имели различные формы: ср., например, дат. п. *жӗнамъ—сто̆ломъ—костьмъ*; тв. п. *женами—столы—костьми*; местн. п. *жӗнахъ—сто̆лѣхъ—костьхъ*. Во всех этих случаях на протяжении истории языка устанавливаются формы, ранее характерные лишь для основ на *-а*: дат. п. *сто̆ла́м* (вместо старого *сто̆ло̆мъ*), *костя̆м* (вместо старого *ко̆стьмъ*); тв. п. *сто̆ла́ми* (вместо старого *сто̆лы*), *костя̆ми* (вместо старого *костьми*), местн. п. *сто̆ла́х* (вместо старого *сто̆лѣхъ*), *костя̆х* (вместо старого *костьхъ*). Фонетически формы дат. п. *костьмъ*, местн. п. *костьхъ* должны были дать *ко̨стё̆м*, *ко̨стё̆х*, так что совершенно ясно, что дело идет не о

фонетических, а о морфологических изменениях. Осуществившиеся изменения возможны были лишь на основе имевшего место переразложения — передвижения морфологической границы между основой и окончанием. Такое передвижение для *-а* и *-о* основ имело место в глубокой древности, для *-ĭ (-ь)* основ позднее, но тоже в достаточно раннее время (подробнее см. выше).

Древнейшие примеры, свидетельствующие о начавшемся процессе объединения во множественном числе различных склонений наблюдаются в памятниках XIII века (таким образом этот процесс целиком протекает на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками): ср., например: *съ клобуками* (Новг. паримейник 1271 г.), *къ латинамъ* (Рязанск. Кормчая 1284 г.), *на сборищахъ* (Моск. евангелие 1339 г.). Как протекал этот процесс объединения, достаточно еще не изучено. Возможно, что процесс этот в различных говорах протекал с различной степенью интенсивности и в несколько разное время. В московских памятниках еще в XVI—XVII вв. широко представлены старые формы [1].

Следами старых форм в современном литературном языке являются наречие *поделóм* (старый дат. п. мн. ч. основ на *-о* в сочетании с предлогом), а также тв. п. мн. ч. на *-ми* после мягкого согласного, представляющий старую форму соответствующего падежа основ на *-i (-ь)*, свойственный некоторым существительным: *людьмú, детьмú, лошадьмú*. Ср. также как архаизм в особом выражении «ляжем *костьми*» (обычно это существительное имеет форму *костя́ми*). В некоторых говорах и эти существительные характеризуются окончанием *-ами*: *людя́ми, детя́ми, лошадя́ми*. А форма *дверя́ми* в качестве параллельной формы возможна и в литературном просторечии.

Старые формы дат. и местн. п. мн. ч. на *-ом, -ох, -ім, -іх* сохранились в некоторых украинских и белорусских говорах, а также в южновеликорусских, пограничных с белорусскими. Ср., например, укр. *дубі́м*, белорусск. *гасцём, людзём* (дат. п. мн. ч.). Ср. также южновеликорусское *на санёх* (в говорах пограничных с белорусским языком).

Обратив внимание на то, что такие формы наблюдаются в русских говорах, характеризующихся диссимилятивным аканьем, причем почти все слова, характеризующиеся такой формой, имеют ударение в косвенных падежах на окончании (а не на основе), причем в первом предударном слоге *а* (такой структурой характеризуется и форма *санях*), акад. С. П. Обнорский выдвинул объяснение, согласно которому сохранение старой формы именно в этих словах основано на тенденции сохранения

[1] Так, например, сочинение Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича», писанное в XVII веке, не дает еще указания на завершение этого объединения, хотя писано оно вообще языком, близким к тогдашнему разговорному.

единой основы: если бы и в этих словах утвердилось новое окончание *-ах*, то основа на протяжении склонения менялась бы (ср. *са́ни—сънях*) по нормам диссимилятивного аканья. Но это объяснение не может считаться бесспорным. Известно много случаев, когда в результате различных явлений безударного вокализма, основа слова на протяжении парадигмы подвергается сильным изменениям. Ср., например, такие отношения, как им. п. *въда́*, род. п. *вады́* и т. д. в говорах с диссимилятивным аканьем, им. п. *бида́*, род. п. *бяды́* и т. д. в говорах с диссимилятивным яканьем. Напротив, в результате такого различного вида основы возможен впоследствии отход от соответствующей системы безударного вокализма. Так, например, отчасти в результате выравнивания (*вада́*, как *вады́*, *бяда́*, как *бяды́* и т. д.) имеет место в говорах отход от более сложных систем безударного вокализма в сторону более простых — от диссимилятивного аканья к аканью недиссимилятивному, от диссимилятивного яканья к сильному яканью и т. д.

В тв. п. мн. ч. в некоторых говорах (именно в некоторых северных — поморских, олонецких) утвердилось окончание *-амы*, например, *рука́мы*, *нога́мы*, *стола́мы*, *плота́мы* и т. д. Эта форма также, повидимому, является результатом взаимодействия между различными типами склонения. В этом окончании, повидимому, контаминировались окончание *-ами*, свойственное старым основам на *-а*, и окончание *-ы*, свойственное старым основам на *-о*.

§ 27 Сближение в результате взаимодействия различных типов склонения отражается и в изменении отношений между именительным и винительным падежом множественного числа. В древнерусских памятниках древнейшей эпохи, как и в древних памятниках других славянских языков, формы именительного и винительного падежей различаются лишь для существительных мужского рода, а у существительных женского и среднего рода совпадают.

В дальнейшем начинаются в памятниках колебания между формами им. и вин. п. мн. ч. и у существительных мужского рода. Поскольку склонение с основой на согласный подверглось разрушению, склонения с основой на *-ŭ* (*-ъ*) и мужской род склонения на *-ĭ* (*-ь*) влились в склонение с основой на *-о*, говоря о колебаниях в формах между этими двумя падежами, надо иметь в первую очередь в виду именно склонение с основой на *-о*. Колебания отражаются в памятниках, начиная с XIII века, причем первоначально наблюдаются случаи употребления как винительного падежа вместо именительного, так и именительного вместо винительного, например: *чины раставлени* быша (Ростовское житие Нифонта 1219 г.) — вин. п. вместо им.; *люди* вылезоуть (Русская Правда 1282 г.) — то же; идѣмъ въ ближнѧꙗ *вьси* и *гради* (Новг. Милятино евангелие 1215 г.)— им. п. вместо вин. Эти колебания указывают на то, что в живом

языке этого времени выработалась, вероятно, уже единая форма им. и вин. п. мн. ч. (употребление род. п. вместо вин. у существительных, выражающих одушевленные предметы, во множественном числе развилось позднее, см. ниже). Эта единая форма в одних случаях является по происхождению формой винительного, в других именительного падежа.

У существительных мужского рода твердой разновидности эта форма в подавляющем большинстве случаев является старой формой винительного падежа. Ср., например, современное *сады́*, *плоды́*, *огоро́ды*, *волы́* и т. д. (старая форма им. п. в основах на *-о*, оканчивалась на *-i*, а в основах на *-ŭ*, к которым принадлежало существительное *волъ*, на *-ove*). Форма, являющаяся старой формой вин. п., характеризует и единственное слово мужского рода, сохранившееся в склонении на *-ĭ*, путь — им. п. мн. ч. *пути́* (старая форма им. п. была *путиѥ*).

Старой формой вин. п. мн. ч. являются и формы существительных, в конце основы которых является задненебный согласный, например, *во́лки*, *круги́*, *слу́хи*. Здесь, правда, на конце *i*, а не *у* (*ы*), но оно является в результате фонетического изменения *ку*, *gу*, *ху*>*к'i*, *g'i*, *х'i*.

Исключение составляют формы *сосе́ди*, *че́рти*, где сохранилась старая форма им. п. (оба слова принадлежали к твердой разновидности — ср. ед. ч. *сосе́д*, *чорт*). Но у обоих этих существительных мягкий согласный в конце основы, исторически вызванный соседством *-i*, проходит по всем падежам множественного числа, утратив зависимость от когда-то обусловившего его *-i-*. Ср. *сосе́дей*, *сосе́дям*, *сосе́дями* и т. д. В XVIII веке, частью и в начале XIX века эту особенность с существительными *соседи* и *черти* разделяла форма *холо́пи* (ср. ед. ч. *холо́п*).

Следует заметить, что существительные твердой разновидности женского рода сохранили свою старую форму, единую для им. и вин. п., одинаковую с формой, которую получило большинство существительных твердой разновидности мужского рода.

Что же касается до существительных мужского рода мягкой разновидности, то они сохранили старую форму именительного падежа, например: *кони* — старая форма вин. п. была *конь*.

Существительные же мягкой разновидности женского рода приняли для им. п. и вин. п. мн. ч. форму, одинаковую с мужским родом, т. е. с окончанием *-i* (вместо старого *ѐ*), например: *зе́мли*, *ду́ши*.

Старую форму им. п. мн. ч. сохранили в литературном языке и некоторых говорах существительные, в древности во множественном числе склонявшиеся по склонению на согласный, а в единственном числе по основам на *-о*, обозначавшие (собирательно) людей по их принадлежности к племени, местности, позднее сословию и т. п., например: *бояре*, *крестьяне*, *северяне*, *слобожане* и т. д. Эта форма употребляется в настоящее время

и для вновь образованных слов с таким значением (именно со значением жителей какой-нибудь местности), напр., *горьковчане*.

В отборе старых форм ярко отразилась общая тенденция к унификации различных склонений. Форма вин. п. мн. ч. для твердой разновидности муж. р. установилась, вероятно, потому, что ее окончание в точности соответствовало окончанию формы им. и вин. п. женского рода, само же объединение в этой форме двух старых падежей вызвано было, вероятно, тем, что эти формы издавна не различались в других родах.

Возможно, что в распространении формы вин. п. в мужском роде сыграло известную роль и то, что форма вин. п. содержала твердый согласный, характерный для большинства форм твердой разновидности. Для мягкой разновидности установилась форма им. п., вероятно, вследствие ее параллелизма формам твердой разновидности—*у* (*ы*) после твердых согласных, *ı*—после мягких согласных. Здесь, таким образом, отразилось сближение твердой и мягкой разновидности, о котором уже говорилось выше. Существительные мягкой разновидности женского рода получили это же окончание, в чем отражается общая тенденция развития различных типов склонений.

Наиболее разнообразные формы для различных существительных во множественном числе, помимо именительного падежа, сохранились в родительном. Но те различия, которые мы здесь наблюдаем, в большей степени связаны с различием по родам, чем с принадлежностью тому или иному древнему типу склонения. В род. п. мн. ч. в литературном языке (и в части говоров) выступают следующие окончания: нулевое — для существительных женского рода на *-а* (твердой и мягкой разновидности), твердой разновидности среднего рода и очень немногих существительных твердой разновидности мужского рода; *-ов* — для существительных твердой разновидности мужского рода, существительных мягкой разновидности, оканчивающихся на *j*, и очень немногих существительных среднего рода; *-ей* — для существительных женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный или шипящий (старое склонение на *-ı*), и для мягкой разновидности существительных мужского и среднего рода.

Все дальше идущее объединение различных типов во множественном числе еще в большей степени проявилось в некоторых южновеликорусских говорах. Там окончание *-ей* захватывает и некоторые существительные, в литературном языке не имеющие этих окончаний (например, *свадьбе́й*), в особенности же широко распространяется окончание *-ов*, захватывающее и мягкую разновидность существительных мужского рода, и вообще средний, и даже женский род, в результате чего распространяются такие формы, как *медведёв*, *днёв*, *дело́в*, *место́в*, *озеро́в*, *болото́в*, *ло́жков*, *таре́лков*, *ба́нев* и т. п.

В результате изложенных выше преобразований устанавливаются иные отношения между единственным и множественным

числом. Раньше обнаруживалась определенная связь между существительными в единственном числе и теми же существительными во множественном числе. Группа существительных, объединенная в определенный тип склонения в единственном числе, характеризовалась особыми формами, отличными от тех, которые были свойственны другим группам существительных, и во множественном числе. Лишь немногочисленные группы существительных принадлежали в единственном и во множественном числе к различным типам склонения. Теперь же, при сохранении различных типов (хотя и в меньшем количестве, чем в древности) в единственном числе, множественное число образует единый тип (если оставить в стороне некоторые особенности, наблюдающиеся в формах им. и род. падежа).

История числа

§ 28. Существенные изменения на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, имели место и в категории числа.

Наибольшее значение в этой области имеет утрата двойственного числа. В древнерусском языке, как уже указывалось, было три грамматических числа — единственное, двойственное и множественное. Грамматический строй современного русского языка, притом не только литературного, но и всех говоров, характеризуется лишь двумя числами — единственным и множественным.

Двойственное число было свойственно еще грамматическому строю общеиндоевропейского и общеславянского языка-основы. Мы застаем его во всех славянских языках эпохи древнейших дошедших до нас памятников, а также в части других индоевропейских языков — напр., в санскрите, греческом, литовском, в других же языках (напр., в латинском) имеются определенные следы, указывающие на наличие двойственного числа в дописьменную эпоху.

Двойственное число на протяжении развития большинства индоевропейских языков утрачивается.

Теряют его и различные славянские языки. Только словенский язык до сих пор частично сохраняет двойственное число (за пределами славянских языков двойственное число сохранилось в литовском).

Эта утрата двойственного числа в различных индоевропейских языках протекает независимо друг от друга. Она отражает характерное для грамматического строя всякого языка все дальше идущее обобщение, все дальше идущую абстрагирующую работу человеческого мышления, отражающуюся в развитии любых грамматических форм. Объединение и выражение единой формой любого количества предметов больше одного, противопоставление понятий «один» и «не один, больше одного», свидетельствует

о более высокой степени абстракции, чем та, при которой обозначаются особыми формами «один предмет», «два предмета» и «предметы в количестве больше двух».

Особые формы двойственного числа были свойственны не только существительным, но и всем изменяемым (т. е. склоняемым и спрягаемым) словам. Но поскольку формы двойственного числа местоимений, прилагательных, причастий, глаголов обусловлены были наличием двойственного числа у существительного (исключение составляют лишь личные местоимения 1-го и 2-го лица), двойственное же число существительных определялось тем, что речь идет о двух предметах, рассматривать судьбу двойственного числа удобнее в связи с существительным, тем более, что разрушение форм двойственного числа начинается в различных категориях параллельно.

Каким же образом происходила в русском языке утрата двойственного числа?

Древнейшие русские памятники дают нам огромное количество примеров последовательного употребления форм двойственного числа существительных и местоимений в тех случаях, когда речь идет о двух предметах, и последовательно проведенного согласования по двойственному числу различных слов, зависящих от соответствующих существительных в предложении. Примером может служить Повесть временных лет, дошедшая до нас в списках не раньше XIV века, но подлинник которой был писан в XI—XII вв. Мы находим в ней последовательное употребление двойственного числа в тех случаях, которые были указаны выше.

Правда, уже в древнейших памятниках встречается такое употребление форм двойственного числа, которое, на первый взгляд, говорит о разрушении двойственного числа, но при внимательном изучении оказывается, что такие примеры отражают лишь особое употребление, связанное с наличием двойственного числа как живой категории. Так, в 1-ой Новгородской летописи нам встречаются такие случаи: перенесена быста *Бориса* и *Глѣба*; на канонъ свѧтою *Петру* и *Павлу*. Может показаться, что в обоих этих примерах употреблено двойственное число вместо единственного. Но в каждом из этих случаев идет речь о двух предметах, теснейшим образом взаимно связанных (имена «Петр и Павел», «Борис и Глеб» постоянно употреблялись совместно). Эта тесная связь нашла себе выражение в употреблении двойственного числа для каждого из существительных, обозначавших каждый из этих парных предметов в отдельности. Подобное явление мы находим и в других древних индоевропейских языках (ср. санскр. pitarā, mātarā «отец и мать», буквально «два отца, две матери»). Следует обратить внимание на то, что слова, согласуемые с *Бориса* и *Глѣба*, с одной стороны, *Петру* и *Павлу*, с другой, правильно стоят в двойственном числе.

Лишь в памятниках XIII века и позднее наблюдаются случаи,

действительно свидетельствующие о разрушении двойственного числа. В дальнейшем изложении приводятся примеры, свидетельствующие об утрате особых форм двойственного числа как в существительных, так и в других частях речи. Утрата двойственного числа выражается в том, что в тех случаях, когда речь идет о двух предметах, начинают употреблять формы множественного числа, например, помози *рабомъ своимъ* Иваноу и Олексию, написавшема книги сиꙗ (Ростовское житие Нифонта 1219 г., запись). Написавших Житие двое, тем не менее существительное и согласованное с ним местоимение стоят во множественном числе. Любопытно, что зависящее от существительного причастие стоит еще согласно старым нормам в двойственном числе (в силу традиции долгое время наряду с множественным числом для обозначения двух предметов употребляется и двойственное).

В памятниках XIII века двойственное число существительных и местоимений сохраняется в основном тогда, когда существительное или местоимение находится в сочетании с числительным *дъва*. Ср., например, *та два была* послъмь оу ризе (Смоленск. грам. 1229 г.) — *та* и *была* имеют форму двойственного числа, так как с ними сочетается числительное *два*; стоящее тут же единственное число *послъмь* не свидетельствует о разрушении двойственного числа и употреблении единственного вместо двойственного (мы бы здесь сказали «послами»), но имеет просто отвлеченное значение — «в качестве посла». В той же грамоте дальше, когда речь идет о тех же двух лицах, но рядом не стоит числительное *два*, употребляется множественное число: «из ригы *ѣхали* на гочкыи берьго».

В дальнейшем множественное число вместо старого двойственного начинает употребляться и в сочетании с числительным два, например: изъ *двою моихъ жеребьевъ* (Духовн. грам. в. к. Дмитрия Донского, 1378 г.).

Впрочем, в силу традиции, мы и в памятниках XIV века можем найти примеры правильного употребления двойственного числа. Но эти факты, вероятно, уже не отражают явлений живого языка, поскольку двойственное число в живом языке, несомненно, терялось еще в XIII веке.

Эти случаи сохранения старых форм двойственного числа представляют собой в это время постепенно отмирающие элементы старого качества

Процесс утраты двойственного числа начинается, как видим, в древнерусском языке, еще до образования современных восточнославянских языков. Но, теряясь, двойственное число не исчезает бесследно, а оставляет определенные следы, отразившиеся в современном языке (в различной степени в разных восточнославянских языках, а также в различных русских говорах).

Остатком двойственного числа являются, например, такие украинские формы, как *дві руці*, *дві нозі* (украинское *і* представляет собой результат фонетического изменения древнего *ѣ*).

Остатком же двойственного числа являются и характерные не только для ряда русских говоров, но и для современного русского литературного языка некоторые формы множественного числа названий парных предметов мужского и среднего рода, например: *глаза́*, *бока́*, *рога́*, *берега́*, *плёчи*, *у́ши*. Окончание *-а* в им. п. мн. ч. мужскому роду было не свойственно, но характерно было для двойственного числа основ на *-о*. Приведенные выше существительные мужского рода очень часто употреблялись для обозначения пары предметов, в этом случае в древности употреблялось двойственное число. С падением двойственного числа за ними закреплялась старая форма, но уже в значении множественного числа. Форма *плёчи* представляет собой старую форму им. п. дв. ч. мягкой разновидности среднего рода. Им. п. мн. ч. среднего рода должен бы был быть *плеча́* (все существительные среднего рода во множественном числе имели окончание *-а*). Такая форма действительно встречается по говорам, одно время употреблялась и в литературном языке, но здесь не удержалось (мы находим *плеча́* иногда в поэзии, и то, возможно, под воздействием народно-поэтической речи).

Сложнее объяснить форму *у́ши*. Древняя форма множественного числа должна бы была быть *уха*. Старая форма двойственного числа должна была быть *усѣ*. Акад. С. П. Обнорский предполагает, что это существительное некогда входило в склонение с основой на *-i* (*-ь*) и имело форму *ушь*. Если это было так, им. п. дв. ч. от него закономерно должен был иметь форму *у́ши*.

К старой форме двойственного числа восходит и распространенная по говорам форма тв. п. мн. ч. с окончанием *-ма*, например: *за поку́пкима*, *за у́ткама*, *плота́ма*, *с има́* «с ними» *кра́сныма пя́тнами* и т. д. Такая форма наблюдается в части северновеликорусских говоров главным образом в их северной и северо-западной полосе. Ее знают существительные, прилагательные и местоимения, причем у прилагательных и местоимений форма эта распространена шире, чем у существительных. У существительных она известна преимущественно в поморских и олонецких говорах (наряду с формой на *-мы*, о которой см. выше, стр. 97), у прилагательных же и местоимений также в северной полосе говоров восточной группы. Впрочем, акад. С. П. Обнорский приводит примеры формы на *-ма* у существительных и для сольвычегодских говоров, относящихся к восточной группе.

Окончание *-ма* в древности было окончанием дат. и тв. п. дв. ч. для всех типов склонения. Поскольку во множественном числе в древности дательный и творительный падежи всегда различались, окончание *-ма* по говорам в большинстве случаев было использовано лишь для одного из этих падежей, именно для творительного. Впрочем, можно встретить редкие случаи употребления соответствующей формы и в значении дательного падежа, например, *по̂ коли́нима* «по коленям» (в Олонецких говорах). Но в данном случае речь идет о слове, выражающем

специально парный предмет, где дольше могла сохраняться как пережиток форма двойственного числа.

Возможно, что под воздействием отношений, действовавших в области форм двойственного числа, установилась единая форма для дат. и тв. п. мн. ч. в значительной части северновеликорусских говоров (именно в центральной полосе их), например, *с рука́м, с нога́м, с больши́м сапога́м*. Эта форма обычно оканчивается на *-м*, т. е. совпадает с литературной формой дательного падежа. Но эта форма допускает и иное объяснение, на основе фонетического процесса: безударное *i* на конце слов подвергается редукции до нуля, что вообще в различных формах у нас наблюдается (ср., например, утрату конечного *-i* в инфинитиве, в повелительном наклонении). Такое *i* особенно легко могло утратиться в соседстве с сонорным согласным *-m* (*м*). Оказавшееся на конце слова мягкое губное *m'*(*м'*) фонетически должно было отвердеть.

Для окончательного ответа на вопрос, каким образом сложились северновеликорусские формы мн. ч., одинаковые для дат. и тв. падежей, необходимо тщательное изучение истории их в связи с историей форм двойственного числа.

Следы отношений, действовавших в эпоху существования двойственного числа, ярко отражаются в некоторых особенностях сочетаний существительных с числительными в современном русском языке, как в литературном, так и в говорах.

В современном русском языке существительное с числительным, употребленное в именительном и частью винительном падеже, образует, как известно, неразложимое сочетание, выступающее как единый член предложения, причем в этом сочетании числительное стоит в именительном (или в тождественном ему винительном), а существительное — в родительном падеже. При этом при числительных 2,3, 4 стоит род. п. ед. ч. существительных, при числительных же 5 и выше род. п. мн. ч. существительных (при числительном 1, а также при числительных, оканчивающихся на 1—21, 31 и т. д. существительное стоит в им. п. единственном числе соответствующего рода). Ср., например, *два, три, четыре стола*, но *пять, шесть столов*. Указанное правило распространяется на винительный падеж лишь в том случае, если существительное обозначает неодушевленный предмет. За исключением указанных выше случаев, имеет место полное согласование в падеже между существительным и числительным, причем существительное и при числительных 2, 3, 4 стоит во множественном числе. Ср. *двух столов, двум столам* и т. д.

На первый взгляд, кажется совершенно непонятным употребление единственного числа существительных при числительных, обозначающих больше чем один. Но с точки зрения происхождения в этом сочетании в действительности выступает не род. п. ед. ч., а им.-вин. п. двойственного числа.

В древности сочетания существительных с числительными

имели иную структуру, чем в настоящее время. Числительные от 1 до 4 включительно грамматически зависели от существительных и полностью согласовывались с ними в падеже и роде. Число существительного определялось тем, с каким числительным сочеталось существительное: в сочетании с числительным 1 выступало единственное число, в сочетании с числительным 2—двойственное число, в сочетании с числительным 3 и 4—множественное число. Следовательно в соответствии с современными сочетаниями именительного падежа числительных с род. п. ед. ч. существительных в древности стояли сочетания «им. п. дв. ч. существительных и им. п. числительного 2», «им. п. мн. ч. существительных и им. п. числительных 3 или 4». В сочетании же с числительными, начиная с 5, существительные зависели синтаксически от числительных точно так же, как они зависели от существительных же, т. е. они постоянно стояли в род. п. мн. ч., независимо от того, в каком падеже стояло числительное. Это объясняется тем, что в древности грамматически числительные до 4 включительно играли роль прилагательных, числительные же, начиная с 5, были по существу не числительными, а счетными существительными, т. е. играли такую же роль, как современные «пятерка» (или «пяток»), «шестерка» и т. д. Ср. современное: *пять столов*, *пятью столами* и т. д., но *пятерка столов*, *пятеркой столов* и т. д. В древности, например, в соответствии с современным «два стола», «три стола», «пять столов» выступали сочетания, следующим образом изменявшиеся по падежам: им. и вин. п. *дъва стола*, род. и местн. п. *дъвою столоу*, дат. и тв. п. *двѣма столома*; им. п. *трие столи*, род. п. *трии столъ* дат. п. *трьмъ столомъ* и т. д.; им. п. *пѧть столъ*, род. п. *пѧти столъ*, дат. п. *пѧти столъ* и т. д. (подробнее об этом см. ниже).

Им. и вин. п. дв. ч. в основах на *-о* совпадали по окончанию с им. и вин. п. муж. р. числительного 2: ср. *дъва стола*. Отсюда мы видим, что форма типа *стола* является не род. п. ед. ч. (который по значению в этом сочетании совершенно бессмыслен), а им. (или вин.) п. дв. ч. После падения двойственного числа в косвенных падежах старые формы двойственного числа были заменены соответствующими формами множественного числа, в именительном же (и частью винительном) падеже сохранилось старое сочетание, но уже форма существительного была осознана здесь как род. п. ед. ч. (поскольку дв. ч. уже не существовало). Когда в соответствующем сочетании утвердились существительные мужского рода основ на *-о*, подобные сочетания стали возможны и для таких существительных, где форма им. п. дв. ч. не совпадала с формой род. п. ед. ч., но где теперь (под влиянием сочетаний, куда входили существительные с основой на *-о*) стал также употребляться род. п. ед. ч. Ср., например, *двѣ рыбы* (старая форма им п. дв. ч. *дъвѣ рыбѣ*), *два села* (старая форма *дъвѣ селѣ*), причем средний род и в числительном принимает

такую же форму, как мужской, что объясняется давней близостью большинства форм мужского и среднего рода и все дальше идущим сближением различных типов.

В современном языке имеются явные доказательства того, что форма существительного с окончанием *-а*, ныне выступающая как родительный падеж единственного числа, в древности действительно была не род. п. ед. ч., а им. п. дв. ч. Эти две формы постоянно полностью совпадали в древности лишь по звуковому составу окончания, но могли различаться ударением. В таком случае, как *стола*, обе формы совпадали и по ударению (оно падало в древности, как и теперь, на конечный слог). Но в то время как в род. п. ед. ч. ударение могло падать в одних словах на окончание, в других на основу, в им. п. дв. ч. ударение в основах на *-о* постоянно падало на окончание (это имело место не только в славянских, но и в балтийских языках, ср. лит. *vilkù* «два волка»). И в некоторых существительных сохраняется конечное ударение, когда они выступают в сочетании с числительным 2, 3 и 4, в то время как вообще в род. п. ед. ч. они имеют ударение на основе. Ср., например, *два шагá*, *два часá*, но: с первого *шáга*, с первого *чáса*. Впрочем, в ряде случаев здесь имело место выравнивание (по отношению к род. п. ед. ч.) и в ударении. Так, например, мы говорим *два вóлка*, а не *два волкá*, как было первоначально (в некоторых говорах есть и *два волкá*, но там вообще имело место изменение ударения, и род. п. ед. ч. постоянно имеет форму *волкá*).

Окончательное закрепление современных норм сочетаний существительных с числительными 2, 3, 4 имело место, повидимому, сравнительно поздно. На это указывает то обстоятельство, что украинский и белорусский языки пошли здесь несколько по другому пути, чем русский. А именно, в украинском и белорусском языках утвердились сочетания этих числительных не с родительным падежом единственного числа, а с именительным падежом множественного числа существительных. Ср., например, украинск. *два столи́*, *три столи́*, *чотири столи́*, белорусск. *два сталы́*, *тры сталы́*, *чатыры сталы́*.

Колебания между именительным падежом множественного числа и родительным падежом единственного числа в сочетании с числительными имеют место в довольно поздних русских памятниках, особенно если в этом сочетании участвует еще прилагательное, являющееся определением при существительном. Речь идет в данном случае о полном (местоименном) прилагательном, так как краткие (именные) прилагательные рано перестали употребляться в качестве определений. Некоторые колебания имеют место в данном случае и в современном языке, но лишь в форме прилагательного, а не в форме существительного. Прилагательное, в силу резкого различия в форме с существительным и в силу того, что эта форма всегда выступала как форма родительного падежа ед. числа и никогда не сближалась с фор-

мой двойственного числа, в данном сочетании никогда не выступает в форме род. п. ед. ч., но всегда имеет форму множественного числа, причем наблюдаются колебания между родительным (поскольку существительное стоит в родительном падеже) и именительным падежом (поскольку числительное стоит в именительном падеже), существительное же в рассматриваемом сочетании в современном языке всегда стоит, как и без прилагательного, в род. п. ед. ч. Ср. современное *четыре больших стола* и *четыре большие стола*. В прошлом, и в сравнительно поздних памятниках, колебания наблюдались и в формах существительных. Ср., например, *четыре дворы поповыхъ* (Грамота 1545 г.).

Повидимому, окончательное установление современных норм сочетаний числительных и существительных относится уже ко времени образования языка великорусской народности.

Что касается до сочетаний существительных с числительными, начиная с 5, то здесь старые нормы сохраняются лишь для именительного (и частично винительного) падежа. В косвенных же падежах распространяется согласование числительных с существительными в падеже, подобно тому, как это имеет место в сочетаниях с 2, 3, 4, причем существительные в данном случае стоят во множественном числе. Ср. *пять столов, пяти столов, пяти сто́лам* и т. д.

Помимо указанных выше остатков двойственного числа в современном русском языке, для литературного языка следует отметить, правда, книжное по происхождению, наречие *воочию* — сочетание предлога с местн. п. дв. числа. На книжное происхождение этого наречия указывают гласные *о* (в предлоге) и *и* на месте старых редуцированных в слабом положении.

§ 29. В связи с развитием некоторых отношений в области категории числа, а, возможно, также и с падением двойственного числа стоит образование некоторых форм именительного падежа множественного числа существительных, прежде всего форм им. п. мн. ч. на *-а* от существительных не среднего рода, не обозначающих в то же время парных предметов. Имена среднего рода издавна в им. и вин. п. мн. ч. имеют окончание *-а*. Но с XV века в памятниках появляются формы с таким окончанием и у существительных мужского рода, например: *города* (Летопись Авраамки 1495 г., памятник западнорусский, списанный с севернорусского оригинала).

Возникновение этих форм различные ученые объясняют поразному. Некоторые полагают, что в основе этого образования лежат имена собирательные женского рода на *-а*, например, *братиꙗ, дружина, корѣла* и т. п. Это были существительные единственного числа, но сказуемое с ними часто согласовывалось по смыслу: глагольное сказуемое стояло во множественном числе. Ср., например: в се же лѣто *рекоша дружина* Игореви (Лавр. летоп.). В Псковской судной грамоте глагол постоянно стоит во мн. ч. при существительном *господа* «совет старшин города».

С нашей точки зрения *го́спода́* — форма множественного числа, но там это слово склонялось по единственному числу (напр., *предъ господою*). В немецком переводе псковских грамот в соответствии с формой *господа* стоит мн. ч. *Herren*. В силу такого согласования эти формы на *-а* были осознаны как множественное число и впоследствии стали последовательно употребляться как множественное число, и косвенные падежи стали образовываться по множественному числу (напр. род. п. *госпо́д*, а не *господы́* и т. д.).

В отдельных случаях так действительно могло быть (в частности, хотя бы применительно к существительному *господа*). Но следует обратить внимание на то, что эти формы множественного числа существительных всегда имеют ударение на окончании — ср. *леса́*, *дома́*, *мастера́* и т. д., тогда как имена собирательные на *-а* далеко не всегда имеют такое ударение. Поэтому некоторые ученые, и эту точку зрения следует признать имеющей под собой бо́льшие основания, считают, что и эти формы развились под воздействием, хотя бы и косвенным, опосредствованным, старых форм им. п. дв. ч. от основ на *-о*. Возражением могло бы служить то обстоятельство, что эти формы множественного числа получили распространение не ранее XV века, тогда как двойственное число исчезло значительно раньше. Но можно думать, что эти формы восходят не непосредственно к старым формам двойственного числа, а сложились под воздействием названий парных предметов, в свою очередь восходящих к формам двойственного числа. Конечно, некоторую поддержку могли оказать и названия собирательные, согласовывавшиеся по множественному числу.

Рассматриваемые формы множественного числа являются специфической особенностью русского языка (в современном понимании). Их нет в украинском и белорусском языках. Весьма показательно, что древнейшие примеры этих форм относятся, как уже было сказано, к XV веку, когда уже шло формирование великорусской народности и ее языка, отличных от украинской и белорусской народностей и их языков.

Появляясь в XV веке, эти формы, начиная с XVI века, получают все более широкое распространение. Ср., например: котлы и горшки... *тагана* (Домострой), *тѣ лѣса* (Уложение Алексея Михайловича) и т. д. На протяжении последующих веков эта форма, первоначально больше свойственная литературному просторечью, постепенно все шире употребляется в литературном языке. Для ряда существительных мужского рода еще к концу XIX века эта форма становится нормой. Ср., например, *дома́*, *леса́*, *мастера́*, *учителя́*, *тормоза́* и т. д. Как показывают примеры, окончание *-а* приобретают существительные мужского рода как с твердым, так и с мягким согласным в конце основы. Но существенно заметить, что вообще эту форму в соответствии с литературной нормой могут иметь существительные или односложные, или такие, ударение которых в им. п. ед. ч. не падает

на конечный слог. Поэтому, например, такая форма, как *офицера́*, является вообще не литературной. Впрочем, ее употреблял А. М. Горький (см. «Жизнь Клима Самгина»).

Еще более широкое распространение форма на *-а* получила в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, что, возможно, объясняется большим удельным весом профессионально-производственной речи в составе литературного языка. Между тем, следует заметить, что в профессиональной речи формы на *-а́* еще в XIX веке (а также и позднее) были очень широко распространены, особенно для выражения множественного числа специальных терминов. Так, например, Чужбинский в «Очерках прошлого» (книга вышла в 1870 г. и изображает жизнь русских кавалерийских офицеров 30—40-х годов) от *вахмистр* постоянно употребляет множественное число *вахмистра́*. Гардемарин Левитин у Л. Соболева в «Капитальном ремонте» специально поправляет штабс-капитана, говорящего *ми́чманы*, а не *мичмана́*, как принято в кругу моряков. У водолазов при спуске под воду специально прикрепляются к ногам *груза́*. В последние годы, в связи с повышением внимания к культуре речи в самых различных кругах советского общества, употребление форм на *-а* ограничивается.

В говорах форма на *-а* представлена в различной степени. В некоторых говорах мы находим для существительных, имеющих в литературном языке во множественном числе *-а*, в некоторых случаях старую форму на *-ы*, *-и*, например, *до́мы*, *сне́ги*. Мы находим такую форму иногда даже для названий парных предметов, например, *бо́ки*. Такие формы, с одной стороны, встречаются в некоторых северных говорах, возможно, как архаизм. С другой стороны, мы находим их в некоторых говорах, пограничных с белорусским языком, например, в некоторых псковских. Но мы не найдем такого русского говора, где вообще бы не было формы существительных мужского рода на *-а* в им. п. мн. ч. Отступления касаются обычно отдельных слов, различных для разных говоров.

В части говоров, именно в южновеликорусских, формы им. п. мн. ч. на *-а́* распространены шире, чем в литературном языке и северных говорах. Они охватывают также и женский род, в первую очередь наше современное 3-е склонение (т. е. старые *i*-основы), где наблюдается *-а́* после мягкого согласного, например, *податя́*, *крепостя́*, *площадя́*, а иногда и мягкую разновидность 1-го склонения (т. е. склонения с основой на *-а*), например, *петля́* «петли» (им. п. мн. ч.). В литературный язык из южновеликорусских говоров проникла форма *зеленя́* «всходы» (собственно мн. число от *зелень*). Тургенев в «Записках охотника», для передачи особенностей местного ландшафта, вводит в повествование диалектные *площадя́*, *мелоча́*

Возможно, что в таком широком распространении формы на *-а* отражается тенденция к полной утрате родовых различий

во множественном числе (эта тенденция для всех почти говоров осуществилась для дат., тв. и предл. п., а в южновеликорусских говорах, как мы видели, также и в родительном падеже). Ср. такое явление, характерное для переходных говоров и отражающееся даже в московском просторечье, как объединение в им. п. мн. ч. для всех родов, в том числе и для среднего, по крайней мере для существительных с безударным окончанием, о чем свидетельствуют такие формы среднего рода, как *о́кны, озёры*.

§ 30. В говорах, и именно в северных, получила широкое развитие, но лишь для одной категории существительных, форма им. п. мн. ч. на безударное *-а* после твердого согласного. Она употребляется специально для обозначения совокупности людей, как принадлежащих к какой-то общественной группе, для обозначения жителей какой-то местности и т. п., например, *боя́ра, крестья́на, пинежа́на* «жители Пинеги», *щельяна* «жители Щелья», *андозёра* «жители Андоозера», и т. п. В большинстве своем эти существительные восходят к старому склонению с основой на согласный, но рассматриваемая форма не представляет собой непосредственного развития старой формы им. п. мн. ч. склонения на согласный. На развитие таких форм могли оказать влияние собирательные на *-а*, согласовывавшиеся по множественному числу. Но могли эти формы развиться и иным путем, а именно из более ранних форм с окончанием *а* и с мягким согласным перед этим окончанием (типа *боя́ря, крестья́ня*) под влиянием форм косвенных падежей, содержавших твердый согласный в конце основы. Формы на безударное *-'а<-е* появляются в северных памятниках, начиная с XIV века, например, *древлѧнѧ* (Лавр. летоп.). Это изменение (*е>-'а* на конце слова) можно было бы считать морфологическим и также объяснять воздействием собирательных существительных типа *братиꙗ*. Но поскольку *-'а<-'е*, отражающееся и в современных северных говорах, наблюдается не только в данной морфологической категории, но и в других — ср., например, такие формы, как форма сравнительной степени *скоре́я, скори́я*, 2-е л. мн. ч. глаголов — *гледи́тя, пойде́тя* и т. д., характерные для некоторых современных северных говоров, некоторые лингвисты (А. А. Шахматов и др.) рассматривают изменение конечного безударного *е* в *а* после мягкого согласного как изменение фонетическое. Впрочем, окончательно решить вопрос трудно, так как звуки конечных слогов почти всегда связаны с определенными формативами и встает вопрос, не имеем ли мы дело в различных морфологических категориях с разными процессами морфологического, а не фонетического характера, тем более, что для части таких случаев, в частности, и для рассматриваемого здесь, определенные морфологические основания для изменения есть.

Формы типа *боя́ря, крестья́ня* долгое время отражались и в литературном языке (так, еще в XVIII веке Сумароков писал *крестьяня*). Но данное написание может отражать и свойственное

московскому произношению неразличение *ѣ* и *a* в безударном положении после мягких согласных.

В различных русских говорах и в литературном языке представлены формы им. п. мн. ч., оканчивающиеся на *ja*, как ударное, так и безударное, причем на *j* оканчивается и основа косвенных падежей множественного числа, например, *сыновья́*, *друзья́*, *бра́тья* (в говорах известно и *братья́*), *ко́лья*, *дере́вья*. В основе этих форм, с одной стороны, лежат собирательные ед. ч. женск. р. на *-a* (как уже было сказано, *братиꙗ* в древности была формой им. п. ед. ч.), с другой же стороны, собирательные ед. ч. среднего рода, принадлежавшие к мягкой разновидности основ на *-o-* и оканчивавшиеся на *-ĭje* (др.-русск. *колиѥ* и т. д.). Изменение конечного *-ĭje*>*-ja* во втором случае объясняют обычно как один из примеров на фонетическое изменение *e*>*'a*. Но именно здесь очень возможно морфологическое воздействие собирательных на *-a*, и мы скорее имеем дело с морфологическим, а не фонетическим, процессом. Конечное ударение, наблюдающееся в части из рассматриваемых форм, объясняется, повидимому, воздействием со стороны форм мн. ч. на ударяемое *-a*.

В некоторых случаях, возможно, формы рассматриваемого типа восходят к старым формам им. п. мн. ч. мужск. р. основ на *ĭ* (*-ь*), которые также оканчивались на *-ĭje*. Ср., например, *каме́нья*, ставшее для литературного языка архаизмом, но встречающееся в некоторых северных говорах. Такая форма могла развиться из более древнего *камениѥ*, поскольку слово *камень (камы)* после разрушения склонения с основой на согласный долгое время входило в состав склонения с основой на *-ĭ (-ь)*.

Формы на *-ĭje* с ударением на окончании сохранились как собирательные единственного числа среднего рода (с переходом *ѣ*>*'o* под влиянием твердой разновидности основ на *-o*). Ср. современное *тряпьё*, *вороньё*, *дурачьё*.

Формы мн. ч. на *-ja*, а также собирательные на *-jo* по говорам распространены весьма в различной степени. В некоторых северных говорах (например, олонецких) широкое распространение получила форма им. п. мн. ч. на *-ja*. Она употребляется и в значении близком к собирательному, когда речь идет о предметах, обычно представляющих совокупность большого количества единиц, и в значении просто множественного числа, причем образуется от самых разных существительных, например: *каме́нья*, *пе́нья* «пни», *ку́сья* «кусты», *мущи́нья* «мужчины», *же́нщинья* «женщины» и т. д.

В некоторых северных говорах (напр., архангельских) широкое распространение получили формы средн. р. на *-jo* с собирательным значением, иногда приобретающие прямо значение множественного числа, например, *косьё*, «кости», *комарьё*, *медведьё* и т. д.

Рассмотренные формы показывают, что развитие форм множественного числа тесно связано с развитием форм, выражавших

значение собирательности. В древнем языке ярче были противопоставлены друг другу, помимо форм, выражавших различия единичности и множественности, также формы, выражавшие различия единичности и собирательности, совокупности. В последнем случае различие множественного и единственного числа выражалось известными словообразовательными элементами, проходившими через все падежи соответствующего числа, а порой и принадлежностью в единственном и множественном числе к различным типам склонения. Во многих случаях древние различия единичности и собирательности в современном языке сменились различиями единичности и множественности, причем различия в словообразовательных элементах между единственным и множественным числом были устранены. Так, например, в древности суффикс *-ič-*, выражавший родовую или племенную принадлежность, а впоследствии областную (впрочем, *-ич* в составе отчества сохранилось от родовых времен), употреблялся только во множественном числе и такие отношения сохранялись еще в XVI веке. Ср., например, ед. ч. *тверитинъ*, *москвитинъ*, мн. ч. *тверичи*, *москвичи*.

Устранение многих различий, выражавших собирательность и единичность, свидетельствует об установлении более обобщенного значения категории числа.

История рода

§ 31. В категории рода значительных изменений на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками не произошло. Три грамматических рода, установившиеся в далекие доисторические времена (см. выше), в основном держатся прочно и сохраняются до настоящего времени. Но, поскольку основания, по которым осуществлялось подразделение по родам в ту эпоху, когда соответствующая категория только еще оформлялась, давно уже забыты, определенные изменения наблюдаются и в роде.

Прежде всего, при сохранении в целом трех родов, установившихся в глубокой древности, наблюдаются порой переходы тех или иных существительных из одного рода в другой. Некоторые же существительные обнаруживают колебания в роде. Эти переходы и колебания бывают обусловлены частью причинами структурного порядка—строением соответствующей формы, наличием у нее определенного окончания или словообразующего форматива,—частью же причинами семантическими—переосмыслением значения, связанного с тем или иным родом.

Из изменений, связанных с причинами структурного порядка, можно указать такие. Большинство существительных, оканчивающихся на *-а*, относилось, как известно, к женскому роду, но некоторые существительные на *-а*, обозначавшие лиц

мужского пола, принадлежали к мужскому роду. Эти имена вследствие тождественности окончания с существительными женского рода, уже в древнейших памятниках обнаруживают тенденцию согласования по женскому роду, и эта тенденция продолжается и в позднейших памятниках, отражается она и в фольклорных записях и в живой диалектной речи недавнего времени, например: *слоугы* моѩ оубо *подвизалы* сѧ быша (Остром. еванг.) — вместо *подвизали* сѧ; пожалуи меня, *сироту свою* (Акты Шуйские 1623 г.),— пишет мужчина;

Ответ держит Соловейко разбойник:
Не *твоя слуга*, не тее служу, не тея и слушаю.

(Былина)

Ай же ты, удаленький добрый молодец,
Ай же ты, *слуга моя верная, неизменная...*

(Там же)

бол'ша́ мужычи́на (олонецкие записи 1937 г.).

Такое согласование говорит о переходе в соответствующих условиях существительных этих в женский род, поскольку род окончательно определяется именно согласованием.

Изменение в роде в силу отчасти структурных, отчасти семантических причин легко происходит при образовании имен уменьшительных, уничижительных, увеличительных и вообще характеризующихся суффиксами эмоциональной окраски. В современном литературном языке при образовании таких имен в основном сохраняется род того имени, от которого они образованы, в особенности для названий одушевленных предметов, но также и неодушевленных. Ср., например, *сыни́шка, девчу́шка, дереву́шка, ручи́ща, доми́ще* — все эти существительные сохраняют род того существительного, от которого они образованы. В особенности интересно обратить внимание на последний пример — *доми́ще* мужского рода, несмотря на окончание *-е (такой домище*, а не *такое домище)*.

В древности, и даже в сравнительно позднее время, уже в ту эпоху, когда шло формирование языка великорусской народности, мы часто при таких образованиях обнаруживаем переход существительных в средний род. Много примеров дают памятники XVI—XVII вв. (в более ранних памятниках мало примеров таких образований просто в зависимости от содержания памятников). Ср. *другое мое деревнишко* (Акты Шуйские 1525 г.), *сынишко мое* (там же), за *то службишко* (Акты Шуйские 1645 г.), *купчишко пришло* (Сказка о Дмитрии Басарге, рукоп. 1689 г.). Ср. также в фольклорных записях:

А *мое то конишечко дорожное,*
Дорожное конишечко заезжено...
Идет Иванище сильное...
Было у нашего у батюшки, у старого Леонтия-попа,
Было коровище, было обжорище...

И в современных, например, олонецких говорах: ср. *фсё кбфтушко.* Помимо согласования по среднему роду, здесь наблюдается и оформление самого существительного по склонению с основой на *-о* (а не *-а*).

Этот переход в средний род существительных, образованных от существительных мужского и женского рода, особенно часто отмечается для слов, обозначающих такие предметы, которые не могут действовать сами. Поскольку средний род обозначал такие предметы, которые сами не действуют, а являются лишь объектом действия, занимают лишь подчиненное положение, к среднему роду легко могли отходить и отходили слова уничижительного значения, а с ними в некоторых случаях и имена, характеризующиеся и другими значениями, так или иначе связанными с уменьшительными.

§ 32. Некоторые изменения в области рода в части русских говоров были связаны с явлениями фонетическими, именно с наступившим в определенную эпоху изменением безударных гласных — т. наз. аканьем,— начавшимся первоначально, повидимому, в области курско-орловских говоров, а затем охватившим постепенно все южновеликорусское наречие, весь белорусский язык и проникшим в переходные средневеликорусские говоры.

Здесь нужно различать изменения двоякого рода.

Во-первых, существительное может переходить из одного типа склонения в другой, причем оно покидает склонение, где сосредоточены существительные мужского и среднего рода, и переходит в склонение, где сосредоточены преимущественно существительные женского рода. В данном случае речь идет о существительных, обозначающих людей мужского пола и характеризующихся уменьшительным суффиксом *-ушк-* или *-ишк-*. Существительные с этими суффиксами входили первоначально в склонение с основой на *-ŏ*, причем оканчивались в им. п. ед. ч. на *-о*, подобно существительным среднего рода, что, возможно, объясняется наличием у соответствующих существительных уменьшительного суффикса, например, *дѣдушко, мальчишко.* В северновеликорусских говорах существительные этого типа до сих пор сохраняют старую форму и склоняются по типу основ на *-о* (т. е. по современному 2-му склонению), например: *у дéдушка, у мальчи́шка, к дéдушку, к мальчи́шку; с дéдушком, с мальчи́шком* и т. д. В акающих говорах форма именительного падежа единственного числа этих слов звучит *дéдушка, мальчи́шка*, поскольку на месте *ŏ* в безударном положении на конце слова является *а*. Это дает основание для образования и косвенных падежей по типу основ на *-а*. В результате этого являются формы типа *у дéдушки, у мальчи́шки; к дéдушке, к мальчи́шке; с дéдушкой, с мальчи́шкой.* Эти формы характеризуют южновеликорусское наречие, переходные говоры и являются нормой современного литературного языка.

Переход из склонения с основой на -*ŏ* в склонение с основой на -*а* еще не говорит сам по себе о смене рода, но образует определенную предпосылку для этой смены, поскольку, как мы говорили, по диалектам переход из мужского рода в женский в силу определенных структурных причин вполне возможен.

Вследствие возможности различных диалектных взаимовлияний, в особенности на территории переходных говоров, граница отнесения существительных рассматриваемого типа к основам на -*ŏ* или к основам на -*а* не совпадает полностью с границей оканья и аканья. Не совпадают и границы отнесения к основам на -*о* или на -*а* для разных существительных (в целом отход существительных с суффиксом -*ишк*- к основам на -*а* охватывает более широкую территорию, чем отход к этому типу существительных с суффиксом -*ушк*-).

Во-вторых, существенно отметить также имеющую место на территории акающих говоров частичную утрату среднего рода. В ряде акающих говоров наблюдается последовательный переход существительных среднего рода в женский, что выражается в согласовании, например, *моя́ ведро́, больша́я село́* и т. д. Это является результатом того, что у прилагательных с безударными окончаниями в говорах, характеризующихся неразличением в безударном положении *о* и *а*, женский и средний род фонетически не различаются. Ср., например, *желе́зная* и *желе́зное* — в окончаниях в обоих случаях звучит -*ъјь* или *ъја*. Отсюда неразличение может быть перенесено и на случаи с ударяемыми окончаниями, подобные приведенным выше. Формы женского рода вместо среднего могут затем в некоторых случаях переноситься и на косвенные падежи. Под влиянием же склонения прилагательных, а отчасти и в результате возможного совпадения в некоторых падежах безударных окончаний существительных среднего рода 2-го склонения (старых основ на -*о*) с окончаниями 1-го склонения (старых основ на -*а*) существительные среднего рода получают окончания основ на -*а* и в тех падежах, где фонетически безударные окончания основ на -*а* и на -*о* не совпадают. Ср., например, вин. п. ед. ч. *ста́ду, по́лю.* Такие формы в некоторых акающих говорах возможны, но лишь в случае безударных окончаний существительных.

В некоторых южновеликорусских и переходных говорах наблюдается переход из среднего рода не в женский, а в мужской. Ср., например, такие случаи, как *мой ведро́*. Такие говоры известны, например, к западу от Москвы.

Впрочем, вряд ли можно указать говор, где частичное разрушение среднего рода имело бы результатом полную утрату его. Исторически данное явление во всех деталях еще не изучено. Отчасти это объясняется тем, что у нас нет достаточно древних памятников, писанных на территории соответствующих говоров. Но во всяком случае можно утверждать, что начинается оно, несомненно, позже возникновения аканья, которое дает почву

для него. Употребление форм женского рода вместо среднего у прилагательных, согласующихся с существительными исконно среднего рода, представлено в южновеликорусских памятниках XVII века. С. И. Котков приводит, например, такие примеры на переход существительных среднего рода в имена женского рода на *-а*: дворъ и *гумну* сожгли (столбцы Белгородского отдела, 1660 г., относится к Ельцу), дворъ и *гумну* выжгли (там же, 1660 г., относится к Чернавску), *строения какая* (грам. 1684 г., Н. А. Соловьев, Сарайская и Кузнецкая епархия, т. III, 209).

Отмеченная выше замена среднего рода мужским не может быть объяснена таким же путем, каким объясняется переход из среднего рода в женский. Ряд исследователей рассматривает это явление как результат редукции конечного гласного до нуля, в результате чего форма прилагательного среднего рода должна совпасть с формой мужского рода, например, *бал'шóйь* (<*бол'шойе*) > *бал'шóй*. Но возражением против такого объяснения является то обстоятельство, что редукция до нуля должна была иметь место и в окончании женского рода (если она носила фонетический характер). Между тем женский род в соответствующих говорах отличается от мужского. Правда, полное совпадение могло бы иметь место лишь в случае безударного окончания, например, *мéлкъйъ*>*мéлкъй*, в случае же ударного окончания полного совпадения быть не могло: *бал'шóйь* > *бал'шóй*, *бал'шáйъ*>*бал'шáй*. Поэтому некоторые исследователи (С. С. Высотский) считают основой такого перехода совпадение ряда форм средн. р. с формами мужск. р.

Развитие категории одушевленности

§ 33. В развитии падежной системы русского языка основное, с чем приходится иметь дело,— это дифференциация, заключающаяся в том, что различные синтаксические отношения, выражавшиеся первоначально с морфологической точки зрения недифференцированно, затем выражаются различными морфологическими средствами. С некоторыми явлениями дифференциации мы уже ознакомились при рассмотрении преобразования различных типов склонения. К ним относится расслоение родительного падежа на собственно родительный и количественно определительный, местного падежа на изъяснительный и местный. К явлениям же дифференциации относится и развитие морфологических средств отграничения прямого дополнения от подлежащего в тех случаях, когда прямое дополнение выражено именем, обозначающим одушевленный предмет. Таким дифференцирующим морфологическим средством явился т. наз. родительный-винительный падеж, т. е. форма родительного падежа, использованная в качестве винительного падежа прямого дополнения.

В результате фонетических изменений, еще в общеславянском языке-основе в склонениях с основой на *-о*, на *-ŭ* (*-ъ*) и на *-ĭ* (*ь*) перестали формально различаться именительный падеж, т. е. падеж подлежащего, и винительный падеж, т. е. падеж прямого дополнения (в среднем роде это неразличение было исконным, унаследованным еще от общеиндоевропейского языка-основы). Между тем различение формы подлежащего и формы прямого дополнения в некоторых случаях весьма существенно, в особенности принимая во внимание свободный порядок слов, характерный для славянских языков, при котором место, занимаемое в предложении, не может служить средством отличения одного члена предложения от другого. Различение в особенности важно для слов, выражающих одушевленные предметы, так как именно для этих слов существенно отграничить действующее лицо от объекта действия (неодушевленные предметы ведь сами не могут действовать).

В качестве средства отличения прямого дополнения от подлежащего была использована форма родительного падежа, заместившая в определенных случаях старый винительный падеж. Это замещение раньше всего имело место в склонении с основой на *-о*, так как там было сосредоточено большинство существительных, для которых играло роль различение падежа подлежащего и падежа прямого дополнения, и первоначально только в единственном числе, потому что во множественном числе этого склонения именительный и винительный падежи и без того различались.

Употребление родительного-винительного падежа в единственном числе склонения с основой на *-о* начинается и в русском и в других славянских языках еще в дописьменную эпоху и отражается уже в древнейших памятниках, русских и старославянских, например: оузьрѣ *Іісоуса идѫща* (Остром. евангелие).

Помимо ед. ч. основ на *-о*, и даже более последовательно, чем для существительных, форма, тождественная родительному падежу, используется в качестве винительного падежа некоторых местоимений. Во-первых, полная, не энклитическая, форма винительного падежа местоимений личных 1-го и 2-го лица издавна тождественна форме родительного падежа: *мене*, *тебе*. Во-вторых, вопросительное местоимение *къто* издавна располагает формой *кого*, которая используется одновременно и как родительный и как винительный падеж.

В качестве дифференцирующей формы был использован именно родительный падеж, повидимому, вследствие того, что этот падеж уже в очень давние времена в некоторых своих значениях соприкасался с винительным падежом. Так, например, и в современном русском языке, если винительный падеж выражает объект, полностью охватываемый действием, то родительный падеж употребляется, когда действием охватывается лишь часть объекта. Ср.: «Он выпил *воду*» (речь идет об

определенной воде, например, налитой в стакан, выпитой целиком),— «Он выпил *воды*» (вода понимается как вещество в целом, лишь часть которого, конечно, могла быть выпита). Такое употребление является очень древним. Оно характерно было для всех древних славянских и для других древних индоевропейских языков: ср. греч. Πιεῖν οἴνου «пить вино». Возможно, такое употребление свойственно было еще общеиндоевропейскому языку-основе.

Близко к значению винительного падежа и другое значение родительного, тоже весьма древнее, хотя, может быть, и не в такой мере, как первое. В современном русском языке винительный падеж используется для выражения объекта при утверждении, для выражения того же самого объекта при отрицании используется уже родительный падеж. Ср. «Я взял *эту книгу*»—«Я не брал *этой книги*». Это употребление было свойственно и древним славянским языкам. Ср., например, ст.-слав. не бѣ има *чѧда*. Свойственно оно и балтийским языкам, которые близко родственны славянским.

Процесс замещения старой формы вин. п. формой род. п. начинается еще с дописьменной эпохи, но не сразу граница между существительными, от которых употребляется старая форма вин. п., тождественная форма им. п., и существительными, от которых употребляется форма родительного-винительного падежа, установилась в том виде, в каком она существует в современном русском языке. Первоначально форма родительного-винительного падежа использовалась не у всех существительных, обозначавших одушевленные существа, а лишь у собственных имен людей и у названий лиц (т. е. людей), и притом общественно полноправных. Общественные отношения и отражающие эти отношения воззрения не находят себе прямого и непосредственного выражения в грамматических категориях, как предполагал основатель методологически порочного «нового учения» о языке Н. Я. Марр. Но в известных случаях, когда языковая структура дает почву для этого, отражение определенных общественных отношений наблюдается и в грамматическом строе языка.

Названия животных и детей в древнейших наших памятниках стоят обычно в старой форме вин. п., тождественной именительному, например: (Олегъ) на пѧтое лѣт помѧну *конь* свои (Радзивил. летоп.); жена *дѣтищь* роди (Лавр. летоп.). Точно так же старую форму вин. п. имеют названия зависимых лиц, например, *рабъ* для старославянского языка, *тиунъ* «приказчик», «сборщик податей» в древнерусском языке и т. п. Ср., например: а что пошло ти кнѧже *тиоунъ* свои держати... (Новг. грам. 1264—1265 г.). Старую форму вин. п. имеет обычно и слово *сынъ*. Ср., например: и посла къ нимъ *сынъ свои* Свѧтослава (Ипат. летоп.). В этом случае особенно интересно — *сынъ* стоит в старой форме винительного падежа, а приложение при нем —

имя собственное — в родительном-винительном, поскольку для древнерусского языка, как уже было сказано, употребление родительного-винительного падежа для имен собственных, обозначающих лиц, было нормой. Правда, слово *сынъ* принадлежало к склонению с основой на *-й* (*-ъ*), а не к склонению с основой на *-о*, но именно это слово рано начало отходить к склонению с основой на *-о*. В старославянских памятниках это слово часто имеет форму родительного-винительного падежа, но всегда по основам на *-о*, а не по основам на *-й* (ъ), т. е. *сына*. У нас это слово долго сохраняет в вин. п. старую форму, особенно в северных памятниках. Ср.: а *сынъ* остави новѣгородѣ (Новг. летоп. Синод. сп.).

Долго сохраняет старую форму вин. п. слово *гость*, не обозначающее зависимого лица. Это объясняется тем, что данное существительное относилось к склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*), тогда как родительный-винительный развивался прежде всего в основах на *-о*. Старую форму существительного *гость* мы находим еще в XVI веке: *про гость* (Домострой).

На протяжении эпох, засвидетельствованных памятниками, все большее количество существительных, выступая как прямое дополнение, получают форму родительного-винительного падежа. Так существительные, обозначающие зависимых лиц, в Русской Правде 1282 г., сохраняя старую форму вин. п., тождественную именительному, нередко выступают и в форме родительного-винительного падежа, например: воротить *челядина*, а *свои* поиметь (интересно, что здесь еще наряду с новой формой выступает старая форма местоимения); оже смердъ моучить *смерда*; аже кто поустить *холопа* в торг; аже кто *своюго холопа* самъ досочить сѧ; аже г͛нъ переобидить *закоупа*.

Существительное *тать*, подобно существительному *гость*, принадлежавшее к склонению с основой на *-ĭ* (*-ь*), также получает новую форму — родительного-винительного падежа, — переходя при этом в склонение с основой на *-о* (мягкую разновидность): имьть *татѧ* (Смоленск. грам. 1229 г.).

Названия животных, в древности нормально имеющие форму вин. п., тождественную именительному, уже в Лаврентьевской летописи иногда (правда, в очень редких случаях) получают форму родительного-винительного падежа: и *быка* пустиша; и похвати *быка* рукою за бокъ. Но даже в памятниках XVI века такое употребление названий животных встречается крайне редко. Так, например, в Домострое мы находим (по Б. Унбегауну) всего два примера. Ср.: коупити *боранца*; и мы к тобѣ песъ борзои, да собаку посоколью и *кречета* послали. В памятниках XVII века такое употребление уже довольно распространено, например: далъ *изубря*, *болшова звѣря* (Житие протопопа Аввакума); кобыла *жеребенка* родить (там же), *жеребенка* съѣдятъ (там же).

Употребление старой формы и новой формы родительного-

винительного падежа определяется не только семантикой существительных, выступающих как прямое дополнение, но и некоторыми причинами иного, частью грамматического порядка. При этом есть факторы, способствующие распространению новой формы, и есть факторы, напротив, содействующие сохранению старой формы.

Есть основания думать, что распространению новой формы способствует определенность значения прямого дополнения, которая может быть выражена и другими средствами. Еще А. Мейе указал на то, что в старославянских памятниках существительное рабъ, обозначающее лицо зависимое, имеет новую форму родительного-винительного падежа, т. е. раба, обычно в том случае, если в греческом подлиннике стоит сочетание винительного падежа с определенным членом — τὸν δοῦλον, но имеет старую форму вин. п., т. е. рабъ, если в греческом неопределенная форма (без члена) δοῦλον. Возможно, что подобное разграничение по определенности и неопределенности выступает и на русской почве. Интересно, что в рассказе об ослеплении Василька в Лаврентьевской летописи слово *братъ* стоит в старой форме вин. п., чему ѥси *слѣпилъ брат свои*. В Ипатьевской летописи в том же эпизоде стоит родительный-винительный падеж: чему еси *ѡслипилъ брата своего*. Но различие здесь не только в форме винительного падежа, но и в форме глагола, который в Лаврентьевской летописи стоит в бесприставочной форме, а в Ипатьевской в приставочной и, повидимому, играет роль совершенного вида. Совершенный же вид передает бо́льшую определенность действия (особенно приставочный). Интересно, что примеры на употребление родительного-винительного падежа от названий животных в Лаврентьевской летописи тоже говорят о сочетании с глагольной формой совершенного вида (см. выше) — ср. *похвати быка* и т. п.

С другой стороны, наличие при существительном предлога способствует сохранению старой формы вин. п., так как употребление при существительном предлога и так ясно указывает на то, что данное существительное является не подлежащим, а дополнением. Ср., например: Се *кнѧзѧ* оубихомъ *рускаго*; поимемъ жену его Вольгу *за кнѧзь нашь за Малъ*... (Лавр. летоп.). Мы видим здесь, что то же самое существительное *кнѧзь* стоит в форме родительного-винительного падежа без предлога и в старой форме вин. п. с предлогом.

Древнейшие памятники указывают на употребление родительного-винительного падежа лишь в единственном числе. Это объясняется тем, что соответствующая форма употреблялась лишь в склонении с основой на *-о*, так как здесь была сосредоточена основная масса существительных, требовавших этой формы (существительные других склонений могли получать эту форму, переходя в склонение с основой на *-о*), во множественном же числе им. и вин. падежи этого склонения в мужском

роде формально различались. Но поскольку, начиная с XIII века, в этом склонении стирается различие между им. и вин. п. мн. ч. (см. выше, стр. 97 и сл.), употребление формы родительного падежа в значении винительного для тех существительных, которые в ед. ч. характеризуются употреблением родительного-винительного падежа, проникает и во множественное число. Древнейший случай такого употребления отмечен в Московском памятнике XIV века: пожаловалъ есмь *соколниковъ печерскихъ* (Грамота в. к. Ивана Калиты XIV в. в копии).

Первоначально форма родительного-винительного падежа употребляется во множественном числе лишь для названий лиц мужского пола. Но поскольку во множественном числе обнаруживается тенденция объединения всех существительных в один тип склонения, родительный-винительный во множественном числе распространяется постепенно и на другие категории существительных, захватывая постепенно (как это имеет место и в единственном числе) все существительные, обозначающие одушевленные предметы.

Названия женщин во множественном числе появляются в форме родительного-винительного падежа лишь в XVI веке и то первоначально встречаются очень редко, например: и *рабынь* научити (Домострой); и подобаетъ поучити мужемъ *женъ* своихъ (там же) — последний пример сомнителен, так как глагол *поучити* детерминативного значения (т. е. обозначает отрезок времени, ограниченный с обоих концов) и может требовать родительного, а не винительного падежа. В XVII веке употребление родительного-винительного падежа во множественном числе для существительных, обозначающих женщин, становится обычным.

В названиях животных родительный-винительный падеж во множественном числе отражается лишь в памятниках XVII века, например: и оу то́и прива̀ды *птицъ* прико̀рмитъ... и *пти́цъ* ѿ то́й прива́ды отгонитъ (Уложение Алексея Михайловича).

Развитие родительного-винительного и категории одушевленности наблюдается во всех славянских языках, но протекает в различных языках несколько по-разному, шире всех развилась эта категория в русском языке. Даже близкие нам украинский и белорусский языки не развили этой категории в той мере, в какой она развилась у нас. Там, в частности, как и в других славянских языках, родительный-винительный падеж во множественном числе не употребляется у существительных, обозначающих животных. Ведь и у нас для этой категории родительный-винительный падеж множественного числа стал употребляться позднее, чем для других категорий. Ср. укр. *пасти воли*; белорусск. *закладаць конi* и т. п. Вероятно, украинизмом является следующая фраза, вложенная Гоголем в уста цыгана: «Что ж, *отдавай волы* за двадцать!». (Гоголь, Сорочинская ярмарка.) Подобное употребление можно встретить и в русских говорах, но редко.

В современном русском языке, в литературном и в говорах, сохранились некоторые следы употребления старой формы вин. п. ед. числа мужского рода, а также множественного числа. Любопытно, что это наблюдается только в предложных сочетаниях (ведь в сочетании с предлогами, как уже было сказано, существительные дольше сохраняют старую форму). Таким остатком является наречное *зáмуж* (в выражении «выйти замуж»). Интересно, что еще у писателей начала XIX века форма эта иногда осознавалась не как наречие, а как сочетание существительного с предлогом. Ср. у Нарежного: «Вышла *замуж*, схоронила *его*» (Российский Жиль Блаз). Сохранение старой формы находим мы и в загадке: «Кто таков, как Иван Пятков? Сел *на конь* и поехал в огонь». Ср. также в песне: «Тарарам, тарарам, села баба *на баран*».

Примером сохранения старой формы во множественном числе может служить такой оборот, как «выйти *в люди*».

Утрата звательной формы

§ 34. В связи с развитием падежной системы необходимо еще остановиться на утрате звательной формы.

Как уже говорилось, древнерусскому языку, как и другим древним славянским языкам, а также индоевропейским в целом, была свойственна особая звательная форма, употреблявшаяся для выражения обращения. Звательная форма очень рано обнаруживает тенденцию утраты. Уже в Остромировом евангелии иногда обращение выражается именительным падежом (напр., *Марѳа* в качестве обращения). В особенности эта утрата охватывает северную часть древнерусских говоров, т. е. ту часть их, которая впоследствии входит в состав современного русского языка.

Некоторые лингвисты (акад. А. И. Соболевский) считают, что об утрате звательной формы свидетельствуют наблюдающиеся в северных памятниках формы им. п. ед. ч., оканчивающиеся на *-е*, от существительных с основой на *-о*, например: *въдале Варламе* (Новгородская грамота Варлаама Хутынского после 1192 г.) — «Вдал (т. е. вложил) Варлаам». Под влиянием существительного *Варламе* окончание *-е* получило и согласованное с ним причастие. Употребление звательной формы в значении именительного падежа вообще возможно. Такие случаи мы встречаем, например, в сербских песнях, хотя в сербском языке вообще звательная форма сохранилась и до настоящего времени. Ср., например: вино пије *кралевићу* Марко «Пьет вино королевич Марко» (Юнацкие песни). Но спорным является, можно ли объяснить таким же образом форму на *-е* в приведенном выше примере и других подобных. В сербских песнях мы имеем дело с особым экспрессивным употреблением, чего не в праве предполагать

в нашем случае, в юридическом документе, где автор его пишет о себе в третьем лице. Ср. Юрье (Новг. кормч. 1282 г.).

Акад. А. А. Шахматов объяснял эту форму им. п. ед. ч. на -*е* иначе, а именно фонетически, как результат падения редуцированных, с которым было связано и изменение очень краткого *ĭ* (<*jь*) на конце слова в *i* неслоговое. Это *i* по артикуляции близко к очень краткому *е* после *j*. Сочетающуюся же с формой им. п. ед. ч. имени форму причастия на -*е* акад. Ф. Ф. Фортунатов толковал как *въдалъ* ѥ (т. е. как сочетание с указательным местоимением). Написание *въдале* могло явиться в результате падения редуцированных, которое в грамоте вообще наблюдается.

Как бы то ни было, в части наречий древнерусского языка старая звательная форма утрачивается. В части же наречий (именно на юго-западе и западе) особая звательная форма сохраняется. Она сохранилась и до сих пор в украинском и белорусском языках. Ср. укр. *батьку*, *сынку*, *жінко* и т. д., белорусск. *мужу* и т. д.

Поскольку в силу традиции звательная форма и после ее утраты в живой речи продолжала употребляться в книжном языке, отдельные случаи старой звательной формы в современном языке сохранились. Ср., например, ставшие уже по существу междометиями «боже!», «господи!». Некоторые формы иногда используются с ироническим оттенком (как это вообще часто бывает с формами, идущими из церковнославянского языка), например: *друже*, *человече*.

По говорам и даже в литературном просторечье у нас имеет тенденцию развиваться новая звательная форма, генетически не связанная со старой, но лишь у таких существительных, которые оканчиваются на гласный звук, и притом безударный. Эти формы отличаются от именительного падежа тем, что их ударяемый гласный произносится с большой интенсивностью, в связи с чем конечный гласный ослабляется и редуцируется до нуля. Так образуются используемые при обращении формы типа *мам*! «мама», *Кат*'! «Катя», *Кол*'! «Коля» и т. д. Рассматривая соответствующие формы, существенно обратить внимание на интонационные условия, в которых они возникают. Эти условия в какой-то мере напоминают те, в которых возникли старые звательные формы еще в общеиндоевропейском языке-основе. Там также в результате усиления предшествующего слога наблюдалось ослабление конечного слога, в результате чего имело место сокращение конечного гласного.

Изменения в основе

§ 35. Следует, наконец, сказать об изменениях аналогического порядка, имевших место в основе существительных на протяжении склонения. В результате второй палатализации

в существительных с основой на *-ŏ* и на *-а* с задненебным согласным перед конечным гласным основы устанавливается чередование задненебного согласного с переднеязычным свистящим. Ср., например, *вълкъ* — местн. п. ед. ч. *вълцѣ*, *рука* — дат. и местн. п. ед. ч. *руцѣ* и т. д. Весьма рано в основе существительного наблюдается тенденция к выравниванию, в результате чего на протяжении всей основы устанавливается задненебный согласный, только в положении перед согласными переднего ряда он выступает в смягченной форме, т. е. устанавливается форма типа *рукѣ*, *вълкѣ*. Формы, свидетельствующие о выравнивании основы, отражаются уже в памятниках XI века. Ср.: рабоу своемоу *дъмъкѣ* (Новг. Минея 1096 г., приписка писца — от собственного имени *Дъмъка*). Впрочем, этот процесс протекал не одинаково в различных древнерусских говорах. Устранили соответствующее чередование лишь говоры, легшие в основу русского языка в современном смысле (т. е. великорусского). В других же восточнославянских языках, т. е. украинском и белорусском, мы и в настоящее время находим чередования задненебных согласных со свистящими в конце основы. Ср. укр. на *лавці*, белорусск. *на лаўце*.

МЕСТОИМЕНИЕ

Общие замечания

§ 36. Местоимения как в современном, так и в древнерусском языке представляют собой весьма своеобразный как в семантическом, так и в структурном отношении класс слов. Местоимениями называются слова, не обладающие номинативной функцией, т. е. ничего не называющие (ни предметов, ни их свойств), а лишь указывающие на отношение тех или иных предметов и свойств их к лицу говорящему или на различные отношения в речи.

В древнерусском языке, как и в современном, местоимения распадались на две резко отличных друг от друга группы. Первую из них образовывали личные местоимения, в состав которых входили местоимения всех чисел 1-го и 2-го лица. В грамматическом отношении эти местоимения, как и в современном языке, имеют много черт, общих с существительными, но кое в чем и отличаются от них. Подобно существительным, они употребляются в предложении в качестве подлежащего и дополнений. Подобно существительному, они характеризуются наличием категории падежа, выражающей отношения местоимения к другим словам в предложении. Местоимения имели те же падежи, что и существительные, но у них не было звательной формы, и понятно, почему: местоимение 1-го лица показывает, что речь идет о самом говорящем, вследствие чего особая форма обращения к этому лицу бессмысленна; местоимение 2-го лица выражает лицо, к которому обращаются, а поэтому особая форма, выражающая обращение, является излишней. Подобно существительному, местоимения имели три числа — единственное, множественное и двойственное. В отличие от существительного личные местоимения не имели категории рода. Эта черта характерна для всех индоевропейских языков (в языках некоторых других семейств, например, в семитских, личные местоимения располагают категорией рода).

В структурном и синтаксическом отношении, как и в совре-

менном языке, к личным местоимениям примыкало возвратное местоимение, изменение которого по падежам строилось, как и в современном языке, совершенно параллельно личному местоимению 2-го лица ед. числа, с той разницей, что, поскольку возвратное местоимение употребляется лишь для выражения дополнения, у него, как и в современном языке, не было именительного падежа. По числам возвратное местоимение, как и теперь, не изменялось.

Вторую и более обширную группу образовывали т. наз. неличные местоимения, включающие различные семантические разряды — указательные, притяжательные, вопросительные, относительные, определительные, отрицательные, неопределенные. Особенностью этих местоимений является то, что, помимо категорий числа и падежа, они имели категорию рода, т. е. изменялись по родам. Подобно личным местоимениям, местоимения неличные не имели звательной формы. По грамматическим особенностям неличные местоимения сближались с прилагательными. В предложении они функционировали в основном как определения. Некоторые из них (именно указательные) могли функционировать и в качестве подлежащего и дополнения.

Местоимение, рассматриваемое школьной грамматикой современного русского языка как личное местоимение 3-го лица (*он*), по происхождению является указательным местоимением и применительно к древнерусскому языку должно быть включено в местоимения неличные. Оно и теперь в некоторых отношениях сближается с неличными местоимениями (изменяется по родам), но сейчас оно, подобно личным местоимениям 1-го и 2-го лица, функционирует лишь как подлежащее и дополнение, в древности же оно, подобно другим указательным местоимениям, могло функционировать и как определение (ср. *онъ полъ морꙗ* «тот берег моря»). По формам склонения к местоимениям неличным примыкают два местоимения, не изменяющиеся по родам и числам и грамматически сближающиеся с существительными, а именно вопросительные местоимения *къто* и *чьто*.

Склонение личных местоимений и возвратного

§ 37. Склонение личных местоимений (и возвратного) в древнерусском языке имело следующий вид:

1-е лицо

Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*	
И. ꙗзъ	мы	*И.*	вѣ
Р. мене	насъ	*В.*	на
Д. мънѣ, ми	намъ, ны	*Р. М.*	наю
В. мене, мꙗ	насъ, ны		
Т. мъною	нами	*Д. Т.*	нама
М. мънѣ	насъ		

2-е лицо и возвратное

	Ед. ч.		Мн. ч.		Дв. ч.
И.	ты	—	вы	*И. В.*	ва
Р.	тебе	себе	васъ		
Д.	тобѣ, ти	собѣ, си	вамъ, вы	*Р. М.*	ваю
В.	тебе, тѧ	себе, сѧ	васъ, вы		
Т.	тобою	собою	вами	*Д. Т.*	вама
М.	тобѣ	собѣ	васъ		

Древнерусские личные местоимения, как и местоимения современного русского языка, а также как соответствующие местоимения всех древних славянских языков и индоевропейских языков в целом, характеризуются наличием супплетивизма, состоящего в том, что различные падежные формы образуются от различных корней (ср. *юзъ — мене*). Эта особенность, вообще весьма характерная для личных местоимений, наблюдается и в некоторых языках за пределами индоевропейской семьи.

Как в старославянском языке, так и в древнерусском некоторые падежи личных местоимений и возвратного характеризуются наличием форм двух типов — полных и энклитических. Энклитическими формами принято называть более краткие формы, не несущие самостоятельного ударения, но объединяющиеся под одним ударением с соседними словами в предложении. Первоначально эти формы употреблялись тогда, когда на местоимение не падало логическое ударение. Впоследствии различия в употреблении между этими двумя типами стерлись. Различие полных и энклитических форм выступало в дат. и вин. п. ед. и мн. ч. Вторая из приведенных выше в парадигме параллельных форм этих падежей представляет собой энклитическую форму.

Падежи двойственного числа объединялись таким же образом, как это имело место у существительных, а именно: одну форму имели род. и местн., дат. и тв. п. Некоторое отступление наблюдается лишь в им. и вин. п. У существительных (и вообще у имен) эти формы всегда совпадают. У личных местоимений они совпадают лишь для 2-го лица, для 1-го же различаются.

Приведенное выше склонение личных местоимений по формам очень близко к соответствующему склонению других древних славянских языков и, в частности, старославянского. Но имеются все же некоторые различия, из которых часть опирается на фонетические различия, а часть является чисто морфологическими. К различиям фонетического характера, на которых здесь не будем останавливаться, относится наличие в окончании *-и* в соответствии со ст.-слав. *-ǫ*, *-'а* (или, быть может, в эпоху древнейших памятников *-ä*) в соответствии со ст.-слав. *-ę*. К раз-

личиям же фонетическим относится и наличие начального *j* в им. п. ед. ч. 1-го лица (старославянская форма, встречающаяся под влиянием книжной традиции и в древнерусских памятниках, не имеет начального *j* — ср. *азъ*).

Для им. п. ед. ч. 1-го лица следует обратить внимание на наличие уже в древнейших дошедших до нас памятниках наряду с ꙗзъ более краткой формы -ꙗ, прямо тождественной нашей современной форме. Ср., например: а ꙗзъ дал роукою своѥю... а се ꙗ всеволодъ... (Мстиславова грамота около 1130 г.).

Древнерусский язык, в отличие от старославянского, имел полные формы дат. и местн. п. ед. ч. местоимения 2-го лица и возвратного в виде *тобѣ, собѣ*. Формы, восходящие к ним, сохранились и до настоящего времени. Ср. наблюдающиеся в части современных северновеликорусских говоров *тобé, собé*, в части южновеликорусских — *табé, сабé*. Ср. также укр. *тобі, собі* (с *i*<*ѐ*), белорусск. *табе, сабе*.

Встречающиеся в древнерусских памятниках формы *тебѣ, себѣ*, тождественные старославянским, обусловлены, повидимому, книжным влиянием и не отражают фактов живого языка. По исследованию Н. Дурново, в некоторых наших памятниках, различающих *е* и *ѣ*, в частности, в Архангельском евангелии 1092 г., формы *тебѣ, себѣ* пишутся и с *ѣ* и с *е* на конце слова, формы же *тобѣ, собѣ* всегда с *ѣ*. Это объясняется тем, что формы *тобѣ, собѣ* осознавались писцом, как свойственные живому языку, формы же *тебѣ, себѣ* — как книжные, старославянские. Вследствие отличия характера старославянского *ѐ* от древнерусского (именно вследствие более открытого характера старославянского *ѐ*) в словах и формах, проникавших в русскую письменность из старославянского языка, часто писали *е* вместо *ѣ* даже в тех памятниках, где *ѣ* и *е* последовательно различались.

Формы *тебé, себé*, широко распространенные в современных русских говорах и являющиеся также нормой современного литературного языка, представляют собой, повидимому, результат позднейшего развития из *тобѣ, собѣ*.

Формы типа *тобѣ, собѣ* отражают иную ступень чередования корневого гласного сравнительно с *тебѣ, себѣ*, чередование же *е/о* на протяжении склонения соответствующих местоимений вообще наблюдается как в древнерусском, так и в старославянском языке (ср. тв. п. др.-русск. *тобою*, ст.-слав. *тобоѭ*). Формы со ступенью *о* в дат. и местн. п. известны не только древнерусскому, но и другим славянским языкам, именно западнославянским: ср. чешск. *tobě, sobě* (впрочем, чешским говорам известны и формы *tebě, sebě*). Интересно, что в чешском языке тв. п., в отличие и от русского и от старославянского, характеризуется ступенью *е* — *tebou*<*tebū*, *sebou*<*sebū*. Ср. польск. дат. и мест. п. *tobie, sobie* (но тв. п. в польском, как у нас, с *o*: *tobą, sobą*).

Склонение неличных местоимений

§ 38. Склонение неличных местоимений представляет собой весьма своеобразную систему, которую и принято в первую очередь называть местоименным склонением, в отличие от именного склонения, как принято называть склонение существительных и именных прилагательных. Склонение неличных местоимений включало два основных типа, различавшиеся в зависимости от того, какой согласный был в конце основы, твердый или мягкий. Гласные окончания после этих согласных относились друг к другу так же, как гласные твердой и мягкой разновидности именных склонений на *-а* и на *-о*.

Образцами могут служить указательные местоимения *тъ* «тот» (твердый согласный в основе) и *и* (мягкий согласный в основе).

Склонение этих местоимений имеет следующий вид:

	Ед. ч			*Мн. ч.*				*Дв. ч.*		
	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.		Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.	тъ	та	то	ти	ты	та	*И.В.*	та	тѣ	тѣ
Р.	того	тоѣ	того		тѣхъ					
Д.	тому	тои	тому		тѣмъ		*Р.М.*		тою	
В.	тъ	ту	то	ты	ты	та				
Т.	тѣмь	тою	тѣмь		тѣми		*Д.Т*		тѣма	
М.	томь	тои	томь		тѣхъ					

	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.	Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.		Муж. р.	Жен. р.	Ср. р.
И.	и	ꙗ	ѥ	и	ѣ	ꙗ	*И.Р.*	ꙗ	и	и
Р.	ѥго	ѥѣ	ѥго		ихъ					
Д.	ѥму	ѥи	ѥму		имь		*Д.В.*		ѥю	
В.	и	ю	ѥ	ѣ	ѣ	ꙗ				
Т.	имь	ѥю	имь		ими		*Т.М.*		има	
М.	ѥмь	ѥи	ѥмь		ихъ					

Им. п. ед. ч. *и* по происхождению представляет собой *jь*. Формы *имь*, *имъ*, *ихъ*, *има* фонетически, повидимому, имели вид *jimь*, *jimъ*, *jixъ*, *jima* (в славянском письме не было особого знака для йотованного *и*). Таким образом, в этом местоимении содержался относящийся к мягким согласным звук *j*. Именительный падеж этого местоимения уже в древнейших памятниках, как старославянских, так и древнерусских, не употребляется. Вместо него обычно фигурирует в этом падеже *онъ*, соединение с которым косвенных падежей *ѥго*, *ѥму* и т. д. и дало впоследствии нашу современную парадигму местоимения 3-го лица.

По типу указательного местоимения *тъ* склонялись местоимения *онъ*, *самъ*, *которъ*, *вьсꙗкъ*, *къто*. В последнем случае склонялась лишь первая часть — *къ*; *-то* являлось неизменяемой частицей, выступавшей лишь в составе именительного падежа.

По типу местоимения *и* склонялись *сь*, *мои*, *твои*, *свои*, *нашь*, *вашь*, *чии* «чей» (фонетически *čіjь*), *вьсь*, *чьто* (в последнем случае так же, как в *къто*, склонялась лишь первая часть; *-то* являлось неизменяемой частицей).

Местоимения *къто* и *чьто* не изменялись по родам и числам.

В части падежных форм местоименное склонение, как легко видеть, подобно именному, т. е. характеризуется окончаниями, напоминающими те, которые свойственны именному склонению, но в части форм наблюдается резкое различие между именным и местоименным склонением. Так, например, совершенно непохожи на именное склонение формы род. и местн. п. ед. ч. мужск. и средн. р., род. п. мн. ч.

Система древнерусского местоименного склонения обнаруживает почти полное единство с другими древними славянскими языками и со старославянским в том числе. Много общего формы славянского местоименного склонения, в подавляющем большинстве унаследованные от общеславянского языка-основы, имеют и с другими индоевропейскими языками. Это указывает на то, что особое местоименное склонение, отличное от именного, складывалось, повидимому, еще на почве общеиндоевропейского языка-основы. Отличия древнерусского местоименного склонения от местоименного склонения старославянского очень напоминают те, которые существуют для именного склонения. Если оставить в стороне чисто фонетические различия (например, наличие *и* в соответствии со старославянским *-ǫ* в вин. п. ед. ч. женск. р.), они сводятся к наличию в древнерусском языке в окончании *-ě* после *j* или мягкого согласного в соответствии с *-ę* в этих же условиях в старославянском языке. Это различие нам уже известно из именного склонения, и охватывает оно те самые формы, что и в именном склонении, т. е. род. п. ед. ч. женск. р., им. и вин. п. мн. ч. женск. р., вин. п. мн. ч. мужск. р. Следует подчеркнуть, что речь идет лишь об *-ě* после *j* и мягких согласных, поэтому для всех местоимений соответствующие расхождения имеют место лишь в род. п. ед. ч. женск. р., а во множественном числе различия касаются лишь местоимений, содержащих в основе *j* или мягкий согласный. Ср. др.-русск. *тоѣ*, ѥѣ, ст.-слав. *тоѩ*; др.-русск. ѣ (фонетически, повидимому, *jě*), ст.-слав. ѩ. Подробнее относительно происхождения расхождений *-е*—*ę* см. выше. В древнерусских памятниках довольно часто встречается форма типа ѥю, ю (вин. п. мн. ч. мужск. р.) и т. п. Эти формы представляют собой русскую (в фонетическом отношении) передачу старославянских форм (замена старославянского ѧ через *а* или ю).

Особых замечаний требует форма род. п. ед. ч. мужск. и средн. р. В древнерусском языке, как и в других славянских, эта форма оканчивалась на *-go* (*того*, *ѥго* и т. д.). Наряду с этим другим славянским языкам и, в частности, старославянскому, было свойственно окончание *-so*, выступавшее лишь в одном место-

имении—*чьтō*: *чесо*, *чьсо*. Это окончание *-so* вообще ближе к другим индоевропейским языкам, чем *-go*. Повидимому, элемент *s* входил в форму род. п. местоимений неличных еще в общеиндоевропейском языке-основе — ср. санскр. *tásya* «того». Но для подавляющего большинства местоимений *-so* еще в общеславянском языке-основе было замещено посредством *-go*. Последнее по происхождению представляет собой, повидимому, не падежное окончание, а особую частицу усилительного значения, родственную славянскому *же*, только на другой ступени чередования *(о)*. Древнерусские памятники не дают указания на наличие окончания *-so* в живом древнерусском языке. В древнейших памятниках, правда, у нас встречаются такие формы, как *чесо*, *чьсо*, но исключительно в церковных (в Остромировом, Архангельском евангелиях и др.). Повидимому, в живом древнерусском языке еще в дописьменную эпоху окончание *-go* утвердилось и в местоимении *чьтō*, в результате чего род. п. ед. ч. мужск. и средн. р. от этого местоимения получил форму *чего*.

Существенно отметить для древнерусского языка специфическую форму вин. п. ед. ч. женск. р. от местоимения *вьсь* — *вьху*. Такая форма встречается один раз в сочетании *вхоу тоу землю хоутыньскоую* (Новг. грамота Варлаама Хутынского после 1192 г.) в значении «всю ту землю Хутынскую». Такая форма другим славянским языкам неизвестна. В местоимении *вьсь s'*, как известно, развилось из *x* по второй палатализации в положении после *ь* (<*i*) еще в общеславянском языке-основе. В результате этого форма вин. п. ед. ч. женск. р. должна была в общеславянском звучать *vьs'ǫ*, откуда древнерусское *vьs'u*. Форма *всю* и до сих пор сохранилась в русском языке как в говорах, так и в литературном. Но вторая палатализация в результате прогрессивной ассимиляции вообще осуществлялась с меньшей последовательностью, чем в результате регрессивной ассимиляции. Примером сохранения задненебного согласного может служить и приведенная выше диалектная форма *вьху*. До настоящего времени эта форма не сохранилась, и у нас нет оснований утверждать, что в древности такая форма была общей для всей восточнославянской области.

О распространении этой формы по говорам трудно судить вследствие ее единичности. Несомненно, она является древней, так как возникнуть в относительно позднее время вследствие какой-нибудь аналогии она не могла.

История личных местоимений

§ 39. На протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, в формах личных местоимений и возвратного произошло сравнительно немного изменений (если оставить в стороне утрату форм двойственного числа, произошедшую

в связи с утратой категории двойственного числа вообще, см. выше, стр. 100 и сл.).

В части говоров изменяются полные формы род. и вин. п. ед. ч. личных местоимений 1-го и 2-го лица, а также возвратного. В древности эти формы оканчивались, как уже было сказано, на *-е*. Такие формы сохраняются и в настоящее время в южновеликорусских говорах, а также в белорусском и украинском языках. Ср. совр. южновеликорусск. *у мене́*, *у тебе́*, *у себе́*. Ср. также укр. *до ме́не* (лишь с другим ударением). В северновеликорусских же говорах на месте конечного *-е* в этих формах является *'-а* (с сохранением мягкости предшествующего согласного, смягчившегося здесь еще в ту эпоху, когда здесь было *-е*), т. е. формы приобретают вид *меня́*, *тебя́*, *себя́*. Отражение таких форм в памятниках, именно северных, включая Москву, наблюдается, начиная с конца XIV века. Ср.: а *чимъ* благословилъ *тобѧ* отецъ твои (грам. в. к. Дмитр. Ив. 1389 г.); съ *себѧ* (Устав. грам. в. к. Вас. Дм. Двинской земле 1397 г.). Такая норма устанавливается и в литературном языке.

Некоторые лингвисты эту смену окончания объясняют фонетически — как результат изменения безударного конечного *-е* в *-а*. Возможность появления *а* и под ударением (ср. *меня́*) объясняют тем, что личные местоимения в предложении часто не несут самостоятельного ударения, что изменение *-е*>*-'а* могло начаться именно в таких случаях, а затем уже охватило и те случаи, когда местоимение несет самостоятельное ударение. Однако, как уже было сказано выше, объяснение фонетическими процессами и, в частности, именно данным, изменений в конечных слогах, связанных с определенными морфологическими элементами, сомнительно.

Возможно, что здесь отражается иной процесс, морфологического характера, а именно общая тенденция объединения различных типов словоизменения. Эта тенденция может действовать не только внутри различных типов имен, но и между именами и местоимениями. Окончание *-а* в род. и вин. п. ед. ч. сближает местоимения с таким обширным и продуктивным типом склонения имен, как тип с основой на *-о* (современное 2-е склонение). Можно предполагать также воздействие со стороны энклитических форм вин. п.—*мя*, *тя*, *ся*. В таком случае здесь также отражается общая тенденция к сближению различных типов.

Помимо указанных изменений наблюдаются различные процессы выравнивания основы (подобно тому, как это имело место в склонении существительных). Так в северных памятниках XIV—XV вв. и позднее появляются формы род. п. ед. ч. с *о* в основе под влиянием основы дат. и местн. п., пример: *оу тобе* (Лавр. летоп.), *отъ тобе* (грам. в. к. Дмитр. Ив. 1367 г.), межь собѧ (Послание митрополита Фотия псковичам 1416 г.), *пред тобя* (Домострой). Формы род., вин. п. ед. ч. *тобя́*, *собя́* наблюдаются и в некоторых современных северновеликорусских говоров-

рах — архангельских, кировских, молотовских и др., — а также в южновеликорусских, напр., рязанских.

В 1-м л. ед. ч. под влиянием основы дат. и местн. п., где гласный в корне в результате утраты слабого редуцированного отсутствует, в части северновеликорусских говоров развиваются формы род.-вин. п. с отсутствующим гласным *мня* (вместо *меня*). Такие формы наблюдаются, например, в ряде говоров архангельских, олонецких, новгородских, костромских и др.

В части северновеликорусских, а также южновеликорусских говоров, напротив, основа род.-вин. п. ед. ч. 1-го лица оказала влияние на основу дат. и местн. п., в результате чего дат. и местн. п. получили форму *менѣ* (с последующим изменением в *мене́*).

В значительной части говоров вместо старых форм дат. и местн. п. ед. ч. 2-го л. и возвратного местоимения *тобѣ*, *собѣ*, вероятно, под влиянием основы род. и вин. п. развиваются формы *тебѣ*, *себѣ*. Формы с *е* в основе становятся нормой и литературного языка.

В части говоров, главным образом северновеликорусских, развились формы род.-вин. и дат.-местн. п. ед. ч. 2-го л. и возвратного местоимения без согласного *b (б)* — вместо него является *ј*, например, *тея́*, *сея́*, *тѣ*, *сѣ*. Возможно, эти формы объясняются фонетически — утратой интервокального звонкого согласного. В северновеликорусских говорах в целом наблюдается меньшая напряженность звонких согласных (которые вообще характеризуются меньшей напряженностью, чем глухие), вследствие чего, находясь между гласными, они легко теряются (ср. *бýјот* от «будет», *бýут* «*будут*»). Впрочем, говоры с местоименными формами без *б* наблюдаются и в некоторых южновеликорусских говорах (например, в курских, тульских: *тае́*, *сае́*).

В большей части говоров, а также в литературном языке утрачиваются особые энклитические формы. Поскольку уже давно стирались границы употребления между полными и энклитическими формами (и те и другие давно уже употреблялись как под логическим ударением, так и в безударном положении), наличие двух рядов становилось излишним и один из этих рядов со временем утрачивается. Поскольку по традиции энклитические формы долго употребляются в памятниках, трудно точно сказать, когда именно в каких говорах эти формы окончательно исчезают из живого языка. Но уже в грамотах XV века эти формы употребляются преимущественно в традиционных формулах. В литературном языке мы эти формы, конечно, как архаизмы, встречаем и у писателей XVIII века. Ср., например:

Без рассудка ж ничего *ти* б не начинати.

(Тредиаковский)

Остатком энклитической формы в современном языке является *те* в выражении «я те дам». Это *те* явилось вместо старо-

го дат. п. ед. ч. 2-го л. *ти*, возможно, под влиянием полной формы *тебе*.

Остатком же энклитических форм возвратного местоимения вин. п. *(ся)*, а в некоторых говорах дательного *(си)* является возвратная частица в составе возвратной формы глагола (подробнее см. ниже, стр. 273).

В некоторых говорах старые энклитические формы сохранились до настоящего времени, причем некоторые из них распространяются даже на те падежи, где раньше их не было. Так, например, мы встречаем *у мя*, где форма *мя*, раньше употреблявшаяся лишь в винительном падеже, функционирует, как мы видим, и в родительном, вероятно, вследствие того, что одинаковая полная форма употребляется и в качестве вин. и в качестве род. падежей. Впрочем, вопрос о распространении и употреблении по говорам форм, восходящих к старым энклитическим, изучен еще крайне недостаточно.

История неличных местоимений

§ 40. В области неличных местоимений на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, произошли определенные изменения как в области употребления, так и в области их форм.

Прежде всего необходимо остановиться на местоимениях указательных и в связи с ними на том местоимении, которое впоследствии получило значение нашего современного местоимения 3-го лица.

В древнерусском языке, а также в других древних славянских языках указательные местоимения были связаны несколько иными отношениями, чем в современном русском языке. Указательные местоимения определяют предмет по отношению к говорящему или к предмету речи с точки зрения близости или удаленности. При этом у нас сейчас различаются по форме местоимения лишь две степени удаления — «нечто близкое» и «нечто далекое» (ср. *этот* — *тот*). В древних славянских языках, так же как и в других древних индоевропейских языках, выражалось три степени удаления: 1) близкое к говорящему; 2) близкое к собеседнику (бо́льшая степень удаления); 3) вообще далекое. Первая степень удаления выражалась местоимением *сь*, вторая степень — местоимением *тъ*, третья степень — местоимением *онъ* (ср. *онъ полъ* «тот берег» — ясно, что речь идет о чем-то вообще далеком, далеком и от говорящего и от собеседника). Ср. подобные отношения в латинском языке, где местоимение *hic* выражает близкое к говорящему, *iste*—близкое к собеседнику, *ille* — предмет вне речи, вообще нечто далекое.

В современном русском языке местоимения *тот* (древнее *тъ*) и *этот*, вытеснившее древнее *сь*, обычно используются в качестве

определений и лишь в определенных условиях используются в качестве подлежащих или дополнеиий (т. е. без определяемых). Напротив, местоимеиие *он* иикогда не используется в качестве определения, но в имеиительном падеже всегда функционирует как подлежащее, причем употребляется иезависимо от степени удаления лица или предмета, на который оно указывает. Косвенные же падежи этого местоимения используются в качестве дополнеиий. Местоимение *тот* используется теперь в качестве подлежащего главным образом в том случае, если речь идет о лице или предмете, выраженном дополнением в предыдущем предложении, ср: «Нежданов обратился к *Остродумову*. Но *тот* только крякнул и откашлялся» (Т у р г е н е в, Новь). «Не сам он учил меня, а заплатил одному *старичку*. *Тот* и выучил» (там же).

В древности же местоимение *тъ* могло выступать не только как определение, но и как подлежащее и дополнение. Ср., например: и *тъ* из иего пи и сынове ѥго и скоти ѥго (Остр. еванг.)—
т х
и ѡ *тъ* заповѣдано ѡбновити ветъхыи миръ (Лавр. летоп.). С другой стороны, местоимеиие *онъ* могло выступать ие только как подлежащее или дополиение, ио и как определение (ср. приведенное выше *онъ полъ мор*ꙗ).

История указательных местоимений в целом изучена пока еще очень недостаточно. Некоторые преобразоваиия древней системы, изложенной выше, начинаются еще в эпоху, предшествующую древнейшим дошедшим до нас памятникам. Так, еще в эту эпоху намечается объединение в одиу парадигму местоимеиий *онъ* и *и*. Это объединение происходит, вероятио, вследствие семаитической близости того и другого местоимения. Именительиый падеж (для всех родов и чисел) местоимеиия *и* в древнейших памятниках, как русских, так и старославяиских, уже не употребляется. Обычно в этой роли выступает *онъ*, косвенные падежи от которого еще употребляются. Но старая форма винительиого падежа—*и* (для мужск. р.), ѭ (для жеиск.), ѥ (для средн.), ѣ, ꙗ (для мн. ч.) и т. д. еще употребляется. Форма вин. п. мужск. р. впоследствии замещается формой, тождественной род. падежу (ѥго), отчасти вследствие совпадения еще в дописьмеиное время им. и вин. п. других местоимений, отчасти же вследствие все более широкого распростраиеиия род.-вии.п. для обозначения одушевлениых. Форма род. п. в значении винительного охватывает и местоимение средиего рода, вследствие параллелизма форм мужского и среднего рода, в отличие от существительных, где средний род постоянно сохраняет форму вии. п., тождественную имеиительиому. Впоследствии и форма род. п. мн. ч. *ихъ* проникает в вии. п. и употребляется для всех трех родов.

На протяжении истории языка местоимеиие *он* — *его* все больше закрепляется в функции подлежащего и дополиения (а не определения), в каковой вообще оно выступало уже в древнейших памятниках. В связи с этим оно теряет свою функцию —

выражать третью степень удаленности, поскольку, выступая как подлежащее в любых условиях, оно указывает на соответствующее лицо или предмет независимо от степени его удаления. В результате этого в указательных местоимениях сохраняется выражение лишь двух степеней удаления: местоимение *сь* выражает ближайшее, *тъ* — удаленное без различения второй и третьей степени удаления. Установление двух степеней удаления вместо прежних трех, как и многие другие грамматические явления, отражает все дальше идущее обобщение, абстрагирование, осуществляющееся в развитии грамматического строя языка.

Вин. п. ед. ч. женск. р. местоимения указательного в старой форме — *ю* — (при мужск. и средн. р. *его*) до сих пор еще сохранился в некоторых говорах (например, в олонецких: ён *ю* бросил). В большей же части русских говоров эта форма замещается формой род. п. ед. ч. *ѥѣ*, вероятно, вследствие того, что в мужск. и средн. роде соответствующего местоимения установилась тождественная форма для род. и вин. п. Колебания, свидетельствующие о проникновении новой формы, наблюдаются уже в памятниках XV века (ср., например, в одной двинской грамоте этого времени: выменалъ *ѣю*).

Эта форма представляет собой контаминацию старой формы *ю* и новой формы *ѥѣ*, свидетельствующую о том, что новая форма уже проникала в то время в живой язык (о дальнейшем изменении формы *ѥѣ* см. ниже). Установление новой формы *ѥѣ* свидетельствует о том, что и в местоименном склонении отражается общая тенденция к унификации различных типов склонения.

Форма род. и вин. п. ед. ч. женск. р. *ѥѣ* в части говоров сохранилась и в настоящее время (только обычно с изменением конечного гласного *-ѣ > -е*). В части же говоров и в литературном языке отражается форма *её*, характеризующаяся конечным *'-о* после *j*. Каким образом развилось в этой форме конечное *-о*, окончательно до сих пор не выяснено. Некоторые лингвисты предполагают, что *ѣ* в положении после *j* фонетически изменилось в *е*. Для такого предположения вообще основания есть, но и оно полностью не объясняет новой формы, так как конечное *е* фонетически на конце слова в *о*, повидимому, не переходило, а под воздействием какой другой родственной по значению формы в данном случае могло произойти изменение — неясно.

В правописании, вплоть до реформы 1917 г., держалась форма *ея*, но только для род. п. (для вин. было *ее*). Эта форма утвердилась под влиянием церковнославянского языка как фонетически русская интерпретация старославянской формы *ѥѩ*, соответствовавшей древнерусской *ѥѣ*.

В некоторых говорах формы род. и вин. п. ед. ч., оканчивающиеся на *-о* после *j*, получили более широкое распространение и характеризуют не только местоимение *её*, но также *тоё*, *всеё*,

одноё, самоё (подобные формы наблюдаются и в говорах близ Москвы). Форма *самоё* узаконена и как литературная норма (для вин. п.), но вряд ли является характерной для живого разговорного языка. У Л. Толстого мы находим форму вин. п., представляющую собой результат контаминации старой и новой формы — *самою́*, например, «Неловко за *самою* себя» (Анна Каренина). Для местоимений *ту, всю, одну* в литературном языке сохранились старые формы винительного падежа. Что же касается родительного падежа, то он здесь не совпал с винительным.

У косвенных падежей местоимения *и* еще в эпоху дописьменную в сочетании с предлогами развилось начальное *н* (ср., например, *оу него*, Мстиславова грамота около 1130 г.). В основе этого явления (известного и старославянскому языку) лежат фонетические отношения. Некоторые предлоги, именно *въ, къ, съ*, в ранний период развития общеславянского языка-основы оканчивались на *n (н)*, т. е. звучали **vъn, *къn, *sъn*. В определенную эпоху это *n* в закрытом слоге теряется. Предлог в сочетании с тем словом, перед которым он стоит, образует в фонетическом отношении единство. Утрата *n* происходит в основном в тех случаях, когда это следующее за предлогом слово начинается на согласный. Если же следующее слово начинается на гласный или на согласный, фонетически сливаясь с которым *n* не образует слоговой границы, то *n* сохраняется, отходя к следующему слогу. Так, например, **vъn domъ > vъ domъ, *kъn domu > kъ domu, *sъn domъmь > sъ domъmь*, но **vъnidǫ > vъnidǫ, *sъnidǫ > sъnidǫ*. Местоимение, о котором идет речь, начинается на *j*. Сочетание *nj* еще в общеславянском языке-основе дает один согласный — *n'*, который вполне может отойти к следующему слогу. В результате этого, например, **sъn jego > sъ n'ego*. Поскольку предлог обычно выступает без конечного *n*, элемент *n'* в таких сочетаниях, как только что приведенное, осознается как входящий в состав местоимения, а поскольку он выступает лишь в тех случаях, когда местоимение сочетается с предлогом, он осознается специально как принадлежность местоимения, сочетающегося с предлогом. В результате легко происходит обобщение — элемент *n'* переносится и в сочетания с другими предлогами, таким образом, становятся возможными и сочетания типа *u n'ego* (предлог *оу* никогда не имел в своем составе *n*).

Форма местоимения с начальным *н* специально в сочетании с предлогами сохранилась как норма в литературном языке и до настоящего времени. В единичных случаях такое *н* может наблюдаться и не в местоимениях, но лишь в тех случаях, когда предлог стал приставкой. Ср. *внушить* (этимологически этот глагол образован от сочетания предлога *вън* и существительного *ухо*), *снять, принять* (* *sъnjęti, *prijęti*).

По говорам на протяжении истории языка в сочетаниях местоимения с предлогами имело место выравнивание, идущее

в различных направлениях. В одних говорах (и таких, повидимому, большинство) под влиянием формы без *н*, выступавшей в тех случаях, когда местоимение употреблялось без предлога, форма без *н* стала употребляться и в сочетании с предлогами, например, *к ему*, *с jим*, *при jом*, *от jего* и т. д. (в литературном языке форма *его* в сочетании с предлогом может выступать без *н*, но лишь в том случае, если *его* является определением к следующему слову, ср. «Я привез письмо *от его сестры*», но «Я привез письмо *от него* сестре»). В других же говорах, напротив, обобщена была для всех случаев форма с *н*, которая стала употребляться и не в сочетании с предлогами. Ср., например, «*скажи нему́*», «Он *ней* бросил» и т. д. Это наблюдается, например, в некоторых поморских и олонецких говорах.

§ 41. В развитии местоименных форм, как мы уже видели, проявляется та же тенденция, с которой нам приходилось уже иметь дело при рассмотрении существительных, а именно тенденция к объединению различных типов склонения. Эта тенденция ярко проявляется во взаимодействии типов склонения с основой, оканчивающейся на твердый, и с основой, оканчивающейся на мягкий согласный.

Так, например, сближаются в своих падежных формах местоимения *къто* и *чьто*. В древнерусском (как и в старославянском) тв. п. этих местоимений звучал соответственно *цѣмь* (*с'<к* по второй палатализации), *чимь*. На протяжении истории языка устанавливаются параллельные формы *кѣмъ*, *чѣмъ*. Такие формы наблюдаются в памятниках с XIV века (отвердение конечного *м*, что выражается написанием ъ, носит фонетический характер, замена *ц* через *к* представляет собой устранение чередования *к/ц*, имеющего своим источником вторую палатализацию, явление, с которым мы имеем дело и в именах; форма же *чѣмъ* устанавливается как параллельная к *кѣмъ*).

Взаимодействие между формами, содержащими *ě* (твердая основа), и формами, содержащими *i* (мягкая основа), наблюдается и в других местоимениях. Так, например, в части северновеликорусских и переходных говоров во множественном числе развиваются формы *моѣх*, *твоѣх*, *чьѣх*, *моѣм*, *твоѣм*, *чьѣм*, под влиянием форм типа *тѣхъ*, *тѣмъ*. Некогда такие формы отражались и в Московских памятниках,— например, до *сѣхъ* мѣстъ (Моск. грам. XV в.). С другой стороны, появляются формы типа *самих*, *всих*, *всим* и т. п. (впрочем, эти формы могли возникнуть и под влиянием им. п. мн. ч. мужск. р.). Подобные формы отражаются и в памятниках уже в XIII—XIV вв., например, *всимь* (Духовная Климента Новгородца 1270 г.), *всихъ* (Рязанск. Кормчая 1284 г.), *всими* (Духовная Ивана Калиты 1327—1328 г.).

Рассматриваемое местоимение уже в древности имело сложный состав и частью склонялось как местоимение с мягкой основой, частью же как с твердой. Это объясняется тем, что собственно

старые мягкие основы представляли в первую очередь местоимения, основа которых содержала *j*. В данном же местоимении, как уже говорилось, некогда основа оканчивалась на *x*. Последнее изменилось в *s'* после *ь* по второй палатализации, вследствие чего часть форм этого склонения примкнула к типу с мягкой основой, часть же сохранила формы, свойственные твердой основе.

В части говоров, как северных, так и южных, в окончании косвенных падежей единственного числа местоимений с мягкой основой нефонетически изменяется *е* в *о* после мягкого согласного перед *j*, также под воздействием местоимений с твердой основой. Так появляются, например, формы типа *моёй*, *твоёй*, *всёй* и т. п.

Древность этого явления не может быть установлена, поскольку по памятникам, принимая во внимание характер нашего письма, очень трудно и большей частью даже невозможно установить различие *е* и *о* после мягкого согласного.

В области местоименного склонения объединение различных типов не осуществилось с такой полнотой, как это имело место в существительных, что, возможно, объясняется своеобразием и обособленностью в употреблении категории местоимений сравнительно с другими классами слов. В ряде говоров, а также в литературном языке для многих местоимений сохранились различия между склонением с основой на твердый и склонением с основой на мягкий согласный. Ср., напр., *той*, но *всей*, *тем*, но *им*. Форма тв. п. ед. ч. *им* сохранила *i* во всех русских говорах.

На протяжении истории языка теряются некоторые параллельные формы в области неличных местоимений (подобно тому, как это мы видели и в личных местоимениях).

Так, в древности наряду с местоимением *къто* существовало местоимение *кыи* (фонетически *kўjь*), имевшее косвенные падежи от основы *koj* — род. п. *коѥго*, дат. п. *коѥму* и т. д.— и изменявшееся по родам (им. п. ед. ч. женск. р. *каꙗ*, средн. р. *коѥ*). Остатком формы им. п. ед. ч. мужск. р. в современном языке является *кой*, в таких выражениях, как «кой чорт!». Остатком же формы им. и вин. п. ед. ч. среднего рода является *кое* в составе таких местоименных сочетаний, в целом выражающих неопределенность, как *кое-что*, *кое-как*, *кое-какой*, *кое-где*, *кое-куда*. Косвенные падежи этого местоимения на протяжении истории языка перестают отличаться от косвенных падежей местоимения *къто*. Это объясняется близостью формы и близостью значения этих местоимений. Оба они в древности могли выступать и как вопросительное и как относительное местоимение. Именно благодаря тому, что местоимение *кыи* могло иметь и относительное значение, различные падежи его в форме *коего*, *коему* и т. д. могли еще употребляться как архаизм в значении местоимения *который* в литературном языке XIX века (а с ироническим оттенком могут быть употреблены и теперь).

Уже в древнейших памятниках, например, в Остромировом евангелии, наряду с указательными местоимениями *сь* и *тъ* являются в том же значении формы *сии*, *тыи* или *тъи*. Эти формы образованы посредством присоединения к местоимению *сь*, *тъ* указательного местоимения *и* (*jь*). В результате такого присоединения рассматриваемые местоимения фонетически получали форму *tŷjь*, *sĭjь*. Указательное местоимение *jь*, присоединяясь к другим местоимениям, играло, повидимому, такую же роль, как в соединении с прилагательными, а именно выполняло функции определенного члена (см. ниже, стр. 148—149). Иными словами, формы типа *сьи*, *тъи* выражали первоначально, повидимому, большую определенность сравнительно с *сь*, *тъ*. Эта большая определенность на протяжении истории языка могла оформляться иначе, а именно присоединением к данному местоимению того же самого указательного местоимения, т. е. по существу удвоенной формой местоимения: *сьсь*, *тътъ*. Эти формы в таком именно виде в памятниках не отмечены, но в живом языке, вероятно, существовали. В памятниках отмечены лишь позднейшие формы, отражающие изменение ъ>*о*, ь>*е* в сильном положении, например: *сесь* (Еванг. 1307 г., Ипат. летоп. и др.), *томъ* (Смоленск. грам. 1229 г., Новг. грам. 1270 г, Новг. летоп., Ипат. летоп. и др.).

На протяжении истории языка старые краткие формы местоимений совсем вышли из употребления, а сохранились лишь формы, образованные посредством присоединения второго указательного местоимения.

Форма *сей*, фонетически развившаяся из *sĭjь*, в современном языке является архаизмом, иногда употребляемым иронически (ср., например, «Кто *сей*?» в речи Павла Петровича, Тургенев, Отцы и дети). В живой речи она употребляется лишь в таких ставших наречными выражениях, как *сейчас* (произносится с редукцией — *сича́с* или даже *ш̄'ас*), *сию минуту*. Это объясняется тем, что данное местоимение в дальнейшем вытесняется из живой речи вновь развившимся в том же значении местоимением *этот*, образованием своим указывающим на связь с местоимением *тот*. (появление местоимения *этот* также представляет собой проявление тенденции к сближению различных типов.)

Впрочем, проникновение в язык местоимения *этот* относится к весьма позднему времени. Явные случаи употребления такой формы местоимения, в написании *ѣтотъ*, как указывает П. Я. Черных, падают лишь на вторую половину XVII века (ср. *ѣтой* воли ... лутше, *ети* росписи, на *етихъ* указехъ — письмо князей Хованских второй половины XVII века). Исторически форма *этот* является результатом слияния местоимения *тот* с указательной частицей *(h)е*. Эта частица могла первоначально употребляться не непосредственно в соседстве с формой местоимения, а быть отделена от нее другими словами, в первую очередь предлогами, на что имеются указания памятников того же

XVII, а частью и XVIII века, т. е. могли быть формы типа *э в том, э к тому, э с тем* и т. д. Следом такого употребления является распространенная по говорам форма типа *эвтот*. Ср., например: так в *евтом* дѣлѣ и поступаю (Письмо Л. Нарышкина Петру I).

Местоимение *тōй*, фонетически развившееся из *tŷjь*, сохранилось кое-где по говорам, а также в украинском языке.

В большинстве русских говоров, а также в литературном языке выступает местоимение *тот*, фонетически развившееся из *тътъ*.

Можно думать, что в языке сохранились эти сложные формы местоимений, а более краткие, простые формы утратились потому, что сложные формы отчетливее отличали выражаемую ими форму от других форм. Старые простые формы им. п. ед. ч. мужск. р. *тъ, сь* давали фонетически *то, се* (ъ, ь здесь были в сильном положении, так как находились под ударением в единственном слоге слова), а эти формы омонимически совпадали с им. и вин. п. ед. ч. среднего рода тех же местоимений. Впрочем, некоторое время такие формы мужского рода употреблялись, например: тако и *се*: аще не оубьемъ его, то все ны погубить (Лавр. летоп.)— «Так и этот: если не убьем его, то все нам погубит»; Воевода же бѣ свѣнелдъ, *тоже* ѿць Мистишинъ (там же) — Воевода же был Свенельд, он же (буквально: тот же) отец Мстишин».

Об изменениях в области неличных местоимений, общих с прилагательными, см. ниже, стр. 150 и сл., 164 и сл.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

§ 42. В древнерусском языке, как и в современном, существовали два типа прилагательных — *краткие* и *полные*. Краткие прилагательные для древнерусского языка принято называть *именными* или *нечленными*, полные — *местоименными* или *членными* (разъяснение этих терминов см. ниже, стр. 146 и сл.). Ср., например, *добръ* (именное прилагательное) — *добрыи* (местоименное прилагательное).

Прилагательные в древности могли быть как непроизводные, т. е. корневые, не имеющие суффикса (например, *новъ*), так и производные, характеризующиеся каким-либо словообразовательным суффиксом (например, *крас-ьн-ъ*). Суффиксы, характеризующие производные прилагательные, частью тождественны суффиксам, наблюдающимся у существительных. Так, например, суффикс *-r-* характерен и для существительных и для прилагательных. Ср. *пиръ* (производное от *пи-ти*) — *добръ* (с точки зрения современного языка *-r-* относится к корню, в древности же это был суффикс, ср. существительные того же корня *доба* «польза»). Некоторые же суффиксы характеризуют специально прилагательное, например, *-ьn-*, *-ьsk-* (ср., *красьнъ*, *небесьнъ* — производное от *небо*, *дѣтьскъ* — производное от *дѣтѧ*, слово *дѣтьскъ* употреблялось и как субстантивированное прилагательное в значении «*ребенок*», *русьскъ* «русский», производное от *русь*).

Некоторые суффиксы, характерные в древности как для русского, так и для других славянских языков, характерны и для современного языка. Ср., например, *-ьn-* (современное *-н-*), *-ък-* (современное *-к-*), *-падъкъ* (совр. *падкий*), *-ьsk-* (современное *-ск-*) и т. д. Некоторые же способы образования прилагательных, весьма продуктивные в древности, в современном языке не употребляются. Так, в древности широко было распространено обра-

зование притяжательных прилагательных посредством суффикса -*j*- (точнее -*jo*-, только следует заметить, что *o* в конечном закрытом слоге изменялось в *u*, дававшее затем ъ, который в положении после *j* изменялся в ь). Но поскольку прилагательное посредством этого суффикса образовывалось от основы существительных без конечного гласного, согласные же в сочетании с *j* подвергались еще в общеславянском языке-основе различным фонетическим изменениям, суффикс -*j*- в явном виде в эпоху, засвидетельствованную письменными памятниками, уже не выступает. Так, например, притяжательное прилагательное от имени *Володимиръ* имеет форму *володимирь* (*r'*<*rj*), от *иванъ* — *ивань* (*n'*<*nj*), от *Вьсеволодъ* — *вьсеволожь* (*ž'*<*dj*), от *ꙗрославъ* — *ꙗрославль* (*vl'*<*vj*) и т. д. Ср., например, Мьстиславъ *володимирь с҃нъ* (Мстисл. грам. около 1130 г.) — «Мстислав владимиров сын»; соудъ *ꙗраславль* володимирица (Русская Правда) — «суд Ярослава (буквальное: Ярославов) Владимировича». Вследствие изменения древних фонетических норм (что имело место во всяком случае ранее падения редуцированных) и утраты связи результата указанных выше фонетических изменений с фонетическим положением, в эпоху древнейших памятников мы имеем следующее: образование притяжательных прилагательных осуществляется уже не посредством суффикса, а посредством чередования согласных в конце основы существительного, от которого притяжательное прилагательное образовано.

Рассматриваемое средство образования притяжательных прилагательных в современном языке сохранилось лишь в виде незначительных остатков, и то больше в говорах. Так, в некоторых говорах, именно северных, отмечено словосочетание *Ива́н'ден'* в значение «Иванов день» (название религиозного христианского праздника), произносящееся как единое слово с одним ударением (существительное *день* самостоятельного ударения не несет). Название города *Ярославль* по происхождению является притяжательным прилагательным («Ярославов», т. е. город князя Ярослава). Название города *Владимир* в древности произносилось с мягким *р'* (*Володимир'*) и представляло собой притяжательное прилагательное от имени *Владимир* («Владимиров», т. е. город князя Владимира). Такое произношение сохранилось до настоящего времени в некоторых владимирских говорах. Ср., например, в *Володимирь, из Володимиря.* При образовании фамилии (в старину отчества) *Яковлев* (равно как и производного от нее отчества *Яковлевич*) использован суффикс притяжательного прилагательного -*ев*- (из -*ов*- после мягкого согласного), но этот суффикс исторически наслаивается на старую форму *ꙗковль*, представляющую собой притяжательное прилагательное, образованное от существительного *Иаковъ* посредством суффикса -*j*-.

Получившие широкое распространение в настоящее время суффиксы притяжательных прилагательных -*ов*- (после мягких согласных -*ев*-), -*ин*- употреблялись и в древности, но несколько

уже и иначе, чем теперь. Суффикс *-ōв-* употреблялся при образовании прилагательного от существительных с основой на *-о-* и на *-u-* (*-ъ*), впрочем, при образовании от основы на *-о-* употреблялся и суффикс *-j-*; суффикс же *-ин-* употреблялся, как и теперь, при образовании от существительных с основой на *-а*, например, *Ользинъ* или *Ольжинъ* от *Ольга*, но также и от существительных с основой на *-i-*, например, *звѣринъ* от *звѣрь*. Ср. в «Слове о полку Игореве» «Свистъ *звѣринъ* вста». Суффикс *-ов-* (*-ōv-*) по происхождению, повидимому, представляет собой конец основы на *-u*, где сочетание *-ov-*представляет одну из возможных ступеней чередования.

Склонение прилагательных

§ 43. Прилагательные в древнерусском языке изменялись по родам, числам и падежам, согласуясь с теми существительными, к которым они относились. В отличие от современного языка, склонялись в древности не только местоименные (т. е. полные), но и именные (т. е. краткие) прилагательные. Склонение кратких прилагательных обусловлено тем, что они в древности могли функционировать не только в качестве сказуемого, как теперь, но и в качестве определения. Полные (местоименные) прилагательные в древнейших памятниках функционируют только как определения и никогда как сказуемые. Именные прилагательные склонялись по типу существительных с основой на *-ō-* (в мужском и среднем роде) и на *-а* (в женском роде), как по твердой, так и по мягкой разновидности, поэтому их склонение особых замечаний не требует. Возможно, что некогда могли быть прилагательные других основ (помимо основ на *-о* и на *-а*). Так, повидимому, остаток прилагательных, относившихся к основам на *-u-*, представляют собой притяжательные прилагательные с суффиксом *-ōv-*. Но в эпоху, засвидетельствованную письменными памятниками, и эти прилагательные склоняются уже по образцу основ на *-ō-* и на *-а*.

Местоименные прилагательные также могли быть как твердой, так и мягкой разновидности в зависимости от качества конечного согласного основы. Склонялись они следующим образом:

А) Твердая разновидность

Единственное число

	Мужск. р.	Женск. р.	Средн. р.
И.	добрыи	добраꙗ	доброѥ
Р.	доброго	добрыѣ, доброѣ	доброго
Д.	доброму	доброи	доброму
В.	добрыи	добрую	доброѥ
Т.	добры(и)мь	доброю	добры(и)мь
М.	добромь	доброи	добромь

Особой звательной формы у местоименных прилагательных не было.

Множественное число

	Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
И.	добрии	добрыѣ	добраꙗ
Р.		добрыихъ	
Д.		добрыимъ	
В.	добрыѣ	добрыѣ	добраꙗ
Т.		добрыими	
М.		добрыихъ	

Двойственное число

	Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
И.В.	добраꙗ	добрѣи	добрѣи
Р.М.		добрую	
Д.Т.		добрыима	

Б) Мягкая разновидность

Единственное число

	Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
И.	синии	синꙗꙗ	синѥѥ
Р.	синѥго	синѣѣ	синѥго
Д.	синѥму	синѥи	синѥму
В.	синии	синюю	синѥѥ
Т.	сини (и) мь	синѥю	сини(и)мь
М.	синѥмь	синѥ[illegible]и	синѥмь

Множественное число

	Муж. р.	Жен. р.	Средн. р.
И.	синии	синѣѣ	синꙗꙗ
Р.		синиихъ	
Д.		синиимъ	
В.	синѣѣ	синѣѣ	синꙗꙗ
Т.		синиими	
М.		синиихъ	

Двойственное число

И. В.	синꙗꙗ	синии	синии
Р. М.		синюю	
Д. Т.		синиима	

Склонение местоименных прилагательных в древнерусском языке несколько отличается от склонения их в старославянском языке. В мужском роде в единственном числе мы находим в древнерусском языке окончания *-ого* (*-'его*), *-ому* (*-'ему*), *-омь* (*-'емь*) в соответствии со старославянскими *-аѥго*, *-ааго*, *-аго*, *-уѥму*, *-ууму*, *-уму*; *-ѣѥмь*, *-ѣмь*; в женском роде *-оѣ* (*-ѣѣ*), *-ои* в соответствии со старославянскими *-ыꙗ*, *-ѣи*; во мн. ч. в им. и вин. п. жен. р. *-ыѣ* в соответствии со старославянским *-ыꙗ* (объяснения этих различий см. ниже).

Происхождение местоименных форм

§ 44. С точки зрения их исторического развития местоименные формы прилагательных являются более поздними, чем именные. Именные формы восходят еще к общеиндоевропейскому языку-основе, в котором существительные и прилагательные склонялись одинаково. Такие отношения сохранились и в историческое время в части древних индоевропейских языков, например, в латинском, в греческом, в санскрите. Местоименные прилагательные развились на почве общеславянского языка-основы. Подобные формы имеются также в близких к славянским балтийских языках (например, в литовском), вследствие чего некоторые лингвисты относят возникновение местоименных прилагательных к славяно-балтийской эпохе. Но возможно, что местоименные прилагательные в славянских и балтийских языках развились, хотя и в силу наличия некоторых общих предпосылок, независимо друг от друга. К тому же и гипотеза наличия некогда единого общеславяно-балтийского языка-основы до сих пор еще вполне убедительно не обоснована.

Местоименные прилагательные образовались на основе сочетания именных форм, тождественных формам существительных, с соответствующими падежными формами указательного местоимения *и* (*jь*), ꙗ, ѥ. Так, например, *добръ*+*и* (*jь*) дало *добрыи* (конечное ъ в положении перед *j* фонетически дало редуцированное *ў*), *добра*+ꙗ дало *добраꙗ*, *добро*+ѥ дало *доброѥ* и т. д. Приведенные выше формы являются результатом частью фонетических изменений, частью же и аналогических преобразований. При этом древнерусский язык в большей степени, чем старославянский, отражает аналогические преобразования, имевшие место еще до древнейших дошедших до нас памятников. Этим и объясняются приведенные выше отличия древнерусских форм от старославянских. В древнерусском языке формы местоименных прилагательных подверглись сильному воздействию со стороны указательных местоимений, в чем отражается неоднократно уже упоминавшаяся общая тенденция к объединению различных типов словоизменения.

Так, например, старославянская форма род. п. ед. ч. муж. и средн. рода типа добраѥго, встречающаяся в некоторых старославянских памятниках, представляет собой исходную точку развития (род. п. ед. ч. именного прилагательного *добра*+род. п. ед. ч. местоимения ѥго). Отсюда чисто фонетическим путем развиваются формы добраа го и затем добраго, также представленные в памятниках (утрата интервокального *j*, ассимиляция *е* предшествующему *а* и затем стяжение гласных). Древнерусская форма типа *доброго* не может являться результатом фонетического развития (*о* не могло фонетически развиться из *aje*), она возникла под воздействием местоименных форм типа *того*. Также дат. п. ед. ч. *доброму* возник под воздействием форм типа *тому*, местн. п. ед. ч. *добромь* под воздействием форм типа *томь*, род. п. ед. ч. жен. р. *доброѣ* под воздействием *тоѣ* и т. д. Наличие конечного -*ѣ* в соответствии со старославянским -*ę* объясняется так же, как и в соответствующих формах существительных и местоимений.

Повидимому, это воздействие указательных местоимений осуществлялось не во всех падежах одновременно. Так, в дат п. ед. ч. муж. и средн. р. уже в памятниках XI века довольно часто встречается окончание -*омоу*, в родительном же падеже постоянно -*аго*,-*ааго*. В Остромировом евангелии наблюдается обычно -*ааго*, например, *живааго*, реже -*аго*, например, *вѣчьнаго*. В Архангельском евангелии 1092 г. господствуют формы с окончанием -*ааго*, -*аго*, один раз встречается -*аѥго*, форм же на -*ого* совсем нет. Совсем нет форм на -*ого* и в Успенском сборнике XII века, в том числе и во входящих в этот сборник оригинальных, не списанных со старославянского оригинала, житии Феодосия Печерского и Сказании о Борисе и Глебе. В Святославовом изборнике 1073 г. обычны окончания -*ааго*, -*аго* и лишь один раз встречается *златооустого*, кроме того, также *чоуждего*, *штѧждего*, *тоуждего*, но эти последние формы не показательны, так как старославянское прилагательное штоуждь, тоуждь (соответствующее др.-русск. *чюжь*) склонялось по местоименному склонению. Единичный пример на -*ого* является, возможно, заимствованным из старославянского оригинала, так как иногда оканчание -*ого*, развившееся под воздействием местоимений, встречается и в старославянских памятниках.

Формы на -*ого* получают распространение в памятниках, лишь начиная с XII века. Ср., например, *великого* кнѧ (Надпись на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича до 1151 г.), от Нифонта архиепископа *Новгородьского* повелѣниѥмь епископа *Ростовъского* Нестора (Надпись на антиминсе Новгородской Церкви Николы на Дворище около 1149 г.).

Но и в более поздних церковных памятниках формы род. п. ед. ч. муж. и средн. рода чаще имеют окончание -*аго*, в то время как дат. п. ед. ч.-*ому*. Таковы, например, формы, отражающиеся в Пандектах Никона Черногорца 1296 г.

В древнейших памятниках под воздействием старославянского языка встречаются и формы дат. п. ед. ч. муж. и средн. р., оканчивающиеся на *-оубумоу*, *-оумоу*, например, сътѫжавъшоумоу еулие се (Остром. евангелие, запись). Под влиянием же нестянутых старославянских форм возможны и искусственно образованные нестянутые формы с окончанием *-ому*, например, къ *божьственоому* (Праздничная Минея XI—XII вв.); ср. подобную форму в записи Мстиславова евангелия 1117 г. В дальнейшем в дат. п. формы, проникшие под воздействием старославянского языка, изживаются.

На основании приведенного выше материала некоторые лингвисты считают, что окончание *-аго* было свойственно не только старославянскому, но и древнерусскому языку эпохи древнейших памятников и лишь затем воздействие местоимений, раньше проникшее в другие падежи, распространяется и на родительный падеж.

Пока трудно сказать что-либо окончательно, поскольку от эпохи раньше XII века очень мало известно оригинальных памятников, не списанных со старославянских рукописей, а те, которые имеются, очень ограниченного объема и не содержат интересующей нас формы.

Местоименные прилагательные, как уже было сказано, принято называть также членными, поскольку указательное местоимение, в результате присоединения которого они образовывались, первоначально играло роль члена, т. е. выполняло приблизительно такую же функцию, какую выполняет член или артикль, и именно определенный, в современных западноевропейских языках, например, в немецком, французском, английском. Определенный артикль западноевропейских языков (например, немецкое *der*, *die*, *das*, французское *le*, *la*) генетически также восходит к указательным местоимениям. Из древних индоевропейских языков член, и именно определенный, представлен в греческом языке.

Различие по значению между именными и местоименными формами во всех славянских языках, и в русском в том числе, первоначально состояло в том, что местоименные формы имели определенное значение, т. е. выражали нечто уже известное, именные же формы имели неопределенное значение, т. е. выражали нечто неупоминавшееся ранее, неизвестное, новое.

Особенностью славянских языков является то, что член ставится не перед тем самостоятельным словом, к которому он непосредственно относится, а после него.

Несколько спорным является, к чему относится определенность или неопределенность, выражаемая различием членной или нечленной формы прилагательного,— к признаку, обозначаемому прилагательным, или к предмету, обозначаемому существительным, определением при котором является соответствующее прилагательное (на последней точке зрения стоит проф.

Л. П. Якубинский), так как спорным является, что именно выражает сочетание типа *новыи домъ*, идет ли здесь речь о том, что уже известен, уже упоминался признак «новый» или же уже известен, уже упоминался предмет «дом».

Сравнительная степень

§ 45. Прилагательные качественные, подобно современному языку, характеризовались наличием форм сравнительной степени. В отличие от современного языка, прилагательные в сравнительной степени, как и в старославянском языке, изменялись по родам, числам и падежам.

Сравнительная степень еще в общеславянском языке-основе характеризовалась суффиксом *-jьs-/ -jes-*, которому в большинстве прилагательных предшествовал элемент *-ě-* (по происхождению также суффиксальный). Эти суффиксы, с соответствующими фонетическими изменениями, отражаются и в языке наших древнейших памятников. Ср. *худъ* — им.-вин. п. ед. ч. средн. р. *хуже* < * *xudjes* (суффикс в форме *-jes-*, а не *-jьs-* являлся лишь в им.-вин. п. ед. ч. средн. р.), *добръ* — им.-вин. п. ед. ч. муж. р. *добрѣи* < * *dobrějьs*, им.-вин. п. ед. ч. средн. р. добрѣѥ < * *dobrějes*.

Суффикс сравнительной степени еще на общеславянской почве распространялся элементом *j*, вследствие чего в конце основы во всех формах, кроме им. и вин. п. ед. ч. муж. и средн. р., является *š* (< *sj*), например, им. п. ед. ч. жен. р. *добрѣиши*, род. п. ед. ч. муж. и средн. р. *добрѣиша* и т. д. Склонялась сравнительная степень по образцу мягкой разновидности склонения с основой на *-о* (в муж. и средн. р.) и на *-а* (в жен. р.), причем им. п. ед. ч. жен. р. оканчивался на *-i* (разновидность склонения на *-ja*, ср. *поустыни*). Ср., например: им. п. ед. ч. муж. р. *добрѣи*, жен. р. *добрѣиши*, средн. р. *добрѣѥ*, род. п. ед. ч. муж. и средн. р. *добрѣиша*, жен. р. *добрѣишѣ* (ст.-слав. добрѣишѧ), дат. п. ед. ч. муж. и средн. р. *добрѣишю*, жен. р. *добрѣиши* и т. д.

Сравнительная степень также могла выступать и в местоименной (членной) форме, которая образовывалась точно таким же способом, как у прилагательных положительной степени.

Специальной формы превосходной степени в древнерусском языке, повидимому, не было. В старославянском языке, как известно, в качестве превосходной степени использовалась форма сравнительной степени с приставкой *наи-* (например, наидобрѣи). Но у нас нет оснований считать, что эта приставка, вообще являвшаяся, повидимому, еще в общеславянском языке-основе, сохранилась в восточнославянской области. У нас, правда, и в настоящее время сохраняются некоторые формы, характеризующиеся этой приставкой (ср. *наилучший*, *наибольший*, *наи-*

меньший, ср. также как иронически употребляемый архаизм *наилюбезнейший*). Но эти формы частью представляют собой по происхождению церковнославянизмы, частью же могли быть вызваны воздействием польского языка, в определенный период нашей истории (главным образом в XVII веке) сказывавшимся на русском литературном языке (в польском языке приставка *naj-* получила широкое распространение) — ср. польск. *najlepszy* «наилучший». Воздействие это шло частью через Украину (в особенности после ее воссоединения с Россией), частью непосредственно, поскольку сношения с Польшей, несмотря на частые военные столкновения, в XVII веке были весьма интенсивными.

Склонение причастий

§ 46. Подобно прилагательным изменялись в древности по родам, числам, падежам также краткие (именные) формы причастий, действительных и страдательных, настоящего и прошедшего времени. Не склонялось лишь употреблявшееся в составе аналитических глагольных форм действительное причастие прошедшего времени на *-l-*.

При этом действительные причастия настоящего и прошедшего времени склонялись по образцу мягкой разновидности основ на *-o-* (для мужского и среднего), на *-a* (для женского рода), а страдательные причастия по образцу твердой разновидности тех же основ.

От именных форм причастий могли образовываться местоименные формы таким же способом, как и у прилагательных.

Утрата родовых различий во множественном числе местоимений и прилагательных

§ 47. Изменения, которые происходят на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, в области прилагательных и причастий, частью являются общими с теми изменениями, которые имели место в области неличных местоимений, вследствие чего их удобно рассматривать параллельно, частью же представляют некоторое своеобразие сравнительно с изменениями в области местоимений. Изменения эти в основном сводятся к следующему: 1) утрата различий по родам, имеющая место во множественном числе, у местоимений и прилагательных; 2) утрата склонения, т. е. изменения по падежам, некоторыми ранее склонявшимися категориями, а именно именными прилагательными и причастиями и сравнительной степенью; именные прилагательные, теряя изменение по падежам, сохраняют изменения по родам и числам, причастия же и сравнительная степень теряют также изменения по родам и числам;

3) в местоименных прилагательных подвергаются некоторым изменениям, общим с неличными местоимениями, падежные формы.

Неличные местоимения в древности во множественном числе имели различные формы для разных родов (впрочем, лишь для им. и вин. п.). Ср., например, указательное местоимение *тъ* — им. п. мн. ч. муж. р. *ти*, жен. р. *ты*, средн. р. *та*, вин. п. муж. и жен. р. *ты*, средн. р. *та*. На протяжении истории языка устанавливается единая форма для всех трех родов — *тѣ*. Форма эта не соответствует ни одной из древних форм им. и вин. п. Возникла она, с одной стороны, под воздействием основы косвенных падежей множественного числа этого местоимения (ср. *тѣхъ*, *тѣмъ* и т. д.), в таком случае здесь отражается общий и для других категорий процесс установления единой основы, общей для всех падежей, а возможно, что на возникновение формы *тѣ* оказала воздействие и форма им. п. мн. ч. жен. р. типа *вьсѣ*, т. е. местоимения, основа которого оканчивается на мягкий согласный, в таком случае здесь отразилась общая тенденция к объединению различных типов склонений.

В некоторых случаях имеет место сохранение в им. и вин. п. мн. ч. одной из наличных в древности форм. Так, например, старая форма *вьсѣ*, первоначально употреблявшаяся лишь для обозначения им. и вин. п. жен. р., вин. п. муж р., начинает употребляться для выражения всех трех родов в им. и вин. п. Точно также для всех трех родов (но лишь в им. п.) начинает употребляться форма *они*, первоначально употреблявшаяся лишь для мужского рода (ср. жен. р. *оны*, средн. р. *она*).

Новые формы местоимений, общие для всех трех родов, иногда встречаются уже в памятниках XIII века, но более частыми становятся, начиная с XIV века. Ср., например, *тѣ села* (Духовн. грам. Дмитрия Донского до 1378 г.). Впрочем, наряду с этим в этой же грамоте и старая форма — *котораꙗ... села*.

По говорам сохраняются и иные формы местоимений, чем в литературном языке (особенно в северных говорах). Ср., например, *ты* (в значении *тѣ*), *о̂ны*, *о̂нѣ* (в значении *они*), впрочем, также без различия по родам. Формы *ты*, *о̂ны* представляют собой старые формы им. и вин. п. жен. р., вин. п. муж. р., форма *онѣ* возникла под влиянием склонения местоимений с мягким согласным в конце основы.

Подобный процесс утраты родовых различий во множественном числе и приблизительно в ту же эпоху (XIII—XIV вв.) имеет место и у прилагательных как именных, так и местоименных. Так, вместо старых форм типа *добри* (муж. р.), *добры* (жен. р.), *добра* (ср. р.) устанавливается единая форма *добры* (старая форма женского рода), вместо старых форм типа *добрии* (муж. р.) *добрыѣ* (жен. р., ст.-слав. форма добрꙑꙗ), *добраꙗ* (средн. р.) устанавливается единая форма *добрыѣ* (старая форма жен. р., впрочем, в винительном падеже служившая и для муж., и для

жен. р.). Эта форма вследствие изменения $\dot{e} > e$ дает наше современное *добрые*. Впрочем, для некоторых именных прилагательных по говорам сохранились старые формы не женского, а мужского родов. Ср. *ра́ди*, *сы́ти*, *бога́ти* (литературное *рады*, *сыты*, *богаты*).

Старая русская орфография, вплоть до реформы 1917 г., искусственно разграничивала во множественном числе формы мужского рода, с одной стороны (писалось, например, *добрые*), и женского и среднего — с другой (писалось *добрыя*). Эти различия никогда не были свойственны живому языку. Форма *добрые* (из более древнего *добрыѣ*) действительно была свойственна живому языку, но до устранения различий во множественном числе это была форма женского, а не мужского рода. Форма же *добрыя* отражает действительно форму женского рода (но только не среднего), но не русскую, а церковнославянскую (восходит к старославянскому добрыѩ). Лишь реформа 1917 г. устранила эту несообразность, и мы стали писать для всех родов *добрые*.

Объединение различных родов во множественном числе местоимений и прилагательных отражает ту же общую тенденцию объединения различных типов склонений, с которой мы уже сталкивались при рассмотрении существительных и которая и там в особенности далеко заходит во множественном числе (см. выше).

Утрата склонения именными прилагательными

§ 48. В древнерусском языке, как уже было сказано, именные прилагательные могли употребляться не только в качестве сказуемого, но и в качестве определения, причем, согласуясь со своим определяемым, изменялись по падежам (совершенно очевидно, что прилагательные, функционировавшие как сказуемое, стояли в именительном падеже, согласуясь с именительным падежом подлежащего). Ср., например: на оутѣшение *мъногамъ* дш҃амъ *кр҃стиꙗньскамъ* (Остром. евангелие, запись), се налѣзохомъ дань *но̃оу* (Лавр. летоп.; в Акад. летоп. *нову*), далъ ѥсмь блюдо *сёребрьно* (Мстислав. грам. около 1130 г.).

Но уже в памятниках XII—XIII вв. косвенные падежи именных прилагательных употребляются редко, что свидетельствует о начавшемся процессе утраты их в живом языке. В древнейшей из найденных пока новгородской берестяной грамоте, предположительно относимой к XI веку, дважды употребляется местоименная форма вин. п. ед. ч. жен. р. прилагательного и ни разу именная: водѧ *новоую* женоу; а *ино̃ую* поꙗлъ. Впрочем, вследствие недостаточности примеров здесь трудно делать какие-нибудь выводы.

В силу книжной традиции, особенно в памятниках, дальше отстоящих от живой речи, косвенные падежи именных прилагательных продолжают употребляться и в дальнейшем,

но этот факт не свидетельствует о наличии таких форм в живом языке.

Утрата косвенных падежей именных прилагательных имеет под собой определенную синтаксическую основу. Она связана с тем, что за определением все больше закрепляются местоименные формы прилагательных, именные же формы сохраняются лишь в сказуемом. А такое различие в синтаксическом употреблении форм прилагательных опирается на различие в значении прилагательных, употребленных в качестве определения, и прилагательных, употребленных в качестве сказуемого. Отличие предикативных отношений, т. е. в первую очередь отношений, связывающих в предложении сказуемое и подлежащее, от отношений атрибутивных, связывающих определение и определяемое, состоит в том, что предикативные отношения выражают нечто устанавливаемое в момент речи, а отношения атрибутивные — нечто уже данное. Прилагательное и в современном языке может функционировать и как определение, и как сказуемое. Но в чем основное различие в сочетании одного и того существительного с одним и тем же прилагательным в таких предложениях, как, например, «В комнате находится *черный стол*» и «Этот *стол черный*?» В первом случае прилагательное выражает признак как уже данный, уже существующий у предмета. Во втором случае, хотя бы этот признак в действительности давно уже принадлежал предмету, в речи он отделяется от предмета, противопоставляется ему и приписывается ему в момент произнесения соответствующего предложения.

И именно поэтому прилагательное местоименное, обозначающее нечто уже известное, на протяжении истории языка все больше тяготеет к определению, а прилагательное именное, которое со времени вхождения в язык местоименных прилагательных обозначает нечто новое, еще не упоминавшееся, закрепляется исключительно за сказуемым. Поскольку же сказуемое согласуется с подлежащим, выраженным именительным падежом, именное прилагательное, закрепившись за сказуемым, совершенно очевидно должно утратить формы косвенных падежей.

Употребление местоименных прилагательных, закрепившееся за определением, не ограничивается этим и распространяется постепенно и на сказуемое. Это объясняется, возможно, тем, что, поскольку в определении утрачиваются формальные средства разграничения определенного и неопределенного, уже упоминавшегося и вновь названного (а ведь эти различия иногда выступают и в определении), и поскольку в то же время прилагательное как определение выступает, несомненно, чаще, чем сказуемое, вообще теряется старое разграничение именного и местоименного прилагательного, и более часто употребляющееся местоименное прилагательное вытесняет частично именное прилагательное и из области сказуемого. При этом и прилагательное,

употребляющееся как сказуемое, выражает различные оттенки значения, некоторые из которых отчасти близки к тем, которые передаются прилагательным-определением. В этом отношении различается значение прилагательных качественных и относительных. Качественные прилагательные в большей степени передают такой признак, который может выступать как признак непостоянный, временный (этот признак может также выступать в большей или меньшей степени, вследствие чего качественные прилагательные имеют степени сравнения). Относительные прилагательные передают признак постоянный. Так, например, относительное прилагательное *железный* обозначает, что некоторый предмет сделан из железа. Но признак постоянный, данный, издавна присущий предмету, передают прилагательные местоименные. Они и захватывают область сказуемого, если оно выражено относительным прилагательным. В современном языке относительные прилагательные вообще не имеют кратких форм, относительное прилагательное, функционирующее как сказуемое, всегда выступает в полной форме.

Проникновение местоименных прилагательных в сказуемое идет постепенно. В древнейших памятниках вообще нет случаев употребления местоименных прилагательных в качестве сказуемого. В Лаврентьевской летописи случаи такого употребления совершенно единичны, но падают они именно на относительные прилагательные; ср., например: выступи мужь володимерь и оузрѣ и печенѣзинъ и посъмѣꙗсѧ, бѣ бо *середнии* тѣломь. В современном языке в полной форме как сказуемое широко употребляются и качественные прилагательные (ср. Этот стол *черный*, Этот дом *новый* и т. п.), обычно в том случае, если речь идет о некотором постоянном признаке (в краткой форме они употребляются в том случае, если речь идет о признаке временном, преходящем). Ср. современное «Отец *болен*» (в настоящее время) и «Отец *больной*» (т. е. вообще слабый здоровьем).

В некоторых говорах полные прилагательные вообще почти вытеснили краткие и в функции сказуемого.

Особую судьбу имеют притяжательные прилагательные. Они как по значению, так и по форме отчасти смыкаются с прилагательными относительными (у них, например, также нет степеней сравнения). И тем не менее они в значительной мере и в современном языке сохранили старые именные формы. Местоименные формы развились у них лишь в тв. и местн. п. ед. ч. и во всех косвенных падежах мн. числа. Ср., например, им. п. ед. ч. *бабушкин*, род. п. *бабушкина*, дат. п. *бабушкину*, тв. п. *бабушкиным*, местн. п. (о) *бабушкином*, им. п. мн. ч. *бабушкины*, род. п. *бабушкиных*, дат. п. *бабушкиным* и т. д.

Сохранение в притяжательном прилагательном в большом количестве именных форм на первый взгляд кажется странным, если принять во внимание, что притяжательные прилагательные, обычно обозначая принадлежность определенному лицу, имеют

значение определенное, а определенность выражалась местоименной формой. Но именно в силу этой определенности разграничение форм, обозначавших определенность и неопределенность, для этой категории прилагательных не играло такой роли, вследствие чего мы и не находим здесь того параллелизма форм, который был характерен для остальных прилагательных. Вследствие же общей тенденции распространения местоименных форм они охватывают и эту область. Мы встречаем иногда в древних памятниках и местоименные формы прилагательных притяжательных, даже образованных от собственного имени, например: кнѧгыни *ꙗрославлꙗꙗ* «княгиня Ярославова», т. е. «жена Ярослава» (Лавр. летоп.), кнѧгини *всеволожꙗꙗ* «княгиня Всеволодова», т. е. «жена Всеволода» (Радзивил. летоп.).

По говорам и притяжательные прилагательные все больше распространяются в местоименной (полной) форме. Ср. такие современные диалектные формы, как *бабушкиного* (платка), *бабушкиному* (платку) и т. п. Впрочем, им. п. и в говорах сохраняется в именной форме *(бабушкин)*.

Если оставить в стороне притяжательные прилагательные, косвенные падежи именных (т. е. кратких) форм прилагательных сохранились в современном живом языке лишь в стабилизировавшихся, окаменевших сочетаниях наречного типа, например, «раскалить *докрасна, добела*», «от *мала* до *велика*», «по *добру*, по *здорову*», «на *босу* ногу». Ср. также пословицу: «Не по̀ *хорошу* мил, а *по̀ милу* хорош», с архаическим ударением на предлоге.

Употребление именных (кратких) форм в качестве определений как в именительном, так и в косвенных падежах наблюдается в фольклоре, главным образом песенном (в былинах, лирических песнях и т. п.). Ср., например: *бел-горюч-камень*, Ворота *тесовы* растворилися, он садился на *добра* коня. Ср.:

Царь Салтан, с женой простяся,
На *добра* коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.

(Пушкин)

Подобное употребление следует отличать от широко распространенного в поэзии XVIII и начала XIX века употребления т. н. усеченных прилагательных. Ср., например:

Несчетны солнца там горят...

(Ломоносов)

Взглянь, Апеллес, взглянь в небеса:
В сумрачном облаке там
Видишь, какая из лент полоса —
Огненна ткань, блещет очам.

(Державин)

Начнем *ab ovo*: мой Езерской
Происходил от тех вождей,
Чей в *древни* веки парус дерзкой
Поработил брега морей.

(Пушкин)

Под усеченными прилагательными следует понимать краткие формы, искусственно образованные от полных форм и не соответствующие древним кратким. Такие образования использовались в целях архаизации (поскольку краткие формы в качестве определений использовались в старославянском и, следовательно, церковнославянском языке).

Различие между усеченными и краткими (именными) ярко выступает в ударении. Именные и местоименные формы прилагательных в им. п. ед. ч. жен. р. во многих случаях еще в глубокой древности различались ударением: в то время как в именных формах оно падало на окончание, в соответствующих местоименных — на слог, предшествующий окончанию. Искусственно образованные усеченные прилагательные сохраняют место ударения местоименного прилагательного, например:

Как *мáла* искра в вечном льде...

(Ломоносов)

Ср. «Бесконечно *мáлая* величина» и «Куча *малá*».

Поля покрыла *мрáчна* ночь...

(Ломоносов)

Ср. *мрáчная* и:

Душа моя *мрачнá*...

(Лермонтов)

Утрата склонения именными формами прилагательных происходила не во всех падежах одновременно. В особенности рано теряются именные формы в тв. п. ед. ч. муж и средн. р. (в женском роде соответствующая форма еще в дописьменную эпоху преобразовалась под воздействием местоименного склонения, вследствие чего различия между именной и местоименной формой не было, ср. *женою — новою*, под воздействием *тою*, ст.-слав. тоѭ). Среди приведенных выше остатков старых именных форм в современном языке мы не находим примеров на творительный падеж. Ранняя утрата именных форм творительного падежа свидетельствуется и памятниками (хотя в древнейших они еще встречаются).

От кратких (именных) форм прилагательных следует отличать распространенные по говорам стянутые формы прилагательных им. п. ед. ч. жен. и средн. р. и мн. ч. такого типа, как *большá* (изба), *большó* (село), *больши́* (сапоги). Эти формы возникли фонетически в результате утраты интервокального *j* и последующего стяжения двух гласных в один (через промежуточ-

ную ступень в том случае, если в результате утраты рядом оказываются разные гласные, образуется ассимиляция последующего гласного предшествующему). Формы, полученные в результате стяжения, совпадают со старыми краткими (именными) формами, но если бы мы в соответствующих говорах имели дело не с вновь возникшими, а с сохранившимися издревле формами, мы, несомненно, наблюдали бы краткую форму и в мужском роде, а не только в женском и среднем (т. е. встречали бы формы типа *нов дом*), чего в действительности нет. Стяжение (и не только в прилагательных, а всюду, где для него есть фонетические условия), характерно для всего северновеликорусского наречия в целом, а также для многих переходных средневеликорусских говоров. Явление это, в основе своей фонетическое, может по говорам морфологизоваться, т. е. закрепляться за определенными морфологическими категориями. Такое закрепление в некоторых говорах (именно в некоторых переходных говорах) наблюдается и в прилагательных (при отсутствии в других морфологических категориях).

История форм сравнительной степени

§ 49. Очень рано теряет изменение, и не только по падежам, но и по родам и числам, сравнительная степень. Колебания в формах, свидетельствующие об этом, обнаруживаются уже в памятниках XII века. Ср., например, «не ѥси *богатѣѥ* Давыда» (Златоструй XII в.) — средний род употреблен вместо мужского, который здесь должен был быть по древним нормам, поскольку речь идет о мужчине. Ср. также (из более поздних памятников): «будеть боле или *меньши*» (Духовная грам. Дмитрия Донского до 1378 г.) — женский род употреблен вместо среднего.

В результате у нас устанавливается несклоняемая и вообще неизменяемая форма сравнительной степени. По форме своей наша сравнительная степень чаще всего восходит к древней форме им. п. ед. ч. средн. р. Ср., например: *сильнée, смелée, добрée*<*сильнѣѥ, смѣлѣѥ, добрѣѥ*. Современные параллельные формы без конечного *-е*, т. е. *сильнéй, смелéй, добрéй*, развились фонетически из приведенных форм — здесь имела место факультативная редукция до нуля конечного безударного гласного.

К той же форме им. п. ед. ч. сред. р. восходят и такие современные формы сравнительной степени, как *хýже, стрóже* > **xudje*, **strogje* (форма *хуже*, являющаяся в настоящее время сравнительной степенью к прилагательному *плохой*, в древности являлась сравнительной степенью к прилагательному *худъ*, также в значении «плохой»).

В немногих случаях современная форма сравнительной степени восходит к старой форме им. п. мн. ч. муж. р. Это относится к таким «неправильно» (с точки зрения современного языка) образуемым формам, как *бóльше, мéньше, лýчше*.

Помимо сравнительной степени, в современном языке развилась превосходная степень, содержащая старый суффикс сравнительной степени *-ейш-*(<-ějьš-), после шипящих *-айш-*, и окончания обычных полных (т. е. местоименных) прилагательных, например, *сильнéйший, строжáйший*. На связь этих форм со старой сравнительной степенью указывают некоторые случаи архаического употребления ее, наблюдающиеся еще в литературном языке XVIII и начала XIX века, например: «Москва осажденная не знала о сих важных происшествиях, но знала о других, еще *важнейших*» (Карамзин, История государства Российского) — форма употреблена в значении сравнительной, а не превосходной степени.

Указанная выше форма превосходной степени в современном языке употребляется весьма ограниченно. Чаще употребляется в том же значении сочетание прилагательного с местоимением *самый*, например, *самый сильный* (чаще, чем *сильнейший*).

По говорам наблюдаются различные изменения формы сравнительной степени, обусловленные воздействием родственных форм. Так, под влиянием форм, оканчивающихся на -ěje, распространяются формы типа *строжáе* (вместо *стрóже*), *хужáе* (вместо старого *хýже*), с *а* согласно древним нормам, по которым после шипящего является *а* в соответствии с ě не после шипящего (в древности это отношение было фонетическим, поскольку ē не после шипящего давало ě, а после шипящего *а*, но новые формы на *-ае*, вероятно, возникали уже аналогически). В более позднее время являются также возникшие аналогически и формы с *е* (из старого ě) после шипящих, например, *хужée* (вместо старого *хуже*).

Под влиянием форм на *-ае* после шипящих распространяются формы на *-ае* и не после шипящих, причем перед этим *-ае* сохраняется мягкий согласный, бывший здесь перед *-ěje-*, например, *веселяе, сильняе* и т. д. Такие формы и в настоящее время широко распространены в северновеликорусских говорах. В старину эти формы охватывали еще более широкую территорию. Некогда они были свойственны и московскому говору. Еще в XVIII веке мы находим эти формы и в литературном языке. Ср., например, у М. В. Ломоносова:

И вверьх пари *скоряе* стрел...

Можно было бы думать, что Ломоносов употреблял эти формы как северянин. Но мы находим их не только у писателей-северян. Ср., например, такую форму, как *трудняе*, встречающуюся у Сумарокова. Но уже в XVIII веке шел процесс вытеснения этих форм из литературного языка формами, характерными и для современного языка. Это понимал и сам Ломоносов. Будучи по происхождению северянином и употребляя иногда эти формы в своих произведениях, в «Грамматике» он отдает предпочтение формам на *-ѣе* перед формами на *-яе*.

Вытеснение из литературного языка типично северных форм на *-'ае*, повидимому, связано с общей тенденцией смены северных форм южными, характерной для эпохи формирования национального языка на основе курско-орловского диалекта.

История форм причастий и возникновение деепричастий

§ 50. Развитие форм причастий во многом обнаруживает параллелизм с развитием форм прилагательных (ведь причастия, как уже было сказано, представляют собой по происхождению отглагольные прилагательные).

Причастия, как известно, различались в древнерусском языке (как и в других древних славянских языках) действительные и страдательные, настоящего и прошедшего времени. Причастия, подобно прилагательным, могли иметь как именные, так и местоименные формы.

Современные полные (т. е. местоименные) действительные причастия настоящего времени являются по происхождению церковнославянскими, т. е. в основе своей старославянскими, на что указывает их суффикс, содержащий *-щ-*, например, *идýщий*, *лежáщий*, *сидя́щий*. Церковнославянское происхождение этих форм вполне понятно, поскольку широко используются причастия прежде всего в причастном обороте, а причастные обороты характерны были в основном для книжной речи.

Старославянскому *щ* ($<^*tj$) в древнерусском языке должно было соответствовать *ч* ($\check{c}'$). Следовательно, русские по происхождению причастия должны бы были в современном языке оканчиваться на *-чий*, а не на *-щий*. Такие формы мы в действительности и находим, но они функционируют в языке не как причастия, а как прилагательные. Такие прилагательные, как *лежáчий*, *стоя́чий*, *бегýчий*, *летýчий* и т. п., являются по происхождению действительными причастиями настоящего времени. Переход таких форм в прилагательные относится к очень раннему времени. Возможно, начало этого процесса падает еще на эпоху до древнейших дошедших до нас письменных памятников, хотя употребление форм на *-ч-* (*-č-*) в качестве причастий наблюдается и в более позднее время.

Прилагательные, восходящие к причастиям, употребляются в современном языке, поскольку они являются прилагательными относительными, обычно лишь в полной (местоименной) форме. Остатком краткой (именной) формы их являются такие формы, иногда встречающиеся в фольклоре, как *бел-горюч-камень*. Иногда такие формы выступают как сказуемое, и то больше в классической поэзии. Ср., например:

Ветер, ветер, ты *могуч*...

(Пушкин)

Действительные причастия прошедшего времени русского и старославянского происхождения по форме не различаются. Ср., например, *писа́вший*, *чита́вший*.

Эти причастия в основном представляют собой результат фонетического развития древних форм. Здесь имело место лишь распространение основы, характерной для косвенных падежей и для им. п. ед. ч. жен. р., также и на им. п. ед. ч. муж. и средн. р. Ср. *писавший*, *писавшее* (древняя местоименная форма им. п. ед. ч. муж. р. была *писавьш*). Полные (именные) формы действительных причастий прошедшего времени и в современном языке функционируют как причастия.

Сильным изменениям подверглись именные (краткие) формы действительных причастий как настоящего, так и прошедшего времени. На протяжении истории языка они не только утратили склонение (подобно именным прилагательным), но и потеряли изменение по родам и числам (подобно сравнительной степени), превратившись таким образом в неизменяемую отглагольную форму и дав основу новой категории — *деепричастию*.

Склонение, т. е. изменение по падежам, действительное причастие начинает терять очень рано. Уже в древнейших дошедших до нас памятниках (XI в.) обнаруживается смешение различных падежных форм. Но роды и числа в этих памятниках еще различаются последовательно. С XIII же века начинаются колебания и в формах рода и числа. Ср., например: «*по̄моливъши* сѧ епископъ» (Ростовское житие Нифонта 1219 г.) — им. п. ед. ч. жен. р. вместо им. п. ед. ч. муж. р.; «жены кланѧютьсѧ тако *молвѧ*» (Новг. Кормчая 1282 г.) — им. п. ед. ч. муж. р. вместо им. п. мн. ч. жен. р. и т. п. Эти факты говорят о том, что уже с XIII века обнаруживается тенденция к образованию неизменяемой от глагольной формы, т. е. деепричастия, хотя по традиции склоняемые формы именных действительных причастий продолжают употребляться в письменности еще долгое время спустя.

Утрата именными действительными причастиями форм словоизменения основана, повидимому, на том, что эти причастия сначала перестают употребляться в качестве определений при различных второстепенных членах предложения, в связи с чем теряют склонение, а затем, закрепляясь в качестве предикативного члена при сказуемом, теряют непосредственную связь с подлежащим и перестают согласовываться и с ним.

Современные формы деепричастий настоящего времени в основном оканчиваются на *-а* (после мягкого согласного или шипящего), например, *си́дя*, *гля́дя*, *лёжа*. Они восходят к старым формам им. п. ед. ч. муж. и средн. р. Некоторые из этих форм (а именно формы от глаголов I и II классов) в древнерусском языке оканчивались не на *-'а* (<*-ę), а на *-а* после твердого согласного, например, *ида*, *веда*, отличаясь таким образом от старославянских, оканчивавшихся на -у (ср. *иды*, **ведꙑ**). Эти формы на *-а* когда-то возникли, повидимому, под воздействием

форм на *-'а* (< *-ę*). В современном языке от них почти не осталось следа. Можно указать лишь на такие образования, еще в древности оторвавшиеся от причастий и ставшие субстантивированными формами, т. е. употребляющимися в качестве существительных, как *рёва* (теперь — существительное, а по происхождению действительное причастие настоящего времени от глагола *ревѣти*).

На протяжении истории языка формы на *-а* после твердого согласного были заменены формами на *-'а* после мягкого согласного по аналогии к формам типа *неся́*, *зна́я*, *хо́дя*, т. е. принадлежавшим III и IV классам глаголов. Ср. современные *идя*, *ведя*.

Редко употребляются формы на *-учи* после мягкого согласного или шипящего, характерные больше для фольклора, а в литературном языке использующиеся лишь в целях стилизации, например: *си́дючи*, *гля́дючи*, *дви́жучи*. Эти формы по происхождению являются формами им. п. ед. ч. жен. р.

Деепричастия прошедшего времени оканчиваются в современном русском языке на *-в*, *-(в)ши*, например, *написа́в*, *прочита́в*, *написавши*, *прочитавши*, *пришедши* (впрочем, в последнем случае чаще употребляется форма с тем же окончанием, что в настоящем времени, только образованная от глагола совершенного вида — *придя*). Формы на *-в* по происхождению являются старыми формами им. п. ед. ч. муж. и средн. р., формы же на *-(в) ши* — старыми формами им. п. ед. ч. жен. р. Раньше в литературном языке употреблялись от глаголов с основой на согласный формы, оканчивавшиеся на чистый корень, без суффикса, например, *пришед*. Такие формы встречаются еще у Пушкина. Они восходят к старой форме им п ед. ч. муж. и средн. р.

По говорам получили распространение и иные формы деепричастий, помимо указанных выше.

Широко распространены деепричастия, оканчивающиеся на *мшы* (в соответствии с литературным на *-вши*), например, *взя́мшы*, *пи́мшы*, *е́мшы*, *спа́мшы*. Такие формы характерны для южновеликорусских говоров. Наблюдаются они и в южной полосе северновеликорусских говоров (например, во владимирских). Для основной же массы северновеликорусских говоров характерны формы такие же, как в литературном языке, т. е. оканчивающиеся на *-вши* (фонетически *-фшы*). Формы на *-мшы* представляют собой результат морфологического переразложения, т. е. перемещения морфологической границы (с таким явлением мы уже сталкивались, см. выше). Отправной точкой для образования этих форм послужила причастная (а затем деепричастная) форма от глаголов *взять*, *снять* и т. д. (древнерусск. *възѧти*, *сънѧти* и т. д.), т. е. различных приставочных от древнего *ѩти* (ст.-слав. ѩти). Инфинитив этих глаголов содержал корневое *'а*, развившееся из общеславянского *ę*, которое в свою очередь развилось из сочетания *-ьт* в положении перед согласным. В прича-

стии, где согласный отходил к следующему слогу (так как дальше шел гласный), изменения в носовой гласный (а затем в *'а*) не происходило, корень выступал в своем первоначальном виде. Древнерусские причастия прошедшего времени от этих глаголов имели форму *възьмъ*, *съньмъ* (им. п. ед. ч. муж. и средн. р.). Отсюда с падением редуцированных и с переходом *е*>*'о* фонетически развились формы *взём*, *снём*. Формы, восходящие к формам женского рода, должны иметь вид *взёмшы*, *снёмшы*. По говорам такие формы известны. Под влиянием инфинитива корневой гласный может являться и в виде *'а* после мягкого согласного, т. е. является форма типа *взя́мшы*, *сня́мшы*. Поскольку носовой согласный в инфинитиве отсутствует, а причастия и деепричастия прошедшего времени вообще образуются от инфинитива, в деепричастии имеет место передвижение морфологической границы, а исконно корневое *м* отходит к окончанию, что создает возможность для распространения формы с *м* на деепричастия от других глаголов.

В основной массе северновеликорусских говоров, напротив, деепричастия типа *взямшы*, *снямшы*, утратили *м*, подвергшись воздействию со стороны деепричастий, оканчивавшихся на *-фшы*.

Возможны по говорам и другие формы деепричастий, и именно прошедшего времени.

Так, в западной части переходных говоров, а также южной полосы северновеликорусских (главным образом около Пскова) наблюдаются формы, оканчивающиеся на переднеязычный согласный, частью корневой, частью суффиксальный, по аналогии, например, *пришо́д*, *прие́хат* и т. д. Наряду с ними встречаются образованные от них формы на *-ши* (*ш* под влиянием предшествующего взрывного переднеязычного согласного может давать также аффрикату *ч*), например: *приехатшы* или *приехатчи*, *ушо́тчи* (формы типа *ушо́дчи* вообще получили широкое распространение в говорах).

В районе Пскова встречаются также своеобразные формы, представляющие собой контаминацию старых причастий прошедшего времени на *-l-*, участвовавших в образовании аналитических форм глагола, и деепричастных форм на *-ši* (*-ши*), например, *пришо́лшы*, *прие́халшы* и т. д. Появление таких контаминированных форм объясняется возможно тем, что в соответствующих говорах, как, впрочем, и во многих других, деепричастия прошедшего времени используются как сказуемые (см. стр. 246 и сл.) и, таким образом, сближаются по употреблению с причастиями на *-л-*, на протяжении истории языка превратившимися в прошедшее время глагола (см. стр. 244 и сл.).

§ 53. Страдательные причастия развивались в целом параллельно прилагательным. Именные формы их повсеместно потеряли склонение, но сохранили в большинстве говоров изменения по родам и числам, употребляясь в качестве сказуемого.

Ср., например, современное *он сделан*, *он взят*. Живой формой

для современного языка является лишь страдательное причастие прошедшего времени, страдательное же причастие настоящего времени носит книжный характер. Оно иногда употребляется в классической поэзии. Ср., например: *Любим* калифом Иоанн... (А. К. Толстой).

Уже в древнейших русских памятниках, более близких к живой речи, страдательные причастия настоящего времени употреблялись редко.

В страдательном причастии прошедшего времени на протяжении истории языка имело место (правда, различное в разных говорах) распространение суффикса *-t-* за счет суффикса *-n-* (*-н-*). Ср., например, древнее *биѥнъ*, современное *бит*.

Местоименные страдательные причастия, подобно прилагательным, сохранили склонение, но употребляются в качестве книжной формы. На протяжении истории языка в местоименных страдательных причастиях прошедшего времени утверждается в написании двойное *-нн-*. Оно проникает и в произношение в тех случаях, когда суффикс причастия находится непосредственно после ударного гласного (по нормам современного русского языка долгие, т. е. «двойные», согласные произносятся лишь в интервокальном положении непосредственно после ударного гласного). Ср. *да́нный*, *напи́санный*. Первоначально двойного согласного здесь не было (ср. именную форму *данъ*, местоименную *даныи* в древнерусском языке). Двойное *-нн-* широко употребляется в причастных формах, причем не только в местоименных, но и в именных (где оно впоследствии не удержалось) в памятниках XVI—XVII вв. Возникло это двойное *-нн-*, повидимому, под влиянием отглагольных прилагательных с суффиксом *-ьн-* после основы, оканчивающейся на *-н-*, например, *повелѣньныи*.

В некоторых говорах наблюдается тенденция к полной утрате именными страдательными причастиями форм словоизменения. Выступая как сказуемое, они теряют согласование с подлежащим, употребляясь постоянно в форме мужского или среднего рода. Ср., например, *сено́ свéзен — кóрова напоéн*, *нóжык* ф потпол *кинуто́*, *пéршатки* на руки *надето́* и т. д. Возможно, что сюда же относятся и некоторые примеры из древних памятников, например: а что *голóвы поимано* по всеи волости новгородской... (Новг. грам. 1314 г.). Так толкует эти формы В. И. Борковский. В говорах приведенные выше примеры наблюдаются преимущественно на северо-западе (на территории Новгородской и Псковской областей). Если это действительно утрата согласования причастия с подлежащим, то здесь налицо процесс, параллельный тому, какой мы наблюдали в области действительных причастий. В соответствующих говорах складываются как бы страдательные деепричастия. Но часть приведенных примеров допускает иное толкование. А именно в случае употребления страдательного причастия в среднем роде мы имеем дело, воз-

можно, не с утратой согласования, а со страдательно-безличным оборотом, причем в зависимости от страдательного причастия выступает прямое дополнение в винительном падеже. Вопрос невозможно решить в тех случаях, когда им. и вин. п. совпадают (т. е. в таких случаях, как *головы*, *перщатки*, *ножык)*. Несомненно на страдательно-безличный оборот указывают такие случаи, когда в качестве дополнения стоит вин. п. существительных на *-а*, отличающийся по форме от именительного. А такие случаи в говорах есть.

Некоторые страдательные причастия в полной форме используются в качестве прилагательных, в том числе и страдательные причастия настоящего времени, что указывает на наличие их когда-то и в живом языке, поскольку образования эти частью носят явно не книжный характер. Ср. *любимый*, *родимый*. Более книжными являются, вероятно, такие, как *неутомимый*, *неукротимый*, *непобедимый*.

Изменения в склонении неличных местоимений и местоименных прилагательных

§ 52. На протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, в русском языке имели место некоторые изменения в падежных формах, общие для неличных местоимений и местоименных прилагательных.

Имело место изменение формы род. п. ед. ч. муж. и средн. рода. Эта форма оканчивалась в древности на *-ǒgǒ (-ǒгǒ)*, после мягких согласных *-ego (-егǒ)*. На протяжении истории языка согласный *g (г)* в этой форме в значительной части говоров замещается согласным *v (в)*. Такое произношение согласного характерно и для современного литературного языка, хотя наша орфография сохраняет традиционное написание *-ого*.

В памятниках, преимущественно северных, написание с *-ǒвǒ*, *-евǒ* (наряду со старым *-ого*, *-егǒ*) наблюдается, начиная с XV века, что говорит о появлении в соответствующее время этой черты в живом языке, по крайней мере в части говоров. Ср., например: *третьево* (Галичск. грам. 1436 г.), у *другово* докончанья (Моск. грам. 1473 г.), *енохава* закона (Псковская Палея 1494 г.) — здесь кроме того отражается аканье. В новгородских памятниках делового письма форма *-ово* в XV веке совсем не встречается. Но ср. в церковном памятнике: *великово* новагорода (Новг. пролог 1432 г.). Позднее такая форма встречается и в деловых документах, например: отъ *великово* господарѧ, *датцково* королѧ, *боярсково* (Новг. грам. 1514—1516 гг.). Формы с окончанием *в* встречаются и в рязанских грамотах XV—XVI вв., например, *ево*, *тово* и т. д.

Исключительно *-ого* представлено в Смоленско-полоцких памятниках XV века.

Рассматриваемое изменение охватило в основном лишь северновеликорусские говоры, кроме крайнего севера и северо-запада, где и теперь еще выступают формы с *г* взрывным — в поморских и некоторых олонецких говорах, например, *ниц'ого́, до́брого.* В южновеликорусских говорах окончание с *в* наблюдается в основном лишь в северной полосе их. В основной массе южновеликорусских говоров сохранилось *г* (конечно, фрикативное γ, например, *до́браγа*).

Изменение рассматриваемого окончания допускает различные объяснения. Наиболее вероятным представляется следующее объяснение: звонкий согласный, вообще менее напряженный чем глухой, легко подвергается ослаблению в положении между гласными, в результате чего на месте взрывного *g (г)* является фрикативное γ, т. е. окончание получает форму *-оγо*. Дальнейшее ослабление приводит к полной утрате согласного, т. е. к окончанию *-оо* (с двумя одинаковыми гласными, с ослаблением экспирации между ними). Между двумя лабиализованными гласными, каким и является *о*, в качестве переходного звука легко возникает звонкий фрикативный губной согласный, в результате чего окончание принимает форму *-ovo (-ово)*. Некоторые северные говоры отражают различные ступени этого процесса. Так, в поморских говорах, наряду с формами типа *до́брого* широко представлены формы *фс'оо́, до́броо* и т. п., иногда же встречаются и формы типа *фс'оγо́* (впрочем, только у местоимений). В части олонецких говоров нормально представлено окончание *-оγо*. Распространенные в поморских и олонецких говорах формы с окончанием *-ovo (-ово)*, наряду с *-ого* и *-оо*, могут объясняться и воздействием литературного языка.

Акад. А. А. Шахматов выдвигал иное объяснение. Он считал, что соответствующее окончание в древнерусском языке выступало в виде *-оhо* (с гортанным согласным). Затем в части северных говоров *h*, бывшее вообще очень неустойчивым согласным, терялось, а дальше развитие шло указанным выше путем. В другой же части северных говоров, поскольку для них вообще звук *h* не был характерен, он не фонетически замещался задненебным взрывным согласным *g (г)*. За гипотезу Шахматова как будто говорит редкость ступени γ в поморских говорах. Но у нас нет никаких оснований предполагать, что в северных говорах некогда существовал особый звук *h* именно в этом окончании.

Фонетическим ли являлось изменение, приведшее к образованию современного окончания прилагательных? Мы наблюдаем вообще в русском языке, и именно в северных говорах, тенденцию к ослаблению звонкого согласного в интервокальном положении. Известна по говорам подобная утрата *г* в положении между двумя *о* с последующим развитием звука *в* в таком слове, как *погост*. Форма *повосты* засвидетельствована в Лаврентьевской летописи. Известна она и некоторым современным говорам.

Но последовательное изменение имело место лишь в рассматриваемом окончании.

По мнению некоторых лингвистов, процесс изменения рассматриваемого окончания неодновременно охватывал местоимения и прилагательные, причем раньше он осуществлялся в местоимениях и лишь затем в прилагательных. Впрочем, в некоторых современных говорах наблюдаются, напротив, формы с *в* у прилагательных при сохранении задненебного согласного у местоимений. Так, например, в некоторых курских говорах известно *яγó* «его», но *зилянóва* «зеленого».

В значительной части северных говоров, причем в таких, где не обнаруживается вообще изменения безударных гласных после твердых согласных, окончание представлено в форме *-ова*. Конечное *-а*, повидимому, представляет собой результат воздействия склонения существительных и отражает общую тенденцию объединения различных типов склонения. Окончание *-ова* мы находим и в памятниках, например: «наместника *иванъ-городцкова*» (Новг. грам. 1514—1516 гг.).

Изменение род. п. ед. ч. жен. р. идет параллельно изменению в местоименном склонении. Оно состоит в редукции в большинстве говоров до нуля конечного гласного *-ѐ*, в результате чего формы типа *добрѣ* (фонетически *dobrojè*) изменяются в *доброй*, так же как *тоѣ* изменяется в *той*. Лишь некоторые говоры крайнего севера сохранили старую форму типа *дóброе*, *дóбрые*.

Довольно долго употреблявшаяся в книжном языке форма с окончанием *-ыя* представляет собой русскую фонетическую передачу старославянского окончания -ꙑꙗ. В поэзии такая форма встречается еще в начале XIX века. Ср., например: И жало *мудрыя* змеи... (Пушкин, Пророк).

Форма тв. п. ед. ч. жен. р. изменяется параллельно соответствующей форме существительных с основой на *-а*, т. е. теряет конечное *-и* (*у*).

Употребление указательного местоимения в качестве постпозитивной частицы

§ 53. Выше говорилось о развитии местоименных прилагательных, причем указывалось на то, что участвующее в их образовании указательное местоимение играло первоначально роль члена. Местоименные формы в дальнейшем перестали играть роль членных. Но у нас намечается тенденция к развитию нового члена, также из указательного местоимения, однако иного, чем то, которое легло в основу местоименного прилагательного. В данном случае выступает указательное местоимение *тъ*, *та*, *то*. В некоторых из наших памятников оно выступает в роли определенного члена, обозначая нечто уже известное, уже упоминавшееся. Подобно местоимению, игравшему в древности роль

члена, и местоимение *тъ* также обычно ставилось после того слова, с которым оно непосредственно было связано, причем сочетаться оно могло с различными классами слов.

Различные наши древние памятники в разной степени употребляют указательное местоимение в функции члена, что, повидимому, указывает на различное распространение явления по говорам. Примеры можно привести следующие: «не могуще снѧти гривны и оусѣкнуша главу его, и тако снѧша *гривну ту*» (Лавр. летоп.) — первый раз *гривна* употреблено без местоимения, второй раз, т. е. после того, как оно уже употреблялось, — с указательным местоимением — «Смердовъ жалуете и ихъ конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть *смердъ тотъ* орати *лошадью тою*, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь *лошадь ту*» (Ипат. лет.). И здесь местоимение выступает при таких существительных, которые обозначают нечто уже упоминавшееся. Можно, правда, указать на то, что в сочетании с существительным *лошадь* местоимение выступает при первом употреблении этого существительного. Но перед этим было синонимическое *конь*.

Широко употребляется местоимение *тъ* в рассматриваемой функции и в некоторых позднейших памятниках. Так, например, для XVII века можно указать на «Житие» протопопа Аввакума.

Возможно, что в некоторых случаях указательное местоимение в роли члена употреблялось и перед теми словами, с которыми оно было связано. Акад. А. И. Соболевский считал примерами на такое употребление, в частности, следующие случаи в былинах:

Про *то́го Илью* про Муромца...
Сел на *то́ око́шечко* косящато... и т. д.

Но эти случаи допускают и иное истолкование (в былинах вообще, отчасти в целях ритмических, употребляются различного рода частицы, не несущие особой семантической нагрузки).

Употребление согласуемой частицы, восходящей к указательному местоимению *тъ*, в целях подчеркивания и указания на нечто уже упоминавшееся, широко распространено в современных северновеликорусских, а частью и переходных говорах. Ср. им. п. ед. ч. муж. р. *дом-о̄т* (<*домъ тъ*), реже *дом-тот*, жен. р. *изба-та*, средн. р. *село-то*, им. п. мн. ч. *мужыки-те*, *мужыки-ты*, *мужики-ти*, вин. п. ед. ч. жен. р. *избу-ту* и т. д. Впрочем, согласуемая форма известна не для всех падежей.

Таким образом, в русском языке намечалась тенденция к образованию постпозитивного определенного члена из указательного местоимения, подобная той, которая в болгарском языке привела к образованию подлинного члена. Тенденция эта, однако, не достигла своего завершения. Ни в одном говоре русского языка употребление частицы из указательного местоимения *тъ*

не достигло той степени обязательности, какой характеризуется член в тех языках, где он имеется.

Часто указанная форма используется лишь для подчеркивания. Кроме того, наряду с такой согласуемой формой широко используется несогласуемая частица *то*. Вследствие этого и применительно к северновеликорусским говорам целесообразнее говорить не о постпозитивном члене, а о согласуемой постпозитивной частице.

В южновеликорусских говорах такая согласуемая частица не получила развития, в них употребляется лишь неизменяемая частица *то* (фонетически *-тъ*, *-та*), характерная и для литературного языка. По происхождению она представляет собой им. п. ед. ч. средн. р. указательного местоимения *то*.

В старину согласуемая частица выступала иногда и в литературном языке, правда, обычно лишь в просторечье. Ср., например, у Фонвизина в «Недоросле» в речи Простаковой: «*А первоет* портной у кого учился?» (*первоет* < *первой-от*). Вытеснение согласуемой частицы даже из сферы литературного просторечья (хотя такая частица употребляется в некоторых говорах совсем близко от Москвы) лишний раз иллюстрирует положение о южновеликорусской основе нашего национального языка.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

§ 54. История числительных представляет особый интерес для выяснения специфики исторического развития грамматического строя нашего языка. С изучением числительных в историческом плане связан целый комплекс проблем: 1) происхождение названий чисел и их взаимоотношения; 2) формы числительных; 3) категории, характеризующие числительные; 4) отграничение числительных как части речи от других частей речи. Последние три вопроса теснейшим образом взаимно связаны. Части речи отграничиваются друг от друга, как известно, характерными для них морфологически выраженными категориями.

Говоря о числительных, необходимо строго разграничивать наличие в языке слов — названий чисел (такие названия свойственны в какой-то мере любому языку мира, нам неизвестен ни один язык, где бы их не было) и наличие числительных как особой части речи, характеризующейся своими грамматическими признаками (такая особая часть речи имеется далеко не во всех языках, не было ее и в древнерусском языке эпохи древнейших дошедших до нас памятников). В школьной грамматике числительные прежде всего разделяются на количественные и порядковые. Строго грамматически у нас в современном языке могут быть выделены в особую часть речи лишь количественные числительные, так как именно они по некоторым своим грамматическим признакам отличаются от всех остальных частей речи. Порядковые же числительные, обозначающие свойство предмета по месту, занимаемому им в какой-то последовательности, грамматически ничем не отличаются от прилагательных. В дальнейшем изложении мы будем иметь дело главным образом лишь с количественными числительными. Порядковые числительные в истории языка нас могут интересовать лишь в плане этимологических отношений их с соответствующими количественными числительными.

В развитии слов, обозначающих числа, ярко отражается абстрагирующая работа человеческого мышления, проявляющаяся в языке. Развитие их неразрывно связано с развитием числовых представлений. Не сразу сложилось абстрактное понятие числа как общего свойства эквивалентных множеств, не сразу обособилось представление о числе от представления о пересчитываемых предметах, с которыми оно первоначально было неразрывно связано. Конкретные пересчитываемые предметы дали начало и самому числу, лишь постепенно абстрагированному от этих предметов. «Понятия числа и фигуры,— говорит Энгельс,— заимствованы именно из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первое арифметическое действие, представляют что угодно, но только не свободное творение рассудка. Для счета необходимы не только объекты счета, но также уже и способность, при рассмотрении этих объектов, отвлекаться от всех их свойств, кроме их числа, а эта способность — продукт долгого исторического, эмпирического развития»[1]. Изучение числительных различных языков, в том числе и русского, в их историческом развитии показывает, какими сложными и многообразными путями шло развитие числовых представлений и осуществлялась числовая абстракция.

Рассматривая различные названия чисел, как древнерусские так и современные, мы видим, что особые названия имеют лишь некоторые числа, т. н. *узловые*, названия же остальных чисел, т. н. *алгорифмических*, представляют собой различные комбинации, образованные из названий узловых чисел.

Какие числа являются узловыми, т. е. обозначаются различными, некомбинированными названиями, связано с тем, какая система счисления развилась и оформилась в соответствующем языке. Уже в древнерусском языке, как и в других славянских языках, отражается т. н. десятичная система. Это видно по тому, что различные числа от 1 до 10 имеют каждое свое индивидуальное название (ср. *одинъ*, *дъва*, *трие*, *четыре*, *пѧть*, *шесть*, *семь*, *восмь*, *девѧть*, *десѧть*), между тем как последующие числа (до 100) образуются различными комбинациями этих десяти названий. *Десять* образует основу десятичной системы. Счет ведется разрядами, причем каждый высший разряд включает десять единиц низшего разряда. Различные названия существуют, как мы видим, для всех единиц низшего разряда и для единицы второго разряда — десятков. Для десяти десятков, т. е. для единицы третьего разряда — сотен — существует свое особое название —*съто*. Дальнейшие числа от 101 до 999 включительно вновь представляют собой различные комбинации уже упомянутых выше чисел. Но каждая единица нового, высшего разряда носит свое название. Так десять сотен носят название *тысѧча* (<* *tysętja*, известен старославянский вариант тысѩща <* *tisǫ*-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 39.

tja), десять тысяч —*тьма*, сто тысяч — *легионъ*, *миллиóн* — *леодръ*, десять миллионов — *воронъ*. Для обозначения более высоких чисел специальных названий уже не было, да и редко в древности приходилось доводить счет до такого большого числа. Но для обозначения неопределенного множества, для обозначения числа больше всякого известного, т. е. в значении, приближающемся к нашему понятию бесконечности, употреблялось в древнерусских памятниках слово *колода*. В таком, повидимому, значении находим мы слово *колода* в Тихонравовской рукописи XVI века: а сїе *колода*, се҃ числа нѣсть бол'ши. Впрочем, *колода* обозначала также и десять вороновъ, т. е. 100 миллионов. Наряду с этой системой обозначения существовала у нас в древности и другая система, в которой *тьма* обозначало не 10 000, а миллион, *легионъ* — тьму тем, т. е. миллион миллионов, *леодръ* — легион легионов и т. д. *Колода* в этой системе обозначала 10^{50}. Такую систему мы находим, например, в рукописной грамматике XVII века из собрания Ундольского.

Соответствия названиям чисел до 10, а также названию *съто* мы находим и в других индоевропейских языках, что указывает на то, что в известной мере система счисления, свойственная в древности славянским языкам, развилась еще на почве общеиндоевропейского языка-основы. Несколько особняком стоит лишь название единицы — др.-русск. *одинъ*, ст.-слав. ѥдинъ. Впрочем, это название сложное, сложившееся, повидимому, на почве общеславянского языка-основы; известна также форма *инъ*, сохранившаяся в составе старославянского инорогъ «единорог» (калька греческого μονόκερος. μονόκερως). Названия же более крупных чисел вырабатывались, повидимому, на почве различных индоевропейских групп обособленно. Соответствия нашему *тысѧча*, и то неполное, мы находим лишь в балтийских и германских языках (с некоторыми различиями в словообразовательном оформлении). А в других языках используются другие корни — ср., например, лат. *mille*, гр. χιλιάς.

От названий узловых чисел образовывались порядковые числительные (см. ниже, стр. 185—186).

В основе нашего счисления, как уже было сказано, лежит десятичная система. Это связано с тем, что первоначальным орудием счета для человека служили его десять пальцев (см. приведенное выше указание Ф. Энгельса). Но не сразу выработалась эта наиболее удобная и совершенная система. Ей предшествовали другие системы, также связанные со счетом на пальцах, а именно пятиричная (за основу берутся лишь пять пальцев одной руки) и двадцатиричная (за основу берутся двадцать пальцев обеих рук и обеих ног). Следы этих систем вследствие устойчивости и медленности развития языковых форм отражаются как в славянских, так и в других индоевропейских языках, в разных — различные, причем как в названиях, так и в грамматических свойствах числительных.

С точки зрения формы, как уже сказано, должны быть рассмотрены лишь количественные числительные, так как порядковые по форме ничем не отличаются от прилагательных.

Склонение числительных

§ 55. Числительное *одинъ* в древнерусском языке изменялось по родам и склонялось по типу единственного числа неличных местоимений с твердым согласным в конце основы. В конечной части этого числительного *(-инъ)* наблюдалось чередование гласных *i/ь*, причем ступень *ь* могла выступать (наряду с *i*) в формах им. п. жен. и средн. рода и в косвенных падежах, например, им. п. ед. ч. жен. р. *одьна* (наряду с *одина*), средн. р. *одьно* (наряду с *одино*), род. п. ед. ч. муж. и средн. р. *одьного* (наряду с *одиного*) и т. д. (склонение совершенно параллельно склонению местоимения *тъ*).

Числительное *дъва* также изменялось по родам и склонялось по тому же самому местоименному типу, что и *одинъ*, но по двойственному числу, а именно: им. и вин. п. муж.р. *дъва*, жен. и средн. р. *дъвѣ*, род. и местн. п. (для всех родов) *дъвою*, дат. и тв. п. (также для всех родов) *дъвѣма*. Точно так же склонялось числительное *оба*.

Числительное *трию* (фонетически *trîje*), *три* склонялось по типу именного склонения с основой *-i (-ь)*, но только во множественном числе (единственного и двойственного у него не было). В отличие от современного языка это числительное изменялось по родам (только в им. п.), причем форма *трию* употреблялась для мужского рода, *три* для женского (ср. такие же точно отношения в этом склонении для существительных); форма среднего рода была одинакова с формой женского рода — *три*. (У имен мы в этом склонении в эпоху, засвидетельствованную письменными памятниками, среднего рода не находим.) Таким образом, это числительное склонялось: род. п. *трии*, дат. п. *трьмъ*, вин. п. *три*, тв. п. *трьми*, мест. п. *трьхъ*.

Числительное *четыре* склонялось по типу именного склонения с основой на согласный, также только во множественном числе (согласным, оканчивающим основу, в данном случае являлось *r*). В отличие от современного языка это числительное также изменялось по родам, но также лишь в именительном падеже: форма *четыре* служила для мужского рода, *четыри* для женского и среднего. Род. п., согласно склонению с основой на согласный, был *четыръ*.

Только что рассмотренные названия первых четырех чисел существенно отличались в грамматическом отношении от названий последующих чисел. Все они изменялись по родам, но не изменялись по числам (*одинъ* склонялось по ед. ч., *дъва* по двойственному, *трію* и *четыре* по множественному, но никаких дру-

гих чисел у каждого из них быть не могло). Все они (во всех падежах и родах) полностью согласовывались с теми существительными, которые они определяли. Иными словами, они играли в грамматическом строе языка роль, близкую к прилагательным, с той лишь разницей, что не имели категории числа.

Числительные *пѧть*, *шесть*, *семь*, *восмь* (ст.-слав. осмь отличается лишь фонетически — в древнерусском языке *v* развилось перед начальным *o* под восходящим ударением), *девѧть* склонялись по типу именного склонения с основой на -*ĭ* (-ь) женского рода. Числительное *десѧть* склонялось по типу именного склонения с основой на согласный мужского рода — род. п. *десѧте*, дат. п. *десѧти* и т. д.

Общим для названий чисел от 5 до 10 включительно и отличающим их в то же время от названий чисел от 1 до 4 в грамматическом отношении является то, что они принадлежат каждое к определенному роду, по родам же не изменяются, но зато изменяются по числам. Формы, приведенные выше, являются формами единственного числа. Определение при них стоит в единственном числе, а не во множественном, как теперь (ср., например, в винительном падеже — др.-русск. *ту пѧть*, соврем. *те пять*). Ср., например: *дроугӧ(у)ю пѧть* талантъ (Остром. евангелие), а изоиде *та пѧть* лѣтъ, ино дати Уласью десѧть рублевъ (Новг. закладн. гр. 1349 г.). Вместе с тем от них, по нормам соответствующих типов склонений, могут быть образованы и двойственное, и множественное число. В синтаксическом же отношении существительные, сочетающиеся с этими числительными, зависят от последних и стоят постоянно в род. п. мн. ч., независимо от того, в каком падеже и числе стоят числительные, совершенно так же, как существительные зависят от существительных же. Таким образом, названия чисел от 5 до 10 включительно характеризуются совершенно такими же грамматическими свойствами, какими характеризуются существительные. Иными словами, названия чисел от 5 до 10 в древнерусском языке (как, впрочем, и в других древних славянских языках) были по существу не числительными, а счетными существительными типа *пятерка*, *пяток* и т. п.

Название числа *съто* в древности, в отличие от современного языка, полностью склонялось как существительное среднего рода с основой на -*ŏ*, грамматически же оно характеризовалось теми же свойствами, что и названия чисел от 5 до 10.

Что касается названия *тысѧча*, то оно и в современном языке в грамматическом отношении является не числительным, а счетным существительным.

Наличие резкой грамматической границы, по одну сторону от которой лежат названия чисел до 4 включительно, а по другую названия чисел, начиная с 5, возможно, представляет собой остаток тех норм, при которых господствовала пятиричная

система счисления. Название числа «5», образовывавшего единицу нового, высшего разряда, обозначало в то же время некоторую нерасчлененную совокупность, что и выражалось в его грамматических свойствах, сближавших его с существительными. В то же время грамматическое отличие названий чисел от 5 до 9 включительно, с одной стороны, и названия числа 10 — с другой, хотя бы и меньшее, чем всех этих названий от названий чисел от 1 до 4 (склонение на -ĭ и женский род у 5—9, склонение на согласный и мужской род у 10), отражает различия, устанавливающиеся с утверждением в языке десятичной системы.

Названия алгорифмических чисел

§ 58. Остальные числа, оставшиеся за пределами рассмотренных выше узловых, выражались, как уже было сказано, различными комбинациями рассмотренных выше названий. Сюда относятся названия чисел от 11 до 19 включительно, названия десятков от 20 до 90 включительно, названия сотен от 200 до 900 включительно, а также названия различных сочетаний сотен, десятков и единиц.

Числа от 11 до 19 обозначались сочетанием названий чисел от 1 до 9 с предлогом *на* и местным падежом ед. числа от названия 10, например: *одинъ на десѧте, дъва на десѧте* и т. д. В этих сочетаниях ярко отразилось установление уже десятичной системы счисления. Сочетания типа *одинъ на десѧте* буквально имели значение «один сверх десяти».

Названия десятков от 20 до 90 представляли собой сочетания названий чисел от 2 до 9 с названием числа 10, синтаксически оформленные так, как сочетания существительного со словами числового значения, причем роль существительного играет *десѧть*. Поскольку же, как уже было сказано, существительные по-разному сочетаются с названиями чисел до 4, с одной стороны, и с названиями, начиная с 5, с другой стороны, существенно различаются сочетания, обозначающие десятки от 20 до 40, и сочетания, обозначающие десятки от 50 до 90. В сочетаниях, обозначающих десятки от 20 до 40, *десѧть* стоит в любом падеже двойственного (для 20), множественного (для 30 и 40) числа, числительное же *дъва, трию, четыре* стоят, согласуясь с *десѧть*, в том же падеже мужского рода, например, им. п. *дъва десѧти, трию десѧте, четыре десѧте* и т. д. Такую форму имело и название числа 40, впоследствии замещенное другим названием, о чем ниже. В древнейших памятниках — в Остромировом евангелии, в Юрьевском евангелии 1119 г., в Святославовом Изборнике 1073 г., в Новгородской минее 1097 г. — мы находим форму *четыре десѧте, четыре десѧти* (последнее в связи с разрушением старой системы склонения с основой на согласный). В сочетаниях же, обозначающих десятки от 50 до 90, в любом падеже единст-

венного числа стоят названия единиц от 5 до 9, а с ними постоянно сочетается род. п. мн. ч. от *десѧть*, например, им. п. *пѧть десѧтъ, шесть десѧтъ* и т. д., род. п. *пѧти десѧтъ, шести десѧтъ* и т. д., тв. п. *пѧтью десѧтъ, шестью десѧтъ*. Так, например, в Повести временных лет говорится о Волге: вътечеть в море Хвалисское *семью десѧтъ* жерелъ (Лавр. летоп.) «впадает в море Каспийское семьюдесятью рукавами». Сочетание типа *пѧть десѧтъ* грамматически соответствует нашему «пять десятков». Такую форму имело и название 9 десятков, впоследствии получившее иное обозначение, о чем ниже: форму *девѧть десѧтъ* мы находим, например, в Остромировом евангелии.

Названия сотен от 200 до 900 образовывались подобно названиям десятков от 20 до 90, только такое же место, как в последних *десѧть*, в названиях сотен занимает *съто*. В названиях от 200 до 400 *съто* в любом падеже двойственного (для 200), множественного (для 300 и 400) числа, с которым согласуется в роде и падеже название чисел от 2 до 4, например, *дъвѣ сътѣ* (форма *сътѣ* — дв. ч. среднего рода основ на *-о*, с ним согласуется по среднему роду) *три*, *четыри съта*. Ср., например: «а срокъ тремъ тысѧчамъ и *двема стома* взѧти кнѧзю на сборъ в Низовьскыи весь» (Новг. грам. 1316 г.). В названиях же от 500 до 900 в любом падеже единственного числа стоят названия чисел от 5 до 9, с которыми постоянно сочетается род. п. мн. ч. от названия «100», т. е. *сътъ*, например, им. п. *пѧть сътъ, шесть сътъ* и т. д., род. п. *пѧти сътъ, шести сътъ* и т. д., тв. п. *пѧтью сътъ, шестью сътъ* и т. д.

Названия сочетаний десятков с единицами, сотен с десятками и единицами и т. д. выражаются простой последовательностью соответствующих названий, причем название единиц высшего разряда предшествует названию единиц низшего разряда, например, *дъва десѧти одинъ, дъва десѧти дъва* и т. д. Иногда между названиями единиц различных разрядов ставился соединительный союз *и*. Не во всех индоевропейских языках комбинируются названия чисел именно в таком порядке — ср. нем. *ein und zwanzig, zwei und zwanzig* и т. д.

Возможно, что иное место, занимаемое единицами первого разряда в названиях чисел от 11 до 19 сравнительно с последующими составными числами, представляет собой отголосок двадцатиричной системы. Но возможно, что это различие объясняется и свойствами самих сочетаний: в названиях от 11 до 19 мы имеем дело с комбинациями лишь двух названий, в названиях же типа 21 и далее — с комбинациями трех (а выше 100 часто и более) названий.

В качестве названий дробей употреблялись в древности различные существительные: $^1/_2$ обозначалась *полъ* (существительное, склонявшееся по основам на *-ŭ*), $^1/_3$ и $^1/_4$ — *треть* и *четвьрть* или *четь* (существительные, склонявшиеся по основам на *-ĭ*), дальнейшие доли обозначались существительными с суффиксом *-ina*, склонявшимися по типу основ на *-a*, например,

$^1/_5$ —*пѧтина*, $^1/_8$ —*осмина*, $^1/_{10}$ —*десѧтина*. Впрочем, образования на *-ina* могли употребляться и для обозначения тех долей, для которых употреблялись приведенные выше иные обозначения. Ср., например, *третина* «$^1/_3$» (Святосл. Изб. 1073 г.). Для обозначения дробей употреблялись также сочетания названий дробных величин. Так, например, для обозначения долей *сохи* как единицы земельно-податной меры употреблялись на Руси такие выражения, как *полътрети сохи* ($^1/_6$), *полъ полъ трети сохи* ($^1/_{12}$). Ср. также *полъчети* или *полъ четьвьрти* ($^1/_8$), *полъполъчети* ($^1/_{16}$), *полъ полъ полъ чети* ($^1/_{32}$). Названия дробей, как видим, образованы от названий соответствующих чисел, за исключением *полъ*, имеющего кроме того значение «край», «берег» (ср. *онъ полъ морѧ* «тот берег моря»).

Особые обозначения существовали в древности для названий единиц с дробями, а также для единиц с долями высших разрядов — десятков, сотен, — впрочем, лишь в тех случаях, если речь идет о половине единицы, десятка, сотни. При этом употреблялось сочетание с порядковым числительным, обозначающее вычитание из следующего числа, например, $1^1/_2$ обозначается посредством *полъ вътора* (т. е. «один и половина второго», порядковое числительное здесь выступает без определяемого), 25 обозначается посредством *полъ третью десѧте* (ср. *полъ третью десѧте* гр҃внъ в Мстиславовой грамоте около 1130 г.) — «два десятка и половина третьего десятка» (*третью* выступает как определение при *десѧте* — род. п.), 150 — *полъ вътора съта*, 250 —*полъ третю съта* («одна сотня и половина второй сотни», «две сотни и половина третьей сотни»). Принцип обозначения чисел посредством вычитания из последующего числа мы наблюдаем в различных индоевропейских языках, ср. лат. *duodeviginti* «18», *undeviginti* «19». Впрочем, у нас в древнерусском языке принцип вычитания употреблялся лишь для обозначения не целых единиц, десятков, сотен. Отражение этих старых обозначений мы находим в былинах в таких выражениях, как:

полтораста татаровей, *полтретьяста* улановей...

В основе нашего счисления лежит, как уже сказано, десятичная система. Мы находим как будто и следы девятиричной системы. Так, в сказках очень часто встречается выражение *за тридевять земель*. В одной грамоте XVI века мы встречаем *тридевять кречетовъ* = «27 кречетов». Правда, что касается *тридевять* в сказочном выражении *тридевять земель*, то оно может иметь и иной источник. Судя по тому, что оно употребляется обычно в сочетании *за тридевять земель в тридесятом царстве*, оно скорее должно обозначать не 27, а 29. Возможно, что здесь отразилась такая система счета, когда отсчет ведется от последующей, а не от предыдущей единицы высшего разряда. Остатки такой системы мы находим по говорам. Так, например, на вопрос: «сколько лет?» старики отвечают не «шестьдесят пятый», а «на седьмой десяток пятый» (употребляя именно порядковое,

а не количественное числительное). Подобная система, как мы видели, наблюдается и в древних памятниках, но главным образом в тех случаях, когда речь идет о сочетаниях с половиной единиц различных разрядов.

История числительных

§ 57. Изучение исторического развития числительных на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, представляет известные трудности, поскольку в памятниках названия чисел сравнительно редко писались полностью словами, чаще же употреблялись цифровые записи (по алфавитной системе, принятой в кириллице). Но так как записи словами все же встречаются, основные линии истории числительных могут быть намечены.

Формы числительного *одинъ* на протяжении истории языка изменились мало. Так же как и в древности, оно и теперь склоняется по образцу указательных местоимений, некоторые изменения, имевшие место в окончаниях, являются общими с местоименным склонением (см. стр. 172). Кроме того была утрачена одна из параллельных форм основы, а именно была утрачена основа *один-* для им. п. жен. и средн. р., а также для всех косвенных падежей и сохранилась лишь основа *одьн->одн-* (с утратой *ь* в слабом положении и с отвердением *d* перед *n* твердым). Ср. современное *одна*, *одно*, *одного* и т. д.

История форм числительных, начиная с «2», отражает тенденцию, общую, как мы видели, и другим категориям, а именно тенденцию к объединению различных типов словоизменения. Кроме того развитие как форм числительных, так и некоторых особенностей их синтаксического употребления тесно связано с судьбой двойственного числа, так же, как мы видели, отражающей развитие числовых представлений.

Числительное *дъва* склонялось, как уже было сказано, по двойственному числу местоименного склонения, с изменением по родам. Уже в древнейших памятниках в род.-местн. падеже под влиянием форм именного склонения, наряду со старой формой *дъвою*, является новая форма *дъву*. Ср., например: по *двою д҃ью* (Житие Феодосия XII в.), но: ѥхати самому съ отрокомъ *на двоу коню* (Русская Правда, 1282 г.), безъ *дву днеи* (Псковск. I летоп.). Обе формы (т. е. *двою<дъвою* и *дву<дъву*) сохранились в современном языке в составе некоторых сложных слов, например, *двоюродный* (по аналогии к *двоюродный* также и *троюродный*; это образование позднейшее, так как *три* не могло в древности склоняться по двойственному числу), *двууглекислый*, *двудольный*, *двуутробка*, *двудомные растения* (но *двухэтажный* имеет новую форму, о которой ниже). С такой формой связано и сложное прилагательное *обоюдоострый*.

Разрушение двойственного числа повлекло за собой преобразование склонения *два*. Поскольку древние формы его были специфическими формами двойственного числа и поскольку даже в сочетании с числительным 2 (хотя и несколько позднее, чем без числительного) начинают функционировать формы множественного числа существительных, постольку преобразуются в направлении к сближению с множественным числом и формы этого числительного. Новая форма род.-местн. п. *дву*, характеризующаяся окончанием, обычным для соответствующих падежей в двойственном числе, перестает быть формой именно этих падежей и становится основой всех косвенных падежей, кроме винительного (в тех случаях, когда он совпадает с именительным). На эту основу наслаиваются новые окончания, связанные с множественным числом. В род. и местн. п. является окончание *-х* (<*-хъ*), служившее и ранее окончанием род. и местн. п. мн. ч. неличных местоимений, по типу которых уже в древности склонялось *два*. Таким образом является форма род. и местн. п. *двух*. Дат. п. получает окончание *-м* (<*мъ*), свойственное в древности дательному падежу мн. ч. как местоименного, так и именного склонения. Это окончание наслаивается на ту же основу *дву-*, в результате чего является форма *двум* (вместо старого *двѣма*). Форма тв. п. в древности была одинакова с дат. п. (как всобще в двойственном числе). Новое окончание тв. п., наслаивающееся на ту же основу *dvu-—-m'a* (*-м'а*), в результате чего является форма *двумя́*, представляет собой, повидимому, результат контаминации старого окончания *-ма* и окончания тв. п. мн. ч. *-m'i* (*-м'и*) — ср. *тѣми*: мягкое *m'* (*м'*) восходит к окончанию мн. ч., а гласный *а* — к окончанию двойственного числа.

Впрочем, формы косвенных падежей этого числительного по говорам могли образовываться и от основы *dvo-*. Ср. совр. украинск. *двох* (род. и местн. п.), *двом* (дат. п.), *двома́* (тв. п.). Основа *dvo-* в различных сложениях выступает уже в древнейших русских памятниках: ср. *дводоушие* «двоедушие» (Пандекты Антиоха XI в.), также в числительном «12»: *двонадесѧтечисльныи* (Новг. Минея 1097 г.).

Различие по родам в им. (а также в вин., если он одинаков с им.) падеже сохранилось и в настоящее время, но форма *дъвѣ* (*две*) сохранилась лишь для женского рода, средний же род получил форму, тождественную мужскому — *дъва*<*два*, вследствие общего параллелизма форм мужского и среднего рода (так же, как это имело место и в сочетаниях существительных с числительными от 2 до 4, см. выше).

Развитие форм числительных *три* и *четыре* отражает общую тенденцию сближения различных типов склонения. В эпоху существования особой категории двойственного числа эти числительные сильно отличались в склонении от числительного *дъва*: они склонялись по различным типам мн. ч. именного склонения, тогда как *дъва* по дв. ч. местоименного склонения.

Утрата двойственного числа создает почву для сближения форм всех этих трех числительных. Род. п. местоимений *три* и *четыре* получает то же самое окончание *-х* (<*хъ*), которое под влиянием местоименного склонения развилось в числительном *два*, в результате чего развиваются формы *трёх* (*тр'ох*) <*тр'ьхъ* (основа *трь* - издавна характеризовала косвенные падежи этого числительного) вместо старого *трии*, *четырёх* < *четырьхъ* вместо старого *четыръ*. Формы дат. и мести. п. сохраняют по существу свой древний облик, здесь имели место лишь фонетические изменения: *трём (тр'ом)* <*тр'ьмъ*, *четырём (четыр'ом)* < <*четыр'ьмъ*, *трёх (тр'ох)* <*тр'ьхъ*, *четырёх (четыр'ох)* <*четыр'ьхъ*. Тв. п. *тремя́*, *четырьмя́* представляет собой результат сближения с соответствующей формой числительного *два*. По-видимому, контаминации подвергаются, распространяясь на соответствующую форму всех этих трех числительных, окончания числительных 3 и 4, склоняющихся по мн. ч., тождественные с окончанием местоименного склонения, и старое окончание числительного 2.

Нужно сказать, что новые формы окончательно установились не сразу. Первоначально имели место колебания, свидетельствующие о том, что формы всех этих трех числительных развивались параллельно, во взаимодействии. Ср., например: *к трема березамъ* (Судн. гр. 1498—1505 гг.).

Окончание *-мя* устанавливается в северновеликорусских говорах и проникает в литературный язык. В южновеликорусских говорах числительные *три* и *четыре* сохраняют старое окончание тв. п. *-m'i (-ми)*, но зато это окончание распространяется и на числительное *два*, т. е. там наблюдаются формы *двуми́*, *трёми́*, *четырьми́*.

Числительные *три* и *четыре* теряют существовавшие у них в древности, впрочем, лишь для им. п., различия по родам. При этом числительное *три* сохраняет форму, характеризовавшую в древности им. п. жен. и средн. р. и вин. п. всех трех родов. Что касается формы *четыре*, то распространение одной формы на все три рода во многих говорах носило фонетический характер, поскольку *e* и *i* в безударном положении во многих говорах не различаются. Впрочем, *четы́ри* (но опять-таки для всех трех родов) устанавливается частью и в таких говорах, где *ê* и *i* в безударном положении различаются.

Установление у этих числительных единой формы для всех родов связано с общей тенденцией объединения всех родов во множественном числе, наблюдающейся, как мы видели, и у существительных, и у прилагательных, и у местоимений.

Числительные *пѧть*, *шесть*, *семь*, *восмь*, *девѧть*, *десѧть* в отношении форм склонения изменились сравнительно мало. Все они (за исключением *десѧть*), склонялись по типу склонения существительных женского рода с основой на *-ĭ (-ь)*. Это склонение сохраняют они и в настоящее время (имели место лишь

некоторые фонетические изменения; так, форма *во́сем'*<*въ́смь* развилась, повидимому, фонетически в результате падения редуцированных тем же путем, как развились, например, *у́гол'*< *угль*, *ого́н'*<*огнь*). Числительное *десѧть* раньше склонялось по типу муж. р. существительных с основой на согласный. Повидимому, в связи с разрушением этого склонения оно примкнуло к тому же типу, по какому склонялись числительные от 5 до 9. Уподобившись им целиком, оно и в тв. п. получило форму, свойственную женскому, а не мужскому роду — *десятью*.

§ 58. Все рассмотренные выше числительные от 2 до 10 включительно подверглись сильным изменениям в отношении их синтаксического употребления. С падением двойственного числа устанавливаются неразложимые для им. и частью вин. п. в синтаксическом отношении сочетания числительных от 2 до 4 с род. п. ед. ч. существительных. Эти сочетания по форме параллельны синтаксическим сочетаниям существительных с числительными, начиная с 5, с той разницей, что здесь существительное стоит в род. п. не единственного, а множественного числа. Параллелизм сочетаний с числительными от 2 до 4 и от 5 и выше в им. (и частью в вин.) падеже приводит к тому, что в косвенных падежах числительные, начиная с 5, подобно числительным от 2 до 4, начинают согласовываться в падеже с существительными, с которыми они сочетаются, т. е. из управляющего члена, которым они были раньше, числительные, начиная с 5, превращаются в зависимый член. То обстоятельство, что формы этих числительных являются по происхождению формами единственного числа (согласуются же они в падеже с существительным, стоящим во множественном числе) и употребляются постоянно в качестве зависимого от существительного, а не в качестве управляющего существительным члена предложения, создает благоприятную почву для утраты этими числительными свойственного им ранее различия единственного и множественного числа (двойственное число к этому времени вообще утрачено). И в этом отношении числительные, начиная с 5, становятся параллельными числительным до 5. Становясь зависимым членом, существительные, начиная с 5, теряют и категорию рода, свойственную им раньше как существительным.

В случае же субстантивации они иначе относятся к роду, чем в древности, когда числительные от 5 до 9 принадлежали к женскому роду, а числительное 10 к мужскому. В современном языке числительное без существительного (и не только начиная с 5, но и от 2 до 4) может согласовываться по множественному числу, например, *эти четыре*, *эти пять*. Но это обычно бывает тогда, когда из контекста ясно, какое существительное при этом подразумевается. В случае же абстрактного понятия числа числительное согласуется по среднему роду —*это четыре*, *это пять*. Впрочем, такое абстрагированное употребление числительных относится уже к довольно позднему времени.

Употребление рассматриваемых числительных по древним нормам, как существительных женского рода, в книжном языке держится долго. Мы находим его, вероятно, уже как архаизм, даже у М. В. Ломоносова. Ср.: «В *каждую осмь минут* совершается распростертие света до земли от солнца». (Слово о происхождении света, 1756 г.).

Особое синтаксическое функционирование, в особенности же утрата тех грамматических категорий, которые раньше им были свойственны, создает основу для выделения количественных числительных в особый грамматический класс слов, т. е. в особую часть речи. В морфологическом отношении характерным признаком числительных является то, что они не имеют категорий числа и рода (родовые различия сохранились лишь у числительных 1 и 2). Это выделение тесно связано с развитием обобщенного понятия числа и также свидетельствует о все дальше идущей грамматической абстракции. Оно осуществляется, как явствует из сказанного выше, параллельно с разрушением двойственного числа, повидимому, на протяжении XIII—XIV вв. Рассмотренные выше новые свойства числительных, установленные нами на основании анализа числительных до 10, распространяются затем и на другие числительные.

В числительных от 11 до 19, а также в названиях десятков 20 и 30 на протяжении истории языка имеет место изменение, состоящее в преобразовании словосочетания, выражавшего ранее соответствующие числа, в единое слово. Словосочетание, элементы которого все теснее срастаются, начинает произноситься с ударением лишь на одном из этих элементов, а все более частое употребление в речи числительных в связи с ростом общественных потребностей приводит постепенно к фонетической редукции элемента, не несущего самостоятельного ударения. Таким элементом в составе указанных числительных являются различные формы числительного *десять*. Эти формы постепенно редуцируются в *дцать* (фонетически *тцат'*): редуцируются до нуля гласный окончания и корневой гласный *е*, *d* оглушается перед *s*, *ts* сливаются в долгую глухую аффрикату (с выдержкой затвора). Конечное *t'* мягкое, поскольку редуцировавшийся конечный гласный принадлежал к переднему ряду— -*е*, -*i*. Аффриката отвердела в тех говорах, где вообще отвердело *с* (*ц*). Гласный *а* может подвергаться дальнейшим изменениям в зависимости от характера безударного вокализма говора. Таким образом из *одинъ на десѧте* развивается *одиннадцать*, из *двѣ на десѧтѣ* — *двенадцать* (в данном случае была обобщена для всех родов форма, служившая первоначально лишь для женского и среднего рода), из *три на десѧтѣ* — *тринадцать* и т. д., из *дъва десѧти* — *двадцать*, из *три десѧте* (вместо более раннего *тридесѣте*) — *тридцать*.

Новые формы отражаются уже в памятниках XIV века. Так, в Новом завете митрополита Алексия XIV века мы находим

тридесѧти и пѧти лѣтъ — написание *ь* в эту эпоху, несомненно, уже не имеет звукового значения, а *d* перед глухим *s* должно было уже оглушаться. Ср. также: *двадцать* рублевъ и сто (Нов. духов. грам. XIV—XV вв.); *двадцать* гривенъ золота (Новг. ряди. грам. XV в). Впрочем, и в довольно поздних памятниках (в XVII в). мы встречаем комбинированные формы, представляющие собой переход от старых форм к новым. Ср., например: по *девятинадцати* алтынъ (Моск. грам. 1621 г.), будут лѣтъ *пятинадцати* или *семинадцати* (Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича). Эти формы интересны тем, что при наличии редуцированной части *дцать* склоняются оба составных элемента. Между тем с редукцией конечного элемента все сочетание начинает склоняться как единое слово, на что указывает уже приведенный выше пример из Нового завета митрополита Алексия. Впрочем, формы, представляющие склонение обеих частей, возможно, не были свойственны живому языку XVII века, а являются результатом смешения старых книжных форм с формами, свойственными разговорному языку.

Интересную форму, свидетельствующую о довольно раннем распространении редуцированной формы *дцать*, мы находим в Новгородской летописи — въ полу *шестадесѧть* шнекъ «в 55 шняках» (*шняка*<норв. *snäkke* «небольшое судно» и теперь употребляется в поморских говорах). Эта форма свидетельствует о том, что счет половинами десятков, отсчитываемыми от следующей единицы разряда употреблялся для любого количества единиц высших разрядов (в приведенном примере буквально «половина шестого десятка», т. е. 55).

Некоторых замечаний требует числительное «18». В литературном языке оно имеет форму *восемнáдцать*, по говорам же широко распространена форма без начального *v* (фонетически *ос'нá'тцат'*). Это объясняется тем, что форма с начальным *v* перед *о* могла развиваться лишь в ударном положении. Вошедшее в литературный язык *восемнадцать* имеет начальное *v* по аналогии к *вóсемь*. В говорах же в данном случае сохранилась фонетически характерная для безударного положения форма (ср. порядковое числительное *осьмóй*).

Названия десятков от 50 до 80 преобразуются следующим образом. Поскольку числительное *десѧть* утратило различия по числам, а в то же время в косвенных падежах, сочетаясь с существительным, стало согласовываться с ним в падеже, изменяясь при этом по старым формам единственного числа, оно и в составе этих числительных стало принимать те же падежные формы (и притом старого единственного числа), что и сочетающиеся с ним названия чисел от 5 до 8, например, род. п. *пѧти десѧти*, дат. п. *пѧти десѧти*, тв. п. *пѧтью десѧтью* и т. д. Такое изменение сохранилось и в современном языке (*пятúдесяти*, *пятьюдсеятью* и т. д.), т. е. обе части числительного склоняются параллельно. Только в им. (и частью вин.) п. сохраняется ста-

рая форма род. п. мн. ч. числительного *десѧть* в сочетании с им. или вин. п. названия числа от 5 до 8: *пѧтьдесѧтъ* (в современном языке на то, что это форма род. п. мн. ч. и притом старого склонения на согласный, указывает твердое конечное *т*). В современном языке наблюдается тенденция еще более тесного слияния обеих частей в составе рассматриваемых числительных, выражающаяся в том, что первая часть теряет в косвенных падежах склонение, являясь в форме *пяти*, вследствие чего, например, тв. п. получает форму *пятúдесятью* (вместо старого *пятью́десятью*).

Особых замечаний требуют названия чисел 40 и 90. В древнейших памятниках, как уже было сказано, выступает форма *четыре десѧте*, *четыре десѧти*. Но довольно рано появляется форма *сорòкъ*, постепенно вытесняющая старую форму и сохранившаяся до настоящего времени. Трудно точно установить, когда именно вошла в язык эта форма. Мы находим ее в Русской Правде по Синодальному списку (в составе Новгородской Кормчей 1282 г.). Для объяснения этой формы выдвигались различные гипотезы. Некоторые ученые предполагали заимствование из греческого τετταράκοντα τεσσαράκοντα «40» в эпоху оживленных торговых сношений с Византией. Но такое заимствование мало вероятно. Скорее всего это название этимологически связано с *сорокъ* «мешок» (ср. того же корня *сорочка*). Полагают, что такими мешками считались беличьи шкурки, зашивавшиеся в мешок по 40 штук (беличьи шкурки были очень важной статьей нашей торговли в древности). В таком случае это *нумератив*, превратившийся затем в обычное числительное. Нумеративами принято называть особые названия, употребляющиеся вместе с числительными и существительными при счете различных предметов. Так, например, нумеративом является *голова* при счете скота, *штука* при счете мелких предметов (ср., например, *пять голов* скота, *десять штук* карандашей).

90 в древности, как уже было сказано, обозначалось *девѧть десѧтъ* (склонялось соответствующее сочетание так же, как названия десятков от 50 до 80). В дальнейшем же в этом значении получает распространение форма *девянóсто*, сохранившаяся и в современном языке. Древнейшие примеры этой новой формы встречаются в памятниках XIV века. Так, мы встречаем ее в грамоте Галицкого старосты Бенка 1398 года, затем (позднее) в Псковской летописи. Форма эта развилась в результате какой-то контаминации, причем в состав ее, несомненно, входят названия *девять* и *сто*. Но точный путь контаминации не выяснен. А. А. Потебня полагал, что в основе этого образования лежит сочетание *девян-о-сто*, обозначавшее «9 (десятков) от ста», т. е. считая, что здесь мы имеем дело с отсчетом от названия следующей (высшей) единицы — подобно латинскому *undeviginti*. Ф. В. Ржига предполагал (и это, пожалуй, более вероятно), что в основе лежит сочетание *дєвять-дєста*, а затем, в резуль-

гате диссимиляции, из этого развилось *девяносто̄*. И здесь, таким образом, кладется в основу принцип вычитания из следующей, высшей единицы.

Числительное *съто* подверглось некоторым изменениям в формах склонения. В древности оно склонялось по типу существительных с основой на *-о* и могло иметь разные числа. Подобно другим числительным *сто* утратило изменения по числам, а вместе с тем значительно упростило падежную систему. Оно сохранило в настоящее время лишь две формы — *сто* для им. и вин. падежа, *ста* для всех остальных падежей. Разрушение склонения начинается довольно рано. Уже в памятниках XVI века встречаются колебания, отступления от старых норм. Ср., например, *сту саженми* (грамота 1588 г.).

Параллельно склонению числительного *сто* развивается склонение числительных *сорок* и *девяносто*. Они также сохраняют в современном языке каждое лишь две формы — одну для им. п. и вин. п. (*сорок, девяносто*), другую — для всех остальных (*сорока, девяноста*).

В числительном *дъвѣсътѣ* в древности, как уже было сказано, склонялись обе части, причем *съто* шло по двойственному числу. Именительный и винительный падежи по существу сохранили старую форму и в настоящее время, лишь подвергшись некоторому фонетическому изменению: современное *две́сти* восходит к старому *дъвѣсътѣ*, только конечное безударное *ѐ*, которое и в древности было довольно закрытым гласным, стало еще более закрытым и сблизилось с *i*, а оба ъ в слабом положении утратились. В косвенных падежах *дъва* получило новые формы, развившиеся в результате утраты двойственного числа (см. выше), формы же числительного *сто*, опять-таки в связи с утратой двойственного числа, склоняются не по двойственному числу, как раньше, а по множественному, согласуясь в падеже с *два*. Таким образом, развиваются формы — род. п. *двухсо́т*, дат. п. *двумста́м*, тв. п. *двумяста́ми*, местн. п. *двухста́х*.

Именительный и винительный падежи *триста* и *четыреста* сохранили старую форму, остальные же падежи развили формы, параллельные соответствующим падежам *двести*, причем числительные *три* и *четыре* склоняются согласно своему новому склонению (см. выше), а *сто* согласуется с ними совершенно так же, как при *двести*.

В названиях сотен от 500 до 900 включительно им. и вин. падежи сохранили по существу старую форму, лишь подвергшуюся фонетическим изменениям, а именно отражающую падение слабых и прояснение сильных редуцированных, например, *пятьсо́т* < *пѧть сътъ*, *шестьсо́т* < *шесть сътъ* и т. д. В остальных падежах склонение идет совершенно параллельно склонению числительных *двести, триста, четыреста*: согласуются в падежах, с одной стороны, *пять, шесть* и т. д., а с другой

стороны — соответствующий падеж множественного числа числительного *сто*.

Подобно другим числительным, *съто*, как уже было сказано, утратило категорию числа и в целом по числам не изменяется. Лишь в названиях сотен от 200 до 900 включительно сохранились формы множественного числа числительного *съто*. Но, поскольку числительное *съто*, как известно, склонялось по типу склонения существительных с основой на *-о*, склонение множественного числа этого числительного подверглось тем же изменениям, каким подверглось множественное число именного склонения. Поэтому дательный падеж будет *двумстам*, *тремстам* и т. д. (а не *-стом*), тв. — *двумястами*, *тремястами* и т. д. (а не *-сты*), местный (современный предложный) — *двухстах*, *трехстах* (а не *-стѣх*) и т. д.

Все рассмотренные выше числительные по своим грамматическим признакам объединяются в один класс — в одну особую часть речи. И у числительных, обозначающих более высокие числа, как мы видим, развиваются те же отличающие их от других слов грамматические признаки, которые нами были рассмотрены выше на материале названий первых десяти чисел, составляющих единицы первого разряда.

Название *тысяча* целиком сохранило древние формы, и подобно тому, как это было в древности, это слово в грамматическом отношении является не числительным, а существительным числового значения.

Старые названия единиц высших разрядов вышли из употребления. Новые названия — *миллио́н*, *миллиа́рд* — проникли из западноевропейских языков и сравнительно недавно. В грамматическом отношении эти названия также являются не числительными, а счетными существительными.

Порядковые числительные

§ 61. Порядковые числительные с грамматической точки зрения не отличаются от прилагательных. В древнерусском языке существовали именные и местоименные формы порядковых числительных. Параллельно с утратой именных форм относительных прилагательных утратились и именные формы порядковых числительных. Сохранились они лишь в сочетаниях, обозначающих относительное количество урожая: *сам-четвёрт*, *сам-пят*, *сам-шост* (в последнем случае с переходом *е̇>о* перед твердым согласным) и т. п. Местоименные же формы порядковых числительных, склонявшиеся так же, как местоименные прилагательные, подверглись тем же изменениям, каким подвергались последние.

Порядковые числительные большей частью этимологически связаны с количественными числительными, являясь производ-

ными от последних. Исключения составляют, как, впрочем не только во всех славянских, но и в других индоевропейских языках, названия, соответствующие названиям первых двух чисел: ср. *одинъ — пьрвъ, дъва — въторъ*. Числительное *пьрвъ* и *въторъ* этимологически не восходит к названиям чисел. *Пьрвъ* (ср. лит. *pirmas*, скр. *pūrvaḥ*), вероятно, первоначально обозначало «прежний», «ранний», «передний». Не вполне ясна этимология *въторъ*.

Остальные порядковые числительные этимологически связаны с количественными числительными, но основа их в некоторых случаях представляет иную ступень чередования, чем основа соответствующего количественного числительного Ср. триѥ (*trìje*), *три — третии* (уже в древнейших памятниках известно лишь в местоименной форме, напр., въ *третии дьнь*, Остром. евангелие, ср. также современное *сам третей* для обозначения урожая, из *tretìjь*), *четыре — четвьртъ* (чередование здесь сложилось, повидимому, еще до образования общеславянского языка-основы, ср. лит. *keturì — ketvir̃tas*), *пѧть — пѧтъ* и т. д.

Особых замечаний требуют порядковые числительные «7-й» и «8-й». В литературном языке налична форма *седьмо́й* с *д* перед *м*, по говорам же широко распространена форма без *д* (как и в количественном числительном *семь*) — *семо́й*, или, с другим ударением, *сёмый*. Такая форма порядкового числительного известна уже древнейшим памятникам. Ср., например, въ годинѫ семѫѭ (Остром. евангелие), *семое* число (XIII слов Григория Богослова XI в.), възѧша селъ 6, *семое* городъ (Лавр. летоп.). В старославянском *d*, как известно, сохраняется не только в порядковом числительном, но и в количественном: ср. седмь — седмъ. Сохранение *d* объясняется здесь следующим образом. Вообще *d* перед *m* должно было теряться еще на общеславянской почве (ср. 1-е л. ед. ч. *дамь*). Но здесь в раннюю эпоху развития общеславянского языка-основы было не *dm*, а *bdm* — ср. греч. ἕβδομος < *ἕβδμος «7-й». В этом сочетании повсеместно на славянской почве теряется лишь *b (б)*, *d* же может сохраняться. В восточнославянской области и в этом сочетании еще в дописьменную эпоху теряется и *d*. Литературная форма *седьмо́й* может объясняться и церковнославянским влиянием. Но не исключена возможность наличия в древнем языке параллельной формы с *ь* между согласными (на нее указывает как-будто мягкость *д*').

В порядковом числительном *во́сьмо́й* начальное *v* по аналогии к *во́семь*. По говорам широко известна форма *о́сьмо́й*, отражающая древние фонетические отношения (ср. то, что было сказано выше относительно формы *восемнадцать*, *о́сьмнадцать*).

Порядковые числительные, соответствующие названиям алгорифмических чисел, подобно последним, выражаются различными сочетаниями.

Собирательные числительные

§ 62. В древности существовали собирательные числительные типа *дъвое*, *трое*, *четверо* (или, с другой ступенью чередования, *четворо*). Склонялись они частью по именному, частью по местоименному склонению: ср., например, *сѹщьство* нераздѣльно и трисъставьно единого *троего* ба (Новг. Минея 1096 г.), троѥсть не моштьно ми разоумѣти, а *четвера* не разоумѣѭ (Святосл. Изборн. 1073 г.). Собирательные эти могли склоняться не только по единственному, но и по множественному числу: ср., например: Сице субо сѫть съложены въ пѧтерьницахъ кънижьныихъ *четворѣх* (Святосл. Изборн. 1073 г.).

В дальнейшем косвенные падежи собирательных числительных сохраняются лишь во множественном числе. Ср. совр. *двоúх*, *троúх*, *четверы́х* и т. п.

Поскольку собирательные склоняются в косвенных падежах по множественному числу, формы, сближающиеся с множественным числом, являются и в именительном падеже. Ср. современные диалектные *двóи*, *трóи*. Впрочем, окончание *-i* в именительном падеже известно у собирательных уже в древнейших памятниках. Ср. также, правда, уже в более поздних памятниках — идѣ же святая богородица видѣла *двои* люди, едины *смѣющеся*, а другыи плачющася (Хождение игумена Даниила).

Как показывают приведенные примеры, собирательные числительные, если они сочетались с существительными, согласовывались с последними. В дальнейшем, в отношении синтаксического употребления они разделили судьбу количественных числительных: в составе подлежащего они образуют неразложимое сочетание с существительным (им. п. числительного + род. п. мн. ч. существительного), в составе же второстепенного члена зависят от существительного и согласуются с ним. Ср., например, *трое парней*, *троих парней*, *троим парням* и т. д. Впрочем, в некоторых говорах сохранилось согласование в именительном падеже: *двои*, *трои мужыки* и т. п.

Сузилось на протяжении исторического развития языка употребление собирательных числительных. В древности, как показывают приведенные выше примеры, они могли сочетаться с самыми различными существительными. В современном языке, по крайней мере, литературном, они сочетаются лишь с названиями лиц, и притом главным образом мужского пола (нельзя, например, сказать *трое собак*).

ГЛАГОЛ

Общие замечания

§ 63. Глагол является той частью речи, в которой на протяжении исторического развития русского языка произошли наиболее крупные изменения.

Грамматическими категориями, характеризующими глагол, являются категории *вида*, *времени*, *наклонения*, *залога* и *лица*.

Наиболее крупные изменения произошли в категориях вида и времени. Обе они выражают отношение действия ко времени, вследствие чего теснейшим образом взаимно связаны.

Категория времени выражает отношение действия к моменту речи, т. е. показывает, когда происходит действие, одновременно с моментом речи (настоящее время), до момента речи (прошедшее время), или после момента речи (будущее время). Категория же вида характеризует самое действие с точки зрения протекания его во времени, независимо от момента речи, т. е., например, показывает, ограничено или не ограничено действие во времени, длительное оно или мгновенное, единичное или повторяющееся.

Система времен древнерусского языка эпохи древнейших памятников, а особенно эпохи, непосредственно предшествующей ей (поскольку в древнейших памятниках уже наблюдаются некоторые колебания, свидетельствующие об отходе от первоначального состояния), в целом та же, что в старославянском языке. Она существенно в то же время отличается от системы времен современного русского языка. В современном русском языке, как известно, лишь три времени — настоящее, прошедшее и будущее,— в древнерусском языке времен было значительно больше. Некоторые отношения, в современном языке выражаемые видом, в древнерусском языке выражались временем, хотя там, как увидим, был и вид.

Древнерусская система времен

§ 64. Древнерусская система времен представляется в следующем виде. Как и в современном языке, все формы любого глагола образовывались от двух основ — от основы инфинитива и от основы настоящего времени, которые между собой непосредственно связаны не были, т.е., зная основу инфинитива, нельзя прямо по ней сказать, какова будет основа настоящего времени, и обратно, зная основу настоящего времени, нельзя прямо сказать, какова будет основа инфинитива. Настоящее время, как и в современном языке, было одно. Глагол изменялся по лицам, причем, как и в современном языке, было три лица, но, в отличие от современного языка, не только единственного и множественного, а также и двойственного числа (глагол-сказуемое, зависящий от подлежащего имени или местоимения в двойственном числе, стоял в соответствующем лице двойственного числа). Настоящее время спрягалось, т. е. изменялось по лицам следующим образом:

1-й образец — глагол *нести*

Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л. несу	несемъ	несевѣ
2-е л. несешь (несеши)	несете	несета
3-е л. несеть (несе)	несуть	несета

2-й образец — глагол *видѣти*

Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л. вижю	видимъ	видивѣ
2-е л. видишь (видиши)	видите	видита
3-е л. видить	видѧть	видита

3-й образец — глагол *вѣдѣти* «знать»

Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л. вѣмь	вѣмъ	вѣвѣ
2-е л. вѣси	вѣсте	вѣста
3-е л. вѣсть	вѣдѧть	вѣста

В зависимости от характера основы настоящего времени принято различать пять классов. Подобно друг другу спрягаются первые три класса, вследствие чего для них приведен лишь один образец (дан глагол I класса *нести*). В качестве 2-го образца приведен глагол IV класса *видѣти*, в качестве 3-го образца — глагол V класса *вѣдѣти*. Четыре первые класса имеют одни и те же личные окончания и различаются лишь звуками, предшест-

вующими этим окончаниям. Окончание 1-го лица ед. ч. у всех классов, кроме пятого в древнерусском языке *-u* (в старославянском ему соответствует *-ǫ*). Этому *-u* в IV классе обязательно предшествует мягкий согласный. Окончаниями следующих лиц (по порядку) являются — *š'ь* (*-š'i*), *-tь*, *-mъ*, *-te*, *-tь*, *-vě*, *-ta*, *-ta*. Во всех лицах кроме 1-го единственного и 3-го множественного числа, в I, II и III классах этим окончаниям предшествует гласный *-e-*, например, *несешь* (I класс), *двинешь* (II класс), *знаешь* (III класс), а в IV классе *-i-*, например, *видишь*. В 3-м лице мн. ч. окончанию *-tь* в первых трех классах предшествует в древнерусском языке гласный *-u-* (в старославянском носовое *-ǫ-*), например, *несуть* (I кл.— ст.-слав. несѫтъ), *двинуть* (II кл.— ст.-слав. двигнѫтъ), *знають* (III кл.—ст.-слав. знаѭтъ), а в IV классе в древнерусском языке *-'a-* после мягкого согласного (или несколько более переднее *-ä-*), в старославянском же языке носовое *-ę-*, например, *вид*ѧ*ть* (ст.-слав. видѧтъ). Как легко видеть, первые три класса соответствуют нашему 1-му спряжению, а IV класс нашему 2-му спряжению.

Различаются три первые класса в зависимости от элемента, предшествующего *-u* 1-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. числа, *-e*— остальных лиц. В I классе этим гласным предшествует несмягченный согласный, являющийся в то же время конечным согласным корня, например, *нес-у*, *нес-ешь* (перед *e* этот согласный фонетически становится полумягким), ср. инфинитив *нес-ти*. Во II классе этим гласным предшествует согласный *-n-*, не принадлежащий к корню, например, *двину*, *двинешь* (о том, что это *n* не принадлежит корню, хотя мы и находим *n* в инфинитиве, ср. *двинути*, ст.-слав. двигнѫти, свидетельствуют такие формы, как *двигати* — корень *dvig-*). В III классе этим гласным предшествуют *j* или различные смягченные согласные, причем *j* также не принадлежит корню, ср., например, *знаю* (фонетически *zna-j-u*)— инфинитив *зна-ти* (корень *zna-*). Что же касается до мягких согласных, то здесь являются именно такие мягкие согласные, которые исторически представляют собой сочетания различных согласных с *j* (ср., например, *пишю* < **pis-j-ǫ*; *j* здесь также не принадлежал корню, ср. инфинитив *пис-а-ти*). В I классе мы также можем встретить мягкие согласные, но только шипящие (*š'*, *ž'*) и только в формах 2-го и 3-го л. ед. ч., 1-го и 2-го л. мн. ч. и во всех лицах двойственного числа, но не в 1-м л. ед. ч. и не в 3-м л. мн. ч., и притом лишь в тех случаях, когда в конце основы в 1-м лице ед. ч. и в 3-м мн. ч. является задненебный согласный (*к*, *g*). Шипящий в данном случае является результатом фонетического изменения задненебного согласного перед гласным переднего ряда (по первой палатализации). Ср. *пеку* — *печешь*.

Пятый класс очень малочислен. В него входит в историческую эпоху лишь пять глаголов: *вѣмь*, *дамь*, *есмь*, *имамь*, *ѣмь* (ст.-слав. ꙗмь). Возможно, раньше этот класс был более много-

численным. В отличие от первых четырех классов он характеризуется иными, чем в этих классах, личными окончаниями, примыкающими непосредственно к корню, оканчивающемуся на согласный (исключение составляет один глагол *имамь*, который и еще кое в чем отличается от остальных глаголов этого класса). Этот класс называют также нетематическим. Тематическим гласным называют конечный гласный основы, не имеющий значения, но служащий лишь для соединения морфем (в данном случае основы и окончания). Таким тематическим гласным в первых трех классах является *е*, в четвертом — *i*. В V же классе окончание примыкает непосредственно к корню без такого гласного. Поэтому этот класс и называется нетематическим.

Личными окончаниями в V классе являются в 1-м лице ед. ч. *-мь (вѣмь)*, во 2-м лице ед. ч. *-si (вѣси)*. Остальные лица не представляют в окончаниях особенностей сравнительно с остальными четырьмя классами. Следует заметить, что глагол *имамь* в отличие от остальных глаголов этого класса, имеет во 2-м лице ед. ч. окончание, одинаковое с глаголами остальных классов — *имаши, имашь*. 3-е лицо мн. числа имеет форму, подобную IV классу: *вѣдѧть* (ст.-слав. вѣдатъ). Различная форма корня, непосредственно предшествующего окончанию, представляет собой результат фонетических изменений, имевших место в дописьменную эпоху. Так у глагола *вѣдѣти* корень *věd-*. В 1-м лице ед. и мн. ч. *d* фонетически терялось перед *m* (т. е. *вѣмь*< <**věd-mь*, *вѣмъ* <**věd-mъ*). Точно так же *d* терялось перед *s* во 2-м лице ед. ч. (т. е. *вѣси*<**vědsi*). Сочетание *dt* (повидимому, через ступень *tt*) изменялось в *st*, т. е. в сочетании двух взрывных первый ослаблялся, утрачивал смык, в результате чего являлось сочетание «фрикативный +взрывный». Поэтому в 3-м лице ед. ч., во 2-м лице мн. ч., во 2-м и 3-м л. дв. являются формы *вѣсть, вѣсте, вѣста*<**vědtь*, **vedte*, **věd-ta*. В 1-м лице дв. ч. *d* терялось перед *v*: *вѣвѣ*<**věd-vě*.

Различие указанных классов более или менее четко выступало для общеславянского языка-основы, и то более раннего периода его развития. Вследствие фонетических процессов, имевших место еще в доисторическое время, элемент, являвшийся показателем соответствующего класса, во многих случаях затемнен. В особенности это относится к глаголам III класса, где имели место различные случаи слияния согласного с *j*.

§ 65. Прошедших времен, в отличие от современного языка, было четыре. Впрочем, одно из них, как увидим, не являлось в полном смысле прошедшим. Прошедшие времена были простые и сложные. Простые прошедшие времена, как и в старославянском языке, выражались формой одного слова, сложные же времена выражались сочетанием вспомогательного глагола и причастия.

Простые прошедшие времена, как и в старославянском языке, образовывались от основы инфинитива. Их было два — *имперфект* и *аорист*. Имперфект (от лат. *imperfectum* «несовер-

шенное») выражал действие в прошлом, неограниченное во времени, длительное или повторяемое, но опять-таки без ограничения во времени этой повторяемости. Аорист (от греч. ἀόριστος «неопределенный», «неограниченный») выражал действие в прошлом, без более точного определения, мгновенное или длительное, но во всяком случае единое, не расчлененное на составные моменты. Более точная характеристика значений имперфекта и аориста тесно связана с вопросом о виде, вследствие чего подробнее будет рассмотрена ниже.

Имперфект образуется от основы инфинитива посредством суффикса *-ах-* (*-äх-*). Если основа инфинитива оканчивается на *-а-*, это *а*, сливаясь с началом суффикса, дает одно *а*, например: *знати — знахъ* (1-е л. ед. ч. имперфекта). Если основа инфинитива оканчивается на *-i-*, этому *а* предшествует мягкий согласный, например: *молити — молѧхъ* (фонетически *mol'äхъ*). Если основа инфинитива оканчивалась на другие гласные, возможно, что в эпоху древнейших памятников в суффиксе было не *а*, а более переднее *ä*, согласный же перед ним не был еще смягченный, а был полумягкий, например: *видѣти — видѧхъ* (фонетически, возможно, *vidäхъ*). То же самое наблюдалось и в том случае, если основа инфинитива оканчивалась на согласный, например: *нести — несѧхъ* (фонетически, возможно, *nesäхъ*). Если инфинитив оканчивался не на *-ti* (как обычно), а на *-či*, перед суффиксом *-ах-* являлся шипящий согласный, тот же, что в основе настоящего времени, например: *печи — печахъ* (ср. *печешь* и т. д.), *мочи — можахъ* (ср. *можешь* и т. д.).

Это объясняется тем, что в качестве основы инфинитива, поскольку соответствующая форма имперфекта сложилась еще на общеславянской почве, принимается в расчет (в тех случаях, когда в этой основе произошли в дописьменную эпоху известные фонетические изменения) не тот вид, какой основа имеет в эпоху древнейших памятников, а тот, какой она имела раньше, до соответствующих фонетических преобразований. Поэтому, если форма инфинитива оканчивается на *-sti*, *s* перед суффиксом имперфекта является лишь тогда, когда это *s* есть и в основе настоящего времени, в других же случаях перед суффиксом тот же согласный, который наблюдается в основе настоящего времени, например: *плести — плетѧхъ* (ср. *плету*, *плетешь*), *вести — ведѧхъ* (ср. *веду*, *ведешь*), *вести — везѧхъ* (ср. *везу*, *везешь*). В соответствующих инфинитивах, как известно, сочетание *st* получено из *tt*, а в последнем случае из *zt* (в результате оглушения *z* перед глухим *t*). Точно так же в тех случаях, когда в историческое время основа инфинитива оканчивается на гласный, но некогда здесь был согласный, который фонетически исчез, перед суффиксом инфинитива является тот же согласный, что и в основе настоящего времени, например: *грети — гребѧхъ* (ср. *гребу*, *гребешь*). Так же от глагола *ити* имперфект имеет форму *идѧхъ* (ср. *иду*, *идешь*).

В суффиксе *-ах-* перед последующим гласным переднего ряда вместо *х* являлось *š'* (в результате первой палатализации).

В отличие от современного языка прошедшие времена (и имперфект в том числе) изменялись по лицам, как и настоящее время, но личные окончания были другие, чем в настоящем времени.

Спряжение имперфекта представляется в следующем виде:

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л.	несахъ	несахомъ	несаховѣ
2-е л.	несаше	несашете	несашета
3-е л.	несаше	несаху	несашета

В 3-м лице единственного и множественного числа в древнерусском языке к приведенной форме часто присоединяется окончание *-ть* (как в настоящем времени), т. е. наряду с формами *несаше, несаху* являются формы *несашеть, несахуть.*

В формах 2-го л. мн. ч. и 2-го и 3-го л. дв. ч. между согласными *š'* и *t* может являться не *е*, а *ь*, т. е. эти формы принимают вид *несашьте, несашьта.* Мы находим их в русских памятниках, главным образом северных, в XIII—XIV вв., т. е. в ту эпоху, когда *ь*, бывшее здесь в слабом положении, должно было уже исчезнуть, вследствие чего они пишутся как с *ь* (по традиции), так и без *ь*, например: *стоюшьте* (3-е л. дв. ч., Ростовское житие Нифонта 1219 г.), *идашьта, хожашьта* (Еванг. 1357 г.), *бaшта* (Толстовский сборник XIII в.), *идашта, чюдаштася* (Еванг. 1358 г.). Мы не знаем, насколько это древние формы (тот факт, что они в древнейших памятниках не засвидетельствованы, не может служить достаточной гарантией, что их в древнейшую эпоху нашей письменности в живом языке не было), но во всяком случае они должны были сложиться еще тогда, когда *ь* еще не исчезло, поскольку иначе трудно объяснить здесь *š'*.

Наряду с формами на *-šete, -šeta* в тех же лицах уже в древнейших памятниках являются формы вообще без гласного, но с *s* вместо *š'*, т. е. оканчивающиеся на *-ste, -sta*, например: *бѣста* (Остром. евангелие), *идаста* (Арханг. евангелие 1092 г.), *видаста* (Житие Феодосия Печерского XII в.), *живаста* (Лавр. летоп.).

§ 66. Аорист образовывался также от основы инфинитива при помощи суффикса *х (s).* В том случае, если основа инфинитива оканчивалась на гласный звук, суффикс примыкал непосредственно к этому гласному, например: *знати — знахъ* (таким образом, в случае основы на *-а-* 1-е лицо ед. ч. аориста было тождественно по форме 1-му лицу ед. ч. имперфекта), *видѣти — видѣхъ, ходити — ходихъ* и т. д. Если основа инфинитива оканчивалась на согласный звук, между последним и суффиксом являлся тематический гласный *-о-*, например, *нести — несохъ.* Следует заметить, что, как и в имперфекте, нужно принимать во

внимание не ту форму основы, которая является в эпоху древнейших памятников, а ту, какая была раньше. Так, в том случае, если форма инфинитива кончается на *-čі*, форма аориста образуется как от основы на согласный, причем в конце основы является задненебный согласный, и именно тот, который в основе настоящего времени (поскольку в данном случае *č* развилось в доисторическое время фонетически из сочетания *kt*), например, *печи — пекохъ* (ср. *пеку*), *мочи — могохъ* (ср. *могу*). Если основа кончается на *-sti*, но *s* не является здесь исконным (о чем можно судить на основании того, что его нет в основе настоящего времени), также является тот согласный, что и в основе настоящего времени, например: *плести — плетохъ* (ср. *плету*; *st* в инфинитиве фонетически из *tt*), *вести — ведохъ* (ср. *веду*), но *везти — везохъ* (ср. *везу*) — здесь *s* в инфинитиве из *z* в результате оглушения перед глухим согласным. В тех случаях, когда основа инфинитива оканчивается на гласный, но исторически в конце ее был некогда согласный, фонетически исчезнувший перед *t*, аорист образуется так же, как от основы на согласный, причем согласный является тот же, что в основе настоящего времени, например: *грети — гребохъ* (ср. *гребу*). Так же образуется аорист и от глагола *ити*, хотя здесь нет оснований предполагать фонетическое исчезновение согласного перед *t*: *идохъ* (ср. *иду*).

Суффикс аориста является в форме *х* перед гласными заднего ряда и форме *s* перед *t*. Перед гласными переднего ряда он, как и в имперфекте, изменяется в *š'* (результат первой палатализации).

Спряжение аориста представляется в следующем виде:

А) В случае основы инфинитива на гласный

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л.	знахъ	знахомъ	знаховѣ
2-е л.	зна	знасте	знаста
3-е л.	зна	знаша	знаста

Б) В случае основы инфинитива на согласный

1-е л.	несохъ	несохомъ	несоховѣ
2-е л.	несе	несосте	несоста
3-е л.	несе	несоша	несоста

В 3-м лице мн. ч. *х* меняется на *š'*, так как здесь некогда был гласный переднего ряда: это *а* произошло из *ę*, на что указывает старославянская форма несошѧ.

Во 2-м и 3-м лице ед. ч., в том случае, если эта форма односложная (не считая приставки), возможно добавление к указанной выше форме элемента *-тъ*, например, *битъ*, *избитъ* (наряду с *би*, *изби*).

В глаголах V класса в тех же формах возможно добавление элемента *-stъ*, *-stь*, например, *дастъ*, *дасть* (наряду с *да*), *быстъ*, *бысть* (наряду с *бы*).

§ 67. Неправильно образовывались имперфект и аорист от вспомогательного глагола *быти*.

Имперфект имел форму 1-го л. ед. ч. *бѧхъ* (общим с инфинитивом был лишь начальный согласный *b*-). Остальные лица образовывались вполне регулярно (2-е л. ед. ч. *бѧше* и т. д.).

Аорист имел две формы. Одна из них образовывалась вполне закономерно (как образовывались аористы при основе инфинитива на гласный): 1-е л. ед. ч. *быхъ* и т. д. Другая в 1-м л. ед. ч. давала *бѣхъ* (т. е. опять-таки общим с инфинитивом был лишь начальный согласный *b*-). Остальные формы так же образовывались вполне регулярно: 2-е л. ед. ч. *бѣ* и т. д. Эта вторая форма аориста вспомогательного глагола, хотя по происхождению и представляет собой аорист, в памятниках обычно употреблялась в значении имперфекта.

§ 68. Простые прошедшие времена, как легко видеть, отличаются от настоящего времени не только суффиксами, но для части лиц, именно для всех лиц единственного числа и для 3-го лица множественного числа, также и личными окончаниями (окончания 1-го и 2-го лица множественного числа, а также всех лиц двойственного числа для настоящего времени и прошедших времен одинаковы). Так 1-е л. ед. ч. в настоящем времени оканчивается на *-u* (ст.-слав.-*ǫ*), а в имперфекте и аористе на *-ъ*; 2-е и 3-е л. ед. ч. в настоящем времени оканчиваются соответственно на *-š'ь* (ст.-слав. *-ši*,), *-tь* (ст.-слав. *-tъ*), а в простых прошедших временах в обоих случаях одинаково — на *-e* в имперфекте всегда от любого глагола и в аористе с основой инфинитива на согласный, на чистую основу в аористе с основой инфинитива на гласный; 3-е л. мн. ч. оканчивается в настоящем времени на *-tь* (ст.-слав.*-tъ*), в имперфекте же на *-u* (ст.-слав. *-ǫ*), а в аористе на *-a* (ст.-слав. *-ę*).

§ 69. Сложными временами были *пе́рфект* и *давнопроше́дшее* (или *плюсквамперфект*).

Перфект (от лат. *perfectum* «совершенное») образовывался сочетанием настоящего времени вспомогательного глагола *ѥсмь* и несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на *-l*-, например, *ѥсмь пришьлъ*, *ѥсмь принеслъ*. При этом по лицам изменялось настоящее время вспомогательного глагола, причастие же (в зависимости от того, какое было подлежащее) изменялось по родам и числам. Перфект не был в строгом смысле слова прошедшим временем. Он выражал отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом совершенного в прошлом действия (таким образом, на прошлое имеется лишь указание, но сам он прошлого не выражает), например: *ѥсмь пришьлъ* обозначает «я пришел и (в результате этого) нахожусь здесь» (а не констатирует лишь факт прихода

в прошлом); *кєсмь принеслъ* обозначает «я принес и (то, что я принес) находится здесь».

Давнопрошедшее время образовывалось сочетанием имперфекта (*бѧхъ*) или аориста вспомогательного глагола в форме *бѣхъ* и действительного причастия прошедшего времени на *-l-*, например: *бѧхъ неслъ* или *бѣхъ неслъ*. Давнопрошедшее время употреблялось чаще в придаточном предложении и обозначало действие в прошлом, предшествующее другому, также прошлому действию, выраженному глаголом главного предложения, или же отнесенное к прошлому состояние, являющееся результатом еще ранее законченного действия, но могло употребляться и в независимом предложении в основном с тем же значением, например: оу юрополка же жена грекини *бѣ* и *бѧше была* черницею, *бѣ* бо *привелъ* ѿць его ст҃ославъ и вда ю за юрополка (Лавр. летоп.) «У Ярополка же жена была гречанка и (прежде) была монахиней, так как (ее) привел отец его Святослав и отдал ее за Ярополка».

§ 70. Вопрос о том, насколько в древнерусском языке эпохи древнейших памятников оформилось *будущее* время, представляет некоторую сложность. Несомненно, что и в языке того времени, как и теперь, были определенные средства для выражения действия, которое еще не совершилось в момент речи, но должно совершиться после этого момента. Но вопрос состоит в том, насколько эти средства оформились морфологически. В современном русском языке есть две формы будущего времени — простое будущее для глаголов совершенного вида, ничем не отличающееся от настоящего времени (кроме видовой принадлежности глагола), и сложное будущее для глаголов несовершенного вида. Что касается до простой формы будущего времени, то в древнерусском языке были формы типа *поиду*, наряду с формами типа *иду*, но вопрос о том, насколько первые служили специально для передачи будущего, а вторые настоящего времени, неразрывно связан с вопросом о том, насколько четко сложилось в языке противопоставление глаголов совершенного и несовершенного видов. Это противопоставление, как увидим, в древнерусском языке уже наметилось, но еще не достигло той степени, какую мы видим в современном языке, а следовательно, и разграничение будущего времени совершенного вида и настоящего времени несовершенного вида еще не выкристаллизовалось в той мере, как в современном языке.

Будущее время несовершенного вида в современном языке выражается, как известно, сочетанием инфинитива с формой вспомогательного глагола *буду* (в различных лицах). В древности также будущее время могло выражаться сочетанием инфинитива со вспомогательным глаголом. Но, во-первых, этих глаголов, игравших роль вспомогательного при образовании будущего времени, было несколько, причем соответствующие формы их впоследствии закрепились частью в значении настоящего

времени, частью в значении будущего времени совершенного вида, во-вторых, именно глагол *буду* в этой функции в эпоху древнейших памятников в сочетании с инфинитивом еще не употреблялся. Будущее время выражали такие сочетания, как, например, *начьну писати, почьну писати, хочю писати, имамь писати* и т. п. Самая множественность глаголов, терявших свое лексическое значение и приобретавших служебную роль для выражения будущего времени, говорит о том, что здесь мы скорее имеем дело еще со свободным синтаксическим сочетанием, а не со стабилизировавшейся морфологической формой. Ведь несомненно, что стабилизировавшиеся аналитические формы, представляющие собой морфологическое средство, по происхождению являются синтаксическими сочетаниями.

Мы как будто находим в древнерусском языке одну аналитическую форму для выражения специально будущего времени, притом такую, которой нет в современном языке. Это так называемое преждебудущее время, выражающееся сочетанием глагола *буду* и действительного причастия прошедшего времени на *-l-*, например: *буду привелъ, буду принеслъ*. В этом сочетании глагол *буду* употребляется. Преждебудущее время выражает действие в будущем, которое совершится раньше другого действия. Оно обычно употребляется в придаточном предложении, причем чаще всего в условном, например: оже *будеть убилъ* въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити (Русская Правда) «Если убьет в ссоре или в пиру явно, то так ему платить» (платить виновник, будет, конечно, после того, как убьет). Ввиду такого употребления некоторые лингвисты и считали эту форму специально условным будущим. Но А. А. Потебня указал на то, что эта форма лишь часто, но не всегда, употребляется в условных предложениях и что условность вносится лишь условным союзом, но не определяется значением самой глагольной формы. Примером употребления формы не в условном предложении может служить: да возьметь свое иже *будеть погубилъ* (Ипат. летоп.) «Пусть возьмет свое тот, который потеряет» (ясно, что потеряет он раньше, а возьмет потом — пример взят из договоров с греками). Значение рассматриваемой формы может быть в какой-то мере уподоблено перфекту — она также может выражать (и обычно выражает) результат ранее совершенного действия, но отнесенный не к настоящему, а к будущему («возьмет свое тот, кто в то время окажется потерявшим», «будет платить тот, кто в то время окажется убившим»).

Это время, как видим, имеет относительное значение, т. е. определяет действие не непосредственно по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени другого действия. Но выражало ли оно в эпоху древнейших памятников специально будущее время или же приобретало это значение лишь в некоторых случаях в зависимости от контекста? Это опять-таки связано с тем, насколько установилось будущее время, выражающее

отиошение непосредствеино к момеиту речи. Примеры показывают, что в главиом предложеиии очеиь часто стоят формы, ие имеющие временного зиачеиия, да и вряд ли случайно то обстоятельство, что сама форма «преждебудущего времеии» чаще всего употребляется в условных предложеииях. Если в эпоху древнейших памятииков будущее время уже и устаиавливается, то во всяком случае оно еще ие выкристаллизовалось в той степеии, как в современном русском языке.

Глагол *буду*, который выступает в качестве вспомогательиого при образоваиии преждебудущего времеии, употребляется также в составе составиого сказуемого — в сочетании с именами (существительиыми, прилагательиыми) и страдательиыми причастиями прошедшего времеии. Что же касается до самого глагола *буду*, который для современного языка является едииствеиной простой формой специальио будущего времеии, ие связаиной в то же время с совершеииым видом, то эта форма первоиачальио не служила для обозиачения будущего времени, ио зиачеиие ее как формы будущего времеии тесиейшим образом связано с ее видовым зиачеиием (первоиачальио эта форма выражала иачало действия, о чем иижe, см. стр. 217, лишь впоследствии видовое значение ее стерлось).

§ 71. Такова была система времеи древнерусского языка эпохи древиейших дошедших до иас памятииков. Миогочислеииые времена в соответствии с современиыми русскими тремя временами свойственны миогим языкам, в частиости, большииству западноевропейских языков, а имеиио различиым современиым германским и ромаиским языкам. Но в этих языках иет грамматической категории вида, и миогие отиошения, у нас выражаемые видами, в этих языках выражаются времеиами. Сложность древнерусской глагольиой системы состоит в том, что ей, помимо миогочислеииых времеи, были свойственны и виды, хотя отношеиия видов были иесколько ииые, чем в современном языке. Вопрос о видах, ввиду его сложности и иеобходимости исследоваиия его в плане исторического развития соответствующей категории, будет рассмотреи иижe.

Наклонение

§ 72. Категория *наклонения*, выражающая отиошеиие действия к действительиости, была представлена в древиерусском языке сравнительно немиогими формами. Мы ие касаемся *прямого* или *изъявительного* наклонения, в котором отиошеиие действия к действительности по существу иикак ие выражено (школьное определеиие изъявительиого иаклонения, как формы, выражающей действие, происходящее в действительиости, не является точным), поскольку все рассмотренные выше временные формы относятся именно к изъявительиому наклонению,

само же изъявительное наклонение в древнерусском языке, как и в современном, никакого специального показателя не имело. Из *косвенных* же *(ирреальных)* наклонений, выражающих действие в определенных отношениях к действительности, в древнерусском языке, как и теперь, различалось лишь два — *повелительное* и *условное* или *сослагательное*.

Повелительное наклонение образовывалось обычно от основы настоящего времени и, в отличие от современного языка, изменялось по лицам, причем в единственном числе были формы 2-го и 3-го лица, а во множественном и в двойственном числе — 1-го и 2-го лица. Специального суффикса, характеризовавшего повелительное наклонение, не было, но окончания частью были иные, чем в настоящем времени, частью же иными были элементы, предшествующие окончаниям. Спрягалось повелительное наклонение следующим образом:

I и II классы

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л.		несѣмъ	несѣвѣ
2-е л.	неси	несѣте	несѣта
3-е л.	неси		

III и IV классы

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л.		молимъ	моливѣ
2-е л.	моли	молите	молита
3-е л.	моли		

V класс

	Ед. ч.	*Мн. ч.*	*Дв. ч.*
1-е л.		ѣдимъ	ѣдивѣ
2-е л.	ѣжь	ѣдите	ѣдита
3-е л.	ѣжь		

Глаголы II класса спрягаются по образцу глаголов I класса, сохраняя характерное для основы настоящего времени *-н-* (ср. *двину — двини*). В том случае, если в конце глагольной основы задненебный согласный (в I классе), в повелительном наклонении вместо него является переднеязычный свистящий (в результате второй палатализации), например: *пеку — пеци, лѧгу — лѧзи*. Некоторые глаголы I класса имеют в повелительном наклонении иной корневой гласный сравнительно с настоящим временем, например: *реку — рьци* (впрочем, возможно и в настоящем времени *рьку*).

Глаголы III и IV классов также спрягаются одинаково.

В глаголах V класса, имеющих в корне *d*, наблюдается чередование *d/ž'*. Оно объясняется тем, что 2-е и 3-е л. ед. ч. некогда оканчивались на *jь*. Сочетание *dj* дало *ž'*.

Но наличие *j*, предполагаемое для общеславянского языка-основы (ср., напр., ст.-слав. даждь), не подтверждается другими индоевропейскими языками. Поэтому выдвигается и другое предположение, а именно окончание славянского повелительного наклонения возводится к **dhí* (ср. санскр. *ēdhi*<**es-dhi* «будь») — в сочетании *dd* вследствие интенсивности затвора имеет место палатализация, приводящая к изменению *dd*>*dž'*>*ž'*. Но это предположение также является спорным. Непонятно, почему (если такое изменение действительно имело место) сочетания *tt*, *dt* в общеславянском языке-основе дали *st*.

Условное или сослагательное наклонение выражалось сложной формой, а именно сочетанием аориста вспомогательного глагола *быти* (в форме *быхъ* и т. д.) и действительного причастия прошедшего времени на *-l-*, например: *быхъ неслъ*. Вспомогательный глагол, как вообще в аористе, изменялся по лицам, а причастие — по родам и числам.

Залог

§ 73. Категория залога в древнерусском языке была развита слабо. В современном языке, если оставить в стороне причастия, есть лишь одно живое и продуктивное средство передачи залоговых значений, т. е. значений отношения действия к его субъекту и объекту, а именно возвратная частица *-ся*. Глаголы с *-ся* представляют собой глаголы с формально выраженной непереходностью, при них не может стоять прямое дополнение в винительном падеже. Глаголы же без *-ся* представляют собой глаголы, форма которых не выражает отношения их к переходности и непереходности. Такие глаголы могут быть как переходными, так и непереходными. Это *-ся* по происхождению представляет собой энклитическую форму вин. п. возвратного местоимения, которое в древнерусском языке представляло собой отдельное слово (см. выше). Оно не слилось еще и с глагольной формой, являясь не морфологическим, а синтаксическим служебным средством для выражения непереходности. Правда, уже в древнейшую историческую эпоху некоторые глаголы не могли употребляться без сѧ (как и теперь), например, *боѧти сѧ*, *стыдѣти сѧ*. Но и при этих глаголах *сѧ* было подвижно, оно могло стоять не только после глагольной формы, но и перед ней, могло быть отделено от нее другими словами, могло, наконец, относиться одновременно к нескольким глаголам, например: кое оуне *боѧти* ми сѧ или радовати сѧ (Златоструй XII в.) и возмуть на сѧ прутье младое (и) бьють сѧ сами и того *сѧ добьють* егда влѣзуть (вместо вылѣзуть) ли живи (Лавр. летоп). Здесь, кстати, следует заметить, что «бьють ся сами» обозначает

не «бьются сами», а «бьют себя сами». Это указывает на возможность в то время употребления энклитической формы местоимения вин. п. в самостоятельном значении, а не как служебного слова при глагольной форме.

При немногих глаголах, обозначающих душевное состояние, для выражения действия, собственно даже состояния, не переходящего на объект, а замыкающегося внутри субъекта, употреблялось не *сѧ*, а энклитическая форма дательного падежа того же местоимения *си*, например, *жалити си* «негодовать», «скорбеть».

О некоторых средствах передачи залоговых значений, уже в основном непродуктивных, но сохранившихся от глубокой древности, будет сказано ниже.

Причастия

§ 74. В причастиях различались действительные и страдательные формы. Причастия изменялись по временам, но в отличие от собственно глагола здесь различались лишь настоящее и прошедшее время, причем каждое могло иметь как действительную, так и страдательную форму. Действительная форма настоящего времени оканчивается в им. п. ед. ч. мужск. р. на *-а* после твердого или мягкого согласного, например, *веда, молѧ*. Такую же форму имеет им. п. ед. ч. средн. р. В им. п. ед. ч. женск. р., а также во всех остальных падежных формах всех родов основа причастия оканчивается на *-уč-* у глаголов I, II и III классов, на *-аč'*- после мягкого согласного у глаголов IV класса, например, *несучи, молѧчи*. Эти *-уč'*-, *-аč*- образуют суффикс причастий. Образуются же причастия настоящего времени от основы настоящего времени.

Страдательная форма настоящего времени причастия также образуется от основы настоящего времени, но посредством суффикса *-т-*, которому предшествует тематический гласный *о* после твердых согласных, *е* — после мягких согласных в глаголах I, II и III классов; *і* — в глаголах IV класса, например: *несомъ, знаємъ, молимъ*. Следует заметить, что уже в древнерусских памятниках древнейшей эпохи эти формы употребляются очень редко и преимущественно обусловлены старославянским книжным влиянием.

Действительных форм прошедшего времени было две. Обе они образовывались от основы инфинитива. Одна из них, склоняемая, оканчивалась в им. п. ед. ч. мужск. и средн. р. на *-ъ*, если основа инфинитива оканчивалась на согласный, и на *-въ*, если основа инфинитива оканчивалась на гласный, например, *несъ* (от *нести*), *знавъ* (от *знати*). В отношении конечного согласного основы в тех случаях, когда основа инфинитива оканчивается на согласный, действуют в целом те же правила, как и

при образовании основы аориста, например, *вести — ведъ* (ср. аорист *ведохъ*). В том случае, если основа инфинитива оканчивалась на *а* после мягкого согласного или, возможно, в древнейшую эпоху на более переднее *ä*, которому в старославянском языке соответствует носовое *ę*, в конце основы причастия является носовой согласный, тот же, что в основе настоящего времени, например, *пропѧти* «протянуть»— *пропьнъ* (наст. время *пропьну*), *възѧти — възьмъ* (наст. время *възьму*).

В остальных формах (т. е. за исключением им. п. ед. ч. мужск. и средн. р.) основа причастия прошедшего времени оканчивается на -*ъš’*, -*vъš’*-, например: *несъши, знавъши* (им. п. ед. ч. женск. р.). Несклоняемое действительное причастие прошедшего времени образуется посредством суффикса -*l*- и употребляется для образования сложных (аналитических) глагольных форм (см. выше), например: *нести — неслъ, знати — зналъ*. В том случае, если в конце основы должны быть переднеязычные взрывные согласные *t*, *d*, они теряются по нормам древневосточнославянской фонетики, не допускавшим сочетаний *tl*, *dl*, ср. *плести (плету) — плелъ, вести (веду) — велъ*.

Страдательное причастие прошедшего времени образуется также от основы инфинитива посредством суффикса -*n*- или -*t*- (как в современном языке), например: *нести — несенъ, възѧти— възѧтъ*. Суффикс -*t*- использовался в тех случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на гласный, за исключением *а* после твердых, а также глаголов IV класса. Суффикс -*n*- использовался в тех случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на согласный, на *а*, а также в глаголах IV класса. В тех случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на согласный, между этой основой и суффиксом являлся тематический гласный *е*, например, *нес-ти — нес-е-нъ*. Это *е* являлось и в тех случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на суффиксальное *i* (т. е. в глаголах IV класса), причем само это *i* теряется, а предшествующий ему согласный является на ступени чередования, представляющей собой результат смягчения согласных в сочетании с *j*, например: *пустити — пущенъ, ꙗвити — ꙗвленъ* (ср. выше).

§ 75. Категория *лица*, выражающая отношение действия к лицу, говорящему как к субъекту предложения, состоит, как и в современном языке, в том, что глагол изменяется по лицам, причем имеет три лица — первое, второе и третье (первое выражает, что субъектом действия является сам говорящий, второе — что субъектом является собеседник, третье — что субъект действия не участвует в речи). Изменение по лицам выражается в особых личных окончаниях, причем, как мы видели, изменение по лицам имеет место не только в настоящем времени (и не отграниченном еще строго от него будущем), как теперь, но и в прошедших временах. При этом личные окончания, по крайней мере, для части лиц, в настоящем времени, с одной стороны, и в прошедших, с другой, различаются (см. выше).

Именные формы глагола

§ 76. Помимо собственно глагола, в древнерусском языке, как и в современном, имелись т. наз. *именные формы* глагола, образовывавшие как бы переход от глагола к именам (существительным и прилагательным). Именными формами глагола являлись *инфинитив*, *супин* и *причастия*.

Причастия образуют как бы переход от глагола к прилагательным. Основные формы их рассмотрены выше. Все они изменялись по родам и числам и почти все (за исключением несклоняемых причастий на *-l-*) также по падежам. При этом причастия действительные настоящего и прошедшего времени склонялись по типу мягкой разновидности основ на *-о* (мужск. и средн. р.) и на *-а* (женск. р.), с тем лишь отличием, что им. п. мн. ч. мужск. р. имеет окончание *-ẹ* по типу основ на согласные (например, *несуче*, *несъше*), а им. п. ед. ч. женск. р. окончание *-i* (например, *несучи*, *несъши*), которое, впрочем, свойственно и некоторым (немногим) именам мягкой разновидности на *-а*. Причастия страдательные настоящего и прошедшего времени склоняются целиком по типу основ на *-о* (мужск. и средн. р.) и на *-а* (женск. р.) твердой разновидности.

Инфинитив, выражавший, как и теперь, самое название действия, по употреблению был близок к существительному, но отличался от последнего тем, что не имел склонения. Он характеризовался суффиксом *-ti*, который, в отличие от современного языка, имел такую форму как в ударном, так и в безударном положении (ср. *нести́ — зна́ти*). На месте *-ti* некоторые глаголы (именно те, в конце основы которых в настоящем времени был задненебный согласный *k*, *g*) имели *-či*. Ср., например, *пе́чи (пе́ку)*, *мо́чи (мо́гу)*.

Супин (от лат. *supinum* «обращенное вверх») представлял собой также неизменяемую глагольную форму, образовывавшую переход от глагола к существительному. Он употреблялся для обозначения цели при глаголах движения, т. е. синтаксически представлял собой дополнение при глаголе. Оканчивался он на *-tъ*, например, *нестъ*, *молитъ*. В современном языке в том значении, в котором в древности употреблялся супин, употребляется инфинитив (иногда в сочетании с союзом *что́бы*, но не обязательно). Ср., например: *иду рыбъ ловитъ* «иду (чтобы) ловить рыбу»; *иду битъсѧ* «иду (чтобы) биться».

Отличия древнерусских глагольных форм от старославянских

§ 77. Система глагольных форм, характерная для древнерусского языка, в целом была свойственна всем славянским языкам эпохи древнейших памятников. Различия между разными

славянскими языками той эпохи очень невелики и касаются лишь отдельных форм, некоторых окончаний, а не основных категорий в целом. Это легко видеть, сравнивая древнерусские формы со старославянскими (другие славянские языки не дают достаточного материала для столь древней эпохи). Различия между древнерусскими и старославянскими глагольными формами сводятся к следующему.

Для имперфекта характерными для древнерусского языка были, как уже было сказано, формы с суффиксом *-ах-* (*-äх*). В старославянском им соответствуют формы на *-ѐах*, *-аах-*, например: *несѣахъ*, *молѩахъ*, *знаахъ*. Формы на *-ѐ ах-* наблюдаются в случае основы инфинитива на согласный (за исключением тех случаев, когда в конце основы задненебный согласный, поскольку он изменялся перед гласным переднего ряда *ѐ* в шипящий, а затем *ѐ* после шипящего в *а*). В случае основы инфинитива на *i* последний исчезает, а суффикс имперфекта также является в виде *-аах-* после смягченного согласного. Старославянские и древнерусские формы восходят к одному и тому же источнику, причем старославянские представляют более древний этап развития этих форм. Древнерусские формы на *-ах-*, *-äх-* получились фонетически в результате стяжения гласных *-ѐа*, *-аа*. Стянутые формы мы находим и в более поздних старославянских памятниках, но наряду с ними широко представлены и нестянутые, в древнерусском же живом языке господствовали, повидимому, стянутые формы, нестянутые же встречаются лишь иногда под старославянским влиянием. Стяжение в старославянском языке носит несколько иной характер, чем в древнерусском языке, но это обусловлено фонетическими различиями древнерусского и старославянского языков, а именно *ѐа* в старославянском языке стягиваются в *ѐ* (например, *несѣхъ*), а в древнерусском в *а*, возможно, несколько более переднее. Это объясняется тем, что старославянское *ѐ* было открытым звуком (близким к *а*), древнерусское же *ѐ* — закрытым.

Формы 2-го л. мн. ч. и 2-го и 3-го л. дв. ч. имперфекта содержат в старославянском языке *-šet-* (что возможно и в древнерусском языке), но не *-šьt* и *-št-* (что также возможно в древнерусском языке).

Аорист в случае основы инфинитива на гласный образовывался в старославянском языке в основном так же, как в древнерусском. Только в глаголах с основой на носовое *ę* в более архаических старославянских памятниках возможны формы с суффиксом *s*, а не *x* не только перед окончанием, начинающимся на *t*, но и в других формах, например, ıасъ (1-е л. ед. ч. от глагола ıати «брать»), ıаса (3-е л. мн. ч. от того же глагола). В случае же основы инфинитива на согласный в старославянском языке в соответствии с одним типом образования в древнерусском языке, приведенным выше, было три способа образования. Тот тип, который характерен для древнерусского языка и широко

представлен также в старославянских памятниках, носит название нового сигматического аориста (*сигматический* от греческого названия буквы *s* (σ) «сигма», так как он характеризуется суффиксом *s/x/š*, наиболее древняя форма этого суффикса, как увидим, — *s*). Наряду с ним в старославянском языке представлены в том же значении простой аорист и древний или архаический сигматический аорист.

Простой аорист характеризовался отсутствием какого бы то ни было суффикса, обозначавшего время. Личные окончания присоединялись прямо к корню (ср., например, 1-е л. ед. ч. могъ). Этого аориста мы не находим в старославянском языке в случае корневого *е* в глагольной основе (т. е. мы не находим в старославянских памятниках простого аориста типа *несъ). Для 2-го и 3-го лица ед. ч. основ на согласные как в старославянском, так и в древнерусском языке употребляются формы, представляющие собой старые формы простого аориста (т. е. ими являются, например, формы *веде*, *несе*).

Древний сигматический аорист характеризовался присоединением суффикса *-s-* непосредственно к конечному согласному корня. Сочетание согласных, получившееся из конечного согласного корня и суффиксального *-s-*, подвергалось упрощению, в результате чего удлинялся предшествующий гласный корня, в связи с чем корневое *е* изменялось в *ě*, корневое *о*—в *а*. Так, например, от глагола решти (<**rek-ti*) образовывалось 1-е л. ед. ч. рѣхъ (*х* в результате изменения *s>x* после *к* и упрощения сочетания *кх>х*), от глагола бости «колоть» (<**bod-ti*) образовывалось 1-е л. ед. ч. басъ (*d* перед *s* терялось, т. е. группа *ds* упрощалась в *s*).

В древнерусских памятниках древнейшей эпохи, даже подвергшихся сильному старославянскому влиянию, мы не находим примеров простого аориста, из форм же древнего сигматического аориста имеют довольно широкое распространение лишь формы от глагола *рещи (речи)*: *рѣхъ*, *рѣхомъ*, *рѣша* и т. п.

Условное или *сослагательное* наклонение в старославянском языке может образовываться таким же способом, как в древнерусском, но наряду с этим, особенно в памятниках более архаического характера, употребляется сочетание особой формы вспомогательного глагола, имеющей 1-е л. ед. ч. бимь, 2-е и 3-е л. ед. ч. би, 1-е л. мн. ч. бимъ, 2-е л. мн. ч. бисте, 3-е л. мн. ч. бѫ, с действительным причастием прошедшего времени на *-l-* (например, бимъ неслъ). Форма *бимь* может быть сопоставлена с формами оптатива (желательного наклонения) других индоевропейских языков. Она, повидимому, выражала первоначально пожелание (условное или сослагательное наклонение как в современном языке, так и в древности может иметь и это значение). Но на почве старославянского языка эта форма рано начинает вытесняться формами аориста типа *быхъ*. Форма 2-го л. мн. ч. является в виде бисте вместо предполагаемого **bite*, вероятно,

под воздействием аориста. Такая особая желательная форма типа *бимь*, возможно, когда-то была представлена и в восточнославянских наречиях, но исторически она здесь не засвидетельствована.

§ 78. Известные особенности представляют личные окончания настоящего времени. Эти особенности, не считая тех, которые объясняются на чисто фонетической основе (например, 1-е л. ед. ч. ст.-слав. несѫ — др.-русск. *несу*), сводятся к следующим.

Старославянский язык характеризуется окончанием 1-го л. мн. ч. *-мъ*, *-му* (например, *несемъ*, *несемы*). Эти окончания свойственны и древнерусскому языку. Но наряду с ними мы находим в древнерусских памятниках также окончания *-ме*, *-мо* (например, *несеме*, *несемо)*. Окончание *-мо* сохранилось до настоящего времени в украинском языке (например, *підемо*). Эти окончания известны и другим славянским языкам (ср., например, чеш. *neseme*, серб. *плетѐмо)*.

Встречающаяся в более поздних памятниках московских и др. (XIV в. и позднее) форма 1-го л. мн. ч. вспомогательного глагола *есмя*, возможно, развилась фонетически из формы с окончанием *-ме*, т. е. *есме*. Изменение гласного могло явиться результатом изменения формы в безударном положении (вспомогательный глагол большей частью не несет на себе самостоятельного ударения). Все четыре указанные варианта окончания 1-го л. мн. ч. объединены общим элементом *м*, что указывает на общность их происхождения. Различия же в гласных *(ъ, у, е, о)* могут быть объяснены частью на основе сравнения фактов славянских с фактами других индоевропейских языков, частью же на основе процессов, имевших место специально на славянской почве. Окончание *-му* объясняется как результат воздействия со стороны личного местоимения 1-го л. мн. ч. *мы*. Окончаниям же *-мъ*, *-ме*, *-мо* имеются определенные соответствия в других индоевропейских языках. Окончания *-мъ* и *-мо* оба могут восходить к источнику, общему с латинским *-mus* (например, *monstramus*) из более древнего *-mōs*, характерного для древней латыни. Конечное *-os* еще на почве общеславянского языка-основы должно было дать *-us* и затем *-ъ* (ср. выше). Так объясняется окончание *-мъ*. Окончание *-мо* представляет собой результат утраты конечного *s* без изменения гласного конечного слога. Различие окончаний *-мо* и *-мъ* может объясняться тем, что последняя форма представляет собой результат развития соответствующей формы перед паузой, где действуют особенно отчетливо законы конца слова, форма же *-мо* первоначально фигурировала в таких случаях, когда глагольная форма являлась в тесном сочетании с последующими словами, вследствие чего *о* развивалось как гласный внутреннего слога. Впоследствии в результате аналогических воздействий связь соответствующих форм с положением перед паузой и не перед паузой была утрачена. Окончание *-ме* соответствует как греческому ионическо-атти-

ческому -μεν (φέρομεν), так и греческому дорийскому -μες (φέρομες). В обоих случаях на славянской почве должна была иметь место утрата конечного согласного без изменения предшествующего гласного. Различия гласных *е—о* объясняются как результат общеиндоевропейского чередования *е/о*.

Окончание 2-го л. ед. ч. глаголов тематических классов в древнерусском языке, как и в старославянском, обычно имеет форму *-šі* (например, *несеши*, *просиши*). Но наряду с этим уже в древнейших памятниках иногда является окончание *-šь* (*несешь* и т. п.). Есть основания думать, что живому древнерусскому языку было свойственно именно окончание *šь*, окончание же *-š'i* обусловлено воздействием старославянского языка. Правда, в современном украинском языке *ё* перед *š* не дает *i* (ср., например, *идеш*), что как будто указывает на древнее восточнославянское *-ši* (перед исчезнувшим *ь* должно было *ĕ > ē > ie > i*), но это *ё* могло развиться и по аналогии к другим формам. Другие современные славянские языки также указывают на окончание *š'ь*. Сопоставляя славянские окончания с соответствующими окончаниями других индоевропейских языков, мы видим, что в строгом соответствии с ними (с точки зрения гласного) находится *-š'ь*, а не *-š'i*. Ср., например, древнерусское *берешь*, др.-инд. *bhárasi* (согласный *š* в соответствии с *s* других индоевропейских языков объясняется следующим образом: *s > x* фонетически в положении после *i*, например, в таком глаголе, как *просишь*, и аналогически в остальных случаях, *x > š'* по первой палатализации перед гласным переднего ряда). Старославянское *-š'i* сопоставляется с медиальным окончанием других индоевропейских языков, но вполне точно не соответствует и ему, так как это медиальное окончание имело форму *sai*. Конечное *-ai̯* в некоторых случаях дает *i*: ср., например, ржцѣ < **ronkai̯*, но перед *i* дифтонгического происхождения *x* должно бы было измениться в *s'*, а не в *š'*. Предполагается, что источником окончания *-ši* является *-*sei*, но для последнего нет ясных соответствий в других индоевропейских языках. Что касается 2-го л. ед. ч. нетематических глаголов, то оно и в древнерусском и в старославянском языках имеет окончание *-si*.

3-е л. ед. и мн. ч. характеризуется в старославянском языке окончанием *-тъ*, а в древнерусском языке *-ть*. Ср., например, ст.-слав. несетъ, несжтъ, др.-русск. *несеть*, *несоуть*. Сопоставляя эти окончания с соответствующими окончаниями других индоевропейских языков, мы видим, что древнерусское *-ть* в большей степени соответствует другим индоевропейским языкам, чем старославянское *-тъ*. Ср., например, др.-русск. *береть*, *бероуть*, др.-инд. *bhárati*, *bháranti*. Старославянское тъ требует особых разъяснений. Оно представляет собой, повидимому, новообразование на славянской почве, развившееся или под влиянием указательного местоимения (*тъ*), или же представляющее собой, по мнению некоторых ученых, старое медиальное окончание,

соответствующее латинскому *-tur*, *-ntur* (например, *laudatur*, *laudantur*).

Окончание *-tь* господствует уже в самых древних древнерусских памятниках (например, уже в Остромировом евангелии, где мы обычно находим в окончании глагольных форм *ть*, а не *тъ*).

Окончание *-tь* в древнерусском языке наблюдается иногда не только в настоящем времени, но довольно часто присоединяется и к форме имперфекта как в единственном, так и во множественном числе, в результате чего получаются формы типа *несѧшеть*, *несѧхоуть*. Впрочем, подобное присоединение личного окончания 3-го лица настоящего времени мы встречаем иногда и в старославянских памятниках (ср. в Супрасльской рукописи *прѣщашетъ*).

Наряду с формами, содержащими окончание *-tь*, мы находим уже в древнейших памятниках также формы 3-го лица настоящего времени без *-tь*. Ср., например, в записи Остромирова евангелия *напише* вместо *напишеть*. Ср., также: а тѣ *поиду* к нову-городу без окупа (Новг. грам. 1314 г.). Формы без *-tь* мы находим во всех современных славянских языках, а также в значительной части современных русских говоров. Эти формы, повидимому, представляют собой результат начавшегося еще в дописьменную эпоху взаимодействия первичных и вторичных окончаний, т. е. окончаний настоящего и прошедших времен. В соответствии с первичным окончанием *-ti* в 3-м лице фигурировало вторичное окончание *-t*, которое, возможно, затем проникло в ряде случаев и в настоящее время. Конечное *t* в результате действия закона открытых слогов должно было утратиться.

Во 2-м и 3-м лице двойственного числа старославянский язык характеризуется окончаниями *-ta* (2-е л.) и *-te* (3-е л.). Впрочем, в более поздних старославянских памятниках и на 3-е лицо распространяется общее со 2-м лицом окончание *-ta* (такая форма, как несета, обозначает и «вы двое несете» и «они двое несут»).

Уже в древнейших древнерусских памятниках (например, в Остромировом евангелии) мы находим обычно окончание *-ta* как во 2-м, так и в 3-м лице дв. ч. Впрочем, в некоторых древнерусских памятниках (например, в Ростовском житии Нифонта 1219 г.) встречается для 3-го л. дв. ч. и окончание *-te*.

Им. п. ед. ч. мужск. и средн. р. действительного причастия настоящего времени для глаголов I и II классов оканчивается в древнерусском языке на *-а* в соответствии со старославянским *-ѹ*. Ср., например, ст.-слав. *иды*, др.-русск. *ида*. Древнерусская форма, повидимому, представляет собой новообразование, возникшее в результате воздействия формы соответствующих причастий других классов, где конечное *-ę* на восточнославянской почве еще в дописьменную эпоху дало звук, близкий к *а* (хотя и несколько более передний), например, *несѧ* (фонетически, повидимому, *nesä*).

Формирование древнерусской видо-временной системы

§ 79. Все славянские языки в их древнейшем засвидетельствованном в письменности состоянии, как уже неоднократно указывалось, чрезвычайно близки друг к другу, для понимания же процессов, характеризующих эпоху древнерусских памятников, корни которых во многом уходят в дописьменную эпоху, необходимо понять, каким образом сложилась и оформилась та система глагола, которую мы застаем в древнейших наших памятниках. Материал для решения этой проблемы, как и для решения многих других проблем, дает сравнение с другими древними индоевропейскими языками. В особенности большой интерес представляет формирование временных и видовых категорий, характеризующих древнерусский язык и другие древние славянские языки.

Общеславянский язык-основа характеризуется той же системой времен, которую мы находим в древнерусском и старославянском языках. Эта система времен находит себе определенные соответствия в других древних индоевропейских языках, в первую очередь в греческом и в санскрите, но лишь частично. Соответствуют прежде всего формы настоящего времени и аориста. Настоящее время в других индоевропейских языках, как и в славянских, характеризовалось особой основой, к которой присоединяются особые личные окончания, не совпадающие с личными окончаниями прошедших времен. О соответствиях в этих личных окончаниях с другими индоевропейскими языками частично было сказано выше. Не имеется достаточно точных соответствий лишь для окончания 1-го л. ед. ч. большинства глаголов: окончание V класса *-мь (-мь)* строго соответствует окончанию 1-го л. ед. ч. всех санскритских и части греческих глаголов (ср. санскр. *bhárāmi* «я несу, беру», греч. δείκνυμι «я показываю».). Но окончание, свойственное всем остальным классам, *-ǫ* не находит себе прямых соответствий в других индоевропейских языках (в санскрите все глаголы оканчиваются в 1-м л. ед. ч. на *-mi*, в греческом часть на *-mi*, часть на *-ō*, например, φέρω «я несу»). Предполагают, что славянское *ǫ* отражает или окончание 1-го л. ед. ч. особого наклонения — конъюнктива,— в целом не отразившегося в славянских языках, форма которого оканчивалась на *-ām*, ср. лат. *legam*, или представляет собой результат наслоения на старое окончание *-ō* (как в греческом), т. н. вторичного окончания, т. е. окончания, свойственного прошедшим временам *-m* (сочетание *-ōm* дает *-ǫ*). Последнее более вероятно, так как мы не застаем на славянской почве следов конъюнктива, характерного для других древних индоевропейских языков, а в то же время на славянской почве очень рано наблюдается взаимодействие между т. н. первичными и вторичными окончаниями (т. е. окончаниями, характеризующи-

ми настоящее время, и окончаниями, характеризующими прошедшие времена).

Определенные соответствия между древними славянскими и другими древними индоевропейскими языками наблюдаются также в формах аориста, простого и сигматического. Простой аорист состоял, как указывают эти древние индоевропейские языки, из особой основы аориста, отличной от основы настоящего времени, и особых личных окончаний, присоединяемых к ней. Эти личные окончания состояли из согласных или начинались согласными, поэтому, в случае окончания основы аориста на согласный же, между ней и окончанием развивались тематические гласные *(e/o)*. Ср. греч. ἔλιπον «я оставил» (при λείπω «я оставляю») < **é-lip-o-m*, ст.-слав. *могъ*. < * *mōg-ō-m*, ἔλιπες «ты оставил», ст.-слав. може < **mōg-ē-s* и т. д. В греческом языке (а также и в санскрите) в простом аористе наблюдается обычно иная ступень чередования в корневом гласном, чего в славянских языках нет. Впрочем, следует заметить, что наблюдающееся и на славянской почве различие корневого гласного в основе настоящего времени и в основе инфинитива (ср., например, др.-русск. *берѹ*, ст.-слав. бер҄ѫ—*бьрати*) объясняется тем, что по происхождению основа инфинитива представляет собой, собственно говоря, основу аориста, поскольку инфинитив представляет собой образование более позднее, чем аорист. Но в данном случае от этой основы на славянской почве образуется не простой, а сигматический аорист. Кроме того, аорист в греческом языке (а также и в санскрите) отличается от славянского наличием особой приставки — греч. *ē*-, санскр. *a*-, — употребляющейся не только в аористе, но и в других прошедших временах. Сигматический аорист в греческом и санскрите, как и в славянских языках, характеризовался особым суффиксом -*s*- между основой и окончанием (еще на общеславянской почве из этого -*s*- в определенных условиях развилось -*x*-). Ср. ст.-слав. нѣсъ < **nēs-ō-m*, молихъ < **mōli-s-ō-m*, греч. ἐ-παίδευ-σ-α «я воспитал» (ср. παιδεύω «я воспитываю») < **e-paideu-s-m̥* (окончание 1-го л. ед. ч. -*m*, в отличие от общеславянского языка, присоединялось в данном случае без тематического гласного, в результате чего *m* > *m̥* в положении рядом с согласным, а слоговое *m̥* на греческой почве дало *a*).

Помимо основ настоящего времени и аориста греческий язык и санскрит указывают также на особую основу перфекта, образующуюся большей частью (хотя и не всегда) посредством удвоения. Ср., например, греч. λείπω «я оставляю» — λέλοιπα «я оставил (и оставлено)». Этого образования мы не находим на славянской почве, поскольку здесь еще на почве общеславянского языка-основы развилась новая, аналитическая форма перфекта — см. выше. Единственным обломком простой формы перфекта, свидетельствующем о том, что и общеславянскому языку некогда была свойственна простая форма перфекта, является

также указанная выше форма *вѣдѣ*. Этой форме соответствуют греч. οἶδα, санскр. *vе́да*, гот. *wait*. В данном случае все индоевропейские языки, где эта форма засвидетельствована, указывают на то, что она образовывалась без удвоения. Но некоторые ученые полагают, что и эта форма некогда образовывалась посредством удвоения, но оно было утрачено еще в общеиндоевропейском языке-основе.

Греческий и санскрит имеют также особую форму имперфекта, но она не соответствует форме славянского имперфекта. Славянский имперфект характеризовался особым суффиксом — **ѣах-**, греческий же и санскритский имперфект не имел особого свойственного ему суффикса, а представлял собой ту же основу, что и настоящее время, к которой присоединялись те же окончания, что и в аористе, и та же приставка (аугмент), ср., например, греч. λείπω «я оставляю» — ἔ-λειπ-ο-ν «я оставлял».

Существует предположение, что поскольку основа славянского простого аориста тождественна основам настоящего времени (ср., напр., ст.-слав. могѫ — могъ, идѫ — идъ), славянский простой аорист, по крайней мере в части случаев, представляет собой не аорист, а древний индоевропейский имперфект.

§ 80. Как установлено в сравнительной грамматике индоевропейских языков, указанные выше формы времени, выступающие в древних индоевропейских языках,— настоящее время, аорист, перфект,— первоначально выражали не время, а значения, близкие к тем, которые выражаются у нас грамматическим видом, т. е. характеризовали действие с точки зрения его протекания во времени, но независимо от отношения действия к моменту речи. На это указывает, во-первых, то, что употребление соответствующих форм в древнейших памятниках греческого языка и санскрита свидетельствует в некоторых случаях о невременном значении этих форм, а, во-вторых, то обстоятельство, что каждая из этих основных форм характеризуется в древних индоевропейских языках (особенно в греческом и санскрите) особой системой производных от нее форм, глагольных же и именных (причастие, инфинитив). Так, например, от основы настоящего времени образуются, с одной стороны, будущее время, с другой стороны, имперфект, от основы перфекта образуется плюсквамперфект (давнопрошедшее время). От основ настоящего времени, аориста и перфекта образуются от каждой свои формы инфинитива и причастий. Картина получается близкая к той, какую представляют наши виды: ведь каждая глагольная основа совершенного и несовершенного вида характеризуется своей системой производных от нее форм — временных глагольных, причастий, деепричастий, инфинитива. Отношения между настоящим временем, аористом и перфектом в древних индоевропейских языках такие же, как у нас между различными видами от одного глагольного корня, это отношения между различными словами от одного и того же корня, а не между раз-

личными формами одного и того же слова. Ср., например, греч.

	λεῖπ - ω	«я оставляю» (настоящее время)
ἔ -	λειπ - ο-ν	«я оставлял» (имперфект)
ἔ -	λιπ - ο-ν	«я оставил» (аорист)

(Основа объединяет настоящее время и имперфект, особая приставка — аугмент,— а также особые личные окончания объединяют прошедшие времена, т. е. имперфект и аорист, и отличают их от настоящего времени). Ср. также λείπειν «оставлять» (инфинитив основы настоящего времени) — λίπειν «оставить» (инфинитив основы аориста). Наличие аугмента представляет собой явление позднейшее, он развился для выражения прошедшего времени лишь на почве некоторых индоевропейских языков и притом сравнительно поздно. Также не первоначальным являлось и различие первичных и вторичных окончаний. Во многих случаях те и другие генетически связаны между собой. Ср., например, первичное окончание 1-го л. ед. ч. *-mi*, характеризующее часть греческих глаголов (например, δείκνυμι «я показываю») и все санскритские, и соответствующее вторичное окончание *-m*, первичное окончание 2-го л. ед. ч. *-si* и соответствующее вторичное *-s*, первичное окончание 3-го л. ед. ч. *-ti* и соответствующее вторичное *-t* и т. д. Первоначальные формы 2-го и 3-го л. ед. ч. отчетливо выступают в санскрите, соответствующие формы греческого языка затемнены различными фонетическими, а частью и морфологическими процессами, имевшими место в дописьменную эпоху. Если же отбросить различие в наличии и отсутствии аугмента и в форме личных окончаний, остается лишь различие в форме основы. При этом очевидно, что одна основа (именно настоящего времени и имперфекта) выражала просто длительность действия, а другая (именно аориста) недлительность или мгновенность, а эти значения являются по существу не временными, а видовыми.

Сигматический аорист характеризуется, как уже было сказано, особым суффиксом *-s-*. Но этот суффикс, повидимому, также некогда имел особое видовое значение (поэтому можно думать, что когда-то простой и сигматический аористы различались по значению).

Поскольку настоящее время и простой аорист, как показывает приведенный выше пример, различались первоначально лишь ступенью чередования в основе, а различие это когда-то возникло в определенных фонетических условиях и лишь впоследствии было морфологизовано (см. выше, раздел «История чередований»), постольку можно предполагать, что некогда, в очень отдаленную эпоху, не различались и категории, выражавшие длительность и мгновенность действия.

Особняком стоит в грамматическом строе древних индоевропейских языков перфект — ср. греч. λέλοιπα «я оставил (и остав-

лено)». Он не имеет аугмента, так как выражает действие, имеющее отношение не только к прошлому, но и к настоящему, и характеризуется особыми личными окончаниями (в данной форме, т. е. в 1-м л. ед. ч. окончание *-a*, имеет иное происхождение, чем в аористе, где $-\alpha < -\underset{\circ}{m}$ после согласного). Удвоенная же основа перфекта не могла развиться фонетически из основы настоящего времени и аориста. Поэтому можно предполагать, что когда-то, повидимому, в очень ранний период развития общеиндоевропейского языка-основы, различались лишь категория, выражавшая состояние, являющееся результатом совершенного действия (перфекта), и категория, выражавшая лишь самое действие (та, из которой развились категории, выражавшие длительность и мгновенность, впоследствии настоящее время и аорист). И эти различия также являлись различиями видовыми, а не временными.

Таким образом, на протяжении длительного времени развития индоевропейский грамматический строй характеризовался наличием категории вида, грамматической же категории времени в нем совсем не было. Лишь впоследствии, с развитием различных форм т. н. первичных и вторичных окончаний, на основе древних форм видового характера складываются различные временные формы, выражающие настоящее и прошедшее время — на основе формы, выражавшей длительное действие, вырабатываются формы настоящего времени и имперфекта, выражающего длительное действие в прошлом, на основе видовой формы аориста, выражавшей мгновенность действия, форма времени аориста, выражавшая недлительность, мгновенность действия в прошлом, на основе видовой формы перфекта, выражавшей результативность безотносительно к времени, временная форма перфекта, выражавшая отнесенный к настоящему времени результат действия, совершенного в прошлом, и форма давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта), выражавшая или результат действия, отнесенный к прошлому, или просто действие, произошедшее раньше другого действия, также отнесенного к прошлому. Когда именно осуществился этот переход от старых видовых различий к новым временным, на почве ли еще общеиндоевропейского языка-основы до его распадения (хотя и в сравнительно поздний период его развития), или уже на почве отдельных языков, выделившихся из общеиндоевропейского языка, до сих пор еще окончательно не установлено. Поскольку грамматический строй развивается, как известно, очень медленно, можно думать, что этот переход от старых, видовых различий к новым, временным осуществлялся постепенно, на протяжении очень длительного времени. Поскольку в различных индоевропейских языках наблюдаются во временах как некоторые общие всем, так и своеобразные для отдельных языков черты, можно думать, что хотя предпосылки для перехода от видовых различий к временным наметились еще в общеиндоевропейском языке-основе, завершился полностью этот процесс уже на почве отдельных языков.

§ 81. Поскольку развитие языка осуществляется путем постепенного отмирания элементов старого качества, постольку следы старых видовых различий сохраняются в отдельных языках долгое время спустя после окончательного оформления системы временных различий. Отражаются эти следы и в славянских языках, в частности, в русском. Эти следы представлены не только в особом, невременном употреблении некоторых временных форм, что наблюдается в древнейших памятниках греческого языка и санскрита, но и в особых структурных образованиях глагольных форм. И эти следы указывают на то, что в общеиндоевропейском языке-основе были представлены не только те перечисленные выше видовые различия, на основе которых сложились различия временные (т. е. древние различия длительности, мгновенности, результативности), но и другие, более частные различия, также видового характера. Структурными средствами выражения этих видовых значений являлись чередования корневых гласных в основе и суффиксы — показатели глагольных классов, иногда инфиксы (аффиксы, вставлявшиеся внутрь корня).

Из чередований гласных прежде всего используются *е/о*. Ср. *нести — носити, вести (веду) — водити, вести (везу) — возити, гънати (жену) — гонити*. Это чередование мы находим в глаголах движения, причем глаголы с *е* в корне обозначают движение единое и осуществляющееся в одном направлении, а глаголы с *о* — движение повторяющееся, или переменное, осуществляющееся в разных направлениях. Использование чередования *е/о* в этом значении наметилось, повидимому, еще в общеиндоевропейском языке-основе. Ср. греч. φέρω «несу» — φορέω «ношу». В таком же значении используется иногда чередование *ѣ/ѣ*, восходящее к чередованию *ē/ē*. Ср. *лѣтѣти — лѣтати*. Повидимому, иногда передавало видовое значение и чередование *ь/е, ь/о* (т. е. чередование ступени редукции с нормальной ступенью), но здесь первоначальные отношения затемнены, и не только в древнерусском языке, но и в общеславянском языке-основе чередование это такой роли уже не играет. Ср. *беру — бьрати, мьру — мерети* (<*merti*).

Чередование *е/о* в глагольной основе могло использоваться и в другом, не видовом значении. Ср. такие отношения, характерные и для древнерусского и для старославянского языка, восходящие, следовательно, еще к общеславянскому языку-основе, как *мерети* (< *merti*) — *морити*. Первый глагол обозначает некоторое состояние, второй глагол — действие, вызывающее это состояние (т. е. глагол со значением «заставлять что-нибудь делать или находиться в каком-нибудь состоянии»; такие глаголы принято называть *каузативными*, т. е. «причинительными»). Подобные же отношения могли выражать чередование *ѣ/а*, восходящее к чередованию *ē/ō*, т. е. представлявшее ступень удлинения к чередованию *е/о*. Ср., например, *сѣдѣти — садити*

(т. е. «заставлять сидеть»). Для выражения различий видового порядка использовались и чередования *о/а*, *ь/і*, *ъ/у*. Эти чередования развились из чередования краткого гласного с соответствующим долгим (*о/а < о/ō*, *ь/і < і/ī*, *ъ/у < и/ū*). Но они получили широкое развитие в глагольных образованиях с приставками, что свидетельствует о сравнительно позднем, хотя и общеславянском развитии этих чередований. Лишь в редких случаях наблюдаются чередования этого типа в бесприставочных глаголах. Древними могут быть из чередований этого типа чередования *ь/і* в том случае, если они восходят не к *і/ī*, а к *і/еі*, т. е. представляют чередования того же типа, что *ь/е* (ступень редукции чередуется с нормальной ступенью). Чередования типа *і/еі* в глагольных основах мы находим и в других индоевропейских языках, что свидетельствует об их общеиндоевропейском происхождении (ср. приведенные выше греч. λείπω «я оставляю» — ἔλιπον «я оставил»). Чередований же типа *і/ī* и т. д. в других индоевропейских языках как закономерно проведенной системы мы не находим.

§ 82. В качестве средств выражения видовых различий использовались некогда также показатели глагольных классов (см. выше). Определенные соответствия славянским показателям мы находим в других индоевропейских языках. Это указывает на то, что эти показатели развивались еще на почве общеиндоевропейского языка-основы. Но ввиду того, что видовое значение этих показателей складывалось в очень давние времена и нарушалось различными последующими образованиями, не во всех случаях первоначальное значение показателей может быть вскрыто с достаточной ясностью. Для определения видового значения показателей на славянской почве необходимо исследовать значение бесприставочных глаголов, так как приставки, как увидим, с достаточно раннего времени начали видоизменять видовое значение глагольных основ.

Яснее всего выступает видовое значение III класса, характеризовавшегося показателем *-j-*. Глаголы этого типа выражали длительное, никак не ограниченное во времени действие (ср. *знаю*, *пишю* < **znajǫ*, **pisjǫ* и т. д.). Таково же значение этого показателя и в тех других древних индоевропейских языках, где в какой-то мере сохранялись древние видовые различия.

II класс, характеризовавшийся показателем *-n-*, объединял (как, впрочем, и в современном русском языке) две резко отличные друг от друга группы глаголов: во-первых, глаголы, обозначавшие длительный, постепенный переход от одного состояния к другому или постепенное нарастание какого-нибудь качества, например, *сѫхнути*, *вѧнути*, *вѧзнути* и т. д. (т. е. «постепенно засыхать», «постепенно увядать», «постепенно погружаться»); во-вторых, глаголы, обозначавшие мгновенное действие, например, *двинути*, *тълкнути* и т. д. Наличие в одном классе таких двух, резко отличных друг от друга, но в то же

время строго очерченных групп, разными учеными объяснялось по-разному. Акад. Ф. Ф. Фортунатов предполагал, что некогда существовало просто два различных класса с различными показателями, в состав которых входило *-n-*, а затем эти классы омонимически совпали. Другие полагают, что одна из групп в составе этого класса является более древней, а другая примкнула к нему позднее, возможно, тогда, когда значение, объединяющее первую группу, уже стиралось. Следует сказать, что, повидимому, более древними образованиями являются глаголы на *-ну-* < *-nǫ-* со значением постепенного перехода от одного состояния к другому, глаголы же этого типа со значением мгновенного действия, несомненно, являются более поздними образованиями. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в современном русском языке образования типа *толкнуть* являются живыми и продуктивными, они в неограниченном количестве возникают вновь, образования же типа *сохнуть* представлены немногочисленными глаголами и представляют непродуктивную группу.

Показатель IV класса *-i-* характеризовал различные по значению образования, но среди них можно выделить несколько определенных групп. Во-первых, здесь выделяются глаголы повторяющегося и разнонаправленного движения (*носити*, *возити*, *водити*, *ходити*); во-вторых, глаголы со значением, уже не видовым, *каузативным*, т. е. со значением «заставлять кого-нибудь что-нибудь делать» (*садити*, *морити*, *поити* — ср. глагол III класса *пити*). Обе эти группы, помимо показателя *-i-*, характеризуются ступенью чередования *-o-* в корне. В-третьих, мы находим в этом классе различные глаголы, образованные от имен (*гостити* от *гость* и т. п.). Но, поскольку отыменные глаголы (типа *гостити*) часто обозначают некоторую постоянную деятельность, они могут быть близки по значению к глаголам движения разнонаправленного и повторяемого. Многие же глаголы IV класса трудно определить в целом с точки зрения значения.

Ничего определенно нельзя сказать о первоначальном видовом значении глаголов I и V классов. Но ведь эти глаголы и не имели специальных показателей глагольных классов.

Помимо суффиксов, каковыми некогда являлись показатели глагольных классов, видовое значение, как уже было сказано, могли некогда выражать и инфиксы. Для славянских языков мы можем восстановить один такой инфикс, а именно *-n-*. Им характеризовались некоторые глаголы I класса. Глаголы эти следующие: *сяду*, *лягу*, *буду*. На почве древнерусского языка эти глаголы характеризуются чередованием корневого гласного, ср. *сяду* — *сѣсти*, *лягу* — *лечи*, т. е. фонетически, вероятно, *sädu* — *sèsti*, *lägu* — *leč'i*.

Формы *sädu*, *lägu*, восходящие к **sędǫ*,* *lęgǫ*, характеризовались некогда наличием инфикса, о чем уже говорилось.

Каково было значение этого инфикса *-n-*? Формы *сяду*, *лягу* являются в современном языке формами простого будущего вре-

мени совершенного вида. Но они в то же время обозначают теперь и обозначали в далеком прошлом начало действия или состояния: *сяду* «начну сидеть», *лягу* «начну лежать». Инфикс *-n-* выражал первоначально *начинательное* или иначе *ингрессивное* видовое значение.

Вспомогательный глагол *буду*, восходящий к *bǫdǫ*, характеризовался тем же инфиксом. Первоначальное значение этого глагола было не временное (обозначение будущего времени), а видовое (значение начала действия).

О том, что основа *bǫd-* первоначально не выражала специально будущего времени, а имела видовое значение, свидетельствует тот факт, что от этой основы могло в древности образовываться не только настоящее время (использованное в дальнейшем как простое будущее), но и прошедшее, а именно мы находим от этой основы в древнерусских памятниках имперфект. Он употреблялся в сложных предложениях, именно в предложениях со значением условия или следствия, и обозначал действие будущее по отношению к прошлому, т. е. то, что должно было осуществиться, например: аще *поѣхати будѧше* ѡбрину, не дадѧше въпрѧчи конѧ ни вола, но велѧше въпрѧчи 3 ли 4 ли 5 ли женъ и повести ѡбрѣна (Лавр. летоп.), аще къто вылѣзѧше изъ храмины хотѧ видѣти, абие *оуꙗзвенъ будѧше* невидимо (там же). Имперфект здесь употребляется потому, что речь идет о действии, повторявшемся много раз, причем самая повторяемость неограничена во времени. Употребление имперфекта *будѧше* в Лаврентьевской летописи является обломком глубокой старины. В более поздних списках той же редакции —Радзивиловском и Академическом — в соответствии с первым примером стоит имперфект *бѧше*, а в соответствии со вторым — форма *будеть*.

К указанным выше глаголам примыкает также *стати — стану* (ст.-слав. станѫ). По основе настоящего времени (в современном языке это простое будущее совершенного вида) это глагол II класса, но он отличается от остальных глаголов этого класса основой инфинитива, где во II классе суффикс *-ну-* (ст.-слав. и общеслав.*-nǫ-*). *-n-* здесь является суффиксом, а не инфиксом, но этот глагол также выражал начало известного состояния (*стану* «начну стоять»), вследствие чего можно думать, что по происхождению это *-n-* тождественно инфиксу *-n-*.

К указанной группе относились также старославянские глаголы градѫ (ср. грести < **gredti*), обрѧщѫ (*ср. обрести* < **obretti*). Эти глаголы употреблялись в древнерусских памятниках, сохранились они как архаизмы и в современном русском языке, но, повидимому, под старославянским влиянием.

§ 83. С развитием грамматической категории времени старые видовые отношения были разрушены, многие различия, ранее живые, стерлись, потускнели и к началу эпохи, засвидетельствованной памятниками, выступают в виде обломков.

Установление грамматической категории времени является очень важным событием в развитии грамматического строя индоевропейских языков, и славянских в том числе. Глагольные основы различного видового значения, образованные от одного и того же глагольного корня, связаны были между собой отношениями словообразовательного характера, они представляли собой по существу различные слова, образованные от одного корня. Различия же временного порядка относятся уже к области словоизменения одного слова. Различия видовые характеризуют самое действие, различия же временные характеризуют не самое действие, а лишь отношения глагольного сказуемого, выражающего соответствующее действие, к подлежащему соответствующего предложения с точки зрения момента, когда это предложение сказано. Так, например, различие между *я гляжу* и *я глядел* состоит не в различии самого действия *(глядеть)*, которое в обоих случаях одинаково, а в различии отношения этого действия к лицу, его производящему. В первом случае связь действия и лица, его производящего, имеет место одновременно с моментом высказывания (настоящее время), во втором случае она имела место до момента высказывания (прошедшее время).

Развитие категории времени является ярким примером все дальше и дальше идущего обобщения, абстрагирования, характеризующего историческое развитие грамматического строя. Известное обобщение представляет уже отдельное слово. Еще дальше идущее обобщение представляют категории словообразовательные, в нашем случае древние категории видового порядка, так как несомненно, что значение, например, длительности или мгновенности какого-то любого действия есть значение более обобщенное, чем значение какого-то конкретного действия. Значение же отношения действия (при том совершенно любого действия) к моменту речи представляет собой значение еще более обобщенного, более абстрактного характера.

Обращаясь специально к славянским языкам, мы видим, что еще на почве общеславянского языка-основы развитие категории времени пошло еще дальше, чем в других древних индоевропейских языках. Различие настоящего и прошедшего времени, если оставить в стороне аугмент, представлявший собой образование позднее и неповсеместное, выражалось в различии первичных и вторичных окончаний. Уже в общеславянском языке-основе это различие выступает не для всех лиц, а лишь для единственного числа и для 3-го лица множественного числа, возможно, в результате взаимодействия между формами с первичными и вторичными окончаниями. Это взаимодействие продолжало действовать на почве отдельных славянских языков, в частности, древнерусского. Как уже было сказано, в древнерусском языке, как, впрочем, и в других славянских языках, уже в древнейших памятниках обнаруживаются формы 3-го лица настоя-

щего времени, без окончания *-ть*, например, *напише* (3-е л. ед. ч.— Остром. евангелие, запись). Такие формы могли развиться в результате проникновения в настоящее время вторичных окончаний (т. е. *напише* < * *napisje-t* вместо *напишеть* < **napisje-ti*). С другой стороны, мы обнаруживаем в древнерусских (а иногда и в старославянских) памятниках окончание 3-го л. ед. и мн. ч., свойственное настоящему времени (т. е. первичное), в имперфекте, где должны были бы быть вторичные окончания, например, *ведѧшеть*, *ведѧхуть*.

Тенденция к утрате различия между первичными и вторичными окончаниями, возможно, облегчается тем обстоятельством, что на славянской почве вырабатывается свое, новое средство различения настоящего и прошедшего времени. Этим средством является показатель сигматического аориста *-s-*, *-х-*. Суффикс *-s-*, как уже было сказано, имел первоначально видовое значение, но затем, с развитием аориста как времени, он получал значение временное. На славянской почве этот суффикс приобретает все большее значение. Формы простого аориста, не имеющего этого показателя, весьма ограниченные уже в старославянском языке, в древнерусских памятниках не встречаются вовсе. Но кроме того этот суффикс еще в общеславянском языке-основе проникает и в другое прошедшее время — в имперфект. Славянский имперфект, развившийся на почве общеславянского языка-основы, генетически не связан с имперфектом других древних индоевропейских языков и представляет собой новообразование. Происхождение его суффикса *-ěах-* < *-ēах-* (например, *несѣахъ*) до сих пор окончательно не выяснено, несмотря на большое количество теорий, посвященных этому вопросу. С большой вероятностью можно лишь сказать, что форма имперфекта представляет собой результат слияния двух форм, из которых одна принадлежала глаголу, игравшему роль вспомогательного, т. е. мы имеем дело с первоначально аналитической формой. Несомненно также, что элемент формы имперфекта *-х-* связан генетически с суффиксом аориста *s/х*, сложился под его влиянием. Предполагают, что новая славянская форма имперфекта развилась вследствие того, что старая форма имперфекта использована частью в качестве простого аориста. Но, как бы то ни было, новая форма имперфекта в том виде, как она засвидетельствована памятниками, относится к сравнительно позднему времени, на что указывает ее элемент *-х-*, выступающий в таких условиях, где он не мог развиться фонетически, именно после *а*. В сигматическом аористе старого типа мы еще можем наблюдать на почве старославянского языка процесс вытеснения старого *-s-* новым *-х-* (ср. отражающиеся еще в наиболее архаических памятниках старославянского языка колебания в формах типа ꙗсъ, ꙗхъ). Как известно, фонетическое изменение *s>х* имело место лишь после *i*, *u*, *r*, *k* и, следовательно, фонетически развились лишь формы аориста типа *молихъ*, *плоухъ*, *рѣхъ* (< **rěkхоm*

< *reks-ō-m), в аористах же с другим концом основы *x* развилось по аналогии. Аналогически развилось *x* и в форме нового сигматического аориста. Постоянное наличие *-x-* в имперфекте в таких условиях, где оно не могло развиться фонетически, говорит о том, что это *-x-* развилось там уже после того, как оно укрепилось в аористе. Поскольку и имперфект и аорист представляют собой прошедшее время, показатель *-x-* на славянской почве выступает как показатель прошедшего времени. Такого общего показателя прошедшего времени другие древние индоевропейские языки не знали. Кроме того, в других древних индоевропейских языках (в греческом, в санскрите) имперфект по основе своей сближался с настоящим временем, а не с аористом. На славянской же почве, вследствие того, что как аорист, так и имперфект образовывались от основы инфинитива, они сближались между собой как по основе, так и по показателю времени. Это говорит о все дальше идущем разграничении различий грамматического времени.

§ 84. Но если в выработке различий между настоящим и прошедшим временем славянские языки пошли дальше других древних индоевропейских языков, то особая простая форма будущего времени, в противоположность некоторым другим индоевропейским языкам, в дописьменную эпоху у нас выработана не была. В санскрите, греческом и балтийских языках еще в доисторическую эпоху развилось особое будущее время, характеризующееся показателем *-s-* (ср. греч. λείπω «я оставляю» — λείψω «я оставлю»). Личные окончания, характеризующие будущее время, тождественны окончаниям настоящего времени. Возможно, что для образования будущего времени был использован тот же аффикс, первоначально не временного, а видового значения, который был использован как показатель аориста, а на славянской почве и вообще прошедшего времени. Будущего времени, образованного при помощи этого показателя, мы в славянских языках, начиная с древнейших памятников, не находим, вследствие чего у нас нет никаких оснований утверждать, что такое образование существовало в дописьменную эпоху в общеславянском языке-основе. Некоторые ученые видят остатки этого образования в причастных формах типа *бышѧ*, *бышѧшти*, *бышѧ*, наблюдающихся в некоторых древнерусских списках со старославянских памятников. По форме это причастия настоящего времени от вспомогательного глагола *быти* (обычно как причастие настоящего времени этого глагола используется форма, образованная от другого корня — *сы*, *сѫщи*). Элемент *š*, входящий в состав этой формы, повидимому, развился из **sj*. Но происхождение этого образования является спорным. Некоторые ученые (например, А. Мейе) связывают его с особой формой, выражавшей пожелание, развившейся в некоторых индоевропейских языках, например, в санскрите (ср. *cikirsāmi* «я хочу это сделать», от *kar* — «делать»). По значению

формы типа *бышѧ* в некоторых случаях действительно выражали будущее время: ср., например, пророчьство не нынѣшнаго притажаніа ꙗвлаетъ но *бышѧщее* по семидесать лѣтъ (Новгородская Книга пророков с толкованиями Упыря Лихого 1047 г. по списку XV в.)—форма *бышѧщее* вместо более древнего *бышѧ*, в греческом тексте ей соответствует причастие настоящего времени (мн. ч. средн. р.) τὰ ἐσόμενα. Но в той же книге Упыря Лихого мы находим это причастие и в значении настоящего времени, например: не *бышащи* водѣ —в том же самом тексте в Острожской библии: не *сущи* водѣ. И обычно в качестве причастия будущего времени употребляется в наших памятниках причастие настоящего времени от глагола *бѫдѫ*, например, *боудоущии* (Святосл. Изборн. 1073 г.).

Во всяком случае, нет никаких достоверных данных, говорящих о том, что простая форма будущего времени в славянской области в дописьменную эпоху вполне оформилась. У нас существовали в древности лишь аналитические средства выражения будущего времени, да и то полностью еще не развившиеся. Что касается до простого будущего времени совершенного вида, то оно появляется с развитием категории совершенного вида, о чем ниже. В древнейшую эпоху исторического развития славянских языков будущее время в них структурно еще не было отграничено от настоящего.

§ 85. Имея много общих черт в развитии грамматического строя с другими индоевропейскими языками, славянские языки кое в чем от них существенно отличаются. Другие индоевропейские языки шли по пути развития временной системы и утраты старых видовых различий. Отчетливо выраженные времена мы находим и в греческом языке, и в санскрите, еще ярче система времени при отсутствии категории вида выступает в латыни. Но славянские языки в сравнительно позднюю эпоху развили некоторые новые различия также видового порядка, а именно различия, которые в современной грамматике русского и других славянских языков принято называть различиями *совершенного* и *несовершенного* вида.

Эти различия состоят в том, что каждый глагол современного русского языка (как, впрочем, и других славянских языков) относится к одному из двух видов — совершенному или несовершенному, причем несовершенный вид обозначает действие без отношения к его ограничению во времени, а совершенный вид — действие, ограниченное во времени, т. е. действие, течение которого в какой-то момент времени прерывается, прекращается. К совершенному виду относятся и такие глаголы, которые обозначают мгновенное действие, где начальная и конечная граница во времени совпадают. Различие значений несовершенного и совершенного видов существенно отличается от древнего различия значений длительности и мгновенности действия. Длительность и мгновенность являются признаками самого дейст-

вия, различие же несовершенного и совершенного видов указывает лишь на отсутствие или наличие границы во времени. Самое действие, выражаемое глаголом совершенного вида, может быть и длительным.

Структурным средством выражения различий совершенного и несовершенного видов выступают в древних славянских языках в первую очередь приставки глагола, сохранившие такую роль в известной мере и в современном языке — ср. *делать* (несоверш. вид) — *сделать* (соверш. вид.). По происхождению приставки представляют собой предлоги, т. е. отдельные хотя и не самостоятельные (служебные) слова, лишь впоследствии слившиеся с тем словом, к которому они непосредственно относились, и ставшие его частью, т. е. морфемой.

Происхождение приставок достаточно ясно вскрывается даже на материале современного русского языка. Большинству приставок у нас и теперь соответствуют по значению материально тождественные им предлоги. Ср., например, приставку и предлог *в*, *на*, *с*, *под* и т. д. Некоторые приставки не имеют соответствующего им предлога в современном языке, но имели его в древнерусском и в старославянском. Так, например, в современном языке нет предлога, материально соответствующего приставке *воз-*, *вз-* (*восходить*, *взойти*). Но в древнерусском и старославянском языке существовал предлог *въз(ъ)* со значением «вверх», «взамен» и т. п. Ср. в евангельском тексте: благодать *въз* благодать «благодать за благодать» (Иоан. I, 16). Этот предлог и теперь сохранился в сербском языке в форме *уз* (< *vъz*). Единственная приставка, к которой мы не найдем и в древнем языке соответствующего ей материально предлога, это приставка *вы-* (*выйти*, *выходить*). По значению ей соответствует предлог *из*, также обозначающий прежде всего, как и приставка *вы-*, движение изнутри наружу (ср. *выйти из* комнаты). В соответствии с предлогом *из* имеется приставка *из-*, но она употребляется в современном языке в том же значении, как *вы-*, лишь в словах книжного, старославянского происхождения (ср. *истекать* и *вытекать*). В словах не книжного слоя приставка *из-* тоже может фигурировать, но лишь в другом, переносном значении, а именно в значении исчерпанности действия (ср. *избить*, *измотать*). Приставка *вы-* не является общеславянской, она получила распространение лишь в восточнославянской и западнославянской области, в южнославянской же области ей соответствует *из-*.

Будучи тождественными по своему материальному составу с предлогами и развиваясь исторически из предлогов, приставки вносили первоначально в глагольную основу те значения, которые свойственны были соответствующим предлогам, частью же эти значения сохраняются и впоследствии (даже до настоящего времени). Предлоги в основном выражали первоначально, а частью продолжают выражать и теперь, пространственные

отношения. Так, например, предлог *въ* выражает нахождение одного предмета внутри другого, *на* — одного предмета поверх другого и т. д. Из этих значений развивался затем ряд других значений и, в первую очередь, различных значений временного порядка. Пространство и время, как основные формы существования материи, в человеческом сознании теснейшим образом связаны, что находит себе отражение и в языке, притом в различных сторонах его, т. е. и в грамматике и в лексике (ср. употребление одного и того же местного падежа для выражения и пространственных и временных отношений, употребление наречий *здесь*, *там* не только для обозначения пространства, но и для обозначения времени и т. д.). Так, например, приставка *по̄*-, обозначавшая первоначально, как и соответствующий предлог *по̄*, распространение какого-то действия по поверхности какого-то предмета, впоследствии получает определенное временное значение — например, значение начала движения (например, *по̄шел*) или значение известного отрезка действия во времени, имеющего начальную и конечную границу (например, *по̄ходил*, *по̄сидел*). И лишь постепенно на основе различных временных значений приставок вырабатывается наиболее отвлеченное, наиболее обобщенное значение — значение лишь границы во времени, т. е. значение, соответствующее значению совершенного вида: ср., например, роль приставки *с*- в глаголе *сделать* — приставка *с*-, здесь не выражает ничего, кроме завершенности действия во времени, наличия временной границы.

С развитием видовой роли приставок во всех славянских языках развивается противопоставление глаголов совершенного вида, выражающих действие, ограниченное во времени, и глаголов несовершенного вида, выражающих действие без отношения к границе во времени. Приставочные глаголы все в большей и большей части отходят к глаголам совершенного вида, глаголы же бесприставочные частью получают значение несовершенного вида, частью же и значение совершенного вида. Наличие среди бесприставочных глаголов как глаголов несовершенного, так и глаголов совершенного вида объясняется тем, что в распределении их по видам играют определенную роль и древние видовые категории, значение которых, как уже было сказано, хотя и было нарушено развитием временной системы, но совсем не стерлось. Древнее значение длительности смыкается, например, с новым значением несовершенного вида, древнее значение недлительности, мгновенности,— напротив, с новым значением совершенного вида, вследствие чего старые основы, выражавшие длительное действие, отходят к несовершенному виду, а старые основы, выражавшие мгновенное действие,— к совершенному виду. Впрочем, здесь имели место и многочисленные нарушения.

§ 86. Видовая роль приставок определилась, несомненно, тогда, когда уже сложилась система многочисленных времен. На это указывает то обстоятельство, что славянским временным

формам (за исключением имперфекта) имеются определенные соответствия в других индоевропейских языках, видовой же системы в таком виде, как она развилась на славянской почве, мы в подавляющем большинстве других индоевропейских языков не находим.

Тенденция к выражению ограничения действия о времени посредством глагольных приставок наблюдается в различных древних индоевропейских языках, вследствие чего можно думать, что известные зачатки приставочного видообразования были заложены еще в общеиндоевропейском грамматическом строе. Но изучение приставочных образований большинства индоевропейских языков показывает, что приставки там выступали лишь как словообразовательное средство и не получили той грамматической роли, какая развилась у них на славянской почве. И даже наиболее близкие к славянским балтийские языки в отношении роли глагольных приставок от славянских языков существенно отличаются, хотя различия совершенного и несовершенного вида развились и на балтийской почве.

О том, что противопоставление совершенного и несовершенного видов развилось сравнительно поздно, и во всяком случае позднее формирования временной системы, свидетельствует также тот факт, что хотя это противопоставление и наметилось еще, повидимому, в общеславянском языке-основе, оно и к началу письменного периода развития отдельных славянских языков, в частности, русского, еще в окончательном виде не установилось, о чем свидетельствуют некоторые данные старославянских и древнерусских памятников. Изучение древнейшей редакции старославянского евангельского текста, именно той, которая отражена в Мариинском евангелии и отражает более раннее состояние славянских языков, чем древнейшие дошедшие до нас русские памятники, показывает, что с глаголом сочетались первоначально приставки, имевшие исконное пространственное значение. Так, например, в Мариинском евангелии встречаются аористы типа *въниде*, *сънιде*, но в соответствии с такими формами, как *поидѣмъ* (Зогр. евангелие, 1-е л. мн. ч. повел. накл.), *поиде* (Ассем. евангелие, аорист), где приставка *по-* имеет временное значение, выражая начало движения, в Мариинском евангелии мы находим бесприставочные формы — *идѣмъ*, *иде*. Следующий этап развития приставочных образований среди старославянских памятников отражает Синайская псалтырь, где имеются формы типа *поидѫ* со значением будущего времени, но аорист выступает еще в форме *иде*, и, наконец, в позднейших редакциях евангелия мы находим и в аористе форму *поиде*.

В древнерусских памятниках, уже в самых древних, мы находим приставки самого различного характера, но некоторые факты свидетельствуют о том, что в эпоху древнейших памятников еще не все приставки утвердились в своем видовом значении. В современном русском языке сочетание большинства глаголов

с приставками любого значения дает совершенный вид: ср. *лётеть — улететь — прилететь* (приставки *у-* и *при-* выражают в данном случае определенное пространственное значение и тем не менее, глаголы *улететь* и *прилететь* совершенного вида). Исключение составляют т. н. моторно-кратные глаголы (типа *летать, ходить*), которые дают совершенный вид лишь в сочетании с приставками, имеющими временное значение, и т. н. многократные глаголы, не дающие совершенного вида в сочетании с любой приставкой. В древнерусском же языке, по крайней мере в части случаев, сочетание глагола с приставкой, сохраняющей первоначальное, пространственное значение, не образует совершенного вида. Так, например, мы находим в Лаврентьевской летописи: рѣчьки ради юже *втечеть* въ двину имемъ полота. ѿ сею прозваша сѧ полочане. С точки зрения современного русского языка форма *втечеть* была бы будущим временем совершенного вида. Здесь же, несомненно, настоящее время и действие длительное, не ограниченное во времени. По-видимому, приставка *въ-*, сохранившая здесь первоначальное пространственное значение направления, не придавала еще глаголу значения совершенного вида (приставка, как и предлог *въ*, имела первоначально значение просто «внутри чего-то», значение специально направления вносит, с одной стороны, глагол, обозначающий движение, с другой стороны, зависящий от этого глагола винительный падеж). Более поздние, чем Лаврентьевский, списки летописи — Радзивиловский и Академический — в соответствующем месте дают форму бесприставочного глагола *течеть*, более соответствующую нормам позднейшего, а также современного русского языка (настоящее время бесприставочного глагола несовершенного вида).

Что касается до указанной выше приставки *по-*, то она первоначально имела не временное значение (начала действия или некоторой его ограниченности во времени), а также значение пространственное (движения по поверхности, или начального пункта движения). Это видно из таких случаев употребления, когда глагол с приставкой *по-*, выражающий движение от какого-то пункта, противопоставляется глаголу с приставкой *въ-*, выражающему направление этого движения (собственно, конечный пункт, куда оно направлено). Примеры, указывающие на такое значение *по-*, а также на то, что глаголы с таким *по-* не дают совершенного вида, мы также находим в летописи: Полѧномъ же жившимъ ѡсобѣ по горамъ симъ бѣ путь изъ варѧгъ въ греки и изъ грекъ по днѣпру. и верхъ днѣпра волокъ до ловоти. по ловоти внити в ылмень озеро великое. из него же ѡзера *потечеть* волховъ и *вътечеть* в озеро великое ново. (и) того ѡзера *внидеть* устье в море варѧжьское. и по тому морю ити до рима. а ѿ рима прити по тому же морю ко цр҃югороду. а ѿ цр҃ѧгорода

прити в понотъ морѧ в не же *втѣче* днѣпръ рѣка. днѣпръ бо *потече* (в Радзивиловском и Академическом списках *течеть*) из оковьскаго лѣ(са) *потечеть* на полъдне. а двина ис того же лѣса *потече*. а идеть на полунощье и *внидеть* в море варѧжьское. ис того же лѣса *потече* (в Радзивиловском и Академическом списках *потьчеть*) волга на въстокъ и *вътечеть* семьюдесѧтъ жерелъ в море хвалисьское (Лавр. лет.).

Отношения древнерусского языка напоминают в известной мере отношения, характеризующие балтийские языки, где противопоставление совершенного и несовершенного вида, хотя и развилось, но в иной мере, чем в славянских языках. Так, в литовском языке глагол совершенного вида дает лишь сочетание с приставкой, развившей чисто грамматическое значение законченности и результативности, сочетание же с приставкой, сохранившей первоначальное пространственное значение, совершенного вида не дает: ср. *gýditi* «лечить»— *isz-gýditi* «вылечить» (совершенный вид), но *nẽszti* «нести»— *atnèszti* «относить» (несовершенный вид), а не «отнести». Следует иметь в виду, что одна и та же приставка может иметь различные значения, вследствие чего в разных случаях играть различную грамматическую роль.

Приставка *по-* также может иметь различные значения, и если в одних случаях она, как было сказано, имеет пространственное значение и обозначает начальный пункт движения, то в других случаях она имеет временное значение и обозначает начало действия во времени (а иногда и ограниченную продолжительность во времени). Так, например, *по-* в такой форме, как *пошьло* в значении «повелось», очень широко распространенной в наших древних памятниках делового письма, обозначает начало во времени, глагольные формы с таким *по-* давно уже имеют значение совершенного вида. Ср., например: а что ти *пошло* на торожкоу и на волоцѣ тивоунъ свои дьржати на своеи чѧсти дьржати (Новг. грам. 1264—1265 гг.).

Помимо такого, все же в какой-то мере конкретного временного значения, приставки в определенных случаях уже в эпоху древнейших дошедших до нас памятников могут приобретать и наиболее обобщенное значение просто законченности действия. Ср., например, дѣло бо добро *сътвори* о мънѣ (Остром. евангелие, Матф. XXVI, 10), г҃и помози рабоу своѥмꙋ лазорю нарецемоу богъши *сътворивъшемоу* крѣстъ сии цьркви с҃тго спаса и ѡфросинии (надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г.), где приставка *съ-* выражает именно это наиболее общее значение законченности.

§ 87. О том, что различия совершенного и несовершенного вида, несмотря на все случаи колебаний, непоследовательности, отступлений от современных норм употребления, в эпоху древ-

нейших памятников, наметились уже достаточно четко, говорят, во-первых, отношения этих видовых различий ко временам и, во-вторых, некоторые особенности взаимоотношения самих глагольных основ.

Рассматривая глагольные основы, от которых образуются различные времена в древнерусском языке, мы видим, что разные времена не безразличны к видовому значению этих основ. Одни времена обнаруживают несомненное тяготение к таким основам, которые частью уже были в древности и несомненно являлись впоследствии основами несовершенного вида, другие же времена к таким основам, которые частью уже были в древности и несомненно являлись впоследствии основами совершенного вида. Рассматривая древнейшие русские памятники, где представлена в еще не нарушенном или почти не нарушенном виде древняя система времен, мы видим, что имперфект обычно образуется от основ несовершенного вида, аорист, перфект, давнопрошедшее и преждебудущее время от основ совершенного (о настоящем, простом и сложном будущем времени см. ниже).

Например: Въ лѣт 6651 стоꙗше всѧ осенина дъждева (Новг. лет. Синод. сп.), А щекъ *сѣдѧше* на горѣ, гдѣ ныне зоветсѧ щековица (Лавр. летоп.), И *бѧху* ловѧща звѣрь, *бѧху* мужи мудри и смыслени, *нарицаху* сѧ полѧне (там же), и *примышлѧше* къ первои дани, *насилѧше* имъ (там же) — имперфект от основы несовершенного вида; Тоиж осени мног зла сѧ *створи*, *поби* мразъ обильѥ по волости (Новг. летоп., Синод. сп.). В се же лѣто *рекоша* дружина Игореви (Лавр. летоп.) — аорист от основы совершенного вида (старославянский глагол *рещи* противопоставляется глаголу *глаголати* как глагол совершенного вида глаголу несовершенного вида, отношение между ними такое же, как между русскими *сказать* и *говорить*); ѡтроци свѣньлжи *изодѣлисѧ суть* ѡружьемъ и портꙑ, а мы нази (Лавр. летоп.), ꙗ ко сами *оубили* кнѧзѧ — перфект от основы совершенного вида; и въ то врѣмѧ *оумьрлъ бѧше* Михалко (Новг. летоп., Синод. сп.)— давнопрошедшее время от основы совершенного вида; Оже *боудеть оубилъ* въ свадѣ или въ пироу ꙗвлено, то тако ему платити (Русская Правда) — преждебудущее время от основы совершенного вида. Бывают, правда, и отступления, для одних времен нередкие, для других крайне редкие, о которых подробнее ниже, но связь времени и основы определенного видового значения несомненна, что говорит о том, что различия между несовершенным и совершенным видами достаточно ясно наметились еще в эпоху древнейших дошедших до нас памятников.

На то, что эти различия достаточно ясно наметились, указывают и некоторые факты в области взаимоотношения самих глагольных основ в древнерусском языке, а именно широкое использование производных приставочных глаголов

III класса, образованных от глаголов других классов (в особенности IV).

Приставки являются одним из средств образования совершенного вида и в современном языке. В том случае, если приставка вносит не только значение совершенного вида, но и видоизменяет лексическое значение глагола (а таких случаев большинство) и если в то же время необходимо образовать глагол несовершенного вида с тем же лексическим значением, что и глагол совершенного вида, используются производные формы с суффиксами *-ива-* (*-ыва-*), *-ва-*, *-а-* (из них для современного языка продуктивным является суффикс *-ива-*, *-ыва-*). Ср., например, *валить — навалить — наваливать, крутить — закрутить— закручивать, петь — запеть — запевать, лететь — прилететь — прилетать.* Эти производные приставочные глаголы несовершенного вида (*наваливать, закручивать, запевать, прилетать*) по своим формам настоящего времени являются глаголами старого III класса. Такие образования широко распространены и в древнерусском языке, с той только разницей, что суффикс *-ива-*, *-ыва-*, хотя и встречается уже в первых наших памятниках, вообще в древнейшую эпоху, засвидетельствованную ими, у нас еще очень редок. Ср. *сътворити — сътварıати, вълoжити — вълагати, подълoжити — подълагати, погрузити—погружати, съгрѣшити—съгрѣшати, събьрати—събирати* и т. д. О наблюдающихся здесь чередованиях гласных и согласных см. выше. Чередования согласных, наблюдающиеся во многих из этих глаголов, представляют собой результат изменения согласного с *j*, развившимся в соседстве с более широким гласным из *i*, представляющего собой по происхождению показатель IV класса, от глаголов которого в большинстве случаев (хотя и не всегда) эти производные глаголы III класса образованы. В случае образования этих производных глаголов от глаголов II класса показатель последнего *-н-* в образовании не участвует: ср. *съхнути — усъхнути — усыхати.*

Производные глаголы III класса, образованные главным образом от глаголов IV класса, но иногда и от других, наблюдаются в древнерусском языке не только в приставочных образованиях. Ср. *мьстити — мьщати, пустити — пущати, летѣти — лѣтати.* Эти образования уходят, повидимому, в глубокую древность. Предполагают, что здесь выражаются не различия совершенного и несовершенного видов, а более древние различия повторяемости и неповторяемости действия. Но приведенные выше различия в приставочных глаголах вряд ли могут быть поняты иначе, как различия совершенного и несовершенного вида, т. е. различие, например, между *вълoжити* и *вълагати* вряд ли было иное, чем различие между совершенным и несовершенным видом, каковое для данных глаголов ясно выступает и в современном языке. А в таком случае приставочные глаголы большей частью имели значение совершенного вида и в древнерусском языке.

Наличие в древнерусском языке системы многочисленных времен при уже несомненно наметившемся различии совершенного и несовершенного видов позволяло выражать грамматическими средствами весьма сложные и тонкие отношения действия ко времени как с точки зрения отношения действия к моменту речи, так и с точки зрения самого характера протекания действия во времени. В особенности показательно в этом отношении употребление аориста и имперфекта. Как уже говорилось, аорист чаще употреблялся от основ совершенного вида. Его значение в этом случае было близко к значению нашего прошедшего времени совершенного вида (примеры были приведены выше). Но нередко встречается аорист и от основ несовершенного вида, причем такое употребление вовсе не свидетельствует о разрушении аориста. Ср., например, *живе* же вьсѣхъ лѣтъ седмьдесѧтъ и шесть (Пов. вр. лет, Лавр. летоп.); преставис великыї кн҃зь Андрѣї Александрович ... и положенъ быс на городци, а боꙗре его *ѣхаша* во тфѣрь (Новг. летоп. по Синод. сп.); в томь вечере *перевозисѧ* ꙗрославъ съ вои (там же); и *ходи* игорь ротѣ и люди его. елико поганыхъ руси хр҃ѭную русь *водиша* ротѣ в ц҃ркви ст҃го ильи (Лавр. летоп.). В таких случаях, как *ѣхаша*, *ходи*, *водиша*, выступают даже не просто формы несовершенного вида, а итеративные или формы кратных глаголов движения, в случае же *перевозисѧ* выступает приставочный глагол с приставкой лексического пространственного значения, образованный от кратного глагола движения, а такие образования не дают совершенного вида даже в современном языке. Эти примеры говорят о том, что аорист в древнерусском языке мог образовываться и от глаголов несовершенного вида и его значение не покрывалось значением, соответствующим современному прошедшему времени совершенного вида. Аорист обозначал единое, нерасчлененное действие, целиком отнесенное к прошлому, но самое это действие могло быть как мгновенным и завершенным, так и длительным, без указания на его завершенность, ограниченность во времени.

Имперфект был в большей степени связан с несовершенным видом, чем аорист с совершенным, поэтому мы в основном находим в древнерусских памятниках такие формы имперфекта, которые образованы от основ, частью бывших еще в древнерусском языке, а частью несомненно ставших впоследствии основами несовершенного вида. Но встречаются, хотя и редко, случаи образования имперфекта от основ совершенного вида, например: аще кто *оумрѧше*, творѧху трызну надъ нимъ. и по семь творѧху кладу велику и *възложахуть* и на кладу мр҃твца *сожьжаху*. и по семь собравше кости. *вложаху* в судину малу и *поставѧху* на путех (Лавр. летоп.). аще поѣхати будѧше ѡбрину, не *дадѧше* въпрѧчи конѧ ни вола, но велѧше въпрѧчи 3 ли 4 ли 5 ли женъ и повести

ѡбрѣна (там же); аще кто *вылѣзаше* изъ храмины хотѧ видѣти, абие оуꙗзвенъ будѧше невидимо (там же). Если некоторые из выделенных глаголов, как характеризующиеся приставками первоначального, пространственного значения, и могли в древнерусском языке еще не стать глаголами совершенного вида, то многие из этих приставочных глаголов были уже глаголами совершенного вида и в древнем языке. Эти формы имеют вполне определенное значение: они обозначают действие, повторявшееся в прошлом, но каждый раз законченное, причем вся эта последовательность, повторяемость следующих друг за другом действий во времени не ограничена. Интересно, что в более поздних списках той же редакции Повести временных лет, именно в Радзиволовском и Академическом, мы находим замену указанных выше форм более привычными образованиями имперфекта от основ несовершенного вида — *оумираше* вместо *оумрѧше*, *сожигаху* вместо *сожьжаху*, *влагаху* вместо *въложаху*; вместо формы *вылѣзѧше*, в Радзивиловском и Академическом списках *вылазѧше*, вместо *дадѧше* в Радзивиловском и Академическом списках *даваше*, а в Троицком *даяше*. Поскольку в современном языке и, повидимому, с достаточно давнего времени, в таком значении употребляется форма прошедшего времени несовершенного вида, переписчики более поздних списков употребили соответствующие видовые основы, образовав от них по старой традиции имперфект, который в книжном языке еще держался, хотя и не был уже живой формой.

Разрушение старой временной системы

§ 88. Развитие видо-временной системы русского языка на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, характеризуется следующими основными процессами: разрушением древней системы многочисленных времен, развитием грамматической категории будущего времени, все дальше идущим развитием различий совершенного и несовершенного видов, а также развитием некоторых видовых форм более частного значения внутри системы этих основных различий. Все эти процессы взаимно теснейшим образом связаны.

В области прошедших времен рано теряются простые прошедшие времена — имперфект и аорист. Некоторые лингвисты предполагают, что в живом языке эти формы терялись еще в эпоху, предшествующую древнейшим дошедшим до нас памятникам. Но для такого предположения нет оснований, так как многие памятники показывают отчетливое разграничение различных форм прошедшего времени по их значению. Различные формы прошедшего времени в разной степени употребляются в памятниках различных жанров, что объясняется, с одной стороны, различным соотношением книжной традиции и стихии живого

языка, а с другой стороны, содержанием памятника. Старая система прошедших времен полностью представлена в памятниках церковно-религиозной литературы, в летописях, в «Слове о полку Игореве». Памятники церковно-религиозной литературы для изучения судьбы времен в древнерусском языке в целом не показательны, так как в большинстве случаев списаны со старославянских (т. е. южнославянских в своей основе) оригиналов, а развитие временной системы в южнославянской области шло иными путями, чем в восточнославянской. Оригинальные же памятники этого жанра (Житие Феодосия Печерского, Сказание о Борисе и Глебе) писаны под сильным воздействием старославянской книжной традиции. Поскольку «Слово о полку Игореве» довольно ограничено по объему, наиболее богатый материал для изучения времен дают летописи. Древнейшие списки, дошедшие до нас, относятся к XIV—XV вв. и, может быть, к концу XIII века (Синодальный список 1-й Новгородской летописи), но сделаны они с подлинников конца XI — начала XII века, а вследствие того, что при переписывании памятника уклонения от подлинника в большей степени относятся к фонетике и в меньшей степени затрагивают формы, эти списки дают возможность судить и о грамматическом строе языка XI—XII вв. Поскольку язык летописи, писавшейся на протяжении многих лет, от начала к концу эволюционировал, в особенности показательны для изучения древних отношений начальные части летописей.

Летописи указывают на достаточно четкие разграничения различных времен по значению не только в философских отступлениях летописца, где он предается размышлениям по поводу описанных событий и где язык его сближается с книжным старославянским, но и в живом рассказе, где излагаются самые события, где в изложение часто вплетается диалог и где вследствие этого в большей степени сказываются особенности, характерные для живого языка. И здесь отчетливо разграничиваются имперфект и аорист, с одной стороны, и перфект и аорист, с другой (давнопрошедшее время по своему употреблению также четко отграничивается от других времен, но о нем и не встает вопрос, так как оно вообще, как увидим далее, сохраняется довольно долго).

Аорист употребляется, как уже было сказано, для выражения нерасчлененного на отдельные моменты действия, целиком отнесенного в прошлое. Различные события, имевшие место в истории, в летописи обычно выражаются аористом, например: в се же лѣт *рекоша* дружина Игореви (Пов. вр. лет, Лавр. летоп.); и *послуша* ихъ Игорь, *иде* въ дерева въ дань (там же), возьемавъ дань, *поиде* въ градъ свои (там же).

Имперфект обозначал действие длительное, незаконченное в прошлом, повторяемое, расчлененное на отдельные моменты. В таком значении употреблялся он и в древнейших летописях.

Часто употреблялся он при описании нравов, обычаев, институтов, имевших длительное существование. Так, например, при описании обычаев древних славян: и *бѧху* ловѧща звѣрь, *бѧху* мужи мудри и смыслени, *нарицахусѧ* поляне (Пов. вр. лет, Лавр. летоп.); а древлѧне *живѧху* звѣриньскимъ ѡбразомъ, жиоуще скотьски, *оубиваху* другъ друга, *ꙗдѧху* всѧ нечисто, и брака оу нихъ не *бываше*, но *оумыкиваху* оу воды дв҃цѧ ... *Схожаху* сѧ на игрища, на плѧсанье... и ту *оумыкаху* жены собѣ... (там же). В таком значении употреблялся часто имперфект и в других древних индоевропейских языках.

Имперфект часто употреблялся для обозначения действия, сопровождающего другое действие (если это сопровождающее действие носило длительный характер), например: послуша их Игорь, иде... въ дань и *примышлѧше* к первои дани, *насилѧше* имъ, и мужи его (Лавр. летоп.).

Различие значений имперфекта и аориста ясно из следующих примеров: *собрашасѧ* лучьшие мужи, иже *дерьжаху* деревьску землю (Лавр. летоп.); заоутра *призва* Игорь слы и *приде* на холмъ, где *стоꙗше* Перунъ... (там же). В обоих случаях аорист выражает некоторое единое и завершенное действие в прошлом, которое во времени падает внутрь некоторого длительного, непрерывного действия или состояния, во времени никак не ограниченного. Ср. также: другъ друга *пихаху* въ гроблю и *спехнуша* Ольга с мосту в дебрь (Лавр. летоп.). Здесь имперфект выражает непрерывно повторяемое в прошлом действие, причем повторяемость во времени никак не ограничена, аорист же — действие завершенное, осуществленное во время этой неограниченной повторяемости. Существенно обратить внимание на различие образованных от одного корня основ, от которых мы имеем в данном случае имперфект и аорист. Здесь выступает чередование корневого гласного *i*/*ь* (*i* в основе несовершенного вида, *ь* в основе совершенного вида — см. выше). Форма *спехнуша* восходит к более древней *съпьхнуша*; *е*<*ь* здесь аналогического порядка, так как фонетически *ь* в слабом положении должно было исчезнуть. Аналогически же здесь исчезло ъ в приставке, которое фонетически должно было в сильном положении дать *о*.

Различие по значению между аористом и перфектом ясно из следующих примеров: Се повѣсти времѧньных лѣт, ѿкуду *есть пошла* рускаꙗ землѧ, кто въ Киевѣ *нача* первѣе кнѧжит и ѿкуду рускаꙗ землѧ *стала есть* (Лавр. летоп., начало Повести временных лет) — перфект обозначает результат действия, завершенного в прошлом, отнесенный к настоящему времени (Русская земля когда-то возникла и продолжает существовать теперь, в момент написания этих слов), аорист же просто констатирует

действие, целиком отнесенное к прошлому.— В се же лѣт рекоша дружина Игореви: ѡроци свѣньлжи изодѣли сѧ суть ѡружьемъ и портꙑ, а мы нази (Лавр. летоп.).— Дружина указывала Игорю на то, что дружинники Свенельда нарядились и ходят нарядными в то время, когда дружина это говорила. На отнесение результата к настоящему времени, т. е. к моменту речи, грамматически указывает настоящее время составного сказуемого в том же сложносочиненном предложении (*нази* — настоящее время выражено нулевой связкой).— Ясно выступает результативное значение и в следующем примере: и бораху сѧ крѣпко изъ града, видѣху бо ꙗко сами *оубили* кнѧзѧ, и на что сѧ предати (Лавр. летоп.). Здесь перфект указывает на результат, отнесенный не к настоящему времени, а ко времени главного предложения. Но здесь дополнительное придаточное предложение. По нормам характерного для русского языка (как современного, так и древнего) согласования времен настоящее время в дополнительном придаточном предложении обозначает не одновременность действия с моментом речи, а одновременность с действием главного предложения. Так же и перфект в дополнительном придаточном предложении обозначает отнесение результата не к моменту речи, а ко времени главного предложения. На то, что здесь не просто констатируется действие, совершенное в прошлом, а имеется в виду результат, отнесенный ко времени главного предложения, указывает инфинитив *предати*, имеющий значение долженствования.

Некоторые ученые (Д. Н. Кудрявский, акад. Е. Ф. Карский) выдвигали положение, согласно которому аорист и перфект различались в древнерусском языке, именно в летописи, тем, что аорист больше употреблялся в повествовании, а перфект в диалоге. Но здесь дело по существу не в том, что аорист служит для выражения прошедшего времени в рассказе, а перфект в разговоре, а в том, что результативное значение чаще бывает нужно выразить в разговоре (подобно тому, как и настоящее время чаще фигурирует в диалоге, чем в рассказе). В летописи мы находим аорист и в диалоге. Ср., например, диалог Ольги с древлянами: так, Ольга говорит древлянским послам: добри гостье *придоша*. И рѣша деревлѧне: *придохомъ*, кнѧгине. И рече имъ ѡльга: да глте, что ради *придосте* сѣмо (Лавр. летоп.). Здесь, на первый взгляд, даже кажется, что скорее следовало бы употребить перфект, так как древляне находятся налицо, в результате того, что пришли. Но результативность выражается особой формой лишь тогда, когда говорящий специально фиксирует на ней внимание.

§ 89. Все сказанное выше говорит о том, что в части древнейших русских памятников старая система прошедших времен держалась еще достаточно прочно. Но некоторые памятники, и

притом достаточно древние, отражают уже отход от этой системы. Достаточно рано, как уже было сказано, теряются простые прошедшие времена, аорист и имперфект, особенно рано последний. Как норма книжного языка, в основе своей церковнославянского, он сохраняется долго. Не говоря уже о памятниках церковно-религиозного характера, мы в большом количестве встречаем его в сочинениях публицистического характера и в повествовательной литературе даже в XVI—XVII вв. При этом некоторые наши книжники этого времени (хотя и не все) отчетливо осознают его значение и правильно употребляют его. Но некоторые очень древние памятники, и притом как раз такие, которые в наибольшей мере отражают живую речь, совсем не употребляют его. Так, мы совсем не находим имперфекта уже в древнейших грамотах, в Русской Правде (начиная с древнейшего списка 1282 г.), т. е. в памятниках юридического характера (если не считать немногих случаев, являющихся результатом смешения с аористом, о чем ниже). Некоторые лингвисты полагают, что в живом языке имперфект был утрачен уже в XII веке. В эпоху создания подлинников древнейших дошедших до нас летописей, т. е. в конце XI — в начале XII века, имперфект, несомненно, еще существовал в русском языке. В современном русском языке нет никаких ясных следов имперфекта, что также указывает на наиболее раннее исчезновение из живого языка именно этой формы прошедшего времени.

Интересно, что и в других славянских языках имперфект в наибольшей степени сравнительно с другими прошедшими временами обнаруживает тенденцию к исчезновению. Можно думать, что определенные предпосылки к этому были еще в общеславянском языке-основе. Западнославянские языки (за исключением лужицкого) вообще утратили, подобно русскому, простые прошедшие времена. Но и в южнославянских языках, в большей части которых старая временная система в целом сохранилась, раньше всего теряется имперфект. Так, он утрачен частью сербских говоров. В болгарском языке он в целом сохранился лучше, но в некоторых говорах теряется и здесь.

Аорист в основном сохраняется дольше. Мы находим его и в таких памятниках, в целом близких к живому языку, в которых имперфект уже не употребляется. Так, мы находим его в Русской Правде и в грамотах, по крайней мере северных (новгородских, псковских, двинских), и даже довольно поздних — XIV—XV вв.

Ввиду большой взаимной близости древнерусских говоров, а также ввиду того, что старые грамматические формы в силу традиции держатся в памятниках долгое время спустя после того, как они исчезли из живого языка, диалектные различия в морфологическом строе древнерусского языка в их историческом развитии изучены пока еще очень недостаточно. Но и на основании тех материалов, которые уже имеются, можно пред-

полагать, что утрата аориста происходила в различных диалектах не одновременно (возможно, что не одновременно по диалектам утрачивался и имперфект, но вследствие его более ранней утраты, мы в этом отношении ничего положительного пока сказать не можем).

Отсутствие аориста в древнейших южных надписях и грамотах приводит некоторых исследователей к мысли, что на юге аорист утратился еще в эпоху, предшествовавшую древнейшим дошедшим до нас памятникам. Мы, действительно, не находим аориста ни в надписи на Тмутороканском камне 1068 г., ни в Мстиславовой грамоте около 1130 г. Но этот факт никоим образом не говорит в пользу отсутствия аориста в живом языке соответствующего времени.

В надписи на Тмутороканском камне, в целом очень короткой, употребляется всего одна глагольная форма, и эта форма — перфект: глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м(о)ре по леду ѡ(т) тъмутороканѧ до кърчева 10 000 и 4 000 сѧже.— Перфект здесь как раз оправдан с точки зрения древних языковых норм: здесь явно выражается результативное значение — смерил, и результат измерения налицо.

В Мстиславовой грамоте перфект употребляется четыре раза, и также нет никаких других форм прошедшего времени. Но во всех этих четырех случаях употребление перфекта также вполне оправдано с точки зрения древних языковых норм. Эти четыре случая следующие: Се азъ Мьстиславъ Володимирь сн҃ъ, дьржа роусьскоую землю въ своѥ кнѧжениѥ, *повелѣлъ ѥсмь* сн҃оу своѥмоу Всеволодоу ѿ(т)дати боуицѣ ст҃моу Геѡргиеви... а ѩзъ *далъ* роукою своѥю и осеньнѥѥ полюдьѥ даровьноѥ... а се ѩ, Всеволодъ, *далъ* блюдо серебрьно, 30 грв҃нъ серебра, *повелѣлъ ѥсмь* бити въ нѥ на ѡбѣдѣ, коли игоуменъ ѡб*ѣ*даѥть.

Во всех случаях речь идет о том, что дается дар, притом не только констатируется, что этот дар дан, но и то, что он навеки остается за монастырем — в других местах грамоты (в форме будущего времени) неоднократно подчеркивается эта вечная принадлежность дара монастырю. Таким образом, результативное значение здесь также налицо.

Следует заметить, что только перфект мы находим и в небольшой, но достаточно древней новгородской грамоте Варлаама Хутынского (после 1192 г.), в то время как новгородские же грамоты, и притом более поздние, как уже сказано выше, знают и аорист. И в грамоте Варлаама перфект также вполне оправдан с точки зрения своего древнего значения.

Совершенно определенно на отсутствие аориста в живом языке указывает большая по объему Смоленская грамота 1229 г.

(договор Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом), в которой аорист не встречается ни разу и прошедшее время последовательно выражается формой перфекта, далеко не везде передающей старое результативное значение. Ср., например: Того лѣⷮ, коли Алъбрахтъ, вл҃дка ризкии, *оумьрлъ*, *уздоумалъ* кнѧзѣ Смольнескыи Мстиславъ д҃вдвъ с҃нъ, *прислалъ* в ригоу своѥго лоучьшего попа ѥремью и с нимь оумьна моужа пантелью... — указание даты при глаголе свидетельствует об отнесении действия целиком в прошлое, в памятниках, различающих перфект и аорист, в таких случаях обычно употребляется аорист.

Не обнаруживают аориста и древнейшие московские грамоты, начинающиеся с XIV века (самая древняя из них духовная грамота в. к. Ивана Калиты 1327—1328 г.).

На более длительное сохранение аориста на севере, именно в Новгородской земле и в областях, связанных с Новгородом и новгородской колонизацией, указывают новгородские грамоты, где случаи употребления аориста встречаются. Правда, и здесь он употребляется больше в традиционных формулах, которые могли быть унаследованы от глубокой древности, например: а миръ *доконьчахомъ* на сеи правдѣ (Новг. грам. 1262—1263 г.) — глагол *доконьчати* употреблялся в древнерусском языке как юридический термин в значении «заключить договор»;— а *повелѣша* печати приложити (Новг. грам. 1372 г.). Но иногда его можно наблюдать и не в формулах, например: Се *приѥхаша* послы ѿ менгоу темерѧ цⷭ҇рѧ (Новг. грам. 1269—1270 г.). Последняя форма — *приехаша* — встречается даже в более поздней Новгородской грамоте 1471 г. Ср. Смоленскую грамоту 1229 г., где в аналогичном употреблении перфект: Та два была посломь оу ризе, из ригы *ѥхали* на гочькыи берьго тамо твердити миръ.

Употребляется аорист и в двинских грамотах XV века (Северная Двина колонизована была, как известно, из Новгорода), например: Се *коупи* игуменъ Василеи (Двин. грам. XV в. № 1).

Неясно, имеет ли место аорист в древнейшей из недавно найденных в Новгороде грамот на бересте, относимой предположительно к XI веку (№ 9). Эти грамоты вообще могли бы представить большой интерес, так как содержат частные письма, где в меньшей степени могут встретиться традиционные формулы. Рассматриваемая грамота (№ 9) содержит несколько форм перфекта, вполне оправданных с точки зрения его старого значения. В одном месте возможен аорист, но это место различные исследователи по-разному делят на слова и по-разному толкуют (в древности, как известно, писали без разделения на слова и без пунктуации в нашем смысле), причем и при этих различных

толкованиях место остается не вполне ясным. Одно толкование: *изби*, въ роукы поустилъ же мѧ (в таком случае здесь аорист); другое толкование: *избивъ* роукы, поустилъ же мѧ (в таком случае здесь причастие прошедшего времени)[1].

В той же грамоте возможно имеется и другая форма аориста— *въдасть*. Но и эта форма не является бесспорной, ибо может быть понята и как настоящее-будущее время от глагола *въдати*.

Однако уже новгородские памятники XIII века, не говоря уже о более поздних, говорят о том, что употребление аориста новгородскими грамотами этого времени является уже остатком старины и не отражает особенности живого говора. На это указывает колебание форм аориста: мы встречаем в памятниках случаи смешения близких по своему внешнему облику форм 3-го лица мн. ч. аориста и 3-го лица ед. ч. имперфекта (первая из них оканчивалась на *-ша*, вторая на *-ше*). Ср., например, птица небесьныѩ *позобаше* (Новг. евангелие 1215 г.) — *птица* здесь им. п. мн. ч. в соответствии со ст.-слав. пътицѧ, живая др.-русская форма должна была бы быть *пътицѣ*. Ср. также: а на семь *повелѣше* весь новъгороⷣ юрью и ѩкимоу миръ взѧти съ кн҃змь Михаиломъ (Новг. грам. 1372 г.). Здесь должно быть 3-е л. мн. ч. аориста, согласованное с подлежащим, хотя и стоящим в единственном числе, но имеющим собирательное значение (весь Новъгородъ), т. е. *повелѣша*; если бы здесь было употреблено 3-е л. ед. ч. имперфекта, оно должно было бы иметь форму *повелѧше*, и по смыслу здесь, конечно, требуется аорист. Предполагать фонетическое неразличение *е* и *а* после шипящего мы для новгородских памятников этой эпохи не в праве. Эти колебания говорят о том, что не только имперфект, но и аорист в XIII веке уже и в Новгороде как живая форма не существовал, что обе эти формы, еще употребляющиеся в памятниках самых различных жанров, представляют собой постепенно отмирающие элементы старого качества, уступающие место новым более обобщенным средствам выражения времени. Но употребление форм аориста в грамотах новгородских, а также земель, входивших в сферу новгородской колонизации, говорит о том, что в говорах этих земель аорист исчез из живой речи, повидимому, позднее, чем в говорах других территорий, поскольку в памятниках из иных мест мы не находим и тех остатков аориста, которые характерны для новгородских памятников.

О том, что аорист в достаточно раннее время перестает быть живой формой, на юге, а также в центре (в Суздальской Руси), свидетельствуют и некоторые факты из летописи. Показательно сравнение употребления глагольных форм в различных частях летописи, например, в Повести временных лет, и в Суздальской

---

[1] Оба толкования см. в журнале «Вопросы языкознания» 1952 г., № 3.

летописи в составе одного и того же списка летописи — Лаврентьевского. Подлинник Повести временных лет был закончен в начале XII века, являющаяся же продолжением ее Суздальская летопись была писана (подлинник) на протяжении XII—XIII вв. (а самый конец даже в первые годы XIV в.). Исследуя употребление перфекта в Суздальской летописи, мы видим, что оно шире, чем употребление той же формы в Повести временных лет, и особенно возрастает к самому концу летописи. Возрастание это идет за счет аориста. При этом мотивов для употребления перфекта в его старом значении в Суздальской летописи в целом меньше, чем в Повести временных лет, реже встречаются такие случаи, когда необходимо выразить результативное значение, реже встречается развернутый диалог, в котором часто является потребность в таком значении. И некоторые случаи употребления явно не соответствуют старому значению, например: В лѣ͡т 6793. Романъ кнѧ͡з брѧнскыи *приходилъ* ратью к Смоленску и пожже пригоро͡д и ѡ͡тиде в своюси (Лавр. летоп.). Того͡ж лѣ͡т. *Воевали* литва тфѣрьского в͡лкы волость, ѡлешню (там же).— Отсутствие результативного значения особенно ясно выступает в последнем случае, поскольку из дальнейшего изложения следует, что Олешня была отбита.

Весьма показательно также Поучение Владимира Мономаха, дошедшее до нас в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи. Оно представляет собой особый памятник, переписанный в летопись одним из позднейших летописцев или переписчиков (оно входит в состав Повести временных лет, но включено туда не ее автором, так как в последнем случае оно оказалось бы и в других списках той же редакции — в Радзивиловском, Академическом, Троицком). По языку, в значительной мере близкому к живому древнерусскому, «Поучение» отличается от окружающей летописи. И именно в нем широко употребляется перфект, а если и встречается иногда аорист, то формы аориста и перфекта по значению не разграничены. Особенно широко употребляется перфект у Владимира Мономаха при описании его охотничьих подвигов, на что обратил внимание проф. Л. П. Якубинский. Ср.: медвѣдь ми оу колѣна подъклада *оукусилъ*. Лютыи звѣрь *скочилъ* ко мнѣ на бедры и конь со мною *поверже̄*, и б͠ъ невредима мѧ *съблюде̄*.

Подлинник «Поучения» был написан, повидимому, в конце первой четверти XII века (Владимир Мономах умер в 1125 г., а писал он «Поучение», повидимому, незадолго до смерти). Это указывает на то, что уже в первой четверти XII века на юге, по крайней мере, в некоторых говорах аорист уже терялся.

После утраты имперфекта и аориста как живых форм они долго еще, как уже было сказано, употребляются в книжном

языке. Но интересно, что и в памятниках книжного языка, при правильном в части случаев употреблении имперфекта и аориста, вместо них часто употребляется перфект, и особенно в некоторых формах. Для книжного языка XVI—XVII вв., можно сказать, устанавливается норма употребления перфекта во 2-м л. ед. ч. (при имперфекте и аористе в других лицах). Такова обычная норма, например, в письмах Ивана IV и А. Курбского (впрочем, возможны и случаи перфекта в других лицах и, очень редко, имперфекта и аориста во 2-м л. ед. ч.). Эта норма отражена и в старинных наших грамматиках. Ср. у Лаврентия Зизания (1596 г.), где в «мимошедшем» времени (т. е. в аористе) даются формы ед. ч. 1-го л. *спасохъ*, 2-го л. *спаслъ єси*, 3-го л. *спасе*, дв. ч. *спасоховѣ*; *спасохова*, *спасоста*, мн. ч. *спасохомъ*, *спасосте*, *спасоша*, а в «протяженном» (т. е. в имперфекте) ед. ч. 1-го л. *ꙗвлѧхъ*, 2-го л. *ꙗвлѧлъ єси*, 3-го л. *ꙗвлѧше* и т. д. Ср. также у Мелетия Смотрицкого (1619 г.), где в «прошедшем» времени (т. е. в аористе) ед. ч. 1-го л. *быхъ*, 2-го л. *былъ*, 3-го л. *бысть*, *бяше*, мн. ч. 1-го л. *быхомъ*, 2-го л. *быстe*, 3-го л. *быша*, *бяху*, а в «преходящем» (т. е. в имперфекте) ед. ч. 1-го л. *бѣхъ*, 2-го л. *былъ*, 3-го л. *бѣ*, мн. ч. 1-го л. *бѣхомъ*, 2-го л. *бѣсте*, 3-го л. *бѣху*, *бѣша*.

Возможно, что и в живой речи вытеснение простых форм прошедшего времени формами перфекта началось именно со 2-го лица ед. ч., притом не только в русском, но и в других славянских языках. Интересно, что и старославянские памятники южнославянских изводов дают несомненное преобладание форм перфекта во 2-м л. ед. ч., а в южнославянских языках старая временная система в целом сохраняется.

§ 90. Аорист, исчезнувший из языка позднее, чем имперфект, оставил кое-какие следы в современном русском языке. Как архаизм, аорист довольно долго употреблялся в литературном языке, по крайней мере в некоторых жанрах. Мы находим остаток его в фольклоре, именно в Онежских былинах: «*Бысть* князь велел». Остатком аориста в современном языке является междометие *чу*! По происхождению это 2-е л. ед. ч. аориста от глагола *чути* «слышать». Форма *чу* имела первоначально значение: «ты слышал!».

Некоторые лингвисты (акад. А. А. Шахматов) считают остатком аориста в современном русском языке особое употребление повелительного наклонения (чаще в сочетании с повелительным наклонением *возьми*, но возможно и без него) для выражения внезапного, неожиданного действия, например: «Ему бы в сторону броситься, а он *возьми* да прямо и *побеги*» (Тургенев, Смерть). Поскольку здесь идет дело о внезапном действии, имевшем место в прошлом, притом действии недлительном, ясно, что значение соответствующей формы близко по крайней мере к одному из значений старого аориста и в то же время далеко от обычного значения повелительного наклонения. На основании этого вы-

двигается предположение, что рассматриваемая форма лишь омонимически совпала на протяжении истории языка с повелительным наклонением, а по происхождению не имеет с ним ничего общего. Если это верно, исходную точку такого употребления должны были образовать формы аориста 3-го л. ед. ч. глаголов IV класса, омонимически совпадавшие с повелительным наклонением еще в общеславянском языке-основе. Форма эта обычно и употребляется при подлежащем, выраженном 3-м лицом единственного числа. С падением аориста эта форма могла быть осознана как 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения, а в результате этого могла быть распространена и на такие глаголы, аорист которых никогда не совпадал омонимически с повелительным наклонением.

Но, поскольку предложение, содержащее рассматриваемую форму, обычно сложное, в состав его входит и предложение, содержащее сослагательное наклонение (см. пример выше), а следовательно, данное предложение передает, помимо времени, и определенные, притом не прямые, отношения к действительности, возможно, что мы имеем дело не со старым аористом, как исходной точкой, а с особым переосмыслением повелительного наклонения. К тому же в древнерусском языке мы не находим ясных примеров, которые могли бы быть сочтены источником рассматриваемой конструкции.

По мнению акад. А. А. Шахматова, тесно связана по значению, а также по происхождению с древним аористом, притом простым, форма так называемых глагольных междометий (*хвать*, *глядь* и т. д.). Ср., например:

Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хвать, поймала...

(Пушкин, Сказка о мертвой царевне)

Эти формы всегда передают мгновенное действие в прошлом, следовательно, значение их тесно связано с одним из значений древнего аориста. Но связаны ли они и по происхождению с древними формами аориста, сказать трудно. Они ближе всего к формам простого аориста, который, как уже было сказано, в русском языке не был употребителен, начиная с древнейших памятников. Впрочем, для 2-го и 3-го л. ед. ч. глаголов с основой инфинитива на согласный форма простого аориста была единственной возможной для славянских языков формой.

Для того чтобы установить, связаны ли эти формы и по происхождению с аористом или же развились (что также возможно) из междометий (типа *хлоп*, *бряк* и т. д., в соответствии с которыми имеются, правда, и глаголы *хлопать*, *брякнуть* и т. д., но позднейшего, междометного происхождения) и лишь впоследствии примкнули к глагольной системе, следовало бы выяснить древ-

ность употребления в русском языке таких форм. Но это очень трудно, так как формы эти свойственны главным образом живой, разговорной, да и то эмоционально окрашенной речи, а поэтому в старых памятниках не встречаются.

В древнерусском языке, как уже было сказано, существовал единственный обломок простого перфекта, именно форма 1-го л. ед. ч. *вѣдѣ*. Эта форма довольно рано теряется, но вследствие ее единичности и возможности в то же время употребления ее в памятниках и тогда, когда из живого языка она уже исчезла, трудно установить, когда именно она исчезла из живого языка. Остатком этой формы в современном языке является частица *ведь*.

После утраты простых прошедших времен сохраняются аналитические формы прошедшего времени — перфект, принявший теперь на себя и те функции, которые раньше выполнялись имперфектом и аористом (но сохранивший и свои старые функции), и давнопрошедшее время. Эти времена сохранялись на протяжении всего древнерусского языка и перешли в формирующийся на основе части древнерусских диалектов язык великорусской народности, равно как и в другие восточнославянские языки.

Давнопрошедшее время выражало, как уже было сказано, действие, предшествовавшее другому действию, также в прошлом, и обычно употреблялось во временном придаточном предложении, хотя могло выступать и в предложении формально независимом. Примеры: ѡ сего начаша оумирати сн҃ве предъ ѡц҃мь, предъ симъ бо не *бѣ оумиралъ* с҃нъ предъ ѡц҃мь, но ѡц҃ь предъ сн҃мъ (Лавр. летоп.) и приде ростовоу, и въ то врѣм҃ѧ *оумьрлъ бѧше* михалко (Новг. летоп., Синод. сп.). Иногда давнопрошедшим временем выражается состояние в прошлом, являющееся результатом еще ранее совершенного действия, т. е. давнопрошедшее время выражает такое же отношение к прошлому, какое к настоящему выражает перфект, например: жена дѣтищь роди безъ ѡчью и без руку, в чересла *бѣ* ѥму рыбии хвостъ *прирослъ* (Лавр. летоп.).

Давнопрошедшее время в древнейших русских памятниках образуется, как уже было сказано, посредством сочетания действительного причастия прошедшего времени на *-l-* и имперфекта вспомогательного глагола *бѣахъ* (*бѧхъ*) или аориста вспомогательного глагола *бѣхъ*. Последняя форма, хотя и является по происхождению аористом, в памятниках обычно функционировала в значении имперфекта. В оригинальных древнерусских памятниках чаще употреблялось сочетание с *бѣхъ*, реже с *бѣахъ* *(бѧхъ)*. Иногда наблюдаются колебания между обеими этими формами в одной фразе, например: оу ӕрополка же жена грекини *бѣ* и *бѧше была* черницею; *бѣ* бо *привелъ* ѡц҃ь его с҃тославъ и вда ю за ӕрополка (Лавр. летоп.). «У Ярополка же жена была гречанка и (прежде) была монахиней, так как (ее) привел отец его Святослав и отдал ее за Ярополка».

На протяжении истории русского языка вырабатывается новая форма давнопрошедшего времени, которая сначала употребляется параллельно со старыми формами, а затем постепенно вытесняет их. Новая форма образуется посредством сочетания действительного причастия прошедшего времени на *-l-* с формой перфекта вспомогательного глагола *быти*, которая в свою очередь была сложной формой, например, *ѥсть былъ пришьлъ*. Развитие этой новой формы, повидимому, связано в какой-то мере с утратой простых прошедших времен, поскольку в образовании старых форм давнопрошедшего времени эти времена участвовали. Но вряд ли можно развитие новой формы целиком ставить в зависимость от этой утраты. Следует иметь в виду, что давнопрошедшее время, образованное при помощи перфекта вспомогательного глагола, мы встречаем и в некоторых среднеболгарских памятниках, а в болгарском языке старые простые прошедшие времена сохранились и до сих пор. Можно думать, что перфект вспомогательного глагола при образовании давнопрошедшего времени был использован потому, что давнопрошедшее время довольно часто передавало результат, отнесенный к прошлому, тогда как перфект имел результативное значение.

По мнению некоторых исследователей (Н. Н. Дурново), новая форма появляется лишь с XIII века. Исследуя летопись, Дурново обратил внимание на то, что эта форма употребляется лишь при описании событий XIII—XIV вв., при описании же событий XI—XII вв. употребляются старые формы давнопрошедшего времени. Это говорит, по его мнению, за то, что в эпоху создания подлинника Повести временных лет в ходу были еще старые формы. Однако мы и в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку находим два случая употребления новой формы давнопрошедшего времени: и не лѣнива мѧ *былъ створилъ*

с

худаго, на всѣ дѣла члвчкаꙗ потребна (настоящее время вспомогательного глагола в составе перфекта отсутствует, что, впрочем, в древнерусском языке бывает нередко); се оуже *прельстилъ* мѧ *ѥси былъ*, дьꙗволе.— Впрочем, второй из этих случаев несколько сомнителен, в Радзивиловском и Академическом списках *былъ* нет, вследствие чего можно предполагать, что и в подлиннике был перфект, а не давнопрошедшее время, *былъ* же добавлено позднее переписчиком Лаврентьевского списка. Но первый пример несомненен, он взят из Поучения Владимира Мономаха, близкого, как уже было сказано, к живому языку, и свидетельствует о том, что в живом языке в начале XII века уже сложилась новая форма давнопрошедшего времени.

Новая форма давнопрошедшего времени сохраняется долго, мы ее находим и в памятниках XVII века, только в составе ее теряется форма настоящего времени вспомогательного глагола (*ѥсмь*), поскольку эта форма теряется и в составе перфекта (см. ниже), и аналитическая форма превращается из соче-

тания трех слов в сочетание двух слов, например: Казаки *были* на службу *пошли*, а ныне воротилися (Московские разрядные книги, 1615 г.). Ср. в более ранних памятниках, например, в грамоте Ивана IV Курбскому из Володимерца: И я его и матерь отъ того свободилъ и держал во чти и въ урядствѣ, а он *былъ* уже отъ того и *отошолъ*.

Эта форма давнопрошедшего времени, общая, повидимому, некогда различным древнерусским диалектам, сохранилась и до настоящего времени в украинском языке, а также в некоторых русских говорах (немногих). Территориальное распространение этой формы по русским говорам до сих пор еще не изучено. Но в русском литературном языке с XVIII века эта форма окончательно теряется. Утрачена она и большинством русских говоров.

Однако в современном русском языке сохранились определенные остатки давнопрошедшего времени. Сюда относится, повидимому, сочетание *жил-был*, *жили-были*, часто встречающееся в начале сказок и рассказов и указывающее на нечто, имевшее место в далеком прошлом. Это употребление показывает, что давнопрошедшее время в древнерусском языке могло фигурировать и в независимом предложении. Но в особенности следует указать на сочетание прошедшего времени с частицей *было*, выражающее или готовившееся, но не совершившееся действие, или действие начавшееся, но прерванное другим действием, например: «Дрянь, хвастунишка!— *чуть было не закричал* Нежданов... Но в это мгновение дверь его комнаты *растворилась*, и в нее... вошел Маркелов» (Тургенев, Новь). «Он *хотел было* пройти мимо... Она *остановила* его резким движением руки» (там же). Частица *было* является в результате утраты согласования вспомогательным глаголом *был* (при утрате согласования в роде и числе чаще всего является средний род единственного числа, как форма наиболее нейтральная). Значение действия, прерванного очень близко к старому значению давнопрошедшего времени: действие, прерванное другим действием, произошло раньше, чем действие, прервавшее его.

Примеры, свидетельствующие об утрате согласования, а также о развитии значения, свойственного современному сочетанию с частицей *было*, мы находим уже в памятниках XVI—XVII вв. (наряду с употреблением, соответствующим старым нормам). Так, мы находим в послании Ивана IV Курбскому «против письма из Волмера»: «Тако же потомъ дядю нашего, князя Андрѣя Ивановича, измѣнника на насъ подъяша, и съ тѣми измѣнники *пошелъ было* къ Новугороду... и се въ тѣ поры *были* отъ насъ *отступили*, а къ дяде нашему князю Андрѣю *приложилися*...» (впрочем, это письмо, как и другие письма Ивана IV, дошло до нас лишь в списке XVII в., так что встает вопрос, не принадлежит ли утрата согласования переписчику).

Котошихин в своем сочинении «О России в царствование

Алексея Михайловича» говорит о Лжедмитрии: «А какъ началъ царствовать, і въ Росіскомъ государстве *учалъ было* заводить вновь вѣру папижскую, и Грческия церкви передѣлывать въ костелы лятцкие и многие пакості чинилъ,— и ему того *не потерпѣли*...».

Также в «Житии» протопопа Аввакума: «Имоея головы искалъ: в ыную пору, бивше меня, на колъ *было посадилъ*, да еще богъ *сохранилъ*». В двух последних примерах особенно ясно — в первом действие, прерванное другим действием, во втором — действие несовершившееся. Вплотную смыкается с современным значением и следующий пример из Жития протопопа Аввакума: «На другои годъ *насѣелъ было* и много, да дождь необыченъ *изліяся*, и вода из рѣки выступила, и *потопила* ниву, да и все *розмыло*...». Здесь действие осуществилось в действительности, но результат его был уничтожен последующими событиями. Мы здесь также вполне могли бы употребить сочетание с *было*.

Давнопрошедшее время в старом значении, а именно в значении просто действия, предшествующего другому действию, но с утратой согласования вспомогательного глагола, мы находим еще в литературном языке начала XVIII века — у Кантемира: «Еще не *обедал было* народ, а улица *тесна была*».

Приведенные примеры показывают, как постепенно, на протяжении веков, подготавливалась новая форма выражения действия несовершившегося или прерванного другим действием, сложившаяся на основе старого давнопрошедшего времени.

В некоторых русских говорах развилась новая форма давнопрошедшего времени, образующаяся посредством сочетания формы вспомогательного глагола *был* и формы деепричастия, восходящего к старой форме склоняемого краткого причастия прошедшего времени (типа *был ушодчи*). Эта форма выражает результат, отнесенный к прошлому, т. е. имеет одно из значений старого давнопрошедшего времени (так, например: «Он был ушодчи» означает «Его в то время не было, так как он ушел». «Он был пришодчи» означает «Он в то время был там в результате того, что раньше пришел»). Эта форма распространена в тех же говорах, где распространена соответствующая форма нового перфекта (типа *ушодчи, пришодчи*), подробнее см. ниже, стр. 246.

История перфекта

§ 92. В качестве единственного прошедшего времени в русском языке (в литературном и в большей части говоров) остается перфект, принявший на себя функции всех исчезнувших времен. Он и образует наше теперешнее прошедшее время.

На протяжении истории языка меняется его внешняя форма: в древности он характеризовался, как известно, аналитической формой — образовывался посредством сочетания причастия про-

шедшего времени на *-l-* и настоящего времени вспомогательного глагола. Довольно рано вспомогательный глагол теряется, причастие начинает функционировать как глагол и перфект таким образом превращается в простую, не аналитическую форму. То обстоятельство, что наше прошедшсе время глагола (по происхождению старый перфект) изменяется не по лицам, а по родам и числам, и объясняется тем, что по происхождению это причастие (т. е. отглагольное прилагательное), а не спрягаемый глагол (ср. *он пошел, она пошла, они пошли, я пошел, я пошла* и т. д.).

Утрата вспомогательного глагола начинается с очень раннего времени, причем раньше эта утрата имеет место в 3-м лице. 3-е лицо перфекта без вспомогательного глагола мы встречаем уже в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м^{о} по леду ѡ^{т} тъмутороканѧ до кърчева 10 000 и 4000 сѧже.— В 1-м и 2-м лице вспомогательный глагол сохраняется дольше, но и здесь довольно рано начинает теряться. Ср., например, в Мстиславовой грамоте около 1130: «а ꙗзъ *далъ* роукою своѥю...» Впрочем, в той же грамоте и со вспомогательным глаголом: «Се азъ Мьстиславъ, володимирь снъ... *повелѣлъ ѥсмь* снoу своѥмоу всеволодоу...». Впрочем, по традиции вспомогательный глагол продолжает употребляться, и даже в 3-ем лице, и в более поздних памятниках. Ср., например, начало Повести временных лет по Лаврентьевскому списку: «ѡ^{т}куду *ѥсть пошла* русьскаꙗ земѧ...».

Более ранняя утрата вспомогательного глагола в 3-м лице объясняется тем, что он в древности в этой форме указывал отношение действия к лицу говорящему, в 3-м же лице обычно бывает налицо какое-нибудь подлежащее, и, таким образом, без того есть указание, к кому это действие относится. В 1-м и 2-м лице такие указания могут давать личные местоимения. Но в древнем языке (это относится не только к древнерусскому и к другим древним славянским языкам, но и к древним индоевропейским языкам вообще) личные местоимения вообще употреблялись реже, чем теперь (обычно они употреблялись лишь тогда, когда на них падало логическое ударение).

Вспомогательный глагол настоящего времени в русском языке вообще обнаруживает тенденцию теряться (не только в составе сложных глагольных форм, но и в составном сказуемом). Впрочем, в некоторых говорах (главным образом на северо-западе) употребляется и вспомогательный глагол в настоящем времени, правда, без согласования по лицам и числам, в форме 3-го л. ед. ч. (*ес'*, чаще без окончания *е*).

Как уже было сказано, перфект по значению не был собственно прошедшим временем, поскольку он выражал действие, отнесенное и к прошлому и к настоящему, точнее, отнесенное

к настоящему времени состояние, являющееся результатом завершенного в прошлом действия; лишь приняв на себя функции имперфекта и аориста (а впоследствии и давнопрошедшего времени), перфект становится собственно прошедшим временем. Но вместе с тем он сохраняет и свое прежнее значение. В памятниках XVI—XVII вв. мы часто встречаем прошедшее время на *-л-* (т. е. перфект) как бы в значении настоящего времени, когда передается состояние, отнесенное к настоящему времени, в особенности, когда речь идет о природных явлениях, например: «а по сторонамъ того рва обойти нельзя... *пришли* лѣса и болота» (Книга Большой чертеж XVII в) — в значении «идут», «подходят»; «а от усть рѣки Паншины, близко отъ Дона, *вытекла* рѣка Царица и *потекла* къ рѣкѣ Волгѣ, *пала* въ Волгу против *Царицына* острова» (там же) — в значении «вытекает», «течет», «впадает»; (речка Мордас) «*пришла* отъ деревни Перемилова и *впала* въ озеро» (Акты Шуйские 1677 г.) — в значении «приходит» (или «идет»), «впадает». Подобное употребление довольно широко распространено и в современных говорах, по крайней мере, северных, например: «Две реки *пошло* с Водлозера» (в олонецких говорах) — в значении «идет», «вытекает». Подобные случаи наблюдаются иногда и в литературном языке, но значительно реже, чем в говорах. Ср., например: «скалы *нависли* над морем» (в значении «висят»). «... Я один; сижу у окна; серые тучи *закрыли* горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном» (Лермонтов, Герой нашего времени).

Такое употребление может быть свойственно лишь прошедшему времени совершенного вида, поскольку речь идет о состоянии, являющемся как бы результатом завершенного в прошлом действия.

§ 93. Старый перфект получил значение обычного прошедшего времени повсеместно в русском языке, и не только в русском, но и в других восточнославянских — белорусском и украинском. Но в некоторых русских говорах выработалась на протяжении их развития новая форма, существующая наряду с формой старого перфекта, ставшего прошедшим временем, и имеющая значение, соответствующее древнему перфекту, т. е. значение состояния, являющегося результатом законченного в прошлом действия. Образование этой формы напоминает образование старого перфекта, только вместо причастия на *-l-* была использована форма деепричастия прошедшего времени совершенного вида, восходящая к старому склоняемому действительному причастию. Эта форма оканчивается обычно на *-чи*, *-ши* (*пришедчи*, *поспевши*), хотя в некоторых говорах выступают и иные формы, восходящие к тому же первоисточнику. В некоторых говорах это деепричастие может сочетаться с настоящим временем вспомогательного глагола. В этих говорах такой оборот, как «Самовар *поспефшы*» (или «е поспефшы»), означает, что самовар в настоящее время является готовым

в результате того, что он в прошлом поспел; «он *пришодчи*» (или «е пришодчи») обозначает, что он в настоящее время находится здесь в результате того, что в прошлом пришел и т. д.

В некоторых же говорах функцию перфекта выполняет страдательное причастие прошедшего времени (чаще совершенного вида), употребленное в качестве сказуемого безличного предложения (причем страдательное причастие в этом случае может быть образовано и от непереходных глаголов). Действующее лицо выражается различными способами, но чаще всего сочетанием предлога *у* с родительным падежом, например «у него *уехано*»— означает, что он в прошлом уехал, и в результате этого теперь его нет.

В некоторых говорах обе указанные выше формы перфекта сосуществуют, но в большинстве случаев они представлены в разных говорах, что и понятно: представляя собой синонимические конструкции, они для одного говора излишни.

Деепричастие прошедшего времени охватывает северо-запад и запад северновеликорусского наречия, т. е. говоры на запад от Онежского озера, а также говоры, прилегающие к Ленинграду, Новгороду, Пскову, захватывает и многие переходные средневеликорусские говоры, заходит на территорию южновеликорусского наречия. Распространение этого оборота в южновеликорусских говорах вообще еще не изучено, так как этот оборот до недавнего времени считался специфически северным, и при изучении южновеликорусских говоров на него внимания не обращали.

Страдательное причастие в безличном обороте охватывает главным образом центральную и северную часть северновеликорусского наречия, т. е. говоры поморской и восточной группы, а также восточную часть олонецкой группы. Кое-где встречается оно и в других местах.

Относительно времени возникновения этих средств выражения перфекта при современном состоянии разработки исторической грамматики окончательно решить трудно. В особенности трудно решить вопрос об употреблении в качестве перфекта деепричастия прошедшего времени. Действительные причастия прошедшего времени, очень рано теряющие изменение по родам, числам и падежам и превращающиеся в деепричастия, довольно часто употребляются в памятниках, но, поскольку в древности отсутствовали пунктуационные средства выделения причастного оборота, мы лишены возможности установить, когда имеем дело с причастием, употребленным как сказуемое, а когда с причастием, употребленным как определение (одиночное или в составе причастного или даже уже деепричастного оборота). Указанием на употребление причастия (или деепричастия) как сказуемого мог бы служить находящийся при нем вспомогательный глагол настоящего времени, но последний, как известно, в большинстве русских говоров, а также в памятниках, отражающих эти говоры, рано теряется.

Можно думать, что развивается употребление деепричастия в значении перфекта сравнительно поздно, во всяком случае, после принятия на себя старым перфектом функции прошедшего времени. Если бы обе формы (сочетание с причастием на *-l-* и сочетание со склоняемым причастием прошедшего времени) в некоторых говорах уже в очень давние времена функционировали как параллельные формы, было бы непонятно, почему одна из них стала в дальнейшем обычным прошедшим временем, а другая получила значение перфекта. О взаимодействии в некоторых говорах форм на *-l-* и деепричастия прошедшего времени говорят такие контаминированные формы, как *взя́лшы*, *ушо́лшы*, которые кое-где (например, в некоторых псковских говорах) наблюдаются. Но мы ничего не знаем о древности этих форм. Поскольку в говорах, где употребляется деепричастие прошедшего времени в значении перфекта, обычно наблюдается также употребление того же деепричастия в сочетании с прошедшим временем вспомогательного глагола в значении плюсквамперфекта (давнопрошедшего, точнее преждепрошедшего времени), а прошедшее время вспомогательного глагола у нас нигде не теряется, на возникновение употребления деепричастия как перфекта могла бы пролить свет история этих новых форм преждепрошедшего времени, так как, вероятно, они развивались параллельно с новыми формами перфекта. Но история и этих форм по памятникам до сих пор еще совершенно не изучена.

Для употребления страдательного причастия в безличном обороте в значении перфекта имеются основания уже в древнерусском языке эпохи древнейших дошедших до нас русских памятников. Значение отнесенного к настоящему времени состояния, являющегося результатом завершенного в прошлом действия, выражалось в древнерусском языке в действительном и страдательном обороте совершенно параллельными друг другу способами: в действительном обороте сочетанием действительного причастия прошедшего времени на *-l-* с настоящим временем вспомогательного глагола, в страдательном обороте — сочетанием также причастия прошедшего времени, но страдательного (на *-n-*, *-t-*) с тем же настоящим временем вспомогательного глагола, например, *ѥсть написанъ*, *ѥсть оубитъ*. Разница была лишь в том, что причастие на *-l-* уже в глубокой древности не склонялось и употреблялось лишь в составе аналитических глагольных форм, а причастие на *-n-*, *-t-* склонялось и могло употребляться также в качестве определения и в причастном обороте.

Результативное значение сочетания страдательного причастия прошедшего времени с настоящим временем вспомогательного глагола (а также и без него, поскольку, как уже было сказано, настоящее время вспомогательного глагола у нас рано теряется) можно иллюстрировать следующими примерами из Повести временных лет: «глеть геѡргии в Лѣтописаньи, ибо

комуждо ꙗзыку ѡвѣмъ *исписанъ* законъ *єсть*, другимъ же обычаи, зане (законъ) безаконьникомъ ѡтечьстве мнитсѧ» (Лавр. летоп.). «Да посылають в греки... корабли, елико хотѧть, ꙗко же имъ *оуставлено єсть*» (там же). «И посла ꙗрославъ к глѣбу, гл҃ѧ: не ходи, ѡⷮць ти *оумерлъ*, а братъ ти *оубьенъ* ѡ Стополка» (там же). В последнем случае особенно ярко выступает параллелизм временного значения форм действительного и страдательного оборота. Ср. также: «И рѣша новгородци: аще, кнѧже, браⷮꙗ наша *исѣчена суть*, можемъ по тобѣ бороти» (там же). «Кнѧзь нашь *оубьенъ*, а кнѧгини наша хоче за вашь кнѧзь» (там же). Употребление в последних двух примерах настоящего времени в предложениях, тесно связанных с теми, где выступает страдательное причастие, говорит о результативном значении этого последнего (в сочетании со вспомогательным глаголом настоящего времени или с нулевой связкой).

Страдательное причастие прошедшего времени с нулевой связкой сохранило старое результативное значение и в современном литературном языке. Так, например, предложения «Письмо написано», «Он ранен» обозначают, что налицо имеется письмо в результате того, что в прошлом было осуществлено его писание; что он в настоящее время имеет рану в результате того, что получил ее в прошлом. Если нужно выразить в страдательном обороте действие, целиком завершенное в прошлом, мы употребляем то же страдательное причастие в сочетании с прошедшим временем вспомогательного глагола, например: «Письмо было написано», «Он был ранен». В древнерусском языке в таком значении употреблялось сочетание страдательного причастия с аористом вспомогательного глагола. Ср., например: Семеѡнъ *иде* на хравата и *побѣженъ* быⷭ хравата (Лавр. летоп.).— Здесь ярко выступает параллелизм временного значения форм действительного и страдательного оборота. С падением аориста соответствующая форма в страдательном обороте была замещена перфектом *был*, ставшим теперь обычной формой прошедшего времени.

Благодаря различию таких форм, как *написано* и *было написано*, современный русский литературный язык сохранил в страдательном обороте возможность формального выражения результативного значения, чего в действительном обороте нет. Результативное значение может быть у нас выражено такой формой и в безличном обороте. Ср., например, *сказано — сделано*. Отличие части северновеликорусских говоров состоит в том, что страдательное причастие прошедшего времени в безличном обороте употребляется шире, чем в литературном языке, и может образовываться также и от непереходных глаголов (*уехано*, *уйдено* и т. д.). В какую эпоху это явление возникло, до сих пор не установлено, отчасти потому, что у нас нет достаточно древних памятников, отражающих ярко местные особенности, писанных на соответствующей территории.

§ 94. Формы будущего времени в древнейшую историческую эпоху славянских языков, и в том числе русского, как уже было сказано, полностью еще не стабилизировались.

Разграничение форм настоящего и простого будущего времени тесно связано с разграничением несовершенного и совершенного видов, которое в эпоху древнейших дошедших до нас памятников, хотя, несомненно, и наметилось, но еще окончательно не достигло той четкости противопоставления, которая характеризует современный язык. Одна и та же форма, различная лишь с точки зрения вида, используется в современном языке как настоящее время несовершенного вида и как будущее время совершенного вида (ср., например, *делаю — сделаю*). Это употребление, несомненно, наметилось и в древнерусском языке. В ряде случаев мы можем на основании контекста установить значение будущего времени у форм настоящего времени, образованного от основ совершенного вида, например: «И рѣша сами в себѣ *поищемъ* собѣ кнѧзѧ» (Лавр. летоп.); «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ ѡлегъ, *придамь* и еще к той дани» (там же); «аще ли *оускочить* челѧдинъ нашь къ вамъ и *принесеть* что, да *въспѧтѧть* и ѡпѧть» (Лавр. летоп., догов. с греками); «идѣте с данью домови, а ю *възвращюсѧ, похожю* и еще» (Лавр. летоп.); «*поимемъ* жену его Вольгу за кнѧзь свои Малъ и с҃тосла^ва^ и *створимъ* ему ꙗко же хощемъ» (там же). Во всех этих случаях формы настоящего времени образованы от основ, которые в дальнейшем, несомненно, были основами совершенного вида, и совершенно ясно имеют значение будущего времени, на что указывают частью сочетающиеся с ними формы (например, повелительное наклонение, указывающее на то, что действие еще не совершено и т. п.). Эти основы, повидимому (по крайней мере, большей частью), уже и тогда были основами совершенного вида.

Иногда мы встречаем как будто и употребление в значении будущего времени форм настоящего времени от основ, в дальнейшем несовершенного вида, что, возможно, говорит о недостаточно четком разграничении настоящего времени и простых форм будущего времени, например: «вдаимы сѧ печенѣгомъ, да кого *живѧть*, кого ли *оумертвѧть*» (Лавр. летоп). Поскольку киевляне еще не сдались печенегам (иначе незачем было бы говорить *вдаимы*, т. е. «сдадимся»), формы *живѧть* и *оумертвѧть* обе относятся к будущему времени. Форма *оумертвѧть* с приставкой, которая и в древности, повидимому, приобрела уже чисто грамматическое значение, является формой простого будущего времени совершенного вида. Но рядом с ней стоит в том же предложении форма *живѧть*, выражающая (по смыслу) то же временное значение (оба глагола относятся к одному и тому же подлежащему, формально не выраженному, но названному в соседнем предложении — «печенеги»). Эта форма образована от основы,

в дальнейшем несовершенного вида. Правда, и у нас часто может употребляться форма настоящего времени несовершенного вида для выражения действия, относящегося ко времени после момента речи (ср. «Я еду завтра»), но в этом случае такая форма обычно не употребляется как однородный член по отношению к форме будущего времени совершенного вида (как в данном случае). Такое употребление может свидетельствовать о недостаточно четкой видовой дифференциации бесприставочных глаголов. Впрочем, здесь особый случай, так как форма *живѧть* сочетается с частицей *да*, выражающей долженствование, а с этой частицей, заимствованной, повидимому, из старославянского языка, как и с соответствующей русской частицей *пусть*, сочетается и в современном языке и настоящее время несовершенного вида.

Окончательная стабилизация формы настоящего времени от основ совершенного вида в значении будущего времени связана со все дальше идущей дифференциацией совершенного и несовершенного вида.

Будущее время несовершенного вида в современном языке, как известно, выражается аналитической формой, представляющей собой сочетание вспомогательного глагола *буду* с инфинитивом. В древнерусском языке этот способ тоже в эпоху древнейших дошедших до нас памятников еще окончательно не оформился, хотя определенные предпосылки для выработки такой аналитической формы уже были. Для выражения будущего времени употреблялось сочетание инфинитива с формой настоящего времени различных глаголов, игравших роль вспомогательных, но именно эта множественность глаголов говорит о том, что мы имеем дело по существу еще не с единой стабилизировавшейся аналитической формой, а со свободным синтаксическим сочетанием, которое лишь создает почву для выработки в дальнейшем аналитической формы. Примеры такого сочетания можно привести следующие: «Толи не будеть межю нами мира, елико камень *начнѐть плавати*, а хмель *почнѐт тонути*» (Лавр. летоп.); «даже которыи кнѧзь по моѥмь кнѧжении *почьнеть хотѣти* тѡюти оу с̃тго Геѡргиѩ, а б̃ъ боуди за тѣмь...» (Мстисл. грам. около 1130 г.); «Хсъ *имать схранити* тѧ» (Лавр. летоп.); «то (в) кое времѧ сбысть сѧ, и было ли се есть, еда ли топерво *хоч(ет)ь быти се*» (там же).

Поскольку глаголы, используемые в качестве вспомогательных, могут функционировать и в самостоятельном значении, а не только в качестве показателя будущего времени, не всегда достаточно легко разграничить различные употребления этих глаголов. В особенности это относится к глаголу *хочю (хощю)*. Ср., например: «оуже мнѣ мужа своего не крѣсити, но хочю вы *почтити* наутриѩ предъ людьми своими» (Лавр. летоп.); «что *хо-*

чете досѣдѣти, а вси гради ваши предашѧса мнѣ» (там же); «ради сѧ быхомь юли по дань, но *хощеши мьщати* мужа своего» (там же); «а оуже не *хощю мьщати*, но *хощю* дань *имати* по малу, смирившесѧ с вами, поиду ѡпѧть» (там же); «азъ бо не *хощю* тѧжки дани *възложити*» (там же); «*хощю* тѧ *поюти* собѣ, женѣ» (там же), «то (в) кое времѧ сбысть сѧ, и было ли се есть, еда ли топерво *хощ(ет)ь быти* се» (там же); «оуже *хочемъ померети* ѿ глада, а ѿ кнѧзѧ помочи нѣту» (там же). Не вполне ясно, в каких из этих примеров выражается только будущее время, а в каких глагол *хочю* употреблен в собственном значении, т. е. выражает желание. Лишь в некоторых из приведенных случаев ярко выступает специально вспомогательное значение *хочю*. Во многих же случаях не вполне ясно, передает ли этот глагол только значение будущего времени, или же он в соответствии со своим основным лексическим значением обозначает пожелание. Так, например, в таком случае, как «а оуже не *хощю мьщати*, но *хощю* дань *имати* по малу» не вполне ясно, говорит ли Ольга, что она не будет мстить, или же что не хочет, не собирается мстить.

Яснее значение будущего времени в таком случае, как «еда ли топерво *хощеть быти* се», поскольку в данном случае речь идет о событии, которое само не может «хотеть». Но и в этом случае трудно отграничить значение будущего времени от модального значения долженствования, т. е. того, что должно быть. Следует сказать, что во многих языках, в том числе и в индоевропейских, обнаруживается генетическая связь между будущим временем и формами, не относящимися ко времени, а выражающими различные отношения к действительности — желание, долженствование и т. п.

Ясно, что речь идет не о пожелании, и, следовательно, глагол *хочю* выступает не в своем основном лексическом значении, в таком случае, как «оуже *хочемъ померети* ѿ глада» (ясно, что о желании умереть здесь не может быть речи). Но сейчас же следующее за этим настоящее время именного сказуемого — «а ѿ кнѧзѧ помочи нѣту» — говорит скорее о значении долженствования, о том, что они уже находятся в состоянии, близком к смерти.

Особенностью этого древнего сочетания с инфинитивом, отличающей его от современной аналитической формы будущего времени, является то, что в современном языке эта форма употребляется только для будущего времени несовершенного вида, в древности же в составе этого сочетания фигурировал инфинитив независимо от видового значения глагольной основы. Правда, в некоторых случаях это может являться следствием того, что еще окончательно не установилась дифференциация совершенного и несовершенного вида, но во многих примерах мы имеем

дело с такими приставочными образованиями, где приставка явно приобрела уже чисто грамматическое значение, и глагол, следовательно, относится к совершенному виду. Ср., например: «Хъ *имать схранити* тѧ» (Лавр. летоп.); «но *хочю* вы *почтити* наутриꙗ предъ людьми своими» (там же): «оуже *хочемъ помѣрети* ѿ глада» (там же). Этот факт говорит о том, что в древнерусском языке еще не выработались окончательно грамматические средства для выражения будущего времени несовершенного вида.

В рассматриваемых сочетаниях с инфинитивом в древнейшее время, как уже было сказано, не употреблялся именно тот глагол, который теперь используется для образования аналитической формы будущего времени, именно глагол *буду*. Этот глагол фигурировал и в древности в составе именного сказуемого, выраженного существительным, прилагательным, причастием, например: «видѣхъ бани древены, и пережгуть е рамѧно, совлокуться и *будуть нази*» (Пов. вр. лет по Лавр. сп. в рассказе Андрея Первозванного о новгородских банях) — будущее время, как и в современном языке, употребляется для законченного каждый раз, но повторяемого действия, хотя бы оно в действительности имело место в прошлом или в настоящем. Ср. «толи не *будеть* межю нами мира» (Лавр. летоп.); «*приказано боудѣте* добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутвердѧть...» (Смол. грам. 1229 г.); «оже *боудѣть* свободѣным чкъ *оубитъ*, 1 грвна серебра заплатити» (там же).

Кроме того, глагол *буду* употреблялся для образования преждебудущего времени (см. выше), например: «оже *будеть оубилъ* въ свадѣ или въ пироу ꙗвлено, то тако ѥмоу платити...» (Русская Правда).

§ 95. История будущего времени на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, в целом для русского языка изученная еще недостаточно, состоит, в первую очередь, в закреплении значения будущего времени за формами настоящего времени от основ совершенного вида, что связано со все дальше идущей дифференциацией совершенного и несовершенного вида, в распространении употребления вспомогательного глагола *буду* на сочетания с инфинитивом, в вытеснении из этих сочетаний других глаголов, игравших роль вспомогательных, и в закреплении в этих сочетаниях инфинитивов от основ исключительно несовершенного вида, что опять-таки связано с видовой дифференциацией, в утрате особой формы преждебудущего времени, что связано с общей тенденцией к разрушению древней системы многочисленных времен.

Основу для распространения формы *буду* на сочетания с инфинитивом дает употребление *буду* как вспомогательного глагола в именном сказуемом. Это распространение, свидетельствую-

щее об использовании единой формы вообще для выражения будущего времени, независимо от того, представитель какого грамматического класса слов служит сказуемым, является ярким показателем все дальше идущего обобщения, абстрагирования, характерного для развития грамматического строя любого языка.

Употребление *буду* в сочетании с инфинитивом в памятниках отражается довольно поздно, не ранее XV века, причем наиболее ранние примеры не являются несомненными. Дело в том, что 3-е л. ед. ч. этого глагола *(будеть)* употребляется в безличных предложениях с особым значением долженствования, и наиболее ранние случаи могут относиться к такому употреблению. И даже тогда, когда появляются несомненные случаи употребления сочетания *буду* с инфинитивом специально в значении будущего времени, они на первых порах редки. Даже в памятниках второй половины XVI века старые средства еще господствуют, например: «А о комъ *учнутъ печаловатися*, ино его слушати, а виноватого пожаловати» (Домострой); «которые люди иногородцы или пришлецы *станут бити* челомъ о обидахъ на намѣсников или на судью... или на волосных людей судъ давати» (Судебник Фед. Ив.); «чѣмъ ихъ хто *станетъ сбидѣти*» (грам. XVI в., Архив Строева). Глагол *стану* употребляется в эту эпоху значительно реже, чем *учну* или *почну*. В памятниках, писанных книжным языком, встречается и *имамь*, которое, повидимому, для живого языка уже не было характерно, например: «Да опщую чашу *имамь* с вами *пити* и общею смертию *имамь умерети*» (Сказание о Мамаевом побоище).

Как показывают приведенные примеры, и в XVI веке еще возможно сочетание с инфинитивом от основы совершенного вида: *станетъ обидѣти*, *имамь умерети*. Видовая дифференциация в это время, несомненно, уже четко определилась. Употребление же это, с одной стороны, может объясняться книжным, церковнославянским влиянием (в старославянском языке в рассматриваемых сочетаниях также могли выступать глаголы совершенного вида), с другой стороны, тем, что некоторые глаголы могли так четко не выражать совершенного вида. Так, например, в глаголе *обидѣти* видовое значение приставки, несомненно, затемнено.

Употребление сочетания *буду* с инфинитивом для выражения будущего времени, даже для второй половины XVI века, ограничено единичными случаями, например: «А не отпустите Тимохи в Любек, и яз о том *буду писать* до государя своего, до великого государя царя и великого князя, и в то Тимохино место рижан и всех неметцких городов лучших торговых немець изо Пскова не отпущу» (грам. 1588 г.); «а кто на срокъ всякихъ оброковъ... не платитъ, а от того откупается, и двѣ дани будетъ, ино уже вдвое *будетъ платити*» (Домострой). Но в других списках Домостроя стоит «ино уже вдвое *платить*» (без *будет*).

Поэтому здесь возможно употребление *будет* в безличном предложении в значении долженствования («придется»), что встречается, как уже было сказано, и в более древних памятниках.

Широко употребляется сочетание инфинитива с *буду* (по указанию проф. С. Д. Никифорова, специально изучавшего русский глагол по памятникам второй половины XVI в.) лишь в сочинениях Ивана Пересветова, подлинник которых относится ко второй половине XVI века, но которые дошли до нас лишь в списках XVII века, например: «И которыя мудрости воинския *будут* до него *приходити*... и начнет ставити их ни во что; которыи воинник... крепко *будет* за веру христианскую *стояти*, ино таковым воинникам имяна возвышати; *будут доходити* велможи твои любви твоеи царьския с ворожбами и с кудесы...» и т. д.

Сочинения Пересветова вообще содержат много элементов, характерных для живой, разговорной речи того времени. И такое употребление говорит о том, что форма *буду* в живом языке уже стабилизировалась для выражения будущего времени.

Следует заметить, что в различных славянских языках на протяжении их истории стабилизировались различные глаголы в роли вспомогательных для выражения будущего времени. Форма *буду* в русском языке стабилизировалась, несомненно, уже после того, как в результате дробления древнерусской народности начала складываться в северо-восточной Руси великорусская народность с ее языком. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что в русских памятниках эпохи Московского государства вспомогательный глагол *имамь* фигурирует, как уже было сказано, в памятниках, писанных книжным языком. А в украинском языке, сложившемся на основе части древнерусских говоров в результате формирования украинской народности, было использовано в качестве вспомогательного глагола будущего времени образование от этой же формы — *иму*. И образование это характерно для живого, а не книжного языка. Слившись впоследствии с инфинитивом в одно слово, это образование положило начало новой форме будущего времени несовершенного вида — ср. *ходитиму*, *писатиму* и т. д. Подобное образование синтетической (простой) формы в результате агглютинации двух элементов прежней аналитической формы наблюдается во многих языках и, в частности, именно при образовании формы будущего времени. Ср. сербское *пи́саћу*<*пи́сати хо̀ћу* (в сербском языке в качестве вспомогательного глагола будущего времени был использован глагол *хо̀ћу* «хочу»), французское *je sortirai* «я выйду» <*je sortir ai* «я выйти имею».

В украинском языке получившиеся в результате агглютинации (слияния) формы типа *ходитиму*, характерные для литературного языка и большей части говоров, распространены не повсеместно. В западноукраинских, галицийских говорах сохраняется более старая аналитическая форма. Там возможно,

например, *му ходити* (форма вспомогательного глагола, не слившаяся еще с инфинитивом, может стоять и перед ним). Форма *му* развилась из *иму* (здесь отразилась характерная для украинского языка утрата начального *і* < *ь*).

§ 96. Особая форма преждебудущего времени держится довольно долго (утрата его в целом идет параллельно утрате давнопрошедшего времени). Но уже довольно рано эта форма становится редкой. Так, в Суздальской летописи, писанной на протяжении XII—XIII и первых лет XIV века, проф. В. И. Борковский нашел лишь один случай употребления преждебудущего времени, и то лишь в приписке писца (следовательно, он относится ко второй половине XIV века): «Отци и братиꙗ, оже сѧ гдѣ *буду описалъ* или *переписалъ* или *не дописалъ*, чтите, исправливаꙗ бога дѣлѧ, а не клените». Чаще всего эта форма употребляется в юридической литературе (хотя и не только), причем фигурирует главным образом в условных предложениях. Но и здесь она в XVI веке уже редка, например: «Аще ли же кому *буду запретил*, или невниманьем или паки благословною виною, а не *поискал будет* разрешения от нас, а в том забытии *учинилася будет* смерть, или кого *буду учил*, а он *ослушался будет*, всех тех имеют в святем дусе разрешенных и прощенных и благословенных» (Духовная грам. митрополита Макария); «аще ли будутъ отець и мать незапасливи, и о своеи дочери по преж писанному *будутъ не изготовили*... и оучнутъ юꙗ замужь *давати*, и в тѣ поры все покупати» (Домострой); «вам предасть свои талантъ, егоже хощетъ отъ вас истязати во вторыи свои приходъ, како *будеть умножили* данный вамъ даръ и како *будете соблюли* святыню вашу не осквернену, како *будете не соблазнили* верных» (Стоглав; впрочем, здесь пересказ евангельской притчи).

Форма эта употребляется еще и в XVII веке, но некоторые памятники даже XVI века говорят о том, что в живом языке она уже теряется: вспомогательный глагол теряет согласование по лицам с подлежащим. Так, например, в одной грамоте XVI века пишет от своего лица женщина: а чево *будетъ забыла* написать, и в томь вѣдаетъ б҃ъ.— Следовало написать *буду забыла*. Такое употребление говорит о начавшемся уже разрушении формы преждебудущего.

Остатком этой формы в языке позднейшего времени и даже в современном является частица *буде*, фигурирующая обычно в условном предложении и сочетающаяся с будущим временем совершенного вида глагола (по происхождению это 3-е л. ед. ч. вспомогательного глагола). Эта частица довольно распространена в некоторых говорах, но в литературном языке она, повидимому, являлась архаизмом уже в начале XIX века. Ср., например, употребление *буде* Пушкиным в написанном нарочито архаическим канцелярским языком решении суда по делу Троекурова с Дубровским. Ср. также у Гончарова: «*буде* же я, Обломов, *пожелаю* прежде времени съехать с квартиры, то обязан пере-

дать ее другому лицу на тех же условиях...» (Обломов) — опять-таки в деловом документе, нарочито составленном канцелярским языком. Впрочем, *буде* в таком значении иногда встречается и в литературном языке последних лет, ср., например: «Пообещав подобрать и поучить беглого барона, *буде* он *попадется* на пути, капитан Чохов поехал догонять часть, куда получил назначение» (Казакевич, Весна на Одере).

Развитие вида

§ 97. В результате всех описанных выше процессов в русском языке (в литературном и большей части говоров) ко второй половине XVII века окончательно устанавливается характерная для современного языка система трех времен — настоящего, прошедшего и будущего.

Параллельно с упрощением системы времен, заканчивающимся сведением их к трем временам, все четче оформляется противопоставление совершенного и несовершенного видов, наметившееся еще в эпоху дописьменных памятников. Средством разграничения видов в древнейшую эпоху, как уже сказано выше, являются приставочные образования. Глаголы с приставками чисто грамматического значения уже в эпоху древнейших памятников, несомненно, выступают как глаголы совершенного вида. Такое же значение сообщают, повидимому, приставки, вносящие в глагол известное временное ограничение более частного порядка, т. е. указывающие специально начало действия, ограниченность во времени и т. п. Можно привести следующие примеры, где приставочные глаголы выступают в качестве глаголов совершенного вида: «И рѣша сами в себѣ: *поищемъ* собѣ кнѧзѧ» (Лавр. летоп.); «*похорони* вои в лодьꙗх» (там же): «была 3 братьꙗ: Кии, Щекъ, Хоривъ, иже *сдѣлаша* градокось и *изгибоша*, а мы сѣдимъ» (там же) — приставка *из-* в последнем глаголе может обозначать, помимо законченности, исчерпанность действия; «*поимемъ* жену его Вольгу за кнѧзь свои Малъ и сꙩсла[ва] и *створимъ* ему, ꙗкоже хощемъ» (там же); «и *поидоста* по Днѣпру» (там же) — в последнем примере приставка *по-* может обозначать не только начало действия (движения), но и быть связана с предлогом *по*, указывающим на распространение действия по поверхности предмета.

Впрочем, следует иметь в виду, что, как уже было сказано, приставки пространственного значения, по крайней мере в некоторых случаях, еще не сообщали глаголу совершенного вида.

О значении совершенного вида, полученного приставочными глаголами, говорят производные приставочные глаголы, определенно имеющие несовершенный вид, например: «и та страна *покарѧꙗтсѧ* вамъ. тогда, аще просить вои оу насъ кнѧзь рускии, да воюꙗть» (Лавр. летоп.). Глагол *покарѧтиса* является произ-

водным от приставочного глагола совершенного вида *покоритиса*.

Но в некоторых случаях мы как будто наблюдаем в древнейших памятниках колебания в видовом значении глаголов, главным образом бесприставочных. Так, например, глагол *купити* в современном языке имеет всегда значение совершенного вида. Такое значение он имеет, повидимому, и в старославянском языке, принятом и в старославянских памятниках русского извода, ср., например: «оученици бо юго ошьли бѣахѫ въ градъ, да брашьно *коупать*» (Остром. евангелие) (в значении явно несовершенного вида выступает производный глагол *куповати*). Но в древнерусских памятниках этот глагол, повидимому, выступает и в значении, соответствующем современному значению несовершенного вида. Ср., например: «а въ бѣжицахъ тобѣ, кнаже, ни твоюи кнагыни, ни твоимъ боюромъ, ни твоимъ слоугамъ селъ не дьржати, ни *коупити*, ни даромъ приимати» (Новг. грам. 1305—1308 гг.) — здесь речь идет, несомненно, о действии, много раз повторяемом; во всяком случае вокруг в совершенно аналогичном значении стоят глаголы впоследствии заведомо несовершенного вида; — почахомъ *коупити* хлѣбъ (Новг. летоп., Синод. сп.). Сочетание *купити* с глаголом *почахомъ* указывает на то, что глагол *купити* передает длительное или повторяемое действие, которое началось, но не завершилось еще.

Употребление подряд и, повидимому, без разграничения видового значения приставочных глаголов заведомо совершенного вида, притом частью с приставками чисто грамматического значения, и глаголов бесприставочных, в дальнейшем заведомо являющихся глаголами несовершенного вида, свидетельствующее о недостаточно четком закреплении определенного видового значения за глаголами бесприставочными, мы находим и в следующих случаях: «ѡлегъ же прим въ оумѣ си рѣч: николи же *всаду* на нь, ни *вижю* ег боле тог» (Радзивил. летоп.) — речь идет о коне Олега после предсказания кудесника; «кто *биють* дроуга дѣревъмь, а боудѣте синь, любо кровавъ... полоуторы гривны серебра заплатити юмоу: по оухоу *оударите* — 3 четвѣрти серебра:. послоу и попу что *оучинать*, за двою то оузати, два платежа» (Смоленск. грам. 1229 г.) — здесь глагол *биють*, несомненно, выступает в значении *побиють*.

Чем объясняются эти колебания? Параллельно со все дальше идущим закреплением за приставочными образованиями значения совершенного вида противостоящие им бесприставочные образования все больше отходят в несовершенный вид. Но часть из них, в силу присущих им значений, восходящих еще к древнему довременному видовому слою (см. выше), отходит в совершенный вид. В результате этого, начиная с XI века, часть бесприставочных глаголов еще не закрепилась за определенным видом, и по мере удаления в глубь веков таких не фи-

ксированных точно с точки зрения вида (совершенного или несовершенного) было все больше. Некоторые глаголы, имеющие значение как несовершенного, так и совершенного вида, свойственны и современному литературному языку. Такими являются глаголы *велеть*, *женить*, *казнить*, а также глагол *судить*, но в разном лексическом значении. Такими же являются и новые образования на *-ировать* (*телеграфировать* и т. п.).

§ 98. В связи с развитием и укреплением видовых различий на протяжении истории языка в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками, все больше повышается видовая роль приставок. Можно думать, что уже в памятниках XIV века отражаются видовые отношения, близкие к современным. В этом отношении иногда показательны памятники книжного языка, поскольку и в них проникают элементы живой речи, а очень трудно указать памятник, непосредственно отражающий живую речь этой эпохи (наиболее близко к живой речи стоят грамоты, которых от этого времени сохранилось достаточное количество, но они по самому содержанию своему дают довольно однообразный материал).

Весьма показательны данные такого памятника, как Новый завет митрополита Алексия (Московский памятник XIV века), представляющий новую, самостоятельную редакцию текста, сверенную с греческим подлинником. Исследователи (например, Г. Воскресенский) указывают на чрезвычайную близость этого памятника к греческому подлиннику, прямо на рабское подражание, выражающееся, в частности, в том, что греческим приставочным глаголам в славянском тексте всегда соответствуют приставочные же образования. Действительно, в Новом завете Алексия мы находим бóльшую близость к греческому подлиннику, чем в старых редакциях, но вовсе не рабское подражание. Приставочные образования, действительно, в Новом завете Алексия встречаются шире, чем в старых редакциях, однако они не всегда соответствуют приставочным образованиям греческого языка, но зато соответствуют нормам живого современного русского языка. Отступление в сторону этих норм мы находим не только в приставочных глаголах, но и в некоторых других языковых чертах. Язык Нового завета Алексия — это в целом не русский, а церковнославянский, какой и принят был тогда для текстов церковнорелигиозного характера. Но в него просачиваются, вследствие близости русского и церковнославянского языков, элементы, свойственные живому русскому языку XIV века. Что касается приставочных образований, то там представлены не только приставочные глаголы совершенного вида, но и производные приставочные глаголы несовершенного вида, характерные для русского языка. Рассмотрим некоторые примеры.

Так, например, в Галицком евангелии 1144 г. и в ряде других, въ слѣдъ ѥго *идошѧ* народи мнози (Матф. VIII, 1), в Зогр. *идѫ*,

в Новом завете же Алексия *послѣдоваша*, т. е. приставочное образование (и мы бы здесь тоже сказали *последовали*), в греческом тексте ἠκολούθησαν (аорист от отыменного глагола ἀκολουθέω «следую» — ср. ἀκολουθός «товарищ»).

Различные старые редакции евангелия (русские и старославянские) дают *идѫ по тебѣ* (Матф. VIII 19), в Новом завете Алексия *вслѣдую то^б* (греч. ἀκολουθέω) — и эта форма только у Алексия; впрочем, здесь приставка пространственного значения, вносящая уточнение в глагольную основу.

Ср. также: *по мьнѣ грѧди* (Остром. евангелие, Савв. кн., Арханг. евангелие 1092 г. и др.) — *въслѣдуї ми* (только у Алексия) — ср. греч. ἀκολούθει μι.

Иго моѥ блг͠о (Матф. XI 30) такую форму дают все евангелия, кроме Алексия. В Пандектах Антиоха XI века вместо *благо* стоит *мазано*. В Новом завете Алексия, и только там — иго мое *помазано*. Здесь вообще имело место в некоторых текстах нарушение смысла вследствие внешней близости друг к другу двух совершенно различных отглагольных образований греческого языка. В греческом тексте: ὁ γὰρ ζυγός μου χρηστός, следовательно, правильный перевод, там, где *благо*. Но форма χρηστός «употребительный» → «хороший», причастие от χράομαι «употребляю» формально соприкасается с χριστός «помазанный» от χρίω «умащаю». Отступление от первоначального евангельского текста наблюдается уже в XI веке, в Пандектах Антиоха. Но существенно обратить внимание, что и здесь Алексием употребляется приставочная форма, дающая совершенный вид, тогда как в Пандектах Антиоха бесприставочная форма страдательного причастия.

Старые евангелия дают: ѥже аще *рекѫтъ чл͠ци* (Матф. XII 36), Новый завет Алексия — *възглють* (т. е. приставочную форму с приставкой начинательного значения, правда, книжного характера). И эта приставка не обусловлена греческим текстом, где наблюдается бесприставочный глагол λαλήσωσιν (будущее время от λαλέω «говорю»). Здесь будущее время передается, как и в современном языке, приставочной формой настоящего времени совершенного вида. Правда, в древних редакциях здесь употреблен глагол *рекѫтъ*, представляющий собой, с того времени, когда начинают дифференцироваться глаголы совершенного и несовершенного вида, глагол совершенного вида по отношению к глаголу несовершенного вида с тем же лексическим значением *глаголѭтъ*, но приставочное образование четче и к тому же специально грамматическим способом передает значение совершенного вида.

Старые редакции, например, Галицкое евангелие 1144 г., имеют: «тако и сн͠ъ чл͠чскъ *їмать страдати ѿ* нїхъ» (Матф. XVII 12) В Новом завете Алексия — *хочеть пострадати* (такое же сочетание представлено, впрочем, и в других евангелиях

XIV века, а кроме того, в одном евангелии XIII века). В греческом тексте мы и здесь находим бесприставочное образование: μέλλει πάσχειν. Существенно обратить внимание на различие глаголов *ïмать* и *хочеть*. Можно было бы думать, что здесь речь идет о различных вспомогательных глаголах будущего времени. В таком случае форма Нового завета Алексия не соответствовала бы современным нормам, так как здесь было бы сложное будущее совершенного вида. Но здесь не будущее время, ошибочно воспринятое старыми редакциями, глагол *хочеть*, точно передающий греческое μέλλει, выступает не как вспомогательный, а в своем основном лексическом значении. Новый завет Алексия здесь точнее, чем старые редакции (и точнее по смыслу, а не в отношении буквального следования), передает греческий текст.

Различие между старыми редакциями, дающими *и исплънїшѧ бракъ възлежѧщїхъ* (Матф. XXII 10), и Новым заветом Алексия, где вместо *исплънишѧ* стоит *наполнiсѧ*, состоит не в наличии или отсутствии приставки, являющейся и в старой и в новой редакции, а в том, что Новый завет Алексия дает приставку чисто грамматического значения, свойственную и современному русскому языку в соответствующей глагольной основе. Кроме того, здесь возвратная форма глагола, что ближе к греческому тексту, где имеет место страдательный оборот (ἐπλήσθη).

В случае *и красïте ракы правьдныхъ* (Матф. XXII 29), где Галицкое евангелие 1144 г. и другие ранние редакции дают *красите* в соответствии с греческим κοσμεῖτε, где также бесприставочное образование, Новый завет Алексия, и только он, употребляет форму *оукрашаѥте*, т. е. производный приставочный глагол несовершенного вида, вполне обычный и для современного языка. Впрочем, в данном случае производный приставочный глагол, правда, другого корня и отсутствующий в такой форме в современном русском языке, именно *оутварѧѥте*, дают и некоторые другие старые редакции — Мстиславово евангелие 1117 г., Добрилово евангелие 1164 г. и некоторые другие.

Приведенные примеры показывают, что роль приставочных образований, и именно имеющих видовое значение, к XIV веку, несомненно, повышается, раз она захватывает даже книжный язык, в основе своей церковнославянский, причем нормы приставочных образований даже в этом языке, в целом далеком от живого, во многом близки живому русскому языку.

§ 99. Рассматривая историю грамматического вида на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, необходимо обратить внимание на развитие одного нового образования, также относящегося к области видов, но занимающего подчиненное положение по отношению к основному противопоставлению совершенного и несовершенного видов. Именно уже на протяжении этих эпох получают широкое распространение т. н. многократные основы с суффиксом *-ива-*, *-ыва-*, выра-

жающие повторяемость действия и представляющие собой известную разновидность несовершенного вида. Исходную точку для этого суффикса образует глагол *бывати* со старым суффиксом *-va-*, имевшим также и итеративное значение (т. е. значение повторения действия). В результате переразложения *у (ы)*, принадлежавшее первоначально корню вспомогательного глагола (ср. *быти*), было отнесено к суффиксу и распространено затем на другие глаголы, причем гласный этот являлся в виде *у (ы)*, если следовал за твердым согласным, *i*, если следовал за мягким согласным (ср. современное *подбрасывать — подсматривать*).

Образования с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* встречаются уже в древнейших русских памятниках, но на первых порах они очень малочисленны. При этом они могут выступать как образования, параллельные к другим суффиксальным образованиям, например, к образованиям с суффиксом *а*, характеризовавшим многие глаголы III класса (глаголы этого класса, как уже говорилось, в целом обозначали действие длительное). Ср., например: «но *оумыкиваху* оу воды дв҃цѧ» (Лавр. летоп.) и тут же, немного ниже: «и ту *оумыкаху* жены собѣ» (там же). Ср. также в двух вариантах одной и той же новгородской грамоты 1264—1265 гг. (договор Новгорода с князем Ярославом Ярославичем): «а грамоты ти, кнѧже, не *посоуживати*» (т. е. «не нарушать, не отменять») — «грамотъ ти, кнѧже, не *посоужати*». Точно так же в различных новгородских грамотах XIII—XIV вв. (договорных с князьями) мы находим параллельно и без различения значения: а приставовъ не *приставливати* — а приставовъ ти не *приставлѧти*.

Во всех приведенных примерах мы видим глаголы приставочные. В дальнейшем широко распространяются и бесприставочные глаголы с суффиксами *-ива*, *-ывы-* (наряду, впрочем, с приставочными). Именно бесприставочные глаголы такого типа и относятся в первую очередь к т. н. многократным, поскольку могут иметь и это (хотя, как увидим, не только это) значение. Глаголы же приставочные с этим суффиксом частью уже имеют в древности, частью получают впоследствии значение просто глаголов несовершенного вида (они являются производными от приставочных глаголов совершенного вида). Широкое распространение глаголы с суффиксом *-ива*, *-ыва-* получают в русских памятниках XVI—XVII вв., например: «Хто знаетъ межу или прежъ сего ту землю *пахивалъ*» (Судебник Федора Ивановича); «а самъ у кого што *купливалъ*, ино ему от мене милая разласка без волокиды платежь» (Домострой); «лугъ *кашывалъ* истори Кузма Берьдатои» (грам. XVI в.); «государь *хачивал* на поминках помиритца» (Материалы, отн. к опричнине); «А к намъ тебе сколько ни писать лаи, и намъ тебе о томъ ответу никакова не *давывать*» (Архив Строева, ч. III); «и Иванъ Ивановичъ, выслушав кабалу, вспросилъ: Петрушка! деньги еси по той кабалѣ *займывалъ-ли* и за товарищей своихъ отвѣ-

чаешь-ли? И Петрушка тако рекъ: за товарищевъ, господине, своихъ и за себя отвѣчаю, денегъ есми, господине, не *займывали* и кабалы на себя не *давывали*, не знаемъ и не вѣдаемъ» (грам. конца XVII в). Здесь следует кроме того отметить сохранение по традиции вспомогательного глагола настоящего времени *(есми)*, но употребляющегося в неправильной форме, — форма *есми* параллельно с *есмь* употреблялась в 1-м л. ед. ч., здесь она употреблена в значении 1-го л. мн. ч.

Ср. также приставочные образования с тем же суффиксом: «А кому што *продавывалъ*, все влюбовь, а не в оманъ» (Домострой); «А которые люди ещо у нево, и тем деи досталымъ людемъ та Анна и сынъ ее Иванъ *уграживаютъ*» (грам. XVI в.), «Не *посылывали* и *посылывать* не к чему» (Котошихин).

Интересно обратить внимание на ступень чередования корневого гласного, являющегося в этих образованиях на *-ива-*, *-ыва-*: *а (о) — хачивалъ, уграживаютъ, и, ы* (нуль<ъ, ь) — *посылывать* и т. д.

Образования на *-ива-*, *ыва-* широко употребляются в литературном языке и в XVIII веке. Ср., например: «*Тапливали* ее (печь) обыкновенно дворовые бабы поочередно и *таскивали* всякий день превеликие ноши хвороста и с нами, залезши к устью, *прятывались* и завешивались там, властно, как в конуре» (Записки Болотова). С начала XIX века эти формы в литературном языке идут на убыль, хотя встречаются и у Пушкина и у последующих классиков, например:

Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин *сиживал* один,
Здесь с ним *обедывал* зимою
Покойный Ленский, наш сосед»

(Евгений Онегин)

Иногда встречаются эти формы и в современном литературном языке, например, *говаривал*. Но в целом в современном литературном языке такие формы, хотя и не утрачены целиком, вообще редки.

Широко распространены эти формы и сейчас в некоторых говорах, именно в части северновеликорусских (в олонецких, поморских, частью в восточных). Ср., например: «и *стреливал*, да где же попадешь; сами не *убйвывали*; он ни *ба́ливал* ишшэ у миня» (Олонецкие говоры).

Этим формам на *-ива*, *-ыва-* частью свойственно значение многократности или повторяемости, почему старая школьная грамматика (дореволюционного времени) рассматривала их как особый многократный вид. Но им присуще не только это значение, в части же случаев они этого значения вообще не имеют. Существенно обратить внимание на то, что эти формы как в старых

памятниках, так и в современных говорах употребляются специально в прошедшем времени. Как показывают приведенные выше примеры, в настоящем времени могут стоять приставочные образования на *-ива-*, *-ыва-* (ср. *угражсивают*), бесприставочные же все прошедшего времени. Эти формы имеют и специально временное значение. Они обозначают нечто не только длительно, но и давно бывшее, т. е. они представляли собой своеобразное давнопрошедшее время, отличное частью по значению от старого давнопрошедшего. Такое же значение имеет и прошедшее время от основы с суффиксом *-ва-*; ср.: «а *бывалъ* деи тотъ лѣсъ искони курские волости» (Акты юридич., 1587 г.). Здесь выступает значение отнесения к далекому прошлому непрерывно длительного состояния. Широко употребляются эти формы и при отрицании для выражения его категоричности.

В прошедшем времени употребляются эти формы и в дальнейшем. Мы находим, правда, случаи употребления настоящего времени от многократных основ в фольклорных записях, например:

В круг он, Стенька, к казакам не *хаживает*.

(Песни, собранные Киреевским)

Кладывает он заповедь великую...

(Там же)

Но здесь мы, повидимому, имеем дело не с фактами, идущими из живого говора, а с особенностью фольклорного стиля

Исследование исторического развития т. н. многократных форм показывает, что значение их в известной мере соприкасается со значением старого имперфекта, который, как уже было сказано, мог обозначать нечто обычное и часто повторявшееся в прошлом, употреблялся при описании нравов, обычаев, институтов, существовавших на протяжении длительного времени. Возможно, что и начало развития этих форм в известной мере связано с разрушением старого имперфекта, хотя широкое распространение их и относится уже к такой эпохе, когда имперфекта как живой формы давно уже не было. Не случайно, что и древнейшие случаи такой основы фигурируют в имперфекте: *оумыкиваху*.

§ 100. Указание на связь этих основ по значению с имперфектом, а одновременно с тем и на то, что они обозначали нечто давно бывшее, можно найти в нашей старинной грамматической литературе. Наши старые книжники очень тонко чувствовали порой факты живого современного им языка, хотя и излагали их обычно, пользуясь традиционной терминологией, унаследованной от античной грамматики. В этом отношении показателен такой памятник нашей старинной грамматической литературы, как перевод латинской грамматики Доната, сделанный в 1522 г.

Дмитрием Толмачом (Дмитрий Герасимов, прозванный Толмачом, был переводчиком при Василии III). Перевод был сделан не на живой русский язык, а, как тогда было принято, на книжный церковнославянский, но в нем отражаются и особенности живого русского языка того времени. Подлинник до нас не дошел, а в сохранившихся двух списках, из которых наиболее исправный 1562—1563 гг., латинская часть была выкинута и сохранена лишь славянская (книга должна была служить пособием по церковнославянскому языку). В этой грамматике, в соответствии с нормами латинского языка, различаются три прошедших времени — минувшее или прешедшее несвершенное (у Доната *praeteritum imperfectum*), минувшее свершенное (лат. *perfectum*) и минувшее пресвершенное (лат. *plusquamperfectum*). Для передачи этих форм используются славянские формы имперфекта и аориста, перебивающиеся формами перфекта, причем первые два времени оба передаются формами аориста, различаясь лишь глагольными основами, от которых эти формы образуются, минувшее пресвершенное (плюсквамперфект) — формами имперфекта, образованными от бесприставочных глагольных основ с суффиксом *-ива-*, *-ыва-*, например: *люблива*^{х}, *любливаше*, *любливалъ* тои *любливахомъ*, *любливасте*, *любливаху*, тиї (иногда формы имперфекта чередуются с формами перфекта, так же как чередуются с ними и формы аориста, передающие два другие прошедшие времени, поскольку для живого языка этого времени перфект был уже единственной обычной формой прошедшего времени); *учива*^{х}, *учиваше* или ты *учивалъ*, *учива*^{л} тои, *учивахо*^{м}, *учивасте*, *учиваху*, *ха́чива*^{х}, *ха́чива*^{л} еси, *ха́чива*^{л}, *ха́чивахомъ*, *ха́чивасте*, *ха́чи(ва)ли* (от глагола *хотеть*) и т. д.

Эти формы интересны в двояком отношении. Во-первых, они указывают, что наши книжники уже осознавали формы на *-ива-*, как выражающие в прошедшем нечто давно бывшее — ведь латинский плюсквамперфект, который они в данном случае передают, обозначал нечто бывшее раньше других прошедших времен, и мог употребляться и в независимом предложении, обозначая в таком случае нечто давно бывшее. Во-вторых, эти формы указывают, что наши книжники осознавали связь с давно бывшим и нашего древнего имперфекта. Эти формы не могли быть навеяны нормами церковнославянского языка, а идут из живого языка. Характерно, что при образовании их Дмитрий Толмач использовал и чередования, свойственные живому языку,— ср. *хачивахъ* и встречающееся, как мы видели выше, в грамотах *хачивалъ*. Интересно, что в этой форме выступает русская форма чередования согласных *т/ч* (ср. *хотѣти*), хотя в настоящем времени тот же глагол дается в церковнославянской форме *хощу*.

Два века спустя формы на *-ива-*, *-ыва-* рассматривает как давнопрошедшее время и автор первой полной русской

грамматики — М. В. Ломоносов (см. Российская грамматика, § 268).

Многократные образования, передающие наряду с другими значениями и значение многократности, развиваются независимо друг от друга в различных славянских языках. В некоторых славянских языках развитие подобных образований пошло еще дальше, чем в русском. Так, в чешском языке существует не только первая ступень многократности (*nosívati*; по отношению к *nositi*), но и вторая ступень многократности с повторением суффикса (*nosívávati*). Вторая ступень выражает прерванное повторяющееся действие. Кроме того, как и у нас, многократная форма обозначает нечто давно бывшее.

Но в то же время и самые близкие друг к другу славянские языки шли различными путями в отношении этих форм. Как уже было сказано, эти формы широко распространяются в русских памятниках лишь в XVI—XVII вв. Это была эпоха формирования языка великорусской народности, уже обособленного от других восточнославянских языков, складывавшихся на основе других говоров того же древнерусского языка, на основе некоторой части говоров которого складывался великорусский язык. И в близком к русскому украинском языке эти формы развивались иначе. Формы на *-ыва-* были характерны и для украинских памятников до XV века включительно, но уже в XVI веке они заметно уступают место другим образованиям, хотя и в XVI веке изредка эти формы встречаются как у приставочных, так и у бесприставочных глаголов; например: *отказывати*, *переховывати*, *дѣливати*, *ловливати* и т. п. (формы эти сообщает П. Житецкий в своем исследовании, посвященном истории украинского языка в XVII веке).

Неодинаково идет развитие этих форм даже в различных говорах русского языка. Эти формы широко распространены в части северновеликорусских говоров, но их почти нет в южновеликорусском наречии, и притом не только они не наблюдаются или почти не наблюдаются в живых говорах, но их очень мало и в фольклорных записях, сделанных на юге, тогда как в фольклорных записях, осуществленных на севере, такие формы представлены очень широко.

Можно думать, что постепенное вытеснение этих форм из русского литературного языка в какой-то мере связано с процессами, имевшими место в эпоху формирования русского национального языка. Русский национальный язык сложился, как указывает И. В. Сталин, на основе курско-орловского диалекта. Центральной областью формирования великорусской народности явилась северо-восточная, Суздальская Русь. Говоры Суздальской Руси относятся к северновеликорусскому наречию. И русский литературный язык первых времен формирования великорусской народности в большей степени характеризуется северными чертами. Последующая история русского языка

(и литературного и говоров), история, предшествующая образованию национального языка и завершающаяся этим образованием, т. е. история на протяжении XVI—XVII вв. и далее, состоит в значительной части своей в продвижении на север черт, характеризующих южновеликорусское наречие, центральный очаг которых образуют курские и орловские говоры. Одной из таких черт и является, возможно, отсутствие или ранняя утрата т. н. многократных образований. Процесс вытеснения этих образований идет медленно, полностью они не вытеснены и до сих пор. Но интересно, что эти образования в целом не характерны не только для современного литературного языка, но и для современных говоров центральной полосы, в частности, прилегающих к Москве. Правда, в южных грамотах XVII века образования на *-ива*, *-ыва* представлены, но встает вопрос, не связаны ли в какой-то мере формы этих грамот с нормами московского делового письма того времени.

Таково в целом развитие категории вида в русском языке. Многократные образования у нас не утвердились и занимают поэтому в национальном языке подчиненное положение по отношению к основному подразделению видов. Основное же подразделение, характерное для всего русского языка в целом,— это различие совершенного и несовершенного видов.

§ 102. Осуществление противопоставления этих двух видов все в более четких формах, как уже говорилось, идет параллельно с разрушением старой системы многочисленных времен. Можно думать, что именно все дальше идущее противопоставление совершенного и несовершенного видов и явилось предпосылкой разрушения старой временной системы, поскольку видовыми средствами начинали выражаться многие такие отношения, которые раньше выражались исключительно временами. Но, с другой стороны, конечно, разрушение старой временной системы способствовало все большей четкости противопоставления видов. Развитие видо-временной системы во многих других славянских языках идет теми же путями, что и в русском. Но не следует думать, что развитие противопоставления совершенного и несовершенного видов обязательно приводит к разрушению временной системы. Примером может служить болгарский язык, где при развитии видов сохранилась и старая временная система, причем система видов и система времен развиваются как две самостоятельные системы.

Развитие системы трех времен и двух видов, совершенного и несовершенного, свидетельствует о все дальше идущей абстракции, обобщении, отражающемся в развитии грамматического строя любого языка. Система трех времен представляет, как уже было сказано, обобщение более высокого порядка, сравнительно со старой системой многочисленных времен. Точно также различие совершенного и несовершенного видов, основанное на понятии лишь границы во времени, несомненно, представляет

более высокую ступень абстракции сравнительно с различиями древнего видового слоя. Современная система трех времен и двух видов складывается, как мы видели, в результате постепенного и длительного накопления элементов нового качества в составе нашего грамматического строя.

История сослагательного наклонения

§ 103. В развитии категории *наклонения* больших изменений на протяжении истории нашего языка не произошло. В древности, как уже упоминалось, существовало три наклонения — изъявительное, повелительное и сослагательное. Эти три наклонения сохранились и теперь. Имело место лишь некоторое изменение форм.

Относительно истории изъявительного наклонения особо говорить не приходится, так как все изменения в системе времен, о которых говорилось выше, относятся именно к изъявительному наклонению: различия по временам у нас существуют лишь в изъявительном наклонении.

В повелительном наклонении имели место некоторые изменения в личных окончаниях. Они тесно связаны с изменениями личных окончаний настоящего времени, вследствие чего о них будет сказано в дальнейшем (в связи с категорией лица).

Сослагательное наклонение в древнерусском языке выражалось, как известно, сочетанием аориста вспомогательного глагола *быхъ* и действительного причастия прошедшего времени на *-l*. В дальнейшем наблюдаются колебания в согласовании форм аориста в лице и числе с подлежащим и причастием. Эти колебания мало-помалу приводят к тому, что форма *бы*, характеризовавшая первоначально лишь 2-е и 3-е л. ед. ч., распространяется на все лица и числа и превращается в неизменяемую частицу. Колебания, приводящие к такому распространению, наблюдаются уже в памятниках XIII века, например: «аще *бы* в Турѣ *быша* силы *были*» (Новгородское Милятино евангелие 1215 г.) — здесь контаминировалась правильно употребленная старая форма 3-го л. мн. ч. и новая форма *бы*, обобщенная для любых форм сослагательного наклонения. Ср. также: «аще *бы* слѣпи *были*» (Московск. евангелие 1339 г.) — форма *бы* (2-е и 3-е л. ед. ч.) вместо 2-го л. мн. ч.

Нарушение согласования в формах аориста вспомогательного глагола, вероятно, связано с общим разрушением и утратой аориста в живом языке.

Частица *бы*, восходящая к старой форме 2-го и 3-го л. ед. ч. аориста от глагола *быти*, в сочетании с формой причастия (а ныне просто прошедшего времени) на *-л-* характеризует сослагательное наклонение и в современном языке как в литературном, так и в говорах.

История залога

§ 104. Категория *залога*, выражающая в формах глагола отношение действия, выраженного глаголом, к его производителю и к объекту его, как уже отмечалось, в древнерусском языке была представлена слабо. В современном языке, если оставить в стороне причастия, единственным продуктивным средством выражения залоговых различий является наличие или отсутствие частицы *-ся*. В эпоху древнейших памятников *-ся (сѧ)* еще не было морфемой, т. е. частью глагольной формы, но было отдельным, хотя и несамостоятельным словом. В современном языке глаголы с частицей *-ся*, при всех различиях оттенков значения, вносимых этой частицей, все являются глаголами с формально выраженной непереходностью. Различие непереходных и переходных глаголов состоит в том, что при переходных глаголах может стоять прямое дополнение в винительном падеже, а при непереходных нет. Самое различие переходности и непереходности не относится к морфологии, если оно не имеет формального выражения в структуре самой глагольной формы.

Некоторые древние индоевропейские языки выражают залоговые различия в особых личных окончаниях: ср. лат. *laudō* «я хвалю» — *laudo-r* «я хвалим». Особые личные окончания выражают страдательный залог, но первоначальная функция их была выражать не страдательность, а непереходность, чем и объясняется наличие в латинском языке т. н. отложительных глаголов, т. е. страдательных по форме, но не имеющих страдательного значения. Ср., например, *orior* «восхожу».

Наиболее четко залоговые различия выражаются в личных окончаниях в санскрите и в греческом. Там как в настоящем (будущем), так и в прошедших временах различаются особые *активные* и *медиальные* окончания. Активные окончания — окончания действительного залога, т. е. выражающие переходность, медиальные окончания — окончания среднего залога, т. е. выражающие непереходность. Впрочем, значения переходности и непереходности в этих отношениях позднейшие, первоначально же различие этих окончаний передавало нечто другое. Разница была в том, что активные формы выражали действие, совершенное для кого-то, а медиальные — действие, совершаемое для себя, прямое же дополнение могло быть и при медиальных формах. Так, например, санскритское *bhárāmi* (активная форма) обозначало «я несу (или беру) что-то для кого-нибудь», а *bháré* (медиальная форма) — «я несу (или беру) что-то для самого себя».

В древнейшем исторически засвидетельствованном состоянии славянских языков и даже в реконструируемых формах общеславянского языка-основы мы не находим указаний на выражение залоговых различий в личных окончаниях. Многие лин-

гвисты, занимавшиеся сравнительно-историческим языкознанием, полагают, что эти различия, свойственные некогда общеиндоевропейскому языку, свойственны были первоначально и общеславянскому, но затем им утрачены. Указывают на то, что некоторые славянские окончания восходят не к активным (к которым возводится большинство), а к медиальным. Так, например, некоторые лингвисты старославянское окончание 2-го л. ед. ч. настоящего времени *-ši* сопоставляют с общеиндоевропейским медиальным окончанием **-sai* (санскр.- *sē* < *-sai*, напр., *bhárasē*, греч. φέρῃ < φέρεαι < *φὲρε-σαι), некоторые же сопоставляют старославянское окончание 3-го лица *-тъ* с медиальным окончанием 3-го л. ед. ч. — греч. -το, санскр. *-ta-*,— или с латинским медиопассивным окончанием 3-го л. ед. ч. *-tur*. Но эти сопоставления не имеют под собой достаточных оснований: сочетание **sai* на конце слова на славянской почве могло бы дать лишь *soi* и затем *-si*, но не *-ši*; предполагается, что славянское *-ši* < < **-xi* < **-sei*, но окончание *-sei* не засвидетельствовано в других индоевропейских языках. Окончание же *-тъ* получает более удовлетворительное разъяснение как развившееся под воздействием указательного местоимения. Следует к тому же иметь в виду, что даже в наиболее четко различающих активные и медиальные окончания санскрите и греческом языке личные окончания одного из этих языков не всегда строго соответствуют окончаниям другого. На основании этого можно предполагать, что различные восходящие к общеиндоевропейскому языку личные окончания более или менее четко оформили свое активное и медиальное значение уже на почве отдельных индоевропейских языков, к тому же не всех, причем на славянской почве эти различия так и не развились.

Древние индоевропейские языки указывают и на иное структурно-морфологическое средство выражения залоговых различий, именно на показатели глагольных классов и различные ступени чередования корневого гласного в глагольной основе, т. е. по существу на те же средства, которые использовались и для выражения видовых различий древнего слоя. Эти средства сохранились в какой-то мере и на славянской почве. Правда, они уже не являются продуктивными, однако мы находим в древних славянских языках, в частности, и в древнерусском, определенные пары глаголов одного и того же корня, из которых один обозначает некоторое действие или состояние, а другой имеет значение «заставлять производить это действие или состояние». Ср., например, такие глаголы, как *пити* «пить» — *поити*, «поить», т. е. «заставлять пить», *бъдѣти* «бодрствовать»— *боудити* «будить», т. е. «заставлять бодрствовать». Глаголы со значением «заставлять что-нибудь делать» принято называть *каузативными* (от лат. *causa* «причина»). Иногда различают собственно каузативные глаголы, образованные от глаголов действия или переходных в свою очередь глаголов (например, *поити* от *пити*),

и *фактативные*, образованные от глаголов состояния или непереходных (например, *боудити* от *бдѣти*), иногда же те и другие называют общим именем *каузативные*.

Каузативные глаголы входят в IV класс, и именно в ту его разновидность, которая характеризуется основой инфинитива на *-i-*, причем соответствующие некаузативные глаголы могут входить в III класс, во II (а именно в ту его группу, которая обозначает переход из одного состояния в другое), в некоторых случаях и в тот же IV класс, но в ту разновидность, которая характеризуется основой инфинитива на *-ě-*. Примеры: *пити* (III кл.) — *поити*; *чьрнѣти* (III кл.) — *чьрнити* «делать черным»; *гыноути* (II кл.) — *гоубити* «заставлять гинуть, т. е. исчезать», *гасноути* (II кл.) — *гасити*, *сѫхноути* (II кл.) — *соушити*, *глъхноути* (II кл.) — *глоушити*; *сѣдѣти* (IV кл.) — *садити* «заставлять сидеть». Связь некоторых из этих глаголов достаточно ясно выступает и в современном языке, некоторые же глаголы теперь уже слишком разошлись по значению и не связываются друг с другом. Ср., например, *мьркноути* — *морочити* (когда-то это был глагол каузативный по отношению к *мьркноути*).

Как мы видим, каузативные глаголы характеризовались тем же структурным признаком, что глаголы повторяющегося и разнонаправленного движения. Возможно, что и значение соответствующего показателя было не каузативное и не повторяющегося и разнонаправленного движения, а иное, из которого развились оба эти значения (может быть, значение большей интенсивности действия).

Выступает в каузативных глаголах, правда, не во всех, и другое структурное средство, также характеризующее и некоторые глаголы повторяющегося и разнонаправленного движения — ступень чередования *o*. Ср.: *поити*, *боудити* < **bouditi*, *гоубити* < **goubiti*, *морочити* < **morkiti*, *садити* (чередование *ě/a* в *сѣдѣти* — *садити* восходит к чередованию *ē/ō*). Только в соответствующих не каузативных глаголах, если только есть чередование, обычно выступает ступень редукции (если оба гласных не представлены на ступени долготы, как в случае *сѣдѣти* — *садити*).

Но уже из того, что совершенно такие же по структуре глаголы, как приведенные выше каузативные, не имеют каузативного значения, видно, что соответствующие образования унаследованы от далекого прошлого и на славянской почве широкого развития не получили.

§ 105. Структурным средством передачи отношения действия, выраженного глаголом, к объекту его служила форма сѧ, являющаяся энклитической формой винительного падежа возвратного местоимения. Сочетание глагольной формы с энклитической формой вин. п. возвратного местоимения сѧ было первоначально синтаксическим сочетанием, о чем свидетельствует

тот факт, что в таком сочетании и в том же значении мог фигурировать не только винительный падеж местоимения. Поскольку согласно нормам славянского синтаксиса (в соответствии с винительным падежом при утверждении) при отрицании выступал родительный падеж, с глагольной формой в древности при отрицании мог сочетаться родительный падеж возвратной формы и притом не энклитической, поскольку в родительном падеже не было энклитической формы, например: «Никто же *не боитъ себе*, никто же не оужасаѥтсѧ, ни трепещеть» (Златоструй XII в.) «Никто не боится, никто не ужасается, не трепещет».

С глагольной формой могла сочетаться и энклитическая форма дательного падежа возвратного местоимения *си*, также для выражения непереходности, но это имело место первоначально лишь при глаголах, выражавших внутреннее, психическое состояние, например, *жалитиси* «негодовать, скорбеть». Ср., например: «*жали ся* на братьѣ» (Ипат. летоп.); «много же *си жалю* сего ради» (Успенский сборник XII в.). Ср. подобное же употребление дательного падежа возвратного местоимения в современном русском языке в таких выражениях, как «что он *себе думает*». Впрочем, при соответствующих глаголах наблюдаются колебания между формами *си* и *сѧ*, например: «*жалѧху сѧ* володимерци» (Ипат. летоп.). Это дает основание для более широкого распространения в дальнейшем в некоторых говорах *си* и вытеснения им *ся*.

Хотя *сѧ* и *си* в древнерусском языке и были отдельными, хотя и несамостоятельными словами и сочетание с ними глагольной формы, как показывают некоторые из приведенных примеров, носило характер даже не аналитической формы, а синтаксического сочетания, тем не менее определенные предпосылки для слияния местоимения с глаголом в дальнейшем имелись, поскольку некоторые глаголы уже в древнейших памятниках не могли функционировать без возвратного местоимения.

Морфологически залоговые различия могли выражаться в древних славянских языках, и в древнерусском языке в том числе, лишь в причастиях, где различались действительные и страдательные формы. Страдательное причастие обозначало, что субъект действия, выраженного причастием, подвергается воздействию со стороны. Действительные и страдательные причастия различались как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Причастия по происхождению, и не только в славянских языках, но и в индоевропейских в целом, являются отглагольными прилагательными, первоначально не связанными с глаголами как с формой того же слова и лишь в дальнейшем вошедшие в глагольную систему и получившие и временное значение. Впрочем, вступление их в глагольную систему относится к очень далекому прошлому. Суффиксы причастий частью обнаруживают совершенно ясную этимологическую связь с суффиксами прила-

гательных, не имеющих связи с глагольной системой и не имеющих временного значения. Так, суффикс действительного причастия прошедшего времени *-l-* связан с суффиксом прилагательных *-l-* (ср. *теплъ*), суффиксы страдательных причастий прошедшего времени *-n-*, *-t-* связаны также с суффиксами прилагательных, содержащими эти согласные (ср. *красьнъ*, *бородатъ*).

История форм, выражающих залоговые различия, на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, в основном состоит в постепенном объединении возвратных местоимений *ся* и *си* с глагольной формой в одно слово и в утрате в некоторых говорах страдательными причастиями их страдательного значения, по крайней мере, в части случаев.

Тенденция объединения возвратного местоимения в одно слово с глагольной формой намечается очень рано. Уже достаточно рано обнаруживается тенденция постановки *ся* непосредственно после глагольной формы. Однако долго еще наблюдается в памятниках и свободная постановка *ся* в различных местах предложения. Такую постановку встречаем мы еще в памятниках XVII века, например: «с воры *ся* ему *не водити*» (грамота 1615 г.) —«не водиться ему с ворами». Впрочем, здесь, возможно, отражается традиционный оборот, уже отсутствующий в живом языке. Во всяком случае, к XVIII веку объединение возвратного местоимения с глагольной формой в одно слово и, следовательно, превращение возвратного местоимения в возвратную частицу, несомненно, уже осуществилось. Мы имеем дело в данном случае с т. наз. процессом агглютинации, т. е. с объединением на протяжении исторического развития языка двух ранее самостоятельных элементов в одно слово. Такое объединение имело место лишь в восточнославянской области, т. е. в русском, белорусском и украинском языках. Другие славянские языки сохранили рефлексы возвратного местоимения в качестве отдельных, хотя и служебных слов.

В русском литературном языке и в ряде говоров деепричастия, развившиеся из действительных причастий и образованные от возвратных глаголов (независимо от различных значений, придаваемых глаголу возвратной частицей), также характеризуются возвратной частицей. Ср. *разбиться — разбившись*, *жениться — женясь*, *женившись* и т. д. Во многих же говорах деепричастие всегда выступает в невозвратной форме (и даже деепричастие от таких глаголов, которые вообще возможны только в возвратной форме), например, *женивши* (ср. *жениться*), *разувши* (ср. *разуться*) и т. д. Точные границы распространения таких говоров пока не определены, но можно, в частности, сказать, что особенность эта широко представлена в говорах северо-запада (в говорах Прионежья, Белозерского края, новгородских, псковских и т. д.). Такие формы, в частности, наблюдаются там, где деепричастия прошедшего времени совершенного вида используются в качестве перфекта. Ср., например: «Три яйца

поколофшы, в кузов *вылифшы*» (Чудовский р-н, Новгор. обл.)— «Три яйца раскололись, в кузов вылились»; «однако же оны *поборовши*, у Ильи ноги сплелись и на землю паў» (Олонецкие записи Шахматова)— «поборовшись»; «Ах, любезный Ваня, я уже путешествую очень давно и тоже *утрудивши*, хочу закусить» (Белозерские записи Соколовых)—«утрудившись»; «... дома была *оставши* доцька Авдотья Васильевна» (там же) — «осталась».

Ввиду недостатка материала, доставляемого памятниками, трудно решить окончательно, была ли здесь возвратная частица утрачена на протяжении истории языка или же, напротив, эти деепричастия оформились тогда, когда еще на закончился процесс агглютинации возвратной формы. Скорее можно предполагать последнее, поскольку процесс этот, как уже было сказано, закончился довольно поздно.

На протяжении истории языка имело место изменение формы возвратной частицы по говорам. В части говоров и в литературном языке имела место редукция конечного гласного до нуля в том случае, если возвратная частица примыкала к форме, оканчивавшейся на гласный. Ср. *разбился* — *разбилась*. Такая редукция конечных гласных вообще наблюдается в тех случаях, когда морфема состоит не из одного звука и после утраты этого звука, следовательно, совсем не теряется. В части же говоров и, в частности, в московском, имело место отвердение согласного в возвратной частице. Произношение возвратной частицы с твердым согласным в течение долгого времени было нормой литературного языка. В настоящее время, под влиянием орфографии, все больше распространяется произношение в этой форме мягкого *с'*.

В значительной части говоров получила распространение в качестве возвратной частицы глагола старая энклитическая форма дат. п. возвратного местоимения *си*, например, *садилси*, *разбилси*; или с отвердением согласного в этой частице и с переходом *и* после твердого согласного в *ы* — *садилсы*, *разбилсы*. Наблюдающаяся в некоторых говорах форма возвратной частицы *се* (*садилсе*, *разбилсе*), возможно, объясняется контаминацией с полной формой дат. или род. п. возвратного местоимения — *себе*, *себѣ*.

§ 106. На протяжении исторического развития языка наблюдается в части говоров утрата в определенных условиях страдательными причастиями своего первоначального страдательного значения. Это выражается прежде всего в том, что в зависимости от страдательного причастия может стоять винительный падеж прямого дополнения. Очевидно, такая постановка может наблюдаться лишь в тех случаях, когда страдательное причастие выступает в качестве сказуемого в безличном предложении. Совершенно очевидно, что этого не может быть в тех случаях, когда страдательное причастие функционирует как сказуемое в личном обороте: объект, на который направлено действие, в данном слу-

чае выражен именительным падежом подлежащего и ясно, что одновременно с этим он не может быть выражен винительным надежом дополнения. В том случае, если при страдательном причастии выступает винительный падеж прямого дополнения, очевидно, залоговое отличие его от действительного причастия теряется.

Употребление винительного падежа прямого дополнения при страдательном причастии в безличном обороте характерно лишь для некоторых памятников и отражается лишь в некоторых современных говорах. Имеются здесь и спорные случаи. Так, например, двояко может быть истолкован следующий пример: «а что *головы поимано* по всеи волости новгородьскои...» (Новг. грам. 1314 г.). Поскольку мн. ч. *головы* имеет одинаковую форму в именительном и винительном падежах, эту форму можно понять и как именительный падеж подлежащего и как винительный падеж дополнения в безличном предложении. Во втором случае здесь винительный падеж прямого дополнения, в первом же случае утрата согласования страдательным причастием и функционирование его в неизменяемой форме (ед. ч. средн. р.) при любом подлежащем. Двояким образом могут быть поняты и многие примеры из говоров, какие отмечены преимущественно в говорах северо-запада — новгородских, псковских и др. (ср., например, *ножик* в подпол *кинуто*). Подобные спорные случаи встречаются и в более древних памятниках. Ср., например: «*медъ дано бы*ᶜ богомь» (Святосл. изборн. 1076 г.).

Бесспорным свидетельством в пользу винительного падежа прямого дополнения являются такие случаи, когда эта форма образована от имен со старой основой на *-а*, притом в ед. ч., поскольку они имеют форму вин. п. ед. ч., отличную от всех других падежей. И такие бесспорные случаи встречаются, правда, в памятниках сравнительно поздних, не древнее XVI века, причем в таких, которые в первую очередь относятся к белорусскому и украинскому языку, а не к русскому. Ср., например: «*Подрубано сосну* бортную, отъ осми лѣтъ *неподглядану* и съ тое сосны медъ выбрано и *сосну спалено*» (Волынские акты, 1608). Встречается подобный оборот и в памятниках московской литературы, но лишь в таких, в которых можно предполагать юго-западное или польское воздействие (польскому языку подобный оборот также свойствен), например: «и болшую *половину* воиска пѣшого ко штурму *послано*» (Курбский, Рассказ о взятии Казани); «и въ то же время у нихъ подкопомъ *воду отнято...*» (там же); «а для нынешние Полские и Свейские войны *збирано* со всего жъ Московского государъства... сперва *дватцатую денгу*, потомъ *десятую денгу* не по одінъ годъ» (Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича). Не говоря уже о Курбском, Котошихин, как дьяк Посольского приказа, хорошо был знаком с польским языком, и в его речи полонизмы могли встретиться.

Но мы не находим таких примеров в памятниках эпохи формирования великорусской народности, которые в большей мере отражают самобытное развитие русского языка и не затронуты юго-западным и польским влиянием. Так, мы не найдем такого оборота в сочинениях Ивана IV, Аввакума и др.

Современный украинский язык сохранил употребление, подобное приведенному выше (ср. совр. *збудовано хату* «выстроена хата» или «выстроили хату»). Мы находим такое употребление и в некоторых русских говорах, именно в части тех северновеликорусских говоров, где получило распространение страдательное причастие в качестве сказуемого безличного оборота в значении перфекта. Например: «у волков *корову јйдено*», т. е. «волки съели корову». Но не эти говоры, как известно, образовали основу нашего литературного языка.

В Московских памятниках XVI века мы находим, правда, по С. Д. Никифорову, некоторые примеры, которые можно бы было истолковать как примеры прямого дополнения при страдательном причастии, но примеры сплошь спорные.

Утрата страдательным причастием своего первоначального залогового значения выражается и в том, что такие причастия образуются от любых глаголов, а не только от переходных, в результате чего теряется также различие между действительными и страдательными причастиями. Такое образование наблюдается в тех северновеликорусских говорах, где страдательное причастие прошедшего времени в безличном обороте было использовано в значении перфекта. Ср.: «у него *уехано*, у него *уйдено*» и т. д. Страдательные причастия в этих говорах могут быть образованы и от возвратных глаголов, причем в этом случае они сохраняют возвратную частицу. Ср., например: «*жёненось* то было» (олонецкие говоры) в значении «женился».

История личных форм настоящего времени и повелительного наклонения

§ 107. В результате того, что в прошедшем времени и в сослагательном наклонении на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, формы, служившие для выражения отношения действия к лицу говорящему, были утрачены, история форм *лица* должна быть рассмотрена лишь для настоящего времени и повелительного наклонения (с точки зрения личных окончаний ничем не отличается от настоящего времени также простое будущее совершенного вида). Личные формы обеих этих категорий, т. е. настоящего времени и повелительного наклонения, развиваются в известном взаимодействии, почему эти формы и целесообразно рассматривать вместе.

3-е л. ед. ч. и мн. ч. настоящего времени, как уже было сказано выше, оканчивалось в древнерусском языке на *-tь*.

В достаточно раннюю эпоху *t* перед *ь*, как и все согласные в положении перед гласными переднего ряда, смягчилось. После падения слабого *ь* на конце слова мягкость *t*' сохранилась, и часть говоров характеризуется мягким *t*' и в настоящее время. Мягкое -*t*' наблюдается в южновеликорусских говорах, в части средневеликорусских, в белорусском и украинском языках (в тех случаях, если формы 3-го лица вообще дают окончание *t*; как уже говорилось, начиная с эпохи древнейших памятников наблюдаются формы и без *t*). Только в белорусском языке в силу дзеканья на месте мягкого *t*' в 3-м лице является мягкое *c*' (*ц*'), например, *ляжыць* «лежит». Но в части русских говоров мягкое *t*' в этом окончании сменяется *t* твердым, которое в настоящее время характеризует северновеликорусские говоры и часть средневеликорусских.

Это изменение, происходившее, вероятно, не одновременно во всех говорах, которые его отражают теперь, засвидетельствовано с XIII века, когда в памятниках, именно северных, начинают встречаться в соответствующих формах написания *тъ* вместо старого *ть*, характерного даже для памятников, списанных со старославянских оригиналов.

Чем объясняется это «отвердение» *t*? Акад. А. А. Шахматов полагал, что мы имеем здесь дело с фонетическим процессом, а именно с частным случаем общей тенденции отвердения конечных согласных после устранения причины, вызвавшей их смягчение, а именно после исчезновения на конце слова редуцированного гласного переднего ряда. Но, поскольку речь идет об одной морфологической категории, мы здесь скорее имеем дело не с фонетическим, а с морфологическим процессом. Предположение о морфологической основе этого процесса было выдвинуто акад. С. П. Обнорским.

Как уже говорилось, с древнейших времен наблюдаются в русском языке формы 3-го лица без *t*, широко распространенные по говорам и теперь. С. П. Обнорский предполагает, что формы с твердым -*t* развились на основе форм без -*t*, причем *t* по происхождению связано с указательным местоимением *тъ* (впоследствии *тот*). Воздействие местоимения легко можно объяснить, если мы примем во внимание, что в древнерусском языке это местоимение часто фигурировало как подлежащее при глагольной форме (оно в древности часто употреблялось и в таком значении, в каком теперь употребляется *он*). Можно думать, что воздействие указательного местоимения могло сказаться не только в таких случаях, когда были формы без -*t* (хотя в таких формах воздействие, действительно, легче могло проявиться), но и в случае форм с -*t*'.

Появление нового окончания наблюдается кое-где не только в форме -*t*, но и в форме -*to*, -*ta*, где можно предполагать воздействие других родов указательного местоимения. Такие формы известны современным говорам (архангельским, вологодским,

кировским, ярославским, калининским, московским, рязанским), главным образом северным (лишь в небольшой мере они заходят на юг). Интересно, что в некоторых новгородских говорах наблюдаются параллельные формы *идёто — идё*, что указывает на возможность развития соответствующих форм на базе форм без окончания.

Если твердое *t* действительно развилось под воздействием указательного местоимения, то следует предположить, что твердое окончание появилось сначала в единственном числе и лишь затем распространилось на множественное число. Это предположение подтверждается фактами русской диалектологии. Известны некоторые северные говоры, именно некоторые олонецкие, где при твердом *t* в единственном числе и во множественном числе глаголов 2-го спряжения сохраняется *-t'* мягкое во множественном числе глаголов 1-го спряжения, например, *идýт'*, *несýт'*. Вполне понятно, почему *t'* мягкое сохраняют именно эти глаголы, если предположить, что, по крайней мере, в этих говорах образование форм с твердым *t* происходило на базе форм без *t*. Олонецкие говоры, как и многие другие северные (главным образом крайнего севера, северо-запада и запада), знают формы без *-t* лишь в единственном числе 1-го спряжения и во множественном числе 2-го спряжения. Множественное число 1-го спряжения вообще наиболее упорно сохраняет конечное *t*: в южновеликорусских говорах формы без *-t* могут захватывать и единственное число 2-го спряжения, но множественное число 1-го спряжения и там имеет конечное *t'*. Лишь в очень немногих говорах (например, в средневеликорусских — псковских) наблюдается отсутствие *-t* в 3-м л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения. Поскольку эти формы наиболее прочно сохраняют конечное *t'*, они и в олонецких говорах сохранили его в старой форме — *-t'* (здесь не было параллельных форм без *-t*, на которые могло бы наслоиться проникшее из единственного числа *-t* твердое).

Твердое *-t* в 3-м л. ед. и мн. ч. всех глаголов отразилось и в московском говоре, а также является нормой в литературном языке.

Но некоторые формы 3-го лица, а также формы, восходящие к ним, в северновеликорусских говорах и в литературном языке сохраняют мягкое *-t'*. Это такие формы, как *есть*, *суть* (3-е л. ед. и мн. ч. вспомогательного глагола), такие выражения, как *бог весть*, *нивесть что*, где фигурирует 3-е л. ед. ч. старого нетематического глагола *вѣсть*. Сохранение *t'* мягкого в этих формах легко можно объяснить: настоящее время вспомогательного глагола *есмь* вообще в русском языке перестало употребляться, от него сохранилось лишь 3-е л. ед. ч. в живой речи (употребляется для обозначения наличия чего-то, да в научном языке в определениях) и 3-е л. мн. ч., употребляющееся исключительно в книжной речи (и то редко). Эти формы, в соответствии с которыми нет форм 1-го и 2-го лица, выпали из общей системы спряжения

и застыли в старой форме. Глагол *вѣмь* перестал употребляться в русском языке. Поэтому форма *вѣсть* в указанных сочетаниях, представляющих собой окаменелое выражение наречного типа, уже давно не осознается как глагольная форма 3-го лица. Она и сохранила поэтому свой старый облик.

В части северновеликорусских говоров распространено наречие *на́доть*, функционирующее как сказуемое (в литературном языке ему соответствует *надо*). Это наречие исторически развилось из сочетания существительного с предлогом *на добѣ* (др.-русск. *доба* «польза»). Как часто употребляющееся, но потерявшее первоначальный смысл выражение (слово *доба* давно уже самостоятельно не употребляется), сочетание это подвергается редукции конечной части: *на добѣ>надоб'>надо*. Поскольку форма *надо* фигурирует как сказуемое, а обычно как сказуемое выступает глагол, эта форма получила глагольное окончание *-t'*. Это мягкое *t'* в дальнейшем сохранилось, так как форма эта отступает от системы обычных глагольных форм.

§ 108. Определенным изменениям подвергаются формы настоящего времени нетематических глаголов. Прежде всего, в этом типе на протяжении исторического развития языка сохранилось лишь два глагола — *дамь* и *ѣмь*: вышли из употребления, как уже говорилось, формы настоящего времени вспомогательного глагола *ѥсмь* (за исключением 3-го лица); вышел из употребления глагол *вѣмь* (сохранился лишь глагол III класса того же корня *ведать*, и то как архаизм, больше свойственный книжному языку); вышел из употребления глагол *имамь* (в русском языке сохранился глагол того же корня, но III класса, *иметь*, в украинском языке, а также и в некоторых русских говорах под влиянием тематических глаголов развились формы типа *иму*).

Старая форма 1-го л. ед. ч. этого класса сохранилась и в современном языке, только фонетически отвердело конечное *-т* (*-м*) — *ем*, *дам*.

Старая форма 2-го л. ед. ч. (*даси*, *ѣси*) сохранилась в немногих говорах (главным образом на крайнем севере). В большинстве же говоров эта форма подверглась влиянию со стороны 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения и получила облик *дажь*, *ѣжь*, откуда затем, в результате оглушения конечного согласного, *дашь*, *ешь*. В данном случае можно было бы предполагать и сближение с формами тематических глаголов, но говоры, сохраняющие в какой-то мере звонкость конечных согласных, дают формы *даж*, *jеж*, что указывает на повелительное наклонение.

Новая форма *ѣши* отмечена уже в Псалтыри XIV века (окончание *-ши*, повидимому, под влиянием старославянской формы настоящего времени). Впрочем, эта форма, независимо от отразившихся в современном языке форм, восходящих к повели-

тельному наклонению, могла явиться и в результате влияния со стороны тематических глаголов.

1-е и 2-е л. мн. ч. преобразовалось под влиянием соответствующих форм повелительного наклонения: старые формы *дамъ* и *дасте* сменились формами *дадим*, *дадите*. Изменение формы 1-го л. мн. ч., возможно, является следствием совпадения (в результате фонетического изменения) формы 1-го л. ед. ч. с формой 1-го л. мн. ч. Вследствие тенденции к различению этих форм была использована форма повелительного наклонения. Следует иметь в виду, что на протяжении истории русского языка обнаруживается тенденция объединения 1-го л. мн. ч. настоящего времени и повелительного наклонения.

3-е л. мн. ч. *едя́т* сохранило старую форму. На месте же старого *дадѧть* под влиянием тематических глаголов 1-го спряжения явилась форма *даду́т*, пример которой мы находим уже в Московской грамоте в. к. Василия Дмитриевича 1392 г. (*дадутъ*).

§ 109. Изменение личных форм повелительного наклонения тесно связано с воздействием личных форм настоящего времени.

На протяжении исторического развития языка перестает употребляться в качестве 3-го лица ед. ч. форма, одинаковая с формой 2-го лица (типа *неси*). Вместо этой формы распространяется, возможная, впрочем, и в древности, форма 3-го л. ед. ч. настоящего времени в сочетании с частицей долженствования (*пусть*, ст.-слав. *да*).

Форма 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения преобразуется под воздействием соответствующей формы настоящего времени и совпадает с ней. Впрочем, в части глаголов, именно у глаголов IV класса, эти формы и раньше совпадали, если не считать возможных различий в ударении. В результате этого на месте старых форм типа *несѣмъ* является форма, тождественная настоящему времени — *несемъ*>*несем* (современное *несём*, где *'о*<*е* перед твердым согласным указывает на то, что старое *ѣ* было замещено посредством *е*). В дальнейшем вырабатывается вновь особая форма 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения, представляющая результат контаминации форм 1-го и 2-го л. мн. ч., типа *идёмте*, *несёмте*. Эта форма, помимо того, что она является специально формой повелительного наклонения, интересна еще тем, что она выражает особые отношения к лицу говорящему. Она является по существу т. наз. *инклюзивной* (т. е. «включающей») формой 1-го л. мн. ч. Так называются специальные формы 1-го л. мн. ч., указывающие на то, что действие производится (или должно производиться) также и собеседником (или собеседниками). Поскольку такая форма свойственна специально разговорному языку, мы лишены возможности установить древность ее появления по памятникам. Употребление обычной формы 1-го л. мн. ч. (*идём*) в значении побуждения получает у нас значение специально двойственного числа повелительного наклонения (она употребляется, когда в действии,

помимо говорящего, должен принять участие один человек). Что касается до форм двойственного числа глагола в целом, то мы их не касаемся, так как они теряются из языка с разрушением двойственного числа в целом (см. выше).

2-е л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов 1-го спряжения (т. е. первых трех классов) преобразуется, с одной стороны, под воздействием соответствующих форм глаголов IV класса, а с другой стороны, под воздействием форм единственного числа, в результате чего древние формы типа *несѣте* замещаются формами типа *несите*. Здесь отражается общая тенденция унификации разных форм, различных типов словоизменения, внутри одной парадигмы.

Формы нетематических глаголов, несомненно, говорят о возможности влияния форм единственного числа на множественное: ср. *ешьте* < *ѣжьте* < *ѣдите* (эта форма была замещена, возможно, вследствие совпадения с формами повелительного наклонения форм настоящего времени) под влиянием ед. ч. *ѣжь*.

Форма нетематического глагола *дай* вместо старого *дажь* сложилась, повидимому, под воздействием форм тематических глаголов на -*i*—*i* > *i̯*. Форма множественного числа *дайте* образуется под воздействием формы единственного числа.

Формы большинства глаголов во 2-м лице единственного числа в повелительном наклонении оканчивались на *i*. Такие формы в части говоров и сохраняются (прежде всего на севере). Но в значительной части говоров это -*i* сохраняется лишь в том случае, если на него падает ударение, например: *неси́*, *бери́*, *возьми́*. В случае же безударного *i* окончание редуцируется до нуля, в результате чего 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения характеризуется нулевым окончанием, например: *сядь*, *ляг*, *встань* (ср. диалектное *ся́ди*, *вста́ни*). Множественное число образуется от соответствующей формы единственного числа, например: *ся́дьте*, *ля́гте*, *вста́ньте*. Такая норма отражается и в литературном языке.

В некоторых говорах, именно южных, нулевое окончание в повелительном наклонении распространено еще шире: там можно встретить такие формы, как *подь* «пойди», *принéсь* «принеси». Ср. также широко распространенное по говорам *поло́ш* «положи».

История именных форм глагола

§ 110. В состав именных форм глагола входят, как уже было сказано, *инфинитив*, *супин* и *причастия*. О развитии причастия было сказано выше — частью в разделе, посвященном утрате склонения ранее склоняемыми формами, частью в разделах, посвященных истории категорий времени и залога. Если не считать развившихся из причастий деепричастий, живой, не книжной формой причастия в современном языке

является лишь форма страдательного причастия прошедшего времени.

Инфинитив у нас сохранился, произошли лишь некоторые изменения в его форме. В древности инфинитив оканчивался у нас на *-ti* или на *-či*<**-kti*. *t* рано смягчилось перед гласным переднего ряда *i*. Конечное *i* сохранилось в значительной части говоров и в литературном языке в том случае, если на него падало ударение, например: *нести́*, *вести́*, *идти́* и т. д. Конечное же безударное *i* в большей части говоров подверглось редукции до нуля, в результате чего как показатель инфинитива выступает в таких случаях *-t'* мягкое. Ср. *ходи́ть*, *проси́ть*, *сиде́ть* и т. д. Впрочем, формы на *-ти* часты (возможно, отчасти и по традиции) еще в памятниках XVII века. Некоторые северные говоры сохраняют безударное *-ti* в инфинитиве и теперь *(ходи́ти*, *писа́ти* и т. д.). Ср. также в украинском языке: *ходити*, *писати*. В значительной части южновеликорусских говоров (а частью и в средневеликорусских) конечное *-i* утрачивается и в тех случаях, когда оно некогда несло ударение. Ср., например: *прине́сть*, *приве́сть*, *рость* и т. д. Такому ослаблению *-i*, конечно, должен был предшествовать перенос ударения на предыдущий слог.

Супин, оканчивавшийся в древнерусском языке на *-tъ*, вследствие близости синтаксического употребления, а также близости формы рано начинает смешиваться с инфинитивом. Случаи смешения наблюдаются уже в Остромировом евангелии, например: *посъла призъвати* «послал призвать» (вместо *посъла призъватъ*).

Дольше сохраняется супин на севере (ср. в новгородской грамоте 1264—1265 — на ѡзвадо *ехати* звѣри *гонитъ*). Но и там он держится в основном лишь до XIV века. Впрочем, некоторые северные говоры сохраняют следы супина и теперь. Ср., например, *иду́ паха́т*. Вопрос о том, насколько эта форма, восходящая к старой форме супина, отличается теперь от инфинитива по употреблению, требует тщательного изучения.

Изменения в глагольной основе

§ 111. На протяжении истории языка происходят некоторые изменения в глагольной основе, состоящие частью в устранении, частью в преобразовании наблюдающихся в ней чередований согласных. Впрочем, эти изменения большей частью не являются повсеместными и охватывают лишь часть говоров, хотя в некоторых случаях и весьма значительную.

Прежде всего, устраняются различные чередования, возникшие фонетическим путем, а затем ставшие морфологическими, в основе настоящего времени.

В ряде говоров, как северных, так и южных, устраняется чередование *к—č*, *g—ž*, первоначально возникшее фонетически

в результате первой палатализации. Задненебный согласный, характеризующий конец основы в формах 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., распространяется на все лица, в результате чего появляются формы типа *пекешь*, *могешь* (вместо старых *печешь*, *можешь*, сохранившихся в части говоров и в литературном языке). Поскольку во всех лицах, где вновь устанавливается в конце основы задненебный согласный, за ним следует гласный переднего ряда *е*, задненебный смягчается, в результате чего является мягкое *k'*, *g'*. В тех говорах, где имеет место изменение *е*>*'о*, это изменение часто (хотя и не всегда) имеет место и в формах настоящего времени, задненебный же перед этим *о*, развившимся из *е*, сохраняет мягкость, в результате чего являются формы типа *пекёш*, *бегёш*. Поскольку мягкость задненебного согласного в данном случае уже не обусловлена качеством последующего гласного, в данном случае мы имеем дело с новым морфологическим чередованием *k* — *k'* *g* — *g'*. Такое чередование известно очень многим говорам.

В некоторых северновеликорусских говорах твердый задненебный согласный, характерный для 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., распространился на все лица, в результате чего являются формы типа *пекóш*, *бегóш*. В этих говорах в глаголах с основой на задненебный согласный чередования вообще нет. Такие формы известны, в частности, некоторым владимирским говорам. Наблюдаются они и в некоторых белорусских говорах.

В некоторых говорах устранение чередования в основе глаголов на задненебный согласный идет иным путем. Шипящий согласный, характерный для 2-го и 3-го л. ед. ч., 1-го и 2-го л. мн. ч., распространяется и на 1-е л. ед. ч. и 3-е л. мн. ч., в результате чего являются формы типа *печý* (реже), *мóжу*, *ля́жу* (чаще).

В основе настоящего времени глаголов IV класса устраняются по говорам чередования согласных, возникшие в результате смягчения различных согласных в сочетании с *j*, в результате чего согласный, характеризующий основу всех лиц, кроме 1-го л. ед. ч., распространяется и на эту последнюю форму, например, *колотю́* (вместо *колочу*), *ви́дю* (вместо *вижу*), *просю́* или *прóсю* (вместо *прошу*), *любю́* или *лю́бю* (вместо *люблю*) и т. д. Это явление наблюдается как в некоторых северновеликорусских говорах (например, в кировских), так и в некоторых южновеликорусских. Известно оно и украинскому языку.

В результате изменения *е*>*о* и сохранения мягкости согласного, вызванной некогда последующим *е*, устанавливается в основе настоящего времени чередование «твердый — соответствующий мягкий согласный», например, *несý* — *несёшь* (*н'ес'óш*) и т. п. В некоторых (в общем немногих) говорах это чередование устраняется в результате распространения на всю основу твердого согласного: устанавливаются формы типа *несóш*.

В повелительном наклонении повсеместно (в восточнославянской области) устраняется в конце основы переднеязычный

свистящий согласный, развившийся в результате второй палатализации в глаголах с основой на задненебный согласный. Устранение это может осуществляться двояким путем. В большинстве русских (в современном смысле) говоров на основу повелительного наклонения распространяется задненебный согласный (смягченный в результате того, что после него шло *-i*), устанавливаются формы типа *пекú*, *бегú* (вместо старых *пьци*, *бѣзи*). В украинском же и в белорусском языках, а также и в части русских говоров в эту основу из основы настоящего времени проникает не задненебный, а переднеязычный шипящий согласный, т. е. устанавливаются формы типа укр. *печú*, *біжú*, белорусск. *пячы́*, *бяжы́*. Формы с шипящим типа *печú*, *бежú* известны, как уже упоминалось, и некоторым русским говорам, причем следует заметить, что в русских говорах форма с звонким шипящим (типа *бежú*) распространена шире, чем форма с глухим шипящим (типа *печú*).

Инфинитив глаголов с основой на задненебный согласный, как уже было сказано, оканчивался на *ė'i<-kti*, затем, в случае безударного *i*, на *-č'*. При этом задненебный согласный в основе инфинитива отсутствовал. Поскольку *ċ'*, первоначально совмещавшее конец основы и начало суффикса инфинитива, целиком отходит к суффиксу, в некоторых говорах задненебный согласный, характеризующий основу настоящего времени, проникает и в основу инфинитива, в результате чего устанавливаются формы типа *пекчú*, *берекчú*. В некоторых говорах, где имеет место такое проникновение задненебного в основу инфинитива, наблюдается аналогическая замена суффикса *-ċi* суффиксом *-ti*, характерным для инфинитива большинства глаголов, в результате чего устанавливаются формы типа *пектú*, *берегтú*. Это имеет место и в украинском языке.

Изменение в основе настоящего времени наблюдается и в результате стяжения гласных после утраты интервокального *j* у глаголов, характеризовавшихся показателем *j* (типа *знаю*, *бываю* и т. д.). Это стяжение, представляющее собой в основе фонетический процесс и охватывающее северновеликорусские и переходные говоры, в дальнейшем по говорам может закрепляться за определенными морфологическими категориями (ср. выше), в частности, и за основой настоящего времени глаголов, в результате чего, например, 2-е л. ед. ч. *(знаешь)* принимает форму *знаш*, 3-е л. ед. ч. *(знает)* — *знат* и т. д. Впрочем, примеры на такое стяжение в памятниках очень редки. Можно указать на один, правда, несколько сомнительный пример в грамоте в. к. Василия Васильевича 1433 г. *сказыва*ш — 3 раза одна и та же форма. Если она достоверна, стяжение некогда, до распространения черт, идущих с юга, наблюдалось и в Москве.

НАРЕЧИЕ

§ 112. Наречие характеризуется отсутствием каких бы то ни было грамматических категорий (вопрос о сравнительной степени наречий оставляем в стороне, поскольку сравнительная степень наречий не может быть отграничена от сравнительной степени прилагательных).

Наречия на протяжении истории языка развиваются из других частей речи, и поскольку это имеет место частью уже на протяжении эпох, засвидетельствованных дошедшими до нас памятниками, класс наречий в древнерусском языке эпохи древнейших памятников был более ограничен, чем в современном языке. Особенно ограниченным был круг т. н. первичных наречий, т. е. наречий, не происшедших от других частей речи. Впрочем, и такие наречия, повидимому, некогда развились из других частей речи, хотя мы и не всегда можем восстановить их этимологию. Мы рассмотрим здесь лишь некоторые случаи образования наречий и их исторических изменений.

Подобно тому, как и в современном языке, наречия широко образовывались от прилагательных. Так же мог быть использован в качестве наречия и средний род прилагательного. Ср. *бързо* «быстрое» и «быстро». Широко использовались косвенные падежи существительных и прилагательных (в этих образованиях участвовали именные прилагательные, по форме не отличающиеся от существительных), как одни, так и в сочетании с предлогами. Так, например, от прилагательного *бързъ* образовались наречия *въ бързѣ*, *на бързѣ* (местн. п. ед. ч.), въ *бързѣхъ* (местн. п. мн. ч.). Ср., например: «Приди *в борзѣ* о҃ць зоветь тѧ» (Сказ. О Борисе и Глебе по сп. XIV в.); «И тако *на борзѣ* въспрятавшеся на лодьи, в насады, владыка, и княгини, и людіе его вси поѣдоша в нізь» (Троицкая летоп.); «аже боудеть рече *въ борзѣхъ* постричи и въ скымоу» (Вопр. Кюриково XIII в.).

Этимология некоторых наречий довольно прозрачна, но уже в эпоху древнейших памятников имена, от которых соответст-

вующие наречия образованы, не употребляются. Так, например, мы находим в древнерусском языке наречие *опѧть* в значении «обратно» (в современном языке это наречие употребляется лишь во временном значении; ср. современное диалектное *обратно* в значении «опять»), например: «слышавше же древлѧне ꙗко ѡпѧть идеть» (Лавр. летоп.). Это наречие, по происхождению, представляет собой сочетание предлога *о (об)* и вин. п. ед. ч. существительного с основой на *-ĭ-* (-ь) **пѧть*, в древнерусском языке уже не засвидетельствованного (ср. *пѧта* «задняя часть ноги»).

Известны также наречия *зади*, *на зади*, *съ зади*, *на задь*, представляющие собой различные образования от существительного с основой на *-ĭ-* (-ь) **задь*, так же не засвидетельствованного в памятниках. *Зади* представляет собой местн. п. ед. ч. этого существительного, *на зади* тот же падеж в сочетании с предлогом, *съ зади* сочетание род. п. с предлогом, *на задь* сочетание вин. п. с предлогом. Ср. «Ищи зади» (Остром. евангелие); «А овогда бо преди власи ея (кометы), а овогда *на зади*» (Псковск. летоп.); «пристѫпльши съ зади» (Остром. евангелие); «обратасѧ *на задь* ї не обрѣстисѧ въ црьствѣ н(е)б(е)снѣмь» (Иоанна Лествичника сп. 1334 г.). Наречия *назади* и *сзади* сохранились и в современном литературном языке. Наречие *назадь* (с мягким согласным на конце) известно в говорах. В литературном языке употребляется *назад* с твердым согласным на конце, представляющее собой сочетание предлога с вин. п. ед. ч. существительного с основой на *-о—задъ*. Такое падежное сочетание (как и существительное *задъ*) употреблялось в древнерусском языке наряду с *на задь*. Ср.: «не часто озираисѧ *на задъ*» (Святосл. изборн. 1076 г.); «въспраноувъшю томоу и *задъ* видѣ блаженааго, излазѧща вънъ из двьрии» (Житие Феодосия Печерского XII в) — в последнем случае в значении существительного «Когда он вскочил, увидел зад блаженного, выходящего из дверей»).

Этимология некоторых наречий с точки зрения современного языка достаточно ясна, но полностью может быть разъяснена лишь исторически. Так, например, довольно ясна связь наречия *завтра* и существительного *утро*. *В* здесь является в результате утраты слоговости безударным *у* (ударение здесь было перенесено на предшествующий гласный, входящий в состав предлога) в соседстве с более открытым гласным. Сочетание *за ýтра*, как архаизм, мы находим, напр., у Пушкина (Полтава):

Заутра казнь, но без боязни
Он мыслит об ужасной казни...

Сочетание *за* с формой *утра* не находит себе разъяснения в современном русском языке, но объясняется с точки зрения древнерусского языка, где, хотя и редко, встречается сочетание предлога *за* с родительным падежом для обозначения времени.

Этимология некоторых наречий с точки зрения современного языка совсем неясна. Ср., например, современные *где, здесь, надо, теперь* (берем наречия весьма различные по значению; форму *надо* некоторые лингвисты выделяют из наречий в особую т. н. «категорию состояния», но следует иметь в виду, что эта категория состояния не имеет никаких морфологических признаков, которые позволили бы ее выделить в особую часть речи). Структура этих наречий исторически также разъясняется.

Наречие *где* в древности имело форму *къде*, оно образовалось из сочетания вопросительно-местоименного корня *къ* с пространственной частицей *-de* (этимологически эта частица соответствует греческому -θεν; ср. οὐρανόθεν «с неба»). Нефонетически в северной части древнерусских говоров конечное *-е* было замещено *-ѣ* (по аналогии к формам местн. п. ед. ч. основ на *-о* и на *-а*). Ср. современное поморское, олонецкое, новгородское *гди*).

Наречие *здесь* в древности имело форму *сьде*. Оно представляет собой по происхождению сочетание указательно-местоименного корня *sь-* с той же пространственной частицей *-de*. И здесь так же, как в случае *где*, и по тем же мотивам *е* было замещено нефонетически посредством *ѣ*. В дальнейшем к этому наречию добавляется указательная частица *се* «вот» (по происхождению им.п. ед. ч. средн. р. указательного местоимения), в результате чего возникают формы типа *сьдесе, сьдѣсе*. Впоследствии конечное безударное *е* редуцировалось до нуля.

Наречие *надо* представляет собой по происхождению сочетание *на добѣ* (предлог и местный падеж от существительного *доба* «польза»; это слово встречается и в древнерусских памятниках, даже в довольно поздних, например, XVI в.). Сочетание *на добѣ* в результате частого употребления подверглось редукции, притом в различном направлении в разных говорах. Ср. совр. диалектные *нáоп, нап* «надо».

Этимологически неясно в настоящее время современное наречие *теперь*, происходящее из сочетания указательного местоимения и порядкового числительного — *то пьрво*. Здесь также имела место редукция конечного слога, а кроме того ассимиляция гласного первого слога гласному второго слога. В некоторых говорах сохранилась форма *топéрь (тапéрь)*.

Некоторые наречия в древности структурно отличались от соответствующих наречий в современном языке. Так, в современном языке употребляются такие выражения, как «говорить по-немецки, по-французски, по-английски». В современном языке выступающие здесь наречия не употребляются без предлога *по*. В древности подобные наречия употреблялись без *по*. Ср., например: *латиньскы, печенѣжьскы*, например: «бѣ бо оумѣꙗ *печенѣжьски*» (Лавр. летоп.) «так как он умел говорить по-печенежски». По происхождению эти наречия представляют собой тв. п. мн. ч. именных прилагательных с суффиксом *-ьsk-*, например, *латиньскъ, печенѣжьскъ*.

ИЗМЕНЕНИЯ УДАРЕНИЯ В ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

§ 113. Современный русский язык характеризуется разноместным динамическим ударением, т. е. иначе говоря, в русском языке сейчас ударение в различных словах и формах может падать на различные слоги, ударение характеризуется лишь своим местом, но не качеством, ударный слог отличается от безударных лишь большей интенсивностью. Вместе с тем, ударение играет у нас определенную морфологическую роль, оно характеризует различные типы словообразования и словоизменения посредством изменения места в различных производных словах и в различных формах одного слова. Ср. *дом — до́мик*, но *домо́к*; *рука́* —вин. п. *ру́ку*; 1-е л. ед. ч. *разделю́* — 2-е л. ед. ч. *разде́лишь* и т. д.

Сравнение с другими славянскими языками показывает, что некогда славянское ударение носило музыкальный характер, т. е. могло характеризоваться не только местом, но и качеством, причем среди ударных слогов различались слоги с восходящим и слоги с нисходящим в музыкальном отношении ударением. Музыкальный характер сохраняло славянское ударение и после распадения общеславянского языка-основы. Факты русского языка указывают на то, что после разрушения славянской общности в восточнославянской области музыкальное ударение некоторое время сохранялось. В дальнейшем почти во всех славянских языках, и в русском в том числе, имела место утрата старых музыкальных отношений. В настоящее время музыкальное ударение представлено среди славянских языков лишь в сербском и словенском, причем в сербском языке оно заведомо нового происхождения и не связано непосредственно с общеславянским.

Мы не имеем сведений о том, когда система старого музыкального ударения сменилась системой нового динамического ударения, так как древнейшие наши памятники не дают ника-

ких указаний на ударение. Древнейший русский памятник с проставленным ударением — Новый завет митрополита Алексия, писанный в XIV веке. Но он стоит особняком. Остальные акцентуированные памятники относятся уже к XVI—XVII вв. К XIV веку наше ударение, несомненно, уже было динамическим.

Вопросы о природе нашего ударения и его развитии в целом относятся к области фонетики. Здесь мы остановимся лишь на некоторых важнейших изменениях места ударения в различных грамматических категориях, которые имели место на протяжении истории языка.

Как в склонении, так и в спряжении в русском языке имеются типы с постоянным ударением, т. е. такие типы, когда ударение во всех формах падает на один и тот же слог, и типы с подвижным ударением, когда ударение в различных формах падает на разные слоги. Примеры постоянного ударения: *идти́ — иду́ — идёшь* и т. д. (ударение постоянно падает на окончание); *зна́ть — зна́ю — зна́ешь* и т. д. (ударение постоянно падает на корневое *а*); *побе́да—побе́ды—побе́де* и т. п. (ударение постоянно падает на корневое *е* < *ě*). Примеры подвижного ударения: *носи́ть — ношу́—но́сишь*; *рука́* — вин. п. ед. ч. *ру́ку* — им. п. мн. ч. *ру́ки*, тв. п. мн. ч. *рука́ми*; *сторона́* — вин. п. ед. ч. *сто́рону*, им. п. мн. ч. *сто́роны*, род. п. мн. ч. *сторо́н*.

Случаи подвижного ударения большей частью являются результатом тех изменений места ударения, которые были вызваны определенными фонетическими причинами еще на почве общеславянского языка-основы, а частью в еще более древние времена (на это указывает тот факт, что многие из этих передвижений являются общими для славянских и балтийских языков). Эти первоначально фонетические изменения были осложнены также еще в далекие дописьменные времена различными изменениями, вызванными воздействием родственных форм, и стали показателями определенных грамматических категорий. Вопрос о том, были ли эти древние передвижения вызваны определенными музыкальными отношениями, унаследованными от общеиндоевропейского языка-основы, как принято было думать с XIX века, или же музыкальные отношения сложились заново лишь в результате этих передвижений, как думают некоторые лингвисты в настоящее время, оставляем в стороне, как не имеющий непосредственного отношения к теме. Что касается дальнейшего развития ударения в различных грамматических категориях на почве русского языка, то здесь возможны следующие случаи: 1) сохраняется древний тип; 2) в результате воздействия одних форм на другие происходит выравнивание и устанавливается тип с постоянным ударением там, где раньше было подвижное ударение; 3) в результате воздействия типов с подвижным ударением на типы с постоянным ударением устанавливается подвижное ударение там, где раньше было постоянное

ударение. Наличие древнего типа устанавливается на основании сравнения с другими славянскими языками, в первую очередь с сербским.

Старый тип подвижного ударения представляют некоторые основы на *-а*. Ср., например, им. п. ед. ч. *вода́*, *рука́*, вин. п. *во́ду*, *ру́ку*. Ср. серб. *вȍда*, *рýка*, вин. п. *вȍду*, *рȳку* (чак. *vodȁ*, *rūkȁ*, вин. п. *vȍdu*, *rȗku*)[1]. Это различие представляет собой результат фонетического передвижения ударения в им. п. ед. ч. на следующий слог, содержавший *ā* (т. н. закон Фортунатова—де-Соссюра). Старое различие в ударении между единственным и множественным числом представляют существительные среднего рода — ср. им. п. ед. ч. *село́*, *по́ле* — им. п. мн. ч. *сёла*, *поля́* (ср. серб. им. п. ед. ч. *сѐло*, *по́ље* — им. п. мн. ч. *сȅла*, *пѝља*). Конечное ударение в местн. п. ед. ч. при неконечном ударении в остальных формах представляют некоторые существительные, принадлежащие к основам на *-ǐ* (-ь). Ср., например, *печь*, *пе́чи* (род. и дат. п. ед. ч.) — на *печи́* (местн. п. ед. ч.). Ударность конечного слога в местном падеже представляет древние отношения. Ср. серб. *ствâр* «вещь», род. и дат. п. *ствâри*, местн. п. *ства́ри* (< *stvārí*)[2].

В глаголе в случае подвижного ударения наблюдается различие между инфинитивом и 1-м л. ед. ч. настоящего времени, с одной стороны, и остальными лицами настоящего времени, с другой; причем при ударении на примете инфинитива и на окончании в 1-м л. ед. ч. наблюдается ударение на предконечном слоге в остальных лицах. Ср. *писа́ть*, *пишу́* — *пи́шешь*, *пи́шет* и т. д.; *тону́ть*, *тону́* — *то́нешь*, *то́нет* и т. д., *носи́ть*, *ношу́* — *но́сишь*, *но́сит* и т. д. И здесь также представлены древние отношения, на что указывает сербский язык (следует только иметь в виду, что в сербском 1-е лицо подверглось воздействию со стороны остальных лиц, так что различие выступает лишь между инфинитивом и настоящим временем). Ср. *пи́сати* — *пи̑шēм*, *пи̑шēш* и т. д., *тòнути* — *тȍнēм*, *тȍнēш* и т. д., *нòсити* — *нȍсӣм*, *нȍсӣш* и т. д.

Это передвижение объясняется для разных случаев различно. В части случаев это результат передвижения ударения на следующий слог в инфинитиве и 1-м л. ед. ч. настоящего времени по закону Фортунатова—де-Соссюра, частью же результат

---

[1] Следует иметь в виду, что в сербском языке в штокавском наречии и литературном языке ударение сдвинуто на один слог к началу слова сравнительно с русским языком, в чакавском же наречии ударение по месту совпадает с русским; причем сербское штокавское ударение, совпадающее по месту с русским, нисходящее, а сербское ударение, отступающее от русского, восходящее.

[2] Обозначения ударений в сербском языке: ʹ восходящее ударение на долгом слоге, ̀ восходящее ударение на кратком слоге, ̑ нисходящее ударение на долгом слоге, ̏ нисходящее ударение на кратком слоге.

передвижения ударения в определенных условиях с последующего слога на предшествующий (т. н. закон Шахматова) во всех лицах настоящего времени (кроме 1-го л. ед. ч.). О том, что здесь мы по крайней мере в части случаев имеем место с таким передвижением, говорит тот факт, что в соответствующих лицах наблюдается ударение на втором слоге полногласных сочетаний (если глагольная основа содержит такие сочетания). Ср. *воротúть — ворочý — ворóтишь, молотúть — молочý — молóтишь*. Такое ударение свидетельствует о новом восходящем ударении, а последнее развивается именно на таких слогах, где ударение новое, где его первоначально не было. О том, что здесь новое восходящее ударение, свидетельствуют сербские формы — ср. сербск. шток. *Мла̑тӣш*, чак. *mlátīš* «молотишь». Если бы здесь было старое восходящее ударение, и в штокавском и в чакавском было бы *мла̏тӣш* (*mla̋tīš*), новое же восходящее ударение дает чакавское ´, штокавское ⁀.

В прилагательном наблюдается в некоторых случаях различие между именной и местоименной формой, также находящее соответствие в других славянских языках. Ср. *бел* — жен. р. *белá* (ср. *бéлая*), *крáсен* — жен. р. *краснá* (ср. *крáсная*). Изменение ударения наблюдается в некоторых случаях при образовании сравнительной степени — ср. *дóрог — дорóже, мóлод — молóже*. Различие места ударения в полногласных сочетаниях указывает на различие в древности музыкального качества ударения при одном и том же месте (*мóлод*< **mo͞ldъ* с нисходящим ударением, *молóже*<**móldje* с восходящим ударением). Ср. сербск. *мла̑д—мла̏ђӣ* (сербское ⁀ отражает старое нисходящее ударение, сербское ̏ из старого восходящего ударения).

Мы ограничиваемся здесь приведением лишь соответствующих примеров, не ставя себе задачей до конца исчерпать случаи подвижного ударения.

§ 114. Изменения старого места ударения могут происходить в результате выравнивания. Такое выравнивание широко распространено по говорам в склонении на *-а*, где вин. п. под влиянием остальных падежей получает ударение на окончании, например, *рукý*, *ногý*, *соснý*, *овцý*, *семью́* и т. д. Такое ударение распространяется в целом в южновеликорусских говорах, в то время как в северновеликорусских говорах в основном сохраняется старое ударение. Некоторые из этих форм с ударным окончанием проникают и в литературный язык. Ср., например, *соснý* вместо старого *сóсну* (ср. у Некрасова: «Поднявшись на *сóсну* большую...»), *овцý* вместо старого *óвцу* (это ударение зафиксировано в грамматике Востокова, ср. также у Крылова: «Из стада серый волк в лес *óвцу* уволок»). Подобное выравнивание ударения наблюдается и в белорусском языке.

Под влиянием таких отношений, как *стол* — род. п. *столá*, дат. п. *столý* и т. п., где некогда ударение было сплошь конеч-

ное, но в им. п. передвигалось с конечного ъ на предшествующий слог (редуцированный уже в глубокой древности не мог нести на себе ударения), ударение переходит в косвенных падежах на окончание и в таких существительных, как *волк*, *мозг*, т. е. появляются такие формы, как род. п. ед. ч. *волка́*, *мозга́*, дат. п. *волку́*, *мозгу́* и т. п. Эти формы также наблюдаются в южновеликорусских говорах и в белорусском языке. Древние формы, сохранившиеся и в литературном языке, были *во́лка*, *мо́зга*, *во́лку*, *мо́згу*. Возможны и другие выравнивания.

С другой стороны под влиянием слов с подвижным типом ударения может развиваться, как уже было сказано, новый подвижной тип.

Так, например, среди существительных на *-а* были такие, которые при конечном ударении в им. п. ед. ч. имели ударение на основе в им. и вин. п. мн. ч. (ср., например, *рука́ — ру́ки*). Под влиянием их приобретают ударение на основе в им. и вин. п. мн. ч. и такие существительные, которые характеризовались раньше сплошь конечным ударением. Ср., например, *жёны* (ср. им. п. ед. ч. *жена́*, вин. п. *жену́* и т. п.). В древности здесь было сплошь конечное ударение, на что указывает сербский язык (ср. им. п. ед. ч. *жѐна*, вин. п. ед. ч. *жѐну*, им. и вин. п. мн. ч. *жѐне*). На конечное ударение *жены́* во мн. ч. указывают наши акцентуированные памятники XVI—XVII вв. (например, Домострой и Уложение 1649 г.).

Подвижной тип сменяет старый тип с постоянным ударением в некоторых глаголах.

В глаголах IV класса, характеризовавшихся показателем *-i-* в основе настоящего времени, в древности было два типа — один с постоянным ударением на *-i-* (или на окончание, если *-i-* являлось на ступени *-i̯->-j-*, как в 1-м л. ед. ч.), другой с подвижным ударением (в 1-м л. ед. ч. оно падало на окончание, в остальных лицах на слог, предшествовавший этому *-i-*). Постоянное ударение характеризовало отыменные глаголы (например, *гости́ть — гощу́ — гости́шь* и т. д.), подвижное ударение — глаголы каузативные и глаголы повторяющегося и разнонаправленного движения (например, *сажу́ — са́дишь*, *ношу́ — но́сишь* и т. д.). Со временем приобретают подвижное ударение многие глаголы, имевшие некогда ударение постоянное. Так, например, в древности глагол *варить* имел постоянное конечное ударение. Ср. еще у Пушкина:

Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе *вари́шь*...

В дальнейшем в части говоров, а именно в южновеликорусских, в этот глагол проникает подвижное ударение. Оно становится нормой и литературного языка. Формы *вари́шь*, *вари́т* и т. п. до сих пор сохранились в северных говорах.

Таким же вновь получившим подвижное ударение является, повидимому, и глагол *ловúть — ловлю́ — ло́вишь*. Южновеликорусская форма этого глагола *ла́вишь* (с корневым *а* вместо этимологического *о*), возможно, и объясняется этим передвижением. До передвижения предударное *о* изменилось в результате аканья в *а*. Поскольку *о* и *а* в южновеликорусских акающих говорах без ударения не различаются, этот гласный при переносе на него ударения легко мог быть прояснен как *а*.

Рассматривая систему ударения нашего литературного языка, мы видим, что первоначально она больше была связана с северновеликорусскими говорами. Некоторые характерные для севера формы в ней остались и теперь. Но на протяжении позднейших веков нашей истории в эту систему все больше и больше проникают формы, характерные для южновеликорусского наречия. Это все дальше идущее проникновение явлений ударения, характерных для южновеликорусской области, связано с общим распространением на север и, в частности, в Москву, южных особенностей, имеющих место в эпоху формирования нашего национального языка на основе курско-орловского диалекта.

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 115. Рассмотрев основные изменения, имевшие место в грамматическом строе русского языка на протяжении его истории, мы видим, что «выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется ещё медленнее, чем основной словарный фонд»[1]. Уже в XIII веке, т. е. семь веков тому назад, еще в эпоху древнерусского языка, до формирования особых языков великорусской, белорусской и украинской народностей, наш грамматический строй был очень близок к современному. Если мы возьмем живой, разговорный язык, а не книжный, по традиции долгое время сохранявший формы, исчезнувшие из разговорного языка, мы увидим, что в живом языке уже в то время не было особого двойственного числа, характеризовавшего древнерусский язык эпохи древнейших дошедших до нас памятников; не было форм простых прошедших времен — имперфекта и аориста (не было даже в северных говорах, где форма аориста, как уже было сказано, сохранялась дольше, чем на юге); более многочисленные в древности склонения уже объединялись в современные типы; уже терялись родовые различия во множественном числе у слов, изменявшихся по родам (прилагательных, причастий, неличных местоимений); наметилось выделение числительных в особую часть речи.

В самом развитии грамматического строя следует указать прежде всего две основных черты, взаимно тесно связанных, на которые нам неоднократно уже приходилось указывать выше при рассмотрении тех или иных частных вопросов грамматического строя: развитие его по пути все дальше идущей абстрак-

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 25.

ции, обобщения и совершенствование его, улучшение и уточнение его правил. Грамматика какого-либо языка не сразу получила тот облик, какой она имеет сейчас. Абстрагирующий характер присущ грамматике любого языка в любую эпоху его развития. Но степень абстракции, осуществляющейся в различных грамматических формах, может быть различна. Ряд фактов, рассмотренных выше, говорит о том, как постепенно развивался наш грамматический строй по пути все дальше идущей абстракции. О все дальше идущей абстракции говорит осуществляющееся на протяжении истории языка объединение и сближение различных типов склонения, так как в результате такого объединения все более обширные классы слов получают возможность выражать одни и те же синтаксические отношения одинаковыми морфологическими средствами. О все дальше идущей абстракции говорит развитие категорий вида и времени. Значительный шаг по пути все дальше идущего обобщенного выражения отношения действия к времени представляет переход от древних видовых различий к образованию грамматической категории времени, осуществлявшийся еще на почве общеиндоевропейского грамматического строя и продолжавшийся на почве отдельных языковых групп, так как выражение отношения действия к моменту речи, хотя бы и осложненное первоначально другими привходящими значениями, свидетельствует о более высокой абстракции сравнительно с характеристикой самого действия с точки зрения протекания его во времени. Еще дальше идущую абстракцию отражает установление категорий несовершенного и совершенного видов, намечающееся на почве общеславянского языка-основы и углубляющееся на почве отдельных славянских языков, в том числе русского, и сведение многочисленных времен к системе трех времен — настоящего, прошедшего и будущего,— осуществляющееся на почве русского языка, при сохранении и углублении в то же время различий совершенного и несовершенного видов. Совершенно очевидно, что в более обобщенном виде отношение действия к его протеканию во времени обозначает категория, выражающая лишь отношение действия к его ограничению во времени, без передачи каких-либо более частных значений, характеризующих самое действие. Точно так же очевидно, что в более обобщенном виде выражает отношение действия к моменту речи категория времени, выражающая лишь различие действия одновременного, предшествующего и последующего моменту речи, сравнительно с категорией времени, выражающей, помимо этого, еще и различные дополнительные значения (см. выше, стр. 230 и сл.). О все дальше идущей абстракции говорит разрушение двойственного числа, так как противопоставление грамматических форм, служащих для выражения понятий «один» и «больше одного», свидетельствует о более высокой степени абстракции, чем оформление грамматическими средствами понятий «один», «два»

и «больше двух». О все дальше идущей абстракции свидетельствует и выделение числительных в особую часть речи, так как это выделение связано с развитием обобщенного понятия о числе, обособленного от понятия пересчитываемых предметов.

Грамматический строй языка развивается по пути совершенствования своих правил и обогащения новыми правилами. Все дальше идущее совершенствование грамматического строя отражает уже все дальше идущая абстракция грамматических категорий, о которой только что говорилось, так как благодаря ей достигается все более точное и экономное выражение в грамматических формах грамматических отношений. Все дальше идущее совершенствование грамматического строя проявляется и в развитии средств более точного, дифференцированного выражения различных отношений. Ср., например, развитие дифференцированного выражения в структуре слова различий места и объекта речи на основе старого местного падежа, выражавшего эти отношения недифференцированно, или дифференцированного выражения принадлежности или объекта и части вещества на основе старого родительного падежа.

По указанию И. В. Сталина, «переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путём взрыва, не путём разового уничтожения старого и построения нового, а путём постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путём постепенного отмирания элементов старого качества» [1]. Это положение приложимо и к развитию языка в целом и к развитию грамматического строя в частности, в особенности принимая во внимание медленность его развития даже сравнительно с основным словарным фондом. Оно говорит о том, что новые формы проникают в язык лишь постепенно, лишь постепенно развиваются в языке средства для более точного и дифференцированного выражения различных отношений. Долгое время новые формы, новые средства сосуществуют со старыми, отмирающими. Поэтому существенно уловить то новое, что зарождается и постепенно развивается в языке. К сожалению, в тех материалах, которыми мы располагаем, мы имеем дело с этим процессом лишь в отраженном виде. Явления живого языка лишь постепенно проникают в письменность. Так, например, некоторые памятники уже в XIII веке отражают распространение форм склонения с основой на *-а* на другие склонения в дат., тв. и местн. п. множественного числа. Но в XIII веке случаи, отражающие этот процесс в памятниках, единичны. В дальнейшем они становятся все более частными. Но в живом языке XIII века, по крайней мере в некоторых говорах, процесс, возможно, уже развернулся широко и лишь в силу традиции так незначительно отразился

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 27.

в письменных памятниках. Древнейшие списки летописи обнаруживают несколько иное, чем теперь, в видовом отношении употребление приставочных глаголов. Это употребление, вообще сравнительно редкое, в более поздних списках, как мы видели, замещается употреблением более близким к нашему современному. Ясно, что мы имеем здесь дело с явлением отмирающим. Но в живом языке оно, возможно, было нарушено или даже почти совсем исчезло уже в эпоху этих древнейших списков и лишь по традиции еще держалось в письменности.

В силу устойчивости языка, медленности и постепенности его развития, особой устойчивости именно грамматического строя, в силу того, что грамматический строй без существенных изменений сохраняется на протяжении ряда исторических эпох, связь истории языка с историей народа, творца и носителя этого языка, в области грамматического строя отражается прежде всего в распространении по определенным диалектам в соответствующие эпохи тех или иных грамматических черт. Так, мы видели, как в несколько различное время по говорам древнерусского языка теряются простые прошедшие времена. Мы видели формирование на протяжении XV—XVII вв. ряда новых морфологических черт, отличающих русский язык от других восточнославянских языков. Ср., например, форму им. п. множественного числа на *-а* от имен не среднего рода, род.-вин. во мн. ч. для названий животных и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Богородицкий В. А., Очерки по языковедению и русскому языку, изд. 4, М., 1939, 16. Об основных факторах морфологического развития языка.

Бодуэн-де-Куртенэ И. А., Заметки об изменении основ склонения, в особенности об их сокращении в пользу окончаний, РФВ, 1902, I—2.

Борковский В. И., Синтаксис русских грамот, Львов, 1950. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века, Известия Крымского пед. ин-та им. Фрунзе, т. IX, 1940.
О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, Известия комиссии по русскому языку АН СССР, т. 1, 1931.

Булаховский Л. А., Исторический комментарий к русскому литературному языку, изд. 3, Киев, 1950.

Воскресенский Г., Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по 112 рукописям еванг. XI—XVI вв., М., 1896.

Высотский С. С., Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы, Доклады и сообщения института русского языка АН СССР, вып. 1, 1948.

Дурново Н., Очерк истории русского языка, М., 1924.

Житецкий П., Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII столетии.

Истрина Е. С., Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, П., 1923.

Карский Е. Ф., Синтаксис Лаврентьевской летописи, Известия по русск. яз. и словесности.

Котков С. И., К изучению орловских говоров, Орел, 1952.

Кудрявский Д. Н., Статистика глагольных форм в Лаврентьевской летописи, Изв. ОРЯС, т. XIV, кн. 2.

Мейе А., Общеславянский язык, М., 1951.

Никифиров С. Д., Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М., 1952.

Обнорский С. П., Именное склонение в современном русском языке, I—II.
Образование глагольной формы 3-го лица настоящего времени в русском языке, Изв. АН СССР, отд. лит-ры и языка, 1941, кн. 3.

Потебня А. А., Из записок по русской грамматике, I—IV, 1888—1940.

Соболевский А. И., Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907.

Томсон А. И., Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках, Изв. ОРЯС, т. XIII, кн. 2.

Фортунатов Ф. Ф., Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке», СПБ, 1897.

Черных П. Я., Местоименные формы «эвтот», «энтот» и т. д., Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, кн. 8, 1949.

Историческая грамматика русского языка, Учпедгиз, 1952.

Шахматов А. А., Очерк древнейшего периода истории русского языка, П., 1915.

Курс истории русского языка, т. III (Литогр.).

Якубинский Л. П., Из истории имени прилагательного, Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, I, 1952.

История древнерусского языка, М., 1953.

Meillet A., Recherches sur l'emploi de l'accusatif-génitif en vieux slave, Paris, 1897.

Unbegaun B., La langue russe au XVI siècle, I, Paris, 1935.

Van Wijk N., Genitiv-endung-ovo im grossrussischen, Streitberg Festgabe, 1924.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ[1]

Остромирово евангелие 1056—1057 г., писанное, повидимому, в Киеве для новгородского посадника Остромира, СПб., 1843; фотолитографически воспроизв. в изд. Публ. б-ки 1883 г., 2 изд., 1889 г.

Надпись на Тмутороканском камне 1068 г., изд. фотомеханически, Записки отд. русск. и слав. археологии Русского археологич. общества, т. XI, 1915, табл. X.

Святославов изборник 1073 г., переписан со старославянского оригинала, переведенного с греч. яз. для болгарского царя Симеона, для в. к. Святослава Ярославовича, изд. фотолитографически, Общ. любителей древней письменности, СПб., 1880.

Святославов изборник 1076 г., переписан со старославянского оригинала, переведенного с греч. яз. для того же князя, изд. (не вполне удовлетв.) Шимановским, Варшава, 1887, 2 изд., Варшава, 1894.

Архангельское евангелие 1092 г., найдено в Арханг. губ., изд. фотомеханически Румянцевским музеем, М., 1912.

Новгородские служебные минеи 1095, 1096 и 1097 гг., изд. акад. Ягичем, СПб., 1886.

Пандекты Антиоха XI в., писаны, повидимому, в Киеве со старославянского оригинала.

Новгородская грамота на бересте № 9, предположительно XI в., изд. А. В. Арциховским в журн. «Вопросы истории», 1951, № 12, и в книге «Новгородские грамоты на бересте» (М., 1953) А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова.

Праздничная минея XI—XII вв.

Мстиславово евангелие 1117 г., хранится в Московском историческом музее.

Мстиславова грамота (в. к. Мстислава Владимировича); около 1130 г., издана в снимке — И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв., СПб., 1866; Древности Моск. археологич. о-ва, XXIV, М., 1913.

Галицкое четвероевангелие 1144 г., изд. архимандритом Амфилохием.

Надпись на антиминсе Новгородской церкви Николы на Дворище около 1149 г.

Надпись на чаре Черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г., издана в снимке А. Ф. Бычковым, Записки Археологич. о-ва, т. III, отд. 1, СПб., 1851, табл. VII; ср. Древности российского государства, V, табл. I.

[1] Приведены лишь те памятники, на которые имеются ссылки в тексте.

Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г., снимок в изданиях П. Н. Батюшкова «Памятники русской старины в западных губерниях» и «Белоруссия и Литва».

Добрилово евангелие 1164 г., галицко-волынское, писано попом Добрилом, хранится в библиотеке им. В. И. Ленина.

Новгородская вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г., изд. в снимке — И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв., СПб., 1866; Древности Моск. археологич. о-ва, XXIV, М., 1913.

Успенский сборник XII в., найден в ризнице Успенского собора в Москве, статьи в его составе большей частью переписаны со старославянского оригинала, часть издана Общ. истор. и древност. российских, М., 1899.

Сказание о Борисе и Глебе — древнейший список XII в., в составе указанного выше Успенского сборника, памятник оригинальный, изд. в Чтениях Общ. истор. и древност. российских, 1870, кн. I.

Житие Феодосия Печерского XII в., в составе указанного выше Успенского сборника, памятник оригинальный, издано в Чтениях в Общ. истор. и древност. российских, 1879, кн. I.

Новгородское Милятино евангелие 1215 г., хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Ростовское житие Нифонта 1219 г., переведенное с греч. яз. (были предположения, но недостаточно обоснованные, что непосредственно на Руси), издание подготовлено А. В. Рыстенко и издано после его смерти Центральной научной библиотекой г. Одессы в 1928 г.

Договорная грамота Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., издана в литографском снимке Сахаровым, Образцы древней письменности, СПб., 1849, табл. XI.

Смоленская грамота около 1230 г., изд. Напьерским, Русско-ливонские акты, СПб., 1868.

Духовная грамота Климента новгородца до 1270 г., издана в снимке Сахаровым, Образцы древней письменности, СПб., 1849, табл. III.

Новгородский паримейник 1271 г., хранится в Ленинградской публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Новгородская Кормчая 1282 г., в прошлом принадлежала Московской Синодальной библиотеке, хранится в Московском историческом музее.

Русская Правда, древнейший список, т. н. Синодальный, в составе указанной выше Новгородской Кормчей 1282 г., изд. акад. Е. Ф. Карским (с приложением снимков всей рукописи и с комментариями), Л., 1930.

Рязанская Кормчая 1284 г., хранится в Ленинградской публичной библиотеке.

Пандекты Никона Черногорца 1296 г., переведены с греч. яз., предполагается, что непосредственно на Руси, хранятся в Московском историческом музее.

Толстовский сборник XIII в., хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

I Новгородская летопись, Синодальный Список XIII—XIV вв., хранится в Московском историческом музее, издана в снимке Археографич. комиссией — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб., 1875.

Поликарпово евангелие 1307 г., галицко-волынское, хранится в Московском историческом музее.

Московское евангелие 1339 г.

Евангелие 1358 г., писанное в Московской области, хранится в Московском историческом музее.

Лаврентьевская летопись, писана в Суздале монахом Лаврентием в 1377 г., состоит из Повести временных лет и Суздальской летописи, хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, изд. фототипич. (только Повесть временных лет) 1872 г., пол-

ное изд. Археографич. комиссии под ред. акад. Е. Ф. Карского, Л., 1926—1927.

Псковский пролог 1383 г., хранится в Московском историческом музее.

Сильвестровский сборник XIV в.

Псалтырь XIV в.

Новый завет митрополита Алексия XIV в., подлинник хранился в Чудовом монастыре в Москве, утрачен, издан фототипически митрополитом Леонтием, М., 1892.

Ипатьевская летопись первой четверти XV века, состоит из Повести временных лет, Киевской летописи и Волынской летописи, писана, повидимому, в Пскове с юго-западного оригинала, найдена в Ипатьевском монастыре близ Костромы, хранится в библиотеке Акад. наук СССР, 2 изд. Археогр. комиссии под ред. акад. А. А. Шахматова, СПб., 1908, 3 изд. (вышел лишь 1-й вып.), П., 1923. Изд. фототипич. (лишь Повесть врем. лет), СПб., 1871.

Новгородский пролог 1432 г.

Псковская палея 1494 г.

Летопись Авраамки (по имени писца) 1495 г., западнорусская, списанная с севернорусского оригинала.

Радзивиловская или Кёнигсбергская летопись конца XV в., текст той же редакции, что и Лаврентьевская летопись, хранится в библиотеке Акад. наук СССР (до 1760 г. хранилась в Кёнигсбергской библиотеке, куда поступила от кн. Б. Радзивила), изд. (фототипич). Общ. любит. древней письменности, СПб., 1902.

Академическая летопись XV в., часть текста той же редакции, что и Лаврентьевская летопись, до революции хранилась в библиотеке Московской духовной академии.

Троицкая летопись XIV—XV вв., найдена в библиотеке Троицкой лавры (в Загорске) н сгорела во время захвата Москвы Наполеоном в 1812 г., текст, повидимому, той же редакции, что и Лаврентьевская летопись, известен лишь по разночтениям, отмеченным профессорами Чеботаревым и Черепановым при подготовке ими второго издания Лаврентьевской летописи (в 1805—1812 гг.).

Новгородская книга пророков с толкованиямн, писаная попом Упырём Лихим в 1047 г., известная по списку XV века.

Перевод латинской грамматики Доната, сделанный Дмитрием Герасимовым, по прозвищу Толмач, в 1522 г., сохранился в списках — Казанском 1562—1563 г. и (менее исправном) Ленинградской публичной библиотеки, издан акад. И. В. Ягичем, — см. И. В. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, Исследования по русскому языку, изд. Отд. русск. яз. и слов Акад. наук, т. I., СПб., 1885—1895.

Псковская судная грамота, список XVI в. с оригинала XV в., издана в снимке Н. Мурзакевичем, Одесса, 1868, изд. Археогр. комиссии (с фототипич. таблицами), СПб., 1914.

I Псковская летопись, рукопись XVI в.

Слово о полку Игореве, список XVI в., с подлинника XII в., погиб во время захвата Москвы Наполеоном в 1812 г., известен по несовершенной копии XVIII в. и по изданию Мусина-Пушкина «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича», М., 1800.

Домострой, список конца XVI в. в составе Коншинского сборника, хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, издан А. С. Орловым, Чтения Московского общества истории и древностей российских за 1908 г.

Тихонравовская рукопись XVI в., издана И. В. Ягичем, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке.

Судебник царя Федора Ивановича (конец XVI в.), М., 1900.

Сочинения Ивана Пересветова, XVI в., изданы в приложении к книге: В. Ф. Ржига, И. С. Пересветов, публицист XVI в., М., 1908.

Переписка Ивана IV и А. Курбского, известна в списках XVII в. с подлинника XVI в., изд. Археогр. комиссии, П., 1914.
А. М. Курбский, История о великом князе Московском (в ее составе рассказ о взятии Казани), рукопись XVII в., изд. Археогр. комиссии, СПБ, 1913.
Книга большому чертежу, XVII в.
Книга о ратном строении, изд. 1647 г.
Соборное уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 г.
Сказка о Дмитрии Басарге, рукопись 1689 г.
Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, рукопись XVII в., хранится в библиотеке Упсальского университета (в Швеции), изд. Археогр. комиссией, 4 изд., 1906.
Житие протопопа Аввакума, написанное им самим в 1672—1673 гг., изд. Археогр. комиссии, Русская историческая библиотека, т. XXXIX.

Различные грамоты с XIII по XVII век включительно опубликованы в следующих изданиях:

А. А. Шахматов, О языке новгородских грамот XIII и XIV века, СПб., 1886 (в приложении тексты договорных грамот Новгорода с князьями XIII—XIV вв. и некоторых более поздних).
А. А. Шахматов, Исследование о двинских грамотах XV века, СПб., 1903 (в приложении тексты двинских грамот XV в.).
Архив П. М. Строева, ч. I и II, Русская историческая библиотека, т. XXXII и XXXV.
Л. В. Черепнин, Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.—Л., 1950 (здесь и наиболее ранние Московские грамоты, начиная с XIV в.).
Акты Шуйские (XVI и XVII вв.) — Старинные акты, служащие дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей. Собр. В. Борисовым, изд. Яковым Гарелиным, М., 1853.
П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, М., 1950.
Н. А. Соловьев, Сарайская и Крутицкая епархии, вып. 3, М., 1902.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Для примеров из современного русского литературного языка, а также современных русских говоров используется транскрипция на русской основе. Она представлена в основных пособиях по диалектологии, а также по русскому литературному произношению.

Для примеров из древнерусского и старославянского языка (в тех случаях, когда эти примеры не даются в том виде, как они извлечены из памятников), а также для общеславянского языка-основы используется принятая в славянском языкознании транскрипция на латииской основе, опирающаяся на знаки чешского и польского письма.

В этой транскрипции применяются следующие обозначения: *ä*=переднее *а*; *ě*=ѣ; *y*=ы; *ę*=*е* носовое; *ǫ*=*о* носовое; *c*=*ц*; *č*=*ч*; *š*=*ш*, *z*=*з*; *ž*=*ж*, *ł*=твердое *л*; *x*=русское *х*, *h*=фарингальный звонкий фрикативный согласный; долгота гласных обозначена горизонтальной чертой над буквой, например, *ā*=*а* долгое; краткость гласиых обозиачена дугой над буквой, например, *ŏ*=*о* краткое; иеслоговое качество гласного обозначено дугой под буквой, например, *u̯*=неслоговое *у*; слоговое качество согласного обозначено кружочком под буквой, иапример, *r̥*=слоговое *р*; знак ˘ над гласной обозначает ее редуцированиость, иапример, *y̆*=редуцированное *у* (*ы*); мягкость согласных обозначена знаком ʼ. например, *n*ʼ=*н* мягкое; знаки ударений ʹ — акут; ~ циркумфлекс.

Остальные знаки особых разъяснеиий не требуют.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор Н. М. Шанский
Техн. редактор И. А. Моторина

*

Сдано в производство 15/VII—1953 г. Подписано в печать 10/XII—1953 г. Т-09406. Тираж 50 000. Формат бум. 60×92[1]/[16]. Печ. л. 19[1]/[4]. Бум. л. 9[5]/[8]. Уч.-изд. л. 20,2. Изд. № 308. Заказ № 2425. Цена 9 р. 10 к.

*

3-я типография «Красный пролетарий» Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
19	12 св.	смягченнями	смягченными
39	4 сн.	свекрьвь	свекръвь
52	21 св.	χώ̄ραζ	χώ̄ρας
54	5 сн.	*ū > ou*	*ū < ou*
56	10 сн.	*братā*	*братъ*
56	3 сн.	*гот*	гот.
69	21 сн.	*т*	*ъть*
83	1 св.	*-а*	*-о*
97	9 св.	яканьем	аканьем
106	14 сн.	*стали*	*сталы́*
126	3 сн.	нас	насъ
127	4 св.	вас	васъ
135	16 сн.	ꙗ (для женск.)	ю (для женск.)
145	13 сн.	синѥю	синѥи
175	19 св.	*три)*	*) три*
181	4 сн.	*дъвѣ*	*дъва*
229	22 св.	интеративные	итеративные
237	23 сн.	повелѧша	повелѧше
270	16 св.	*sai*	*soi*

Зак. № 2425.

9 р. 10 к.